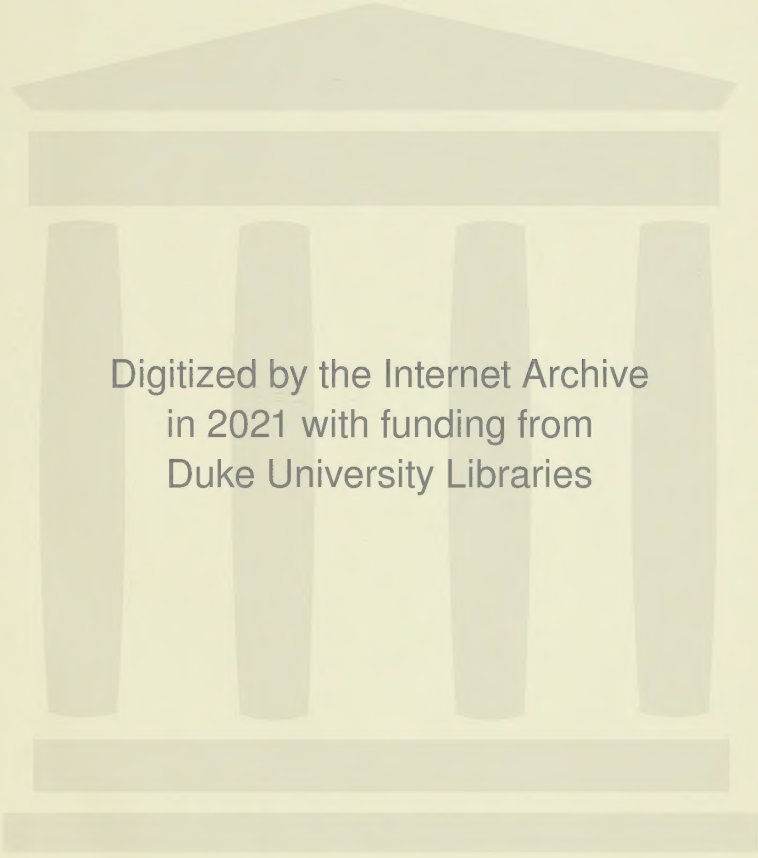
DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY


Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/nasniezhnoiversh01heer

І. Ц. Гееръ

НА СНѢЖНОЙ ВЕРШИНѢ

РОМАНЪ

Переводъ **З. Журавской**

МОСКВА

Heer, Jakob Christoph, 185[illegible] - 192[illegible]

І. Ц. Гееръ.

НА СНѢЖНОЙ ВЕРШИНѢ

РОМАНЪ

Переводъ **З. Журавской.**

1917 г.

МОСКВА.
Типо-литографія Т./Д. „И. Ефимовъ, Н. Желудкова и К°“. Б. Якиманка, 32.

ГЛАВА I.

Торжественный вечерній свѣтъ стоитъ надъ горами. Огненнымъ колесомъ опускается солнце за далекія западныя вершины. Матовымъ серебромъ отливаетъ гладь озера на равнинѣ, которую сумерки постепенно окутываютъ голубоватымъ покровомъ. На берегахъ этого озера сегодня весело праздновали первый день сбора винограда. Я долго смотрѣлъ въ свою подзорную трубу на веселый муравейникъ внизу, на крохотныя фигурки сборщиковъ и сборщицъ винограда, копошившихся въ долинѣ. Теперь всѣ они разошлись по своимъ домамъ и лачугамъ. Тамъ и сямъ блестятъ огоньки; гдѣ огоньковъ много, тамъ ютятся деревушки; гдѣ огоньки слились въ большое свѣтлое пятно, тамъ лежитъ на краю озера большой городъ, Санктъ-Якобъ.

Колокола въ долинѣ съ церковныхъ башенъ призываютъ теперь засыпающій міръ къ молитвѣ. Но въ мое уединеніе на высотѣ не проникаетъ ни единый звукъ. На моемъ утесѣ великая, безпредѣльная тишина.

Я завѣдую Фейерштейнской метеорологической обсерваторіей и не живу жизнью низинъ. Будь я однимъ изъ тѣхъ жалкихъ существъ, которымъ скучно безъ людей, я не поселился бы на горѣ. Но къ человѣческой породѣ и къ жизни людей я приглядѣлся внимательнѣй, чѣмъ другіе, и теперь меня уже не тянетъ въ людской муравейникъ. Тѣ, кому я служу, могутъ быть увѣрены въ томъ, что ихъ метеорологъ не сбѣжитъ съ Фейерштейна. Меня приковали къ высотамъ и взятыя на себя обязанности, которыя мнѣ пришлись по душѣ, и моя хромая нога, которую я ненавижу.

Вотъ ужъ семь лѣтъ, какъ я съ больной ногой, тогда еще не совсѣмъ залѣченной, перебрался сюда, въ изгнаніе, въ обсерваторію. День былъ не изъ легкихъ, и начало моей отшельнической жизни далось мнѣ съ трудомъ. Иной разъ я готовъ былъ ревѣть, какъ быкъ, отъ тоски по людямъ и свѣту. Дьяволъ искушалъ меня: «Бросься внизъ съ этой вершины,—шепталъ онъ,—и я снесу тебя въ залитыя свѣтомъ столицы, гдѣ кипитъ жизнь и любовь. Одно слово—и ты будешь гулять по Via Toledo, упиваясь чарами неаполитанскихъ ночей; одно только слово—и ты окунешься съ головою въ парижскій легкій флиртъ или снова въ Каирѣ будешь вращаться въ кругу пашей и беевъ, окруженный женской благосклонностью. «Орелъ!» будутъ онѣ говорить, улы-

боясь тебѣ,—и на мигъ забывать о добродѣтели, безсильныя устоять передъ твоей улыбкой.

— Ты лжешь, Сатана!—восклицаю я, весь дрожа.—Развѣ въ твоей власти вернуть мнѣ мою Абигаиль, мою жену, прелестнѣйшее созданіе, краше и нѣжнѣе котораго не видала земля».—«Хуже котораго она не видала»,—издѣвается дьяволъ, корча веселую рожу. Я пристально смотрю въ его полные злорадства глаза. Онъ продолжаетъ гримасничать:—«Пусть она себѣ покоится подъ кипарисами, тамъ, у синяго моря, вмѣстѣ со своимъ грѣхомъ». И, прикованный къ мѣсту моимъ взглядомъ, вздрагиваетъ и смолкаетъ... Я взглядываю на свою хромую ногу.—Нѣтъ, я не хочу, чтобъ тѣ, кто видѣлъ меня счастливымъ и гордымъ, въ полномъ расцвѣтѣ моей мужской силы, жалѣли меня теперь, когда я сталъ калѣкой. Я не подниму кубка, который я, пресытившись, самъ отшвырнулъ отъ себя. Мятежное сердце смирилось; мнѣ больше не нужно земныхъ наслажденій.

Но вотъ, лучъ осенняго солнца позолотилъ вершины горъ, и вновь безпокойна, снова въ тревогѣ моя душа. За всѣмъ этимъ сіяньемъ и блескомъ, за яснымъ покоемъ, за радостно просвѣтленнымъ, величаво торжественнымъ вечеромъ года, она чуетъ близость зимы, бѣлой, альпійской зимы, суровой, безжалостной, чуетъ притаившееся непостижимо-глубокое молчаніе, изсушающее, какъ ядъ, соки жизни. И передъ этимъ надвигающимся великимъ и долгимъ безмолвіемъ робѣетъ трусливое сердце.

Какъ я справлюсь съ этимъ убійственнымъ одиночествомъ, которое тянется отъ осени до весны? Какъ одолѣть это молчаніе снѣговъ, чтобъ оно не задушило меня? Вотъ вопросъ.

Мнѣ уже не въ первый разъ приходится зимовать на горахъ; раньше я внимательно слѣдилъ за погодой, составлялъ замѣтки, дѣлалъ довольно цѣнные вклады въ метеорологію. Всякій разъ я передавалъ свои замѣтки метеорологическому обществу въ Санктъ-Якобѣ, всякій разъ ихъ печатали, двое-трое спеціалистовъ отзывались о нихъ съ похвалой; затѣмъ ихъ хоронили въ бездонныхъ шкапахъ библіотекъ. Теперь я уже не въ состояніи заниматься метеорологіей. Приручать мышей—болѣе благодарное занятіе. Но для надвигающейся зимы у меня уже выработанъ планъ, дьявольски соблазнительный, который, чѣмъ дальше, тѣмъ больше улыбается мнѣ. Чтобы не сойти съ ума и не погибнуть на огромномъ зимнемъ кладбищѣ моей вершины, я хочу написать исторію моей жизни, ретроспективный обзоръ того пути, тѣхъ злыхъ и добрыхъ силъ, порывовъ и внѣшнихъ давленій, которые изъ тихаго и робкаго юноши, любившаго всѣмъ сердцемъ свою родину, сдѣлали авантюриста, безпокойнаго бродягу и, въ концѣ-концовъ, чуждающагося людей отшельника горной обсерваторіи.

Да развѣ мнѣ подъ силу будетъ написать такую книгу? Почему же нѣтъ? У меня есть, что сказать—это главное. Кому? Да самому себѣ. Хочу дать отчетъ лишь самому себѣ, но не вамъ, люди глубинъ. Крестьяне и горцы, живущіе вокругъ Фейерштейна, зовутъ меня попросту «мексиканцемъ». И все же, подъ внѣшней

полировкой, подъ тѣмъ налетомъ свѣтскости, который наложили на меня годы моихъ скитаній, они чуютъ во мнѣ своего земляка, свою кровь. И на этомъ строютъ легенды, которыя сами изобрѣтаютъ. Каждому, кто только захочетъ ихъ слушать, они разсказываютъ, будто я, полный раскаянія, искупаю, на своемъ одинокомъ посту надъ міромъ и надъ облаками, злое дѣло, свершенное въ гнѣвѣ и оставшееся безнаказаннымъ, ибо руки земного правосудія оказались для него слишкомъ короткими. По ихъ словамъ, я тотъ самый злополучный горецъ, что въ юныхъ годахъ, на деревенской вечеринкѣ, изъ-за дѣвушки зарѣзалъ ножемъ цвѣтущаго юношу, сосѣдскаго сына, а потомъ, убоявшись суда, бѣжалъ за море, и много лѣтъ спустя, подъ чужимъ именемъ, снова вернулся на родину.

Вся эта исторія не про меня; вѣрно лишь то, что я въ самомъ дѣлѣ здѣшній уроженецъ, и мое теперешнее имя: *Лео Квифортъ*, привезено мной изъ-за моря. Но я не стремлюсь разрушить кровавую легенду, которою окутала меня народная молва: она оберегаетъ дѣйствительную тайну моей жизни, которую я, быть можетъ, унесу съ собой въ могилу.

И если нѣтъ крови на рукахъ моихъ, то все же, въ ночныхъ сновидѣніяхъ, снова горятъ мои зажившія и незажившія раны. Я пилъ изъ полныхъ до края чашъ юности и жизни, и изъ высокихъ и таинственныхъ загадокъ бытія ни одна не держала меня въ оковахъ такъ долго и такъ крѣпко, какъ чудеснѣйшее изъ чудесъ: женская любовь. Въ мужчинахъ я всегда разбирался быстро; въ женщинахъ—никогда. Я страдалъ и заблуждался, иначе я не былъ бы буревѣстникомъ, авантюристомъ, утратившимъ все, даже честное имя своихъ отцовъ. Больше всего страдали изъ-за меня тѣ, кто любилъ меня—Дуглора и Абигаиль. Боюсь, что рука моя дрогнетъ, когда лѣтопись дойдетъ до темныхъ страницъ моей мизни. А вѣдь глава о любви еще не доведена до конца.

Ради моей послѣдней и самой чистой любви я добровольно обрекъ себя на изгнаніе и поселился отшельникомъ на высокой горѣ, въ качествѣ завѣдующаго метеорологической обсерваторіей. Когда я думаю о тебѣ, Готлоба, я чувствую, что я, несмотря на сѣдѣющіе усы, еще далеко не одряхлѣлъ, что сердце мое полно огня и еще можетъ пылать любовью, какъ въ юности. И не годы, а впечатлѣнія пережитаго сдѣлали то, что иной разъ въ мою душу закрадывается ощущеніе старости.

Съ хрипѣньемъ въ груди, съ раздробленной ногой, подобрали меня въ горахъ здѣшніе жители, семь лѣтъ тому назадъ, И долго-долго корчился я на одрѣ страданій въ домѣ крестьянина Мельхи Хангштейнера въ Зельматѣ, внутренне бѣснуясь и отъ физической боли, и отъ мысли, что теперь я калѣка и останусь навѣкъ инвалидомъ. И тутъ моей подругой стала Готлоба, дитя горъ, милая, застѣнчивая тринадцатилѣтняя дѣвочка. Со взглядомъ, хватавшимъ за сердце, со смущенной улыбкой положила она мнѣ на постель горныя дикія розы, алыя, какъ только что расцвѣтшая любовь. Я удержалъ въ своихъ рукахъ робкую смуглую дѣтскую

ручку, которую она нерѣшительно протянула мнѣ, и всей своей жадной душой впился въ ея темные глазки и тонкое личико, пытаясь прочесть въ нихъ. «Да, да—это она», прозвучалъ священный голосъ въ душѣ моей и слезы хлынули изъ глазъ. Она испугалась, но вскорѣ робость передъ чужимъ, тяжко больнымъ человѣкомъ, исчезла, и въ тепломъ взорѣ Готлобы проснулось довѣріе ко мнѣ, распустившееся какъ цвѣтокъ подъ лучами утренняго лѣтняго солнца. И подъ яснымъ взоромъ дѣвочки затихла жестокая боль; растерзанная душа моя стала тиха, какъ улыбка ребенка.

Теперь я ничего уже больше не прошу у жизни, какъ только счастья моей Готлобы.

Разумѣется, тутъ сыграло роль и утомленіе жизнью, но главнымъ образомъ изъ переполнившаго мою душу чувства благодарности небу, пославшему мнѣ эту послѣднюю любовь, я рѣшилъ занять мѣсто завѣдующаго метеорологической обсерваторіей на Фейерштейнѣ. Мой предшественникъ былъ убитъ молніей во время грозы. Отъ времени до времени Готлоба отправляется въ горы навѣстить своего стараго друга. Только два лѣта я не видалъ ея, когда Ханґштейнеръ, по моему настоянію, переселилъ ее изъ родныхъ сосновыхъ лѣсовъ въ городъ Якобъ, чтобы суровое дитя горъ хоть немного узнало жизнь и людей. Она вернулась свѣжей и прелестной, какъ горный цвѣтокъ генціана. Теперь ей двадцать лѣтъ. Изъ лучистыхъ темныхъ глазъ подъ длинными рѣсницами свѣтится чуткая и благородная душа. Въ ней совершенно нѣтъ грубоватости Хангштейнера, но зато безконечно много материнскаго, перешедшаго къ ней отъ красавицы Дуглоры.

Готлоба, дитя, какъ хотѣлось бы мнѣ видѣть тебя! Я увѣренъ, ты готовишь мнѣ радость—въ одинъ изъ послѣднихъ дней осени ты придешь ко мнѣ, поднимешься въ мою обсерваторію своей легкой походкой, словно плывущей по воздуху. Въ хижинѣ отшельника зазвучатъ твой смѣхъ и звонкая пѣснь твоей молодости. Мы снова будемъ болтать, какъ прежде. И, когда ты уйдешь, я ужъ не стану бояться зимы: я стойко буду бороться со злыми духами одиночества и спокойно ждать, пока весна съ цвѣтами и птичьими пѣснями снова вскарабкается на зубцы моихъ вершинъ, а до того писать исторію моей жизни.

Готлобу проводитъ ко мнѣ молодой учитель изъ Зельмата Гансъ Штюнци. Онъ тоже чудеснѣйшій малый.

Тоскуя по этимъ двумъ милымъ людямъ, я вышелъ изъ своей хижины, прилѣпившейся къ стѣнѣ утеса, и поднялся по подземной лѣстницѣ, ведущей въ домикъ на самой вершинѣ, гдѣ помѣщается вѣтромѣръ. Подобно голосу ѳиванскихъ статуй, звучала желѣзная пирамида тригонометрическаго сигнала на шпицѣ подъ напоромъ ночного вѣтра. Отвернувшись отъ широкаго, вольнаго міра холмовъ, озеръ, деревень, виноградниковъ и фруктовыхъ садовъ, который днемъ тянется на огромное пространство вплоть до послѣдней голубой полоски на сѣверѣ, ночью же бле-

стить, какъ коверъ изъ электрическихъ огоньковъ, я съ высоты Фейерштейна смотрѣлъ въ долину, въ мрачное ущелье, зажатое между горами. Три—четыре группы огоньковъ на темномъ фонѣ. Это—Зельматъ.

Въ хорошую погоду и для здоровыхъ ногъ достаточно трехъ часовъ, чтобы спуститься въ это ущелье. Что это мнѣ вдругъ пришло въ голову? Не хочу я спускаться: я живу и умру на горѣ; а тамъ, снесутъ ли меня окрестные жители внизъ и похоронятъ, какъ всѣхъ на кладбищѣ, или же выдолбятъ мнѣ могилу въ скалахъ Фейерштейна—это мнѣ безразлично. Въ тѣ далекія времена, когда народъ еще зажигалъ жертвенные огни передъ алтарями своихъ боговъ, моя вершина была священной горой, на которой жрецы зажигали молитвенные костры. Оттого и зовется она Фейерштейномъ—Огненнымъ камнемъ. За тысячу лѣтъ не настолько же она утратила свою святость, чтобы нельзя было меня похоронить на этой горѣ.

Изъ Зельмата люди привычные, въ родѣ моей Готлобы и молодого учителя, въ теченіе четырехъ часовъ легко поднимаются до самой вершины.

Гансъ Штюнци дѣйствительно толковый молодой человѣкъ, съ размахомъ, широкая натура. У него множество проектовъ и плановъ, и только бѣдность и скромность его положенія связываютъ ему крылья и мѣшаютъ занять видное мѣсто за большимъ станкомъ жизни. Помимо своего учительства онъ завѣдуетъ почтой и телеграфомъ въ Зельматѣ; онъ же ведетъ наблюденія надъ погодой въ долинѣ, по порученію горной метеорологической обсерваторіи, и снабжаетъ меня провизіей; кромѣ Готлобы, это единственный человѣкъ, который глубоко мнѣ преданъ и заботится обо мнѣ искренне и сердечно. Два года тому назадъ, зимою, когда лавиной повредило проволоки, соединяющія меня съ Зельматомъ, и я оказался отрѣзаннымъ отъ міра, кто черезъ два дня, съ опасностью жизни и нечеловѣческими усиліями, добрался до забытаго Богомъ и людьми, не убоявшись свирѣпости бурь? Онъ, мой юный герой, мой Гансъ Штюнци. Онъ принесъ мнѣ новогодній привѣтъ отъ Готлобы и вѣсти изъ живого міра, газеты и письма. Какая это была нежданная радость! Этого я ему никогда не забуду.

Презабавный онъ—Гансъ Штюнци. Въ его выразительныхъ глазахъ я читаю вопросъ: «Что вы за необыкновенный такой человѣкъ, что къ вамъ приходятъ вѣсти изъ самыхъ дальнихъ странъ и на невѣдомыхъ языкахъ»? Но выговорить этотъ вопросъ онъ не рѣшается. Его скромность такъ же велика, какъ его мужество; кромѣ того, изъ разсказовъ Готлобы я знаю, что онъ всегда старается защитить меня отъ подозрѣній, созданныхъ народной фантазіей, силящейся разгадать тайну моего прошлаго. Загадочность, окружающая меня, дѣйствуетъ и на его воображеніе, и я убѣжденъ, что онъ пытается разгадать, кто я такой и откуда, но добросовѣстно и безъ подозрительнаго отношенія ко мнѣ. И несмотря на то, что я заставляю его ломать голову надъ моей загадочностью, онъ въ каждый данный моментъ готовъ

для меня пройти сквозь огонь и лавины. Лео Квифортъ! Онъ даже имени моего не можетъ выговорить безъ того, чтобы лицо его не озарилось радостью.

Милый мой любопытный Гансъ Штюнци! Тебѣ стоило бы только перейти изъ школы въ тотъ домъ, гдѣ живетъ Готлоба, и Мельхіоръ Хангштейнеръ, отецъ ея, могъ бы разсказать тебѣ, кто я и что я. Но этотъ сильный своей простотой человѣкъ молчаливъ, какъ здѣшнія скалы: онъ скорѣе дастъ крышѣ обрушиться и задавить его, чѣмъ выдастъ то, что охраняетъ покой его жизни.

И я долженъ молчать изъ-за Мельхи Хангштейнера. Я не люблю его, я его ненавижу; но его покойной женѣ, такъ много выстрадавшей матери Готлобы, я поклялся всѣмъ, для меня святымъ, что я не внесу смятенія въ домъ его и не сдѣлаю его несчастнымъ. Только въ двухъ случаяхъ листы моей исповѣди могутъ попасть въ руки къ тебѣ, Гансъ Штюнци, разрѣшивъ, наконецъ, загадку, окружающую для тебя мою личность. Если Мельхи Хангштейнеръ умретъ раньше меня, я въ правѣ буду говорить свободно; но было бы безбожно изъ-за этого желать, чтобъ онъ умеръ раньше меня. Другая возможность—та, что я, запечатавъ въ конвертъ эту рукопись, передамъ ее на храненіе въ судъ, распорядившись, чтобы ее передали тебѣ, послѣ того какъ оба мы, Хангштейнеръ и я, уйдемъ изъ этого міра. Тебѣ мнѣ хотѣлось бы разсказать свою жизнь.

Нѣтъ, теперь еще рано распоряжаться судьбой этихъ листковъ: сначала надо, чтобъ исповѣдь была закончена. Писать, писать—это единственное, къ чему меня тянетъ. Но полночь легкими стопами уже восходитъ на горы; надъ ними уже расцвѣли дивными цвѣтами звѣзды на затихшемъ небѣ, и мнѣ не хотѣлось бы теперь вызывать мертвецовъ изъ могилъ. Я не стану будить ни тебя, матушка, ни тебя, отецъ, ни бѣдную Дуглерле, ни прекрасную Абигаиль, сказку моей жизни, которая покоится теперь подъ пиніями на морскомъ берегу. Спите, усопшіе, спите и вы, живые!

Всему, что живетъ и дышетъ, и прежде всѣхъ моей дорогой Готлобѣ желаетъ пріятныхъ сновъ метеорологъ Іостъ Вильди.

ГЛАВА II.

Я родился въ маѣ и впервые увидалъ утесы Фейерштейна алѣющими въ свѣтѣ занимающагося дня. Маленькимъ мальчикомъ я часто нетерпѣливо желалъ, чтобы солнце скорѣе спустилось съ горныхъ вершинъ въ долину и согрѣло бы мои ноги, мокрыя отъ холодной росы луговъ.

Моя родина—вотъ половина моей тайны уже и раскрыта—Зельматъ; я родился въ той деревушкѣ, что пріютилась въ глубокомъ ущельѣ.

Правда, тѣ дома, изъ оконъ которыхъ теперь по вечерамъ тянутся ниточки свѣта наверхъ къ Фейерштейну, не видали моего дѣтства и юности.

Болѣе обширный старый Зельматъ, въ которомъ я выросъ, погибъ страшной смертью. Иначе я не былъ бы ни авантюристомъ, ни метеорологомъ, и не сталъ бы до того всѣмъ чужимъ на родинѣ, что только одинъ человѣкъ, Мельхи Хангштейнеръ, знаетъ, кто я на самомъ дѣлѣ.

Итакъ, я не Лео Квифортъ. Это—мексиканское имя; я—Іостъ Вильди, сынъ крестьянина и торговца шиферомъ, Клауса Вильди, и его законной жены, Отиліи Рейнбергеръ изъ Зельмата.

Хотя Зельматская долина отдѣлена лишь утесами и крутизнами отъ плодородныхъ и густо населенныхъ холмовъ и равнинъ, все же это глухое и дикое мѣстечко, затерянное въ горахъ. Цѣлыхъ полдня пути уходитъ только на то, чтобы пройти ущелье, извивающееся вокругъ отроговъ Фейерштейна; а дальше идетъ крутой и неровный подъемъ, вдоль Зелаха, шумнаго горнаго потока. И вотъ тутъ-то, гдѣ привѣтствуютъ другъ друга молочно-бѣлые ручьи, сбѣгающіе съ горъ, лежала среди сочныхъ зеленыхъ луговъ деревня Зельматъ, и надъ ея широкими, тесовыми крышами, отягченными камнями и потемнѣвшими отъ солнца и вѣтра, высился бѣлый и стройный силуэтъ церковной колокольни съ краснымъ куполомъ.

Мой отцовскій домъ, выходившій всѣми окнами на солнце, на большую площадь, на церковь, на обвитый плющемъ домъ пастора и темнѣющій позади его, сосновый лѣсъ, былъ однимъ изъ самыхъ старыхъ и красивыхъ домовъ въ этой долинѣ. На балкѣ, подпиравшей фронтонъ, уже лѣтъ двѣсти красовалась надпись:

Dieses Haus gehört jetzt mein,
Bald wird es einem andern sein,
Meine Wohnung ist dann der Totensarg,
Drum sei mit deiner Liebe nicht karg [1]).

Очевидно, среди моихъ предковъ былъ человѣкъ вдумчивый, съ серьезнымъ взглядомъ на жизнь. Древнѣйшія воспоминанія нашего рода были связаны съ живописнымъ, могучимъ кленомъ, на-половину зеленымъ, на-половину уже засохшимъ, который росъ передъ нашимъ домомъ на площади и, по народному преданью, существовалъ уже болѣе тысячи лѣтъ.

«Въ тѣ далекія времена, когда и мужчины носили женскія юбки»—разсказывалъ Каспаръ Имоберштегъ, почтенный школьный учитель нашей деревни,—«и когда христіанская вѣра еще не была очищена святой реформаціей, на горныхъ плато и въ пещерахъ Фейерштейна еще водились дикіе люди, запальчивые, необузданные, но красивые и ловкіе люди. Мужчины—рослые и сильные, женщины—хорошенькія, маленькія и нѣжныя, ростомъ

---

[1]) Домъ этотъ сейчасъ принадлежитъ мнѣ,—завтра онъ будетъ принадлежать другому,—моимъ жилищемъ тогда будетъ могила,—поэтому не скупись своей любовью.

не больше ребенка, и притомъ такія пугливыя, что изъ обыкновенныхъ людей рѣдко кому удавалось ихъ видѣть. Дикіе люди были закоренѣлыми язычниками и наканунѣ Иванова дня устраивали праздники и зажигали костры на Фейерштейнѣ въ честь своихъ боговъ. Подъ конецъ праздника они спускались, мужчины—въ красныхъ, женщины—въ бѣлыхъ юбкахъ, которыхъ въ другое время они не носили, съ горъ въ долину, подъ звуки волынокъ, дудокъ и барабановъ, и плясали отъ солнечнаго заката до солнечнаго восхода подъ большимъ кленомъ, что растетъ посреди площади въ Зельматѣ. Въ Иванову ночь въ Зельматѣ вовсе не звонили въ колокола — на это и на пляску вокругъ клена дикіе люди выговорили себѣ право во время эпидеміи моровой язвы, когда каждый день умирало множество людей, въ награду за услугу, которую они оказали жителямъ долинъ, сообщивъ имъ, что бобровая трава помогаетъ отъ черной смерти. Но своими языческими праздниками они только гнѣвили Бога, и Онъ ихъ наказывалъ тѣмъ, что въ сравненіи съ мужчинами женщинъ у нихъ было слишкомъ мало. Былъ среди нихъ одинъ молодой и красивый юноша, по имени Вильдивельди, и не нашлось для него пары для пляски подъ кленомъ. Огорченный и грустный шелъ онъ въ концѣ процессіи, поднимавшейся на разсвѣтѣ изъ деревни обратно въ горы. «Вильдивельди!—окликнула его въ окно одна зельматская дѣвушка, вставшая въ этотъ день до свѣту раньше другихъ.—Хочешь быть моимъ, Вильдивельди? я буду танцовать съ тобою цѣлыми днями». И Вильдивельди, оставивъ своихъ, пошелъ къ дѣвушкѣ и, такъ какъ она была хоть и не дикая женщина, но милая и красивая, онъ совсѣмъ остался жить въ деревнѣ. И дѣвушка эта уже почтенной старушкой всегда увѣряла, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ ничего милѣй ея Вильдивельди. Отъ него и повелся родъ Вильди».

Такъ разсказывалъ мнѣ Каспаръ Имоберштегъ, школьный учитель. А то, чего онъ мнѣ не разсказывалъ, мнѣ и самому было извѣстно, — а именно, что всѣ потомки дикихъ людей слыли среди горцевъ особенно вспыльчивыми, способными и живыми людьми и любимцами женщинъ. Сколько помню я себя, всегда втайнѣ гордился, что я — одинъ изъ потомковъ Вильдивельди.

Но въ жилахъ моего отца кровь нашего рода, какъ будто, остыла и текла уже медленнѣе. Когда я узналъ его—мнѣ шелъ тогда, если не ошибаюсь, третій годъ,—онъ изъ перваго танцора въ горахъ успѣлъ уже превратиться въ угрюмаго и, по отношенію ко мнѣ, почти слишкомъ строгаго человѣка, поглощеннаго своими безрадостными мыслями и заботой о деньгахъ, рѣдко заглушаемой добрымъ порывомъ. И потому я радовался, когда онъ, въ качествѣ странствующаго торговца, уходилъ на всю зиму отъ меня и отъ матери.

Аспидныя доски и грифеля изъ зельматскаго шифера славились тогда по всему міру. Отецъ долго и обстоятельно готовился къ своимъ зимнимъ скитаніямъ. За нѣсколько дней до отъѣзда суровость его смягчалась: онъ становился добрѣе со

мною и матерью, и такъ безконечно отрадно было услыхать иногда изъ этихъ суровыхъ устъ слово ласки.

Снаряжаясь въ путь, онъ всякій разъ одѣвался въ платье изъ плотнаго грубаго темно-коричневаго сукна, которое ткутъ въ горахъ, въ круглую войлочную шляпу съ длиннымъ, гладкимъ, блестящимъ волосомъ; красный шейный платокъ и высокіе сапоги, подбитые большими гвоздями, дополняли его нарядъ. Къ этому присоединялись еще узловатая палка съ желѣзнымъ наконечникомъ и ранецъ, обтянутый кожей сурка, пристегивавшійся къ поясу на ремняхъ. Шелъ онъ, какъ будто и не спѣшнымъ, размѣреннымъ шагомъ, но такъ быстро, что мнѣ все время приходилось бѣжать въ припрыжку, чтобъ поспѣвать за нимъ, когда онъ позволялъ мнѣ проводить его до Цвейбрюкена. Это случалось въ теченіе моего дѣтства раза два, не больше.

О дѣлахъ своихъ отецъ со мною не разговаривалъ. Ему вовсе не хотѣлось, чтобы меня потянуло въ далекій міръ. Наоборотъ, онъ часто говаривалъ: «Твоя участь будетъ завиднѣй моей. Ты сможешь всю жизнь прожить земледѣльцемъ Зельматской долины».

Лишь только кончится уборка золотого, невысокаго жита, растущаго на горныхъ нивахъ, лишь только его обмолотятъ и свезутъ въ закрома, какъ заканчиваетъ жизнь въ шиферныхъ копяхъ. Уже заготовленныя аспидныя доски и грифеля цѣлыми тюками везутъ въ Цвейбрюкенъ, стоящій въ концѣ Зельматской долины, тамъ, гдѣ Зелахъ впадаетъ въ болѣе широкій горный потокъ Бальгенахъ. Въ Цвейбрюкенѣ былъ сборный пунктъ всѣхъ разносчиковъ. Еще до свѣту, при звѣздахъ, мы съ отцемъ шли въ Бальгенахъ, гдѣ зельматскіе шиферные товары грузили на длинныя узкія лодки, почти цѣликомъ уходившія подъ тяжестью ихъ въ кипящую бѣлую пѣну. Лодки всегда были новыя, такъ какъ, разъ спущенныя съ горъ въ долины, онѣ уже не возвращались назадъ: послѣ выгрузки въ Кельнѣ или въ какомъ-либо иномъ городѣ, ихъ продавали рыбакамъ.

На прощанье отецъ такъ крѣпко сжималъ своей костлявой рукой мою руку, что, еслибъ не стыдно, я бы вскрикнулъ отъ боли. «Іостъ, Іостъ! не забывай молиться. Кланяйся матери и слушайся ея. Веди себя хорошенько, а не то, когда я къ Пасхѣ вернусь домой»... Наставительная рѣчь прерывалась выразительнымъ угрожающимъ жестомъ. «Ну, будь здоровъ, Іостъ».

Изъ-подъ загнутыхъ впередъ рѣсницъ глаза его стискивали меня точно клещами. Послѣ этого, болѣе внушительнаго, чѣмъ нѣжнаго прощанія, онъ вскакивалъ въ одну изъ лодокъ, и она, отдѣлившись отъ берега, уплывала внизъ по теченію. Словно въ безмолвной молитвѣ прощаясь съ родиной, отецъ стоялъ на кормѣ безъ шляпы, обративъ смуглое лицо къ Зельматскимъ горамъ. Высоко вдали сверкали въ лучахъ разсвѣта ледники и снѣговыя поля. Я смотрѣлъ вслѣдъ отъѣзжающимъ, и мнѣ было грустно, почти до слезъ.

Съ какою радостью я пошелъ бы странствовать вмѣстѣ съ отцомъ!

Но онъ никогда не позволялъ проводить его даже до Гагенбурга, небольшого городка въ двухъ часахъ ѣзды отъ Цвейбрюкена. Да и самъ я не рѣшился бы просить его объ этомъ.

Съ моей матерью, Оттиліей Рейнбергеръ, отецъ познакомился въ далекой Рейнской области. Она была дочерью зажиточныхъ крестьянъ, у которыхъ онъ обыкновенно останавливался. Но въ крѣпколобыхъ крестьянскихъ головахъ его родителей крѣпко засѣло убѣжденіе, что уроженецъ Зельмата можетъ найти счастье въ бракѣ только со своей односельчанкой, и они слышать не хотѣли о невѣстѣ изъ чужихъ дальнихъ краевъ. Вспыльчивый и крутой правомъ юноша пришелъ отъ упорства родителей въ такую ярость, что хотѣлъ застрѣлиться; школьный учитель Каспаръ насильно вырвалъ у него изъ рукъ ружье. Онъ разссорился съ родителями и, обвѣнчавшись безъ ихъ согласія, привезъ въ Зельматъ молодую жену.

Мать моя была хорошенькая, привлекательная, милая женщина, но у насъ въ деревнѣ ея рейнскаго говора не понималъ никто кромѣ отца; сама она такъ никогда и не выучилась говорить на горномъ нарѣчіи, и ея веселый, звонкій смѣхъ, сначала покорявшій сердца, въ горахъ скоро утратилъ свой серебристый звукъ. Разлука съ родиной и близкими, смерть родителей, которыхъ она такъ больше и не видала, опечалили юную ея душу. Она радостно и съ полнымъ довѣріемъ послѣдовала за любимымъ человѣкомъ въ его родныя горы, но эти высокія горы, упирающіяся чуть не въ самое небо, грозный шумъ горныхъ потоковъ, угрюмость и неуклюжесть нашихъ крестьянъ—все это пришлось ей не по сердцу. Она не могла почувствовать себя дома въ Зельматѣ, а на деревнѣ, если и не относились къ ней враждебно, то не понимали ея, и для зельматцевъ она навсегда осталась чужой. «Что бы я ни дѣлала, зельматцамъ мнѣ все равно не угодить»,—улыбаясь, жаловалась моя мать, но при этомъ слезы выступали у нея на глазахъ.

Больше всего страдала она зимой, когда въ горныя долины почти не заглядываетъ солнце, безсильное подняться надъ горнымъ хребтомъ. Когда ему, наконецъ, удавалось это сдѣлать—обыкновенно это бывало въ одиннадцать часовъ утра,—лучи его черезъ «Срѣтенское Кольцо», большое, естественное отверстіе въ одной изъ горныхъ вершинъ, падали прямо на куполъ и колокольню Зельматской церкви. И, какъ только, бывало, засверкаетъ въ лучахъ его мѣдный шарикъ на шпицѣ колокольни, мы, мальчишки, бѣжимъ по деревнѣ и кричимъ во все горло: «Солнце, солнце!» И обрадованныя хозяйки охотно награждали насъ за эту добрую вѣсть пригоршнями сушеныхъ плодовъ.

Но ни одна женщина не радовалась такъ, какъ моя мать. Съ изумленной улыбкой она говорила: «Такъ значитъ и вправду, Божье солнышко свѣтитъ иногда и въ эту долину. Благодареніе Богу!». Она вставала изъ-за прялки—невысокая, но сильная, съ красиво округленной фигурой—подходила къ низкимъ окнамъ, чтобы самой убѣдиться въ радостномъ чудѣ,—и, когда солнце заглядывало и въ наши окна, она простирала руки къ трепет-

ному золотому лучу, словно хотѣта согрѣться. А я не сводилъ глазъ съ ея милаго лица, въ которомъ яркія краски такъ трогательно оттѣнялись морщинками затаеннаго горя.

Это затаенное горе мать, всегда тихая и замкнутая, умѣла скрывать ото всѣхъ; но меня она иной разъ молила: «Іостъ, да поговори же ты со мной хоть немного на нашемъ рейнскомъ нарѣчіи. Ребенкомъ ты такъ хорошо говорилъ на немъ». А я изъ глупаго мальчишескаго упорства, не хотѣлъ доставить ей этой маленькой радости, и не трогался его огорченнымъ, разочарованнымъ взглядомъ.

Но когда она, сидя за прялкой, съ сіяющими глазами разсказывала мнѣ про свою родину, я, сидя на скамеечкѣ у ея ногъ, готовъ былъ часами слушать ее.

«На скалѣ надъ Рейномъ, возлѣ церкви, подъ липами, стоитъ домъ съ высокимъ фронтономъ, въ которомъ жили мои родители. На крышѣ его аистъ построилъ гнѣздо. Длинноногій, съ лягушкою въ клювѣ прилетаетъ онъ съ другого берега покормить своихъ птенцовъ. А передъ домомъ бесѣдка, которая осенью вся увѣшана золотистыми кистями винограда. Въ этой бесѣдкѣ мы съ сестрами больше всего любили сидѣть; оттуда открывается такой красивый видъ на рѣку. По Рейну плывутъ корабли, изукрашенные веселыми, пестрыми флагами, большія суда и маленькіе челноки, похожіе на лебедей. По праздничному разодѣтые люди машутъ платками, посылаютъ привѣты и перекликаются съ берега на берегъ, и надъ всею рѣкою звенятъ людской говоръ и пѣсни». Такъ говорила мнѣ мать.

И изъ ея разсказовъ вставали яркія картины далекаго міра, который умышленно пряталъ отъ меня отецъ. Перекрещиваясь съ его планами, онѣ наполняли голову юноши, котораго онъ предназначалъ къ жизни пахаря-горца, непонятнымъ томленіемъ и странной тоской по далекому.

Но мать не могла прижиться въ Зельматѣ; она не жаловалась, но ея жизнерадостная веселость скоро смѣнилась кроткой покорностью; она стала худѣть и блѣднѣть, ея густые свѣтло-каштановые волосы порѣдѣли, румяное лицо стало унылымъ и печальнымъ. Огорченный и разсерженный тѣмъ, что суровая дѣйствительность какъ бы оправдывала опасенія его родителей относительно выбора невѣсты, отецъ и самъ ожесточился, замкнулся въ себѣ и нерѣдко бывалъ несправедливъ со мною и съ матерью.

Онъ не умѣлъ разогнать ея тоску добротой и любовью; только разъ въ году удавалось ему доставить ей радость — на Пасхѣ, когда онъ, возвращаясь въ Зельматъ, приносилъ ей привѣты отъ далекаго Рейна, отъ братьевъ и сестеръ, и цвѣточныя сѣмена ей въ подарокъ. И все короткое горное лѣто у насъ на подоконникахъ и въ нашемъ палисадникѣ роскошно цвѣли левкои и розы, гвоздики и примулы, хоть отчасти прикрывая своей пышной красою сердечный трауръ «чужой», жившей подъ нашимъ кровомъ.

Но радость свиданія была кратковременной: отецъ снова ста-

новился угрюмъ и ворчливъ. Прежде чѣмъ взяться за земледѣльческія работы, онъ разузнавалъ по деревнѣ, не освободился ли гдѣ кусокъ пашни, луга или лѣса, который можно было бы пріобрѣсти за сходную цѣну. И каждый разъ, какъ представлялся подобный случай, отецъ тратилъ всѣ свои сбереженія на покупку пахотной или садовой земли, которой въ Зельматской долинѣ было не очень-то много.

Удачную покупку обыкновенно шли вспрыскивать въ «Сернѣ», единственномъ въ Зельматѣ трактирѣ, а, такъ какъ трактирщикъ былъ одновременно и деревенскимъ пекаремъ, у котораго всѣ покупали хлѣбъ, когда своего не хватало, то въ эти дни нерѣдко заглядывалъ въ кабачекъ и я съ Дуглёрли, дочкой сосѣда, школьнаго учителя. Развеселившійся отецъ приглашалъ и насъ, дѣтей, закусить, и мы съ Дуглерли присаживались къ столу, за которымъ сидѣли зельматскіе крестьяне въ черныхъ островерхихъ шапкахъ и съ трубками въ зубахъ, за стаканомъ дарового вина, которымъ, по обычаю, угощалъ покупатель, обстоятельно обсуждая разныя деревенскія дѣла.

— Слушай-ка, Клаусъ,—говорилъ, завистливо косясь на отца, нашъ родственникъ, старый крестьянинъ,—съ чего это ты гоняешься такъ за землей, какъ нечистый за человѣчьими душами. И кто другой, можетъ быть, охотно бы прикупилъ кусочекъ, да гдѣ ужъ тутъ: не успѣешь собраться, какъ, гдядишь, ты уже наложилъ свою лапу.

Отецъ высокомѣрно сверкнулъ глазами и отвѣчалъ, насмѣшливо и хитро улыбаясь:—Года два назадъ, братецъ, я бы тебѣ этого не сказалъ, но теперь, когда у меня скоро будетъ достаточно для моихъ плановъ и пашни, и лѣса, пожалуй, можно и раскрыть мои карты и тебѣ, и другимъ. Наша зельматская торговля аспидными досками и грифелями идетъ на убыль: теперь и въ другихъ странахъ стали добывать шиферъ, и чужеземные торговцы поставляютъ за ту же цѣну лучшій товаръ, чѣмъ у насъ. Я правду тебѣ говорю. Старые покупатели, многолѣтніе, и тѣ отпадаютъ отъ насъ. Въ Мюнстерѣ, въ Вестфаліи у меня лежитъ до двухъ тысячъ непроданныхъ досокъ. Ежели бы удалось напасть въ горахъ на новый богатый слой шифера, какимъ мы раньше владѣли,—ну, еще можно было бы кой-какъ конкурировать съ иноземными торговцами; но сейчасъ у насъ въ Зельматѣ хорошаго шифера нѣтъ, и торговля наша стала самая нищенская. Вотъ тебѣ, братецъ, и разгадка, почему я вотъ уже нѣсколько лѣтъ все прикупаю земли. Надо же намъ съ мальчишкой чѣмъ-нибудь заняться, когда на доскахъ и грифеляхъ ничего уже нельзя будетъ больше заработать.

Ошеломленные крестьяне, жадно слушавшіе его, притихли и нѣкоторое время сидѣли молча, съ раскрытыми ртами. Правда, отецъ Дуглёрли, школьный учитель, пытался ихъ подбодрить, увѣряя, будто отецъ рисуетъ все въ мрачныхъ краскахъ и что, пока свѣтъ стоитъ, люди будутъ покупать зельматскіе аспидныя доски и грифеля. Но увѣренности въ словахъ его не было, и

растерявшіеся зельматцы сами знали, что въ словахъ отца относительно упадка ихъ промысла много правды.

Старый Веттерманъ почесалъ у себя за ухомъ и положилъ трубку на столъ.—Чортъ возьми!—выговорилъ онъ,—да вѣдь это въ родѣ какъ смертный приговоръ для нашей деревни. Насъ тутъ въ Зельматѣ 214 душъ, а земледѣліемъ не прокормиться и пятидесяти. Если станется такъ, какъ говоритъ Клаусъ, намъ будетъ крышка. Но только мнѣ не вѣрится этому.

— Думайте, какъ хотите,—сухо возразилъ мой отецъ. Тутъ вмѣшались въ разговоръ и другіе крестьяне, высказывая каждый свои опасенія. Былъ тамъ одинъ задорный парень, сидѣвшій не вмѣстѣ со всѣми, а за отдѣльнымъ столомъ, разложивъ локти на столѣ, передъ стаканомъ водки. Онъ, непрошенный, вмѣшался въ разговоръ, громко и рѣзко воскликнувъ: «Эй вы, зельматцы! Что вы тамъ хлопочите о пашняхъ? Вотъ когда-нибудь обрушится шиферная гора на ваши головы—тогда на васъ на всѣхъ земли хватитъ». И послѣ такихъ безбожныхъ словъ заржалъ отъ смѣха.—«Что ты такое говоришь»?—загудѣли крестьяне, грозя ему кулаками. Парень допилъ свой стаканъ и ушелъ.—«Да вѣдь это кто говоритъ-то! Ежели бы путный человѣкъ, а то бродяга, негодяй»,—заговорили нѣкоторые. Но лица крестьянъ, словно изъ камня высѣченныя, были блѣдны, какъ мѣлъ, отъ пережитаго испуга, и въ горницѣ стало такъ тихо, что можно было слышать, какъ пролетитъ муха. Когда всѣ немного поуспокоились, нашъ деревенскій писарь замѣтилъ: «Положимъ, человѣкъ это, дѣйствительно, непутевый, но все же старшинамъ не мѣшало бы обсудить вопросъ, не грозитъ ли и вправду шиферная гора опасностью нашей деревнѣ. Объ этомъ слухъ теперь идетъ по всей округѣ; только прямо сказать никто не рѣшается». Нашъ родственникъ набожно возвелъ очи горѣ и вздохнулъ:—«А я такъ думаю, что надо бы намъ всѣмъ почаще ходить въ церковь. Никто, какъ Богъ. Въ бѣдѣ и въ опасности, Онъ будетъ заступникомъ намъ, зельматцамъ».

— Да ужъ ладно,—задумчиво замѣтилъ мой отецъ —Богъ—само собой, а хорошія подпоры тоже не повредятъ. И зоркіе глаза тоже, чтобы видѣть, какъ обстоитъ дѣло съ ручьями и подземными водами въ шахтахъ». Двое—трое крестьянъ кивнули головами, но хозяинъ «Серны», стоявшій возлѣ гостей, въ удобной позѣ, широко разставивъ ноги, принужденно засмѣялся: «Вотъ такъ славныя дѣла! Значитъ, годика черезъ два, у насъ будетъ такой рудникъ, отъ котораго пользы населенію ни на грошъ, а подпоры въ него между прочимъ ставь и ставь, не то, чего добраго гора завалится на деревню.

Крестьяне говорили и говорили безъ конца на эту тому; я весь превратился въ зрѣніе и слухъ. Тутъ только отецъ замѣтилъ, что я все еще сижу возлѣ Дуглерли и прогналъ меня домой. Я убѣжалъ, а за мной и моя маленькая подруга.—Боже мой, какъ я боюсь!—прошептала дѣвочка и вздохнула такъ потѣшно, словно большая. И, не простившись со мной, побѣжала къ матери.

Я же никакъ не могъ отдѣлаться отъ мысли о слышанномъ. Теперь я зналъ, почему отецъ не хочетъ, чтобъ я торговалъ аспидными досками, а желаетъ сдѣлать изъ меня земледѣльца, и видѣлъ, что отецъ—малый не промахъ; но все это отступало на задній планъ передъ чудовищной мыслью, что наша шиферная гора грозитъ ежечасной опасностью Зельмату. Это внесло въ мою жизнь что-то новое, чуждое, большое и тягостное.

Это было, пожалуй, самое значительное событіе моего дѣтства... Нѣтъ: еще сильнѣй поразила меня, два года спустя, смерть моей матери. Если душа ея живетъ гдѣ-нибудь на свѣтлой далекой звѣздѣ, пусть эта ночь снесетъ ей мой привѣтъ.

«Мама! милая мама! какъ охотно теперь твой мальчикъ говорилъ бы съ тобой на рейнскомъ нарѣчіи! И твой родной домъ на берегу Рейна, милая мама, я видѣлъ своими глазами».

Я растворилъ окно. Ночной вѣтерокъ шевелитъ мои волосы, и я убаюкиваю себя сладкою мыслью, что это ласковая рука гладитъ меня по головѣ—рука моей матери.

ГЛАВА III.

За шумнымъ Зелахомъ, съ его зелеными и бѣлыми брызгами пѣны, съ закрытымъ мостомъ, переброшеннымъ черезъ него, круто, почти отвѣсно высится Столовая или Шиферная гора—предверіе еще болѣе величественнаго Фейерштейна. Сѣрая и угрюмая, какъ развалины гигантскаго замка, поднимается она надъ полями жита, льна и картофеля, покрывающими солнечный склонъ Зельматской долины. Корявыя, приземистыя, однобокія сосны и ели пріютились въ расщелинахъ скалъ. На половинѣ высоты Фейерштейна Столовая гора образуетъ небольшое плато, съ котораго, точно съ высокаго балкона, весело и привѣтливо смотрятъ въ долину темные шалаши и плетни и давно уже нѣжатся въ солнечномъ свѣтѣ, въ то время какъ деревня еще тонетъ въ синей, прохладной тѣни. Это горная пажить Боденъ, лучшая въ Зельматской общинѣ,—длинный, почти ровный выступъ, на которомъ все лѣто пасутся стада.

За Столовой горой возноситъ свою гордую вершину Фейерштейнъ; красноватые, теплые тона камня отчетливо выдѣляются на фонѣ небесной синевы. Это природная метеорологическая обсерваторія, которая встрѣчаетъ первый солнечный лучъ и еще горитъ въ лучахъ заката, когда на прочихъ горахъ свѣтъ ужъ погасъ; это пріютъ сказки, въ глазахъ народа что-то таинственное и священное. Уже и въ то время, лѣтомъ, нерѣдко бывало, что туристы приходили въ Зельматъ, останавливались на ночь въ «Сернѣ» и до свѣту совершали восхожденіе на гору. Тогда еще не было метеорологической станціи на вершинѣ Фейерштейна, но горные жители и тогда, по разнымъ примѣтамъ, предугадывали по немъ погоду и не начинали ничего, не взглянувъ предварительно на вершину Фейерштейна. Я и ребенкомъ

знал, что дымок, как будто курившійся раннимъ утромъ на его вершинѣ и разсѣявшійся послѣ восхода солнца, потомъ вернется и превратится въ грозовую тучу, которая будетъ метать молніи вверхъ и внизъ, въ долину, озаряя всю гору неестественнымъ призрачнымъ свѣтомъ. А когда Фейерштейнъ закутывалъ свою голову чернымъ скользящимъ плащемъ, я зналъ, что скоро въ горахъ загрохочетъ громъ трубнымъ звукомъ, какъ на Страшномъ Судѣ.

Я любилъ Фейерштейнъ, потому что мой предокъ, Вилливельди, спустился съ высотъ его, и охотно вскарабкался бы на вершину его; но въ Зельматѣ считали полусумасшедшими тѣхъ, кто поднимался на гору безъ особой нужды, если это не были охотники за сернами, и отецъ мой не потерпѣлъ бы подобнаго вольнодумства.

Тамъ, на высотахъ жила красота, въ глубинѣ долинъ—безобразіе. На берегахъ Зелаха, у подножья Столовой горы, были навалены груды аспидныхъ плитъ, цѣлые бугры щебня и мусора, который бросали въ Зелахъ во время весенняго половодья, и сложенный горкой запасъ подпоръ—ободранныхъ, бѣлыхъ стволовъ, сплавленныхъ сверху по теченію горныхъ ручьевъ. А вокругъ пышно разросся, несмотря на голубовато-сѣрую аспидную пыль, альпійскій подковообразный латукъ, и аконитъ высоко возносилъ свои пышные голубоватые зонтики, отливающіе сталью. А на заднемъ планѣ зіяла пара огромныхъ, неровно прорубленныхъ въ стѣнѣ утеса воротъ, побольше и поменьше; они вели въ подземныя каменоломни.

Неужто же вправду Столовая гора когда-нибудь обрушится на деревню Зельматъ? И что же съ нами, бѣдными, тогда будетъ?—Мысль объ этомъ не покидала меня. Иной разъ, мнѣ даже хотѣлось, чтобы это случилось. Это желаніе казалось мнѣ ужаснымъ и грѣховнымъ. Несчетное число разъ я переживалъ эту катастрофу во снѣ, какъ страшный кошмаръ, и на утро благодарилъ Бога за то, что это былъ только сонъ.

Желаніе, чтобы гора обрушилась и задавила всѣхъ зельматцевъ, приходило мнѣ обыкновенно послѣ жестокихъ наказаній, которымъ иной разъ безъ всякаго повода подвергалъ меня отецъ. Чаще всего это бывало при осмотрѣ купленныхъ имъ новыхъ земель и пограничныхъ камней.—«Это, чтобы ты всю жизнь помнилъ, гдѣ граница нашей земли»,—приговаривалъ онъ, но порою лупилъ меня и не для того, чтобы помочь моей памяти.

— Въ человѣкѣ отъ рожденія сидятъ злыя мысли,—говорилъ отецъ, и удары сыпались, нежданные, какъ гроза, налетѣвшая съ горъ.—Не сердись на меня за это, Іостъ. Мы происходимъ отъ дикихъ людей. Въ насъ сарацинская кровь, которую надо очень и очень смирять и обуздывать.—Онъ, какъ будто, чуялъ какую-то опасность въ томъ, что я росъ прямой и стройный, какъ горная сосенка, и безсознательно выработалъ себѣ умѣнье жить со всѣми въ ладу. Достаточно было кому-нибудь сказать: — «А славный вашъ Іостъ. Какой онъ у васъ красивый, и проворный,

и ловкій!—какъ въ отвѣтъ на это на ни въ чемъ не повиннаго Іоста сыпались жестокіе, безсмысленные удары.

А я былъ гордъ и обидчивъ: отцовскіе пинки и побои приводили меня въ ярость, и однажды я, безумно обиженный, крикнулъ:—«Отецъ, хоть бы Столовая гора обрушилась и задавила и тебя и меня!»—Глаза его загорѣлись:—«Видишь, какая ты дрянь. Ты хочешь, чтобъ погибли и чудесныя пашни, которыя я своимъ горбомъ наживалъ для тебя же, негодный!» — Подъ тяжелыми подбитыми гвоздями подошвами я лишился чувствъ. Очнувшись, я почувствовалъ, что мать мажетъ мнѣ какою-то мазью мои шишки и раны. Когда я открылъ глаза, она стала ласкать и цѣловать меня. Жадно, какъ человѣкъ, который хочетъ набраться новыхъ силъ для жизни, я пилъ ея поцѣлуи и, наконецъ, разрыдался отъ горя. Обнявшись, мы долго плакали вмѣстѣ.—«Мама, ты добрая, мамочка, ты милая!»—бормоталъ я, обнимая ее руками за шею, и пряталъ голову въ ея густыхъ волосахъ, и въ ея рыдающей любви находилъ облегченіе себѣ и утѣшеніе. Я думаю, этотъ день былъ причиной тому, что я впослѣдствіи всегда искалъ духовной опоры и утѣшенія больше у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ.

Отцу было немного стыдно, что на деревнѣ жалѣютъ меня, хоть и не смѣютъ это сказать, и онъ постепенно пересталъ наказывать меня такъ, безъ разбора, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ не могъ не видѣть, что я для своихъ лѣтъ очень толковый и дѣльный мальчишка. Но что же удивительнаго, что я никогда особенно не былъ съ нимъ близокъ, не любилъ его по настоящему и втайнѣ радовался, когда онъ уходилъ изъ дому.

Мы, мальчишки, часто бѣгали въ каменоломни за акульими зубами и прочими окаменѣлостями, которыя сбывали потомъ за гроши странствующимъ торговцамъ. Въ подземныхъ сводахъ и залахъ мелькали огоньки—лампочки рабочихъ, скрипѣли и грохотали тачки съ шиферомъ; по влажнымъ стѣнамъ, пахнувшимъ гарью, ползли липкія, въ золотистыхъ пятнахъ саламандры; лѣтомъ тамъ, подъ землею, было прохладно, зимой тепло и сыро. Но я не любилъ оставаться подолгу въ этихъ узкихъ коридорахъ, подпертыхъ столбами, гдѣ такъ уныло капала со стѣнъ и съ потолка вода. Я никакъ не могъ отдѣлаться отъ представленія, будто это тихонько плачутъ плѣненные духи горы, и, когда изъ какого-нибудь глухого угла каменоломни доносился таинственный звукъ, словно вздохъ камня, мнѣ начинало мерещиться, будто гора—только преддверіе глубже подъ землею лежащаго ада. Скорѣй наверхъ, наружу, на Божій свѣтъ. Я не понималъ, какъ это можно цѣлыми днями работать въ каменоломняхъ, и въ головѣ у меня вертѣлось: «Какіе глупые наши зельматцы! они сами роютъ себѣ могилу». Но на деревнѣ, словно по безмолвному уговору, совсѣмъ перестали говорить о томъ, что Зельмату грозитъ бѣда.

Зато, если люди молчали, порой говорила гора, подавали предупрежденія духи. Силы, превратившія илистое дно доисторическаго моря, вмѣстѣ съ его рыбами и раковинами, въ твер-

дый, плотный шиферъ, еще жили и дѣйствовали. Въ тѣхъ шахтахъ, гдѣ, по безпечности прежнихъ рабочихъ, подпоры были поставлены недостаточно крѣпкія, иной разъ обнаруживались ключи, ручейки и даже большіе ручьи. Каждый день по нѣсколько человѣкъ были заняты отведеніемъ ихъ водъ въ другое русло. Но что могла сдѣлать кучка человѣкъ противъ силъ горной природы. Духи невидимы и неутомимы. Они не спятъ по ночамъ, не празднуютъ воскресенья. Ихъ работа вѣчна, и что они порѣшатъ, то въ свое время, въ свой часъ и случится,—хочетъ, или не хочетъ этого маленькій глупенькій мальчикъ.

А впрочемъ, что мнѣ за дѣло было до каменоломенъ?—Философскими размышленіями я тогда еще не занимался; милѣе шиферной горы мнѣ была игра солнечныхъ лучей и свѣта на Фейерштейнѣ. И притомъ я уже тогда почти безсознательно носилъ въ своемъ сердцѣ молодую любовь къ Дуглорѣ, дочкѣ школьнаго учителя.

Она была тогда немного угловатая, но легкая и воздушная, и цвѣтущая. Вокругъ ея личика вились рыжевато-каштановые, какъ шелкъ мягкіе волосы; на щекахъ ея, точно брызги краски сидѣли двѣ-три веснушки, но какъ будто затѣмъ лишь, чтобъ подчеркнуть, какъ изященъ былъ овалъ и какъ нѣжна кожа лица. Глаза у нея были такіе огромные, что иной разъ на этомъ узенькомъ личикѣ только и видны были задумчивые, мечтательные глаза изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ.

У молодости своеобразный способъ объясняться въ любви. «О, какая ты некрасивая!—крикнулъ я однажды Дуглорѣ.—Глаза у тебя коровьи, и, вдобавокъ, ты еще рыжая». Она заплакала и затопала ножками. Тогда я сталъ просить прощенія: «Глерли, не сердись на меня. Ты не рыжая, какъ лисица, а чуточку только рыжеватенькая, для отмѣтинки». Мы все время были съ ней неразлучны.

Съ нею, въ уютномъ домикѣ ея родителей, я провелъ самые лучшіе, самые чистые дни своей юности и, если въ натурѣ моей, какъ увѣрялъ отецъ, были опасныя наклонности, которыя слѣдовало всячески выколачивать и вытравлять, то, во всякомъ случаѣ, я не вносилъ ихъ съ собой въ комнату моего добраго учителя и его милой дочери. Вся семья—отецъ, мать и дѣти, были тихіе, искренніе и удивительно славные люди, не способные ни на какую злую или гадкую мысль. И наша молодая любовь была чиста и красива, какъ расцвѣтъ горныхъ цвѣтовъ, пробившихся изъ-подъ снѣга.

О моей милой Дуглерли я и хочу разсказать теперь.

Три вечера подрядъ я ничего не писалъ.

У меня были гости: Гансъ Штюнци, мой юный другъ изъ Зельмата, и докторъ Вильгельмъ Гутлейбъ, ассистентъ метеорологической станціи въ Санктъ-Якобѣ. Они производили ревизію и провѣрку инвентаря моей вышки. За немногими недочетами, которые легко пополнить, самая хижина, инструменты и многочисленные приборы съ часовымъ механизмомъ, автоматически

записывающіе наблюденія, въ полной исправности и годны для своей зимней службы. Начинаютъ меня снабжать и провизіей. Восемь носильщиковъ, въ двѣ смѣны, работаютъ цѣлыми днями, перетаскивая ящики и тюки изъ Зельмата въ обсерваторію. Милый Гансъ Штюпци позаботился обо всемъ, даже о маленькихъ удобствахъ, безъ которыхъ я не умѣю обходиться зимою.

А вотъ съ д-ромъ Гутлейбомъ мы поспорили. Я до сихъ поръ не могу добиться, чтобъ меня соединили съ Зельматомъ подземнымъ кабелемъ. Попробовали бы сами господа метеорологи, каково тутъ сидѣть одному зимой, отрѣзанному отъ всего остального міра, словно арестанту въ бѣлой снѣжной клѣткѣ... Я вспылилъ и напугалъ бѣлобрысаго, румяннаго доктора. Протирая шелковымъ носовымъ платкомъ очки, на которыхъ и раньше не было ни пылинки, онъ смущенно началъ объяснять мнѣ, что зельматскій метеорологическій наблюдательный пунктъ давно уже собирается перенести изъ Зельмата въ Туффвальдъ, съ гористой стороны Фейерштейна на ровную, что тамъ лучше дорога и удобнѣе для туристовъ. Когда вопросъ этотъ будетъ окончательно рѣшенъ, тогда, разумѣется, первымъ дѣломъ позаботятся о томъ, чтобъ имѣть всегда надежное сообщеніе съ обсерваторіей. А пока...

Я возразилъ, что подъемъ, идущій по солнечной сторонѣ горы, хотя и труднѣе, но зато тремя недѣлями раньше освобождается отъ снѣга, и что въ зельматскомъ учителѣ они имѣютъ такого наблюдателя, который и знаетъ дѣло, и усерденъ, и надеженъ, какъ золото. А вопросъ о перенесеніи станціи отъ нечего дѣлать выдумала бюрократія...

Вошедшій Гансъ Штюнци услыхалъ похвалу себѣ и весь вспыхнулъ отъ радости.

На другой день бѣло розовый ассистентъ, изнѣженный кабинетный ученый, со своими очками, безукоризненно сшитымъ пальто и кожаными гамашами, убрался обратно въ Туффвальдъ, доложить главному завѣдующему обсерваторіей, что г. Лео Квифортъ—весьма колючій господинъ.

Гансъ Штюнци остался еще на день и до самаго вечера. Онъ бѣлокурый, какъ и докторъ. Но какая разница! Тотъ — какой-то бѣлобрысый недоносокъ, а въ этомъ—избытокъ первородной силы, порожденной близостью къ землѣ. Какъ смѣла и красива линія лба! Какой отважный, искрящійся взоръ! Въ немъ свѣтится творческій духъ. Я охотно вѣрю, что крохотная школка въ Зельматѣ, съ метеорологическими наблюденіями въ придачу, не удовлетворяетъ его жаждѣ дѣятельности.

— Г. Квифортъ,—признался онъ мнѣ,— еслибъ я могъ устроить свою жизнь, какъ я хочу, я сейчасъ даромъ, что мнѣ 24 года, поступилъ бы на первый курсъ политехнической школы: я чувствую, что мое призваніе — быть инженеромъ, прокладывать дороги въ горахъ, предотвращать обвалы, обуздывать бурные потоки, превращать живую силу нашихъ рѣкъ въ электрическую энергію, снабжать свѣтомъ и теплом наши деревни. Мнѣ хотѣлось бы такъ много сдѣлать для родины. Но что пользы сжимать кулакомъ, когда нѣтъ пальцевъ. Моя мать—мелочная тор-

говка въ крохотномъ городкѣ Гауенбургѣ; она и то тянулась изо всѣхъ силъ, чтобы дать мнѣ возможность кончить курсъ въ учительской семинаріи.

Онъ захватилъ меня своею вѣрой, своими замыслами, своимъ молодымъ честолюбіемъ. Но отвѣчалъ я скупо и, пожалуй, разочаровалъ его. Какъ всегда, когда я встрѣчаюсь съ Гансомъ Штюнци, я думалъ о Готлобѣ. Они стоятъ другъ друга. Какая бы изъ нихъ вышла чудная пара. Для Готлобы трудно и желать болѣе надежнаго защитника. Да и кого другого могла бы она избрать себѣ спутникомъ жизни въ этомъ медвѣжьемъ углу, Зельматѣ?

Я снова свелъ рѣчь на Готлобу. И въ разговорѣ замѣтилъ, что мой собесѣдникъ какъ-то особенно испытующе вглядывается въ черты моего лица. Увидѣвъ себя пойманнымъ на мѣстѣ преступленія, онъ сконфузился и покраснѣлъ. Я засмѣялся.

— Что вы, голубчикъ? Можетъ быть, у меня муха сидитъ на носу? Или, можетъ быть, вы ищете въ моей физіономіи слѣды тѣхъ преступленій, которыя мнѣ приписываютъ?

Онъ понялъ, что дать отвѣтъ необходимо, и, смутившись, но искренно отвѣтилъ: «Дѣло въ томъ, что я увидѣлъ въ вашемъ лицѣ большое сходство съ Готлобой. Она похожа на васъ больше, чѣмъ на отца и чѣмъ на братьевъ и сестеръ».

Если я не свалился со стула при этихъ словахъ, то лишь потому, что за свою долгую жизнь постигъ искусство быть неуязвимымъ для неожиданностей. Въ данный моментъ это было большое счастье. Я лукаво разсмѣялся и обратилъ его оружіе противъ него же. «Это физіогномическое открытіе дѣлаетъ большую честь силѣ вашей фантазіи, но, милый мой г. Штюнци, у васъ черезъ два слова въ третье—Готлоба; вы находите ея черты вездѣ, даже въ моемъ обвѣтренномъ лицѣ. Позвольте тогда и мнѣ подѣлиться съ вами своимъ открытіемъ: вы безъ памяти влюблены въ эту дѣвушку».

Тутъ онъ ужъ окончательно смутился. — «Эта любовь безнадежна,—выговорилъ онъ угрюмо,—еще болѣе безнадежна, чѣмъ мечта быть инженеромъ. Я готовъ помириться и съ учительствомъ въ Зельматѣ, еслибъ хоть это удалось мнѣ. Готлоба бы, пожалуй, и не прочь, но ея отецъ, Хангштейнеръ, ненавидитъ меня, какъ какое-нибудь зловредное насѣкомое, опустошающее его садъ. Прежде онъ мнѣ разрѣшалъ хоть разъ въ недѣлю проводить у нихъ вечера и пѣть дуэты съ его дочерью. Теперь—ни за что. Онъ мнѣ запретилъ бывать у нихъ. «Почему?» «А потому!» — объявилъ онъ мнѣ, пожимая плечами,—«когда я освѣдомился, чѣмъ я заслужилъ это. И нынѣшней осенью онъ, вотъ увидите, не отпуститъ Готлобу со мною въ гости къ вамъ, на Фейерштейнъ».

Глаза его, въ самомъ дѣлѣ, смотрѣли безнадежно-уныло.

— Успокойтесь. Готлоба все-таки придетъ съ вами сюда, ко мнѣ,—возразилъ я. — Я дамъ вамъ письмецо къ Хангштейнеру, напомню ему объ одномъ старинномъ обѣщаніи. — Юный учитель былъ очень удивленъ... Достаточно; теперь я знаю, что онъ любитъ ее, и, если она тоже его любитъ, тогда...

По уходѣ Штюнци я весь вечеръ строилъ планы относительно будущности ихъ обоихъ. Не будь я Іостъ Вильди изъ Зельмата, если я не сосватаю ихъ. Гансъ Штюнци будетъ инженеромъ, а Готлоба - его женой. Я сумѣю подвести мину и подъ гранитное крестьянское упорство Хангштейпера...

У тебя опасные, слишкомъ зоркіе глаза, мой милый Штюнци, но можешь, сколько тебѣ угодно, изучать и комбинировать: связующей нити ты, все-таки, не найдешь—слишкомъ пестрый узоръ выводитъ она, слишкомъ много перепуталось въ этомъ узорѣ человѣческихъ судебъ. Ловлю эту нить и продолжаю разсказъ о твоемъ предшественникѣ, Каспарѣ Имоберштегѣ и его дочкѣ, Дуглорѣ.

ГЛАВА IV.

Каспаръ Имоберштегъ, школьный учитель стараго Зельмата, не былъ честолюбцемъ, какъ его преемникъ, Штюнци. Онъ не мечталъ о томъ, чтобы преграждать путь лавинамъ и укрощать горные потоки; онъ былъ простосердечный, набожный и добрый человѣкъ, внѣдрявшій въ головы юнаго поколѣнія своей родной деревни, безъ особой строгости и безъ наказаній, понятія о нравственности, чести и приличіи, и кое-какія научныя знанія. Онъ былъ непомѣрно высокъ ростомъ и потому волей-неволей носилъ голову выше другихъ — небольшую, узкую, умную голову, съ парой дѣтски ласковыхъ карихъ глазъ, точно такихъ, какъ у Дуглоры. Немножко раздражало въ немъ только то, что онъ все время размахивалъ руками и болталъ ногами, также непомѣрно длинными; иные говорили, что Каспару не учителемъ бы быть, а портнымъ. У этого долговязаго человѣка была маленькая кругленькая жена, умѣвшая хозяйничать такъ неслышно, что въ многодѣтной семьѣ больше чувствовалось ея доброе вліяніе, чѣмъ замѣчалось ея присутствіе. Дѣти у нихъ вышли ни въ мать, ни въ отца, обыкновеннаго средняго роста, и милѣй ихъ всѣхъ была старшая, Дуглора, любимица отца и моя.

— Дуглора, что за странное имя! — сказалъ я однажды учителю.—Его нѣтъ въ календарѣ.— Онъ усмѣхнулся и объяснилъ, что это имя дано внучкѣ дѣдомъ, солдатомъ наполеоновской службы, и что оно означаетъ: славная передъ Богомъ. Тогда это имя стало нравиться и мнѣ.

У насъ дома было всегда такъ уныло, что, накормивъ и напоивъ коровъ и подоивъ ихъ, я, съ разрѣшенія матери, каждый вечеръ отправлялся къ учителю; сама она, болѣзненная и вѣчно кашляющая, ложилась рано. Когда же весеннимъ утромъ, вскорѣ послѣ возвращенія отца, мать моя угасла, какъ лампада, въ которой выгорѣло масло, по зимамъ домъ учителя сталъ для меня совсѣмъ роднымъ. Мнѣ было тогда четырнадцать лѣтъ.

Зельматъ весь утонулъ въ снѣгу; на крышахъ словно бѣлыя пуховыя подушки. А мнѣ—только перебѣжать дорогу, при свѣтѣ

звѣздъ, и я ужъ въ свѣтлой и теплой верхней горницѣ учительскаго дома. Родители и дѣти, всѣ семеро, сидятъ за столомъ изъ большой аспидной доски, вставленной въ деревянную раму, и ужинаютъ. При входѣ моемъ Глерли звонко смѣется и своей розовой ручкой, прозрачной на свѣту, протягиваетъ мнѣ очищенную горячую картофелину: — «Іостъ, это тебѣ». — Я запиваю картофелину синеватымъ снятымъ молокомъ и чувствую себя въ этомъ веселомъ семейномъ кругу, какъ птица въ гнѣздѣ.

Перекусивъ, чѣмъ Богъ послалъ, учитель Каспаръ — онъ же органистъ въ воскресные дни и умѣлый столяръ въ будничные,— садится за свой верстакъ, стоящій у одной изъ стѣнъ просторной горницы. Свиститъ пила, двигается рубанокъ, летятъ щепки изъ-подъ долота. Мы съ Дуглерли помогаемъ учителю въ работѣ: склеиваемъ пазы, или же забиваемъ гвоздики въ углы досокъ, которыя онъ съ необычайной быстротой вставляетъ въ рамки. А онъ разсказываетъ и говоритъ безъ умолку, перелетая изъ одного царства природы въ другое.

Особенно любилъ онъ всякія сказки про дикихъ людей съ Фейерштейна.

«Женщины»,—разсказывалъ онъ,—«у нихъ были такъ робки и пугливы, что иному охотнику и до старости не удавалось изловить ни одной. А когда дикая женщина, убѣгая отъ охотника, выбивалась изъ силъ и уже не могла больше бѣжать, она вся закутывалась въ свои волосы, черные, какъ ночь, доходившіе ей до лодыжекъ, словно въ плащъ, и сворачивалась клубочкомъ, какъ ежикъ. Но, если пастухъ или охотникъ бралъ на руки этотъ черный клубочекъ, чтобы снести его домой, изъ клубочка выглядывало прелестное личико, огневые глаза, свѣтящіеся, какъ у дикой кошки; алый ротикъ съ бѣлоснѣжными зубками улыбался, и пойманная дикарка начинала просить и молить, чтобъ ей дали немного погрѣться на солнышкѣ. Но это все были только хитрости и притворство. Стоило человѣку выпустить ее, какъ она, легче серны, убѣгала въ горы. Когда же улыбка не дѣйствовала, она смѣнялась горькимъ плачемъ, противъ котораго трудно было устоять; если же и это не помогало, и дикаркѣ не удавалось освободиться, она начинала царапаться и кусаться, лѣзть на стѣну, и на третій день умирала въ припадкѣ бѣшенства. Такъ ужъ велось у дикихъ людей: ихъ крохотныя женщины были еще болѣе дики, чѣмъ высокіе, рослые мужчины».

Дуглерли слушала съ пылающими глазами и съ восторгомъ въ лицѣ.—Я бы тоже такъ дѣлала, какъ дикая женщина, еслибъ кто вздумалъ унести меня изъ Зельмата: вырывалась бы, и кусалась, и царапалась бы.—И она дѣлала сердитое лицо и выгибала пальцы, какъ бы собираясь вцѣпиться въ врага, и старалась придать себѣ грозный видъ, что ей не вполнѣ удавалось, но выходило очень забавно.

Папаша Каспаръ сочувственно улыбался и добродушно кивалъ головой. И, снова берясь за рубанокъ, говорилъ:—Конечно, Дуглерли, мы съ тобой — люди надежные, мы не убѣжимъ изъ Зельмата, какъ мой добрый пріятель, знаменитый негоціантъ,

Гансъ Конрадъ Бальмеръ въ Гамбургѣ, который, вѣдь, тоже выросъ въ здѣшней деревнѣ.

Теперь наступала моя очередь настораживать уши. Но Каспаръ, не замѣчая этого, или же просто занятый своими мыслями, продолжалъ:—Правда, и меня однажды обуяло легкомысленное стремленіе увидѣть свѣтъ. Въ то время я еще былъ юнъ и холостъ; отъ покойнаго отца мнѣ достался въ наслѣдство небольшой капиталецъ, а дѣло было какъ разъ въ началѣ вакацій. Я взялъ свой дорожный посохъ и рѣшилъ отправиться въ Базель, посмотрѣть этотъ большой и красивый городъ на Рейнѣ. Но, до Гауенбурга, зашелъ навѣстить достойную женщину, почтенную старушку, у которой я жилъ въ теченіе двухъ лѣтъ, когда учился въ семинаріи. Когда я вышелъ отъ нея, мирно настроенный воспоминаніями, былъ уже вечеръ. Въ одной изъ стѣнныхъ нишъ я замѣтилъ ларь съ держаными книгами, котораго раньше не было; цѣны на корешкахъ показались мнѣ дешевыми. Я взобрался наверхъ, въ замокъ Гауенбургъ. Зельматскія горы такъ и пылали въ лучахъ заката. И внутренній голосъ сталъ нашептывать мнѣ: «Зачѣмъ тебѣ уходить такъ далеко отъ Зельмата? Вѣдь и отсюда видны равнины. О, Каспаръ! про все это, вѣдь, можно отлично и въ книгахъ прочесть. И старыя, держаныя книги иной разъ цѣннѣе новыхъ и дорогихъ. Чѣмъ итти въ Базель, купилъ бы ты себѣ лучше книгъ». Я вернулся къ старушкѣ и переночевалъ въ той самой комнаткѣ, гдѣ раньше жилъ. А утромъ пошелъ къ ларю и отобралъ для себя книги, которыя, какъ мнѣ казалось, могли пригодиться школьному учителю въ горахъ: исторію нашего края, всемірную исторію, книгу про растенія и про животныхъ—все это съ чудесными рисунками. И дьяволъ-соблазнитель отступилъ отъ меня. Послѣ того я еще только одинъ разъ былъ въ Гауенбургѣ—когда открылось движеніе по желѣзной дорогѣ въ Санктъ-Якобъ. И увидалъ то, что хотѣлъ видѣть — локомотивъ, который, пыхтя и дымя, тащитъ поѣздъ, и естественно-историческій музей, основанный при великодушномъ содѣйствіи моего друга, Ганса Конрада Бальмера.

Я сталъ просить Каспара разсказать мнѣ подробнѣе объ этомъ своемъ другѣ; онъ удивился, что я ничего не знаю о немъ.— «Вѣдь твой отецъ бываетъ у него каждую зиму, когда ему случается попасть на сѣверное побережье». — «Отецъ мнѣ никогда ничего не разсказываетъ о чужихъ краяхъ», — уныло замѣтилъ я.—«Ну, о другѣ юности онъ могъ бы разсказать тебѣ». И въ тонѣ Каспара звучала какъ бы нотка осужденія отцу... Я ждалъ, что онъ начнетъ разсказывать, но въ это время часы съ кукушкой на стѣнѣ пробили десять: въ домикѣ учителя это былъ сигналъ къ прекращенію работъ. Каспаръ положилъ рубанокъ, похвалилъ насъ за усердіе и воскликнулъ:—«Ну, теперь возславимъ Господа!» Такъ бывало каждый вечеръ.

Онъ поднялъ крышку фисъ-гармоніи, протянулъ руки къ клавишамъ, а длинныя ноги къ мѣхамъ, и заигралъ прелюдію къ трогательной церковной пѣснѣ, стоявшей девятымъ нумеромъ въ нашей книгѣ псалмовъ:

Lobt den Herrn! Das Sterngefilde
Predigt laut von Gottes Macht
Und von Seiner Huld und Milde
Spricht des Frühlings Blumenpracht.
Lobt den Herrn! Lobt den Herrn!

Всѣ еще не спавшіе члены семьи группировались вокругъ Каспара. Лучше всѣхъ пѣла Дуглерли; ярко выдѣлялся среди всѣхъ прочихъ голосовъ ея нѣжный, серебристый сопрано, и вся она, съ ея стройной, воздушной фигуркой, казалась ангеломъ, слетѣвшимъ съ небесъ. Сама того не замѣчая, она протянутымъ впередъ указательнымъ пальчикомъ тихонько отбивала тактъ и покачивала головкой, какъ птичка во время пѣнія.

И глаза ея сіяли горячею дѣтскою вѣрой.

На слѣдующій вечеръ учитель разсказалъ мнѣ о Бальмерѣ.

— Да, этотъ таки изъ другой глины вылѣпленъ, чѣмъ мы всѣ,—началъ онъ съ искренней скромностью.—Хоть онъ и родился въ Зельматѣ, но задатки у него съ самаго начала были для болѣе широкой жизни, чѣмъ наша. Въ гауенбургской семинаріи мы съ нимъ сидѣли на одной скамьѣ; но, въ то время какъ намъ всѣмъ нужно было очень и очень напрягать мозги, чтобы слѣдить за тѣмъ, что говорилъ учитель, онъ учился шутя, и рѣшить самую трудную задачу для него было плевое дѣло. «И откуда это у него берется?»—дивились мы бывало. Но, хоть онъ и больше нашего зналъ и могъ, хотя и былъ умнѣй насъ и разсчетливѣе, и зрѣлѣй умомъ, тѣмъ не менѣе, онъ былъ милымъ и услужливымъ товарищемъ, и, когда ему чего-нибудь отъ насъ нужно было, онъ умѣлъ такъ говорить и улыбаться такою покоряющей улыбкой, что каждый изъ насъ съ радостью самъ предлагалъ свои услуги. Всѣ мы добровольно покорялись ему. Но, незадолго до экзаменовъ, вышла скверная исторія. Конрадъ Бальмеръ, оказывается, нравился не только намъ, своимъ товарищамъ, но и одной дѣвушкѣ въ Гауенбургѣ, Бертѣ Вегенштейнъ. И вотъ изъ-за этой-то любви пришлось ему проститься и съ семинаріей, и съ учительской карьерой. Упрямый, смѣлый, сильный юноша ушелъ въ далекій міръ, и лѣтъ десять никто изъ насъ не слыхалъ о Конрадѣ Бальмерѣ.

— А Берту Вегенштейнъ онъ такъ-таки и не вспоминалъ всѣ эти десять лѣтъ? — вскричала Дуглерли съ пылающими щечками.—Это было очень-очень гадко съ его стороны! — Она такъ увлеклась разсказомъ отца, что даже забыла клеить рамки. А добрый Каспаръ, какъ на зло, усерднѣйшимъ образомъ стругалъ рубанкомъ и молчалъ, какъ будто забылъ продолженіе этой исторіи, или же просто нашелъ ее неподходящей для нашихъ ушей. Однако, внявъ нашимъ просьбамъ, продолжалъ разсказывать.

— Удивительно все это вышло. Итакъ, послѣ его исчезновенія, мы долго не имѣли о немъ извѣстій. Однако, когда мать его смертельно заболѣла, онъ пріѣхалъ въ Зельматъ, уже взрослымъ мужчиной. Сразу видно было, что ему посчастливилось,

что онъ пробилъ себѣ дорогу, сталъ богатъ и знатенъ. Оказалось, онъ поступилъ ученикомъ въ одинъ торговый домъ въ Санктъ-Якобѣ, потомъ конторщикомъ къ одному негоціанту въ Гамбургѣ. Три года проработалъ въ Индіи. А когда вернулся въ Гамбургъ, то понравился хозяйской дочкѣ, какъ нравился всѣмъ намъ. Она объявила, что ни за кого не выйдетъ, кромѣ Конрада Бальмера. И по смерти тестя онъ самъ сталъ крупнымъ негоціантомъ, владѣющимъ нѣсколькими кораблями.

— Вотъ этотъ человѣкъ мнѣ нравится!—съ живостью воскликнулъ я.—И вы говорите, отецъ знакомъ съ нимъ и бываетъ у него?

— Конечно. Гансъ Конрадъ и въ счастіи не сталъ высокомѣрнымъ. — Въ голосѣ учителя звучала радостная гордость. Дуглора подняла головку; глаза у нея были сердитые.—Отецъ, какъ ты можешь такъ хвалить человѣка, который бросилъ и забылъ дѣвушку изъ Гауенбурга? Вѣдь она же раньше любила его.

— Да ты послушай дальше,—успокаивалъ ее отецъ. — Богъ все устроилъ къ лучшему. Я самъ былъ свидѣтелемъ. Когда Гансъ Конрадъ, уже богатымъ человѣкомъ, пріѣхалъ въ Зельматъ, онъ пришелъ ко мнѣ, возобновилъ старую дружбу и довѣрилъ мнѣ многое, что было у него на сердцѣ.—«Представь себѣ, Каспаръ,—говорилъ онъ,—я только что изъ Гауенбурга; я посѣтилъ свою первую любовь, Берту Вегенштейнъ. Это было очень тяжело, но я заставилъ себя сдѣлать это. И, представь себѣ: хотя она черезъ меня сдѣлалась несчастной, она мнѣ простила». И, когда, черезъ два года, умерла его жена, принесшая ему въ приданое богатство, онъ, выждавъ годъ траура—теперь слушай, Дуглерли,—снова пріѣхалъ сюда и спросилъ свою первую возлюбленную, не хочетъ ли она стать матерью его единственнаго ребенка. И она вышла за него замужъ. Что ты на это скажешь, Дуглерли?—И Каспаръ отъ души засмѣялся.

— Все равно, я бы послѣ этого не взяла его,—отвѣчала дѣвочка съ необычнымъ въ ней упорствомъ. Кроткая Дуглерли была очаровательна, когда сердилась, и мы съ учителемъ не могли не смѣяться надъ ея милымъ негодованіемъ. Но Каспаръ, не довольствуясь сказаннымъ, поспѣшилъ присоединить еще красивое заключеніе:—Теперь оба они живутъ въ Гамбургѣ, въ почетѣ и роскоши, но и на чужбинѣ не забываютъ родины. Конрадъ пожертвовалъ въ нашу приходскую церковь чудеснѣйшій органъ. Вы знаете Дитриха Хангштейнера изъ Зелаха, который во время сплава лѣса такъ неудачно упалъ, что уже нѣсколько лѣтъ лежитъ въ постели и не можетъ пошевельнуться? Гансъ Конрадъ Бальмеръ ежегодно къ Рождеству присылаетъ ему что-нибудь. Вообще онъ слѣдитъ за всѣмъ, что происходитъ въ нашей деревушкѣ, и когда можно сдѣлать что-нибудь доброе и полезное для насъ, помогаетъ щедрой рукой. Когда друзья природы въ Гауенбургѣ устроили музей и собрали въ немъ камни и кристаллы, которые находятъ въ Альпахъ, и красивыя окаменѣлости — летучихъ рыбъ и рыбъ-мечей, и дельфиновъ,

которыхъ находятъ въ шиферныхъ копяхъ, а также экземпляры нашей горной серны, медвѣдя и каменнаго орла, Конрадъ захотѣлъ внести и свою долю. И черезъ своихъ агентовъ въ Египтѣ, Индіи и Америкѣ добылъ для насъ четвероногихъ, птицъ, крокодиловъ, змѣй и рыбъ, которые водятся въ другихъ странахъ, и преподнесъ ихъ въ даръ музею—четвероногихъ въ красивыхъ ящикахъ, змѣй, очковыхъ и другихъ, въ прозрачныхъ стеклянныхъ. Да, таковъ-то мой другъ, Гансъ Конрадъ Бальмеръ!

— «Мой другъ!»—Эти слова звучали какъ радостный призывъ. Каспаръ не зналъ, что и придумать, чтобъ окружить ореоломъ гуманности и доброты голову своего друга.

Онъ заразилъ и меня своимъ энтузіазмомъ. — «Вотъ такой человѣкъ мнѣ по душѣ. Такіе мнѣ нравятся!»—горячо воскликалъ я, мысленно припоминая, какъ мальчикъ изъ Зельмата постепенно пробилъ себѣ дорогу въ жизни. Дуглора замѣтила это и надулась:—«Ну вотъ, теперь у тебя такіе глаза, Іостъ, какъ будто и ты задумалъ бѣжать въ дальнія страны».

Ну, до этого, положимъ, было еще далеко—отецъ не бралъ меня даже и въ Гауенбургъ. А мнѣ такъ хотѣлось бы посмотрѣть чудесный музей.

Такъ, за разсказами и разговорами, прошла и долгая зима, весна смѣнилась лѣтомъ, и мы съ Дуглерли снова пасли отцовскихъ коровъ на Боденской горѣ, что повыше Столовой.

Однажды я, никому не сказавшись, ночью тихонько вышелъ изъ дому, благо ночь была лунная, и, просто-таки изъ непреодолимой потребности увидѣть свѣтъ, поднялся на Фейерштейнъ. Обвѣваемый легкимъ утреннимъ вѣтеркомъ, переполненный блаженствомъ и скорбью юности, я попиралъ ногами вольныя высоты и смотрѣлъ на необозримый міръ, раскинувшійся передо мною въ лучахъ восходящаго солнца, смотрѣлъ, какъ онъ постепенно сбрасывалъ съ себя сумрачный, сѣрый покровъ, расцвѣчался огнями, красками и радостью, и душа моя искала и жаждала иной, болѣе богатой содержаніемъ жизни, чѣмъ та, какую мы вели въ Зельматѣ.

И, словно самъ я былъ дитя солнца и свѣта, съ этого часа я жадною любовью полюбилъ жизнь и сталъ стремиться къ созерцанію, какъ къ чему-то возвышающему. И одновременно съ этимъ мнѣ стали казаться пустыми и небывшими дни, когда я не видалъ темныхъ глазъ и рыжевато-каштановыхъ косъ Дуглерли. А она за это лѣто расцвѣла, сформировалась; дѣтская угловатость ея исчезла, смѣнившись нѣжной дѣвичьей мягкостью движеній, жестовъ, поступи. Но я тогда и самъ не зналъ, какою несказанно счастливой была моя жизнь въ родной альпійской хижинѣ, и цѣнилъ лишь исключительное, въ родѣ моего тайнаго восхожденія на Фейерштейнъ.

И потому, когда далекій міръ прислалъ мнѣ вѣсточку о себѣ, напугавъ насъ съ Дуглерли во время нашей мирной бесѣды на цвѣтущемъ лугу, я цѣлый годъ потомъ думалъ и мечталъ объ этомъ.

ГЛАВА V.

Лѣтомъ, какъ я уже говорилъ, мы съ Дуглерли пасли коровъ на Боденской пажити, по недѣлямъ не возвращаясь домой; жили мы съ ней очень дружно, но все время поддразнивали другъ друга, и въ играхъ, шалостяхъ, поддразниваньи незамѣтно проходили блаженные дни. Но, случалось, мы и не разговаривали вовсе: мнѣ бы только знать, что Дуглерли около меня—я уже и тѣмъ былъ доволенъ, и часами способенъ былъ лежать, подпершн голову локтемъ, въ травѣ и цвѣтахъ, и смотрѣть мимо нея на причудливыя формы утесовъ Фейерштейна. Словно бѣлыя облачка, плыли въ вышинѣ стада зельматскихъ овецъ, или же карабкались по крутизнамъ охотники за сернами, бѣднѣйшіе изъ жителей Зельмата, перебрасывая свои ягдташи съ одного выступа скалы на другой и перескакивая вслѣдъ за ними. А, когда не видно было людей, на неприступныхъ скалахъ, какъ легкія темныя тѣни, виднѣлись стада козъ и сернъ, и хищныя птицы съ крикомъ описывали круги въ воздухѣ. Зрѣніе мое къ этому времени такъ обострилось, что отъ меня не ускользало ничто, происходившее на Фейерштейнѣ, даже сурокъ, ставшій на заднія лапки гдѣ-нибудь на утесѣ.

— Какъ съ тобой скучно!—воскликнула Дуглерли.—Ты все молчишь.—Мы сидѣли съ нею подъ кустомъ альпійскихъ розъ, и проворные пальчики ея плели вѣнокъ изъ свѣтло-золотистыхъ горныхъ примулъ.—Нравится тебѣ?—спросила она, показывая мнѣ вѣнокъ.

Я посмотрѣлъ, но не отвѣтилъ и не тронулся съ мѣста.

Разсердившись, она гнѣвнымъ движеніемъ бросила прочь отъ себя вѣнокъ и вскричала:—Іостъ, что у тебя за мысли въ головѣ? Вѣчно ты о чемъ-то думаешь. Это ужасно! Такъ поступали только древніе язычники, эти дикіе люди, забытые Богомъ.—Я невольно разсмѣялся и, оживившись, покосился на нее.—Вотъ теперь ты смотришь совсѣмъ язычникомъ,—пошутила она; и, словно защищаясь отъ моего взгляда, заслонила загорѣлою ручкой лицо, на которомъ нѣжный бархатистый румянецъ сливался съ здоровымъ загаромъ.—Смотри-ка!—тотчасъ же воскликнула она,—вотъ идетъ Мельхи, спускаясь съ горы. Теперь будетъ шалить, надо вести себя прилично, Іостъ.—Изящная и легкая, какъ козочка, она вскочила на ноги и привѣтствовала подходившаго съ вязанкой сѣна крестьянскаго парня *іодлемъ* [1]), который въ ея устахъ звучалъ, какъ церковная пѣснь.

Самъ я такъ же мало любилъ Мельхи Хангштейнера въ молодости, какъ теперь люблю его въ старости; но и тогда, какъ теперь, онъ былъ достоинъ уваженія, и Дуглерли, поэтому, относилась къ нему дружественно. Сынъ бѣднаго сплавщика плотовъ по Зелаху—того самаго, который послѣ неудачнаго паденія,

---

[1]) Протяжное, со многими переливами, ауканье альпійскихъ горцевъ.

сталъ паралитикомъ и принужденъ былъ не вставать съ постели,— Мельхи работалъ какъ мало кто изъ взрослыхъ въ Зельматѣ, чтобы прокормить многочисленную семью и не уронить ее въ глазахъ сосѣдей попрошайничествомъ. За старательность и трудолюбіе всѣ у насъ хорошо относились къ нему, въ томъ числѣ и я; но скрытая взаимная антипатія между нами, обнаружившаяся еще въ дѣтствѣ, съ годами не уменьшалась. Я былъ убѣжденъ, что Мельхи втайнѣ любитъ Дуглерли не меньше меня. Только онъ пряталъ свою любовь подъ скромностью и робостью, ибо ему и въ голову не приходило конкурировать съ гордымъ Іостомъ Вильди.

День былъ жаркій; плотный, неуклюжій парень, который былъ всего годомъ старше меня и двумя годами старше Дуглерли, кряхтѣлъ и обливался потомъ подъ тяжелой ношей. Добравшись, наконецъ, до насъ, онъ сбросилъ съ плечъ тяжелую вязанку сѣна, сдвинулъ на затылокъ холщевый картузъ, прикрывавшій его бѣлую, какъ ленъ, голову, локтемъ сбросилъ съ лица сѣнную труху и, все еще тяжело дыша, присѣлъ отдохнуть подлѣ насъ.— Вамъ, небось, хорошо,—прохрипѣлъ онъ.—Только и работы за цѣлый день, что присмотрѣть за коровами. Живете, какъ помѣщики.

— А ты, Мельхи, слишкомъ ужъ много работаешь. Невозможно же наваливать на себя такія вязанки, въ два центнера вѣсомъ.—Это не было лукавствомъ или кокетствомъ со стороны Дуглоры, какъ раньше ея пѣніе и іодль, но словомъ искренняго участія. При этой похвалѣ радостная улыбка озарила веснушчатое, некрасивое лицо парня, который и теперь уже выглядѣлъ старше своихъ лѣтъ. Эта улыбка, умная и живая, была единственнымъ, что красило его лицо. Мы поболтали о томъ, о семъ — о видахъ на урожай, о стадѣ, которое отъ времени до времени давало знать о себѣ мирнымъ позвякиваньемъ жестяныхъ колокольцовъ. Дуглора, тактичная, какъ взрослая дѣвица, старалась втянуть въ разговоръ и Мельхи, чтобы не дать ему замѣтить, что она интересуется мной больше, чѣмъ имъ.

— Глядите!—воскликнула она.—Какое тамъ облако! — точно вздыбившійся бѣлый конь, а на немъ всадникъ въ развѣвающемся черномъ плащѣ.

И тоненькой ручкой она указала на серебристыя облака, лѣниво скользившія надъ острокопечными вершинами утесовъ.

Мы оба посмотрѣли въ ту сторону; но я тотчасъ забылъ объ облакѣ, заинтересованный болѣе необычнымъ явленіемъ. И Дуглора замѣтила его и воскликнула:—Глядите! Чудо, чудо!

Чудомъ былъ слабо свѣтящійся золотистый шаръ, величиной съ луну, парившій надъ Срѣтенскимъ кольцомъ. Медленно, торжественно опускаясь, шаръ исчезъ за облакомъ, пронизаннымъ лучами заката, но скоро снова показался у нижняго края этого облака, выплылъ на открытое свѣтлое небо и продолжалъ спускаться, все ниже и ниже.

— Я ничего не вижу,—уныло жаловался Мельхи, не понимая, чему мы такъ дивимся. Наконецъ, мнѣ удалось направить и его

взоръ въ ту сторону, гдѣ шаръ слегка алѣлъ въ лучахъ заката. Увидавъ его, Мельхи вскочилъ, раскинулъ руки и крикнулъ: «Помолиться бы лучше! Луна падаетъ съ неба. Это—начало кончины міра».

При этихъ словахъ Дуглора испуганно взглянула на меня.—Іостъ, Іостъ! мнѣ тоже какъ-то жутко,—вздохнула она.—Боже мой, что же это будетъ, если мѣсяцъ перестанетъ свѣтить по ночамъ? Я бы хотѣла знать, что объ этомъ скажетъ отецъ...—Какъ испуганный звѣрекъ, который вотъ-вотъ сорвется и убѣжитъ, она по-дѣтски безпомощно взглядывала на меня.

Да, интересно, что объ этомъ скажетъ Каспаръ. Какъ зачарованный, смотрѣлъ я на свѣтлый шаръ, плывшій по синему, предзакатному небу. Луна это или не луна? Къ золотому диску, какъ будто, было подвѣшено что-то въ родѣ мѣсячнаго серпа, но даже мои зоркіе глаза не различали явственно, что именно это было. А золотой шаръ становился меньше и меньше, вотъ ужъ величиною съ голову, а тамъ и всего-то съ кулакъ, задержался на многовеніе на далекой, позлащенной солнцемъ вершинѣ скалы и тотчасъ же соскользнулъ съ нея, какъ падучая звѣзда. Напрасно я напрягалъ зрѣніе, вглядываясь въ серебряныя облака и голубую лазурь—небо снова было пусто, какъ прежде.

Дуглора и Мельхи вздохнули свободнѣе.—Ну, слава Богу, луна не лопнула, какъ я опасался,—съ облегченіемъ выговорилъ Мельхи.—Пока мы еще живы и цѣлы, но о пережитомъ страхѣ слѣдуетъ помнить.—Съ этими словами парень снова взвалилъ себѣ на плечи свою ношу, и совершенно скрывшись подъ нею, сталъ спускаться въ долину.

Появленіе свѣтящагося шара, замѣченнаго и съ другихъ горныхъ плато, окружающихъ Зельматскую долину, вызвало много толковъ между суевѣрными горцами; но у учителя Каспара было на этотъ счетъ свое особое мнѣніе.—Іостъ,—говорилъ онъ, съ важностью поднимая свой длинный указательный палецъ,—эта дьявольская штука, навѣрное, залетѣла изъ Франціи. Французы—безпокойный народъ; имъ непремѣнно надо выдумать что-нибудь особенное. Оттого они и изобрели монгольфьеры, или воздушные корабли. То, что вы видѣли, былъ, несомнѣнно, воздушный корабль—огромный круглый мѣшокъ изъ шелковой матеріи, наполненный какимъ-нибудь газомъ, съ подвѣшенною къ нему лодочкой, въ которой горитъ огонь. Этакій дьявольскій корабль можетъ залетѣть далеко-далеко, и ежели кто не боится согрѣшить передъ Богомъ и передъ самимъ собой, тотъ можетъ усѣсться въ лодочку и летать надъ разными странами. Но это дѣлаютъ только самые дурные, отпѣтые люди. На большой высотѣ они легко сходятъ съ ума и тогда либо поджигаютъ монгольфьеръ, либо, подъ вліяніемъ головокруженія, выскакиваютъ изъ лодочки и убиваются на смерть.

Я пробовалъ было возражать. — Мы не видали ни огня, ни людей; видѣли только подъ шаромъ что-то въ родѣ серпа—можетъ быть, это и была лодочка.—Тогда Каспаръ, въ слѣдующій разъ, какъ онъ пришелъ навѣстить насъ на горную пажить, прита-

щилъ туда одинъ изъ своихъ фоліантовъ и указалъ мнѣ въ концѣ книги изображеніе шара съ подписью: «28 го октября 1783 года, возлѣ замка Мюэтъ, вблизи Парижа, поднимутся на воздухъ на монгольфьерѣ Пилатръ де-Розье и маркизъ д' Арландъ».

Я съ жадностью накинулся на картинку и на описаніе ея и съ убѣжденіемъ сказалъ учителю. — Теперь я самъ вижу, что шаръ, видѣнный нами, былъ, по всей вѣроятности, воздушный корабль. Мнѣ бы только хотѣлось знать, были ли въ лодочкѣ люди и гдѣ они опустились на землю.

Каспаръ отвѣчалъ, съ искренней радостью въ честныхъ глазахъ:

— Вотъ видишь, какъ я тогда хорошо сдѣлалъ, что, вмѣсто утомительнаго и дорогого путешествія въ Базель, накупилъ въ Гауенбургѣ книгъ, въ которыхъ написано столько полезнаго и поучительнаго.

Въ разговорѣ приняла участіе и Дуглерли.

— «О, Іостъ, — сказала она, съ милой озабоченностью грозя мнѣ пальчикомъ,— что ты такъ безпокоишься объ этомъ? Мало ли что творится въ мірѣ: какое тебѣ дѣло до этого? И на что намъ знать, куда летѣлъ этотъ монгольфьеръ? Онъ и безъ насъ нашелъ свою цѣль и дорогу.

Учитель сочувственно кивнулъ головою; я же, смѣясь, возразилъ:

— Какъ какое дѣло? Вѣдь это же должно быть хорошо, какъ въ раю, летѣть на воздушномъ кораблѣ, надъ морями, деревнями и горами. Мнѣ бы очень хотѣлось когда-нибудь испытать это, украдкой и тайно ото всѣхъ, какъ зрѣлище восхода солнца на вершинѣ Фейерштейна въ то утро, когда ты, Дуглерли, нашла моихъ коровъ безъ пастуха.

Самъ того не замѣчая, я проговорился. Школьный учитель и дочь его были ошеломлены. Если бы у меня внезапно выросли за плечами крылья и я, подобно орлу, взился бы надъ горами, отецъ и дочь не могли бы больше изумиться и испугаться.

— Іостъ, Іостъ — вскричалъ пораженный Каспаръ. — Какія, однако, у тебя опасныя мысли! Кажется, не мало тебя колотилъ отецъ, а все-таки не смогъ выбить у тебя изъ головы эту дурь.

Дуглерли разрыдалась. И я почувствовалъ, что изъ-за одного неосторожнаго слова я вдругъ сталъ чужимъ и непонятнымъ тѣмъ самымъ людямъ, которыхъ я больше всего любилъ.

Этотъ безмолвный раздоръ съ ними былъ мнѣ чрезвычайно тягостенъ. Я положительно не могъ жить не въ ладу съ ними и въ теченіе всего лѣта старался смиреніемъ и кротостью вернуть довѣріе Дуглерли и ея отца. Наступила, однако, зима, послѣдняя прекрасная, родная зима, которую мы провели въ Зельматѣ, прежде чѣмъ смѣлое слово, вырвавшееся подъ вліяніемъ мятежной крови и юношеской жажды жизни, было забыто, и между Каспаромъ, Дуглорой и мною снова возстановилось то духовное единеніе, которое такъ грѣетъ душу.

Однажды вечеромъ, когда я пришелъ къ учителю помогать вправлять доски, Дуглора встрѣтила меня смѣхомъ.—Ну, теперь мы знаемъ, куда направлялся шаръ и гдѣ онъ нашелъ свой конецъ. Угадай-ка!—Откуда же мнѣ знать?—возразилъ я, съ виду равнодушно, но внутренно очень заинтересованный судьбой воздушнаго шара... Тогда она положила передо мною очень распространенный въ горныхъ мѣстностяхъ народный календарь. И мы оба стали читать. Въ календарѣ было разсказано, что шаръ, такъ напугавшій жителей горныхъ районовъ и вызвавшій столько толковъ, принадлежалъ одной изъ французскихъ воздухоплавательныхъ командъ: онъ сорвался съ привязи и людей на немъ не было. На одномъ изъ рисунковъ было изображено, какъ охотники въ глубинѣ одного изъ альпійскихъ ущелій подбираютъ жалкіе остатки грознаго метеора, зацѣпившагося за вѣтку засохшей сосны.

Я былъ разочарованъ, и мнѣ уже не хотѣлось больше разговаривать о воздушныхъ корабляхъ. А Дуглора съ отцомъ улыбались про себя, видя, какъ мой энтузіазмъ сразу погасъ подъ холоднымъ душемъ.

Въ томъ же календарѣ были помѣщены портреты и біографіи выдающихся людей родины. Въ числѣ ихъ былъ и портретъ Ганса Конрада Бальмера. Школьный учитель не могъ налюбоваться портретомъ своего друга и показывалъ намъ его, весь сіяя радостью. Я же, сколько не вглядывался, не находилъ въ чертахъ портрета той доброты и гуманности, которыя такъ восхвалялъ Каспаръ. Наоборотъ, въ этомъ лицѣ съ проницательными глазами и сѣдыми бакенбардами въ видѣ котлетъ, мнѣ мерещился совершенно иной типъ человѣка, бросающаго вызовъ міру: «Это я. Вотъ я каковъ. Я все могу. Кто устоитъ противъ меня?» Но — странное дѣло: побѣдоносное выраженіе его лица, говорившее о сознаніи своей значительности и объ отсутствіи щепетильности, гораздо сильнѣе приковывало мое вниманіе, чѣмъ если бы это лицо было ангельски добрымъ. Я часто думалъ: «Вотъ это такъ. Вотъ это славно было бы. Сдѣлаться такимъ человѣкомъ, какъ Гансъ Конрадъ Бальмеръ!..» Между тѣмъ школьный учитель какъ разъ тогда получилъ коротенькое, но милое письмецо отъ Бальмера, и счастье и восторгъ этого простодушнаго человѣка не знали границъ. Цѣлыхъ два вечера подрядъ онъ не дотрагивался до рубанка: все писалъ отвѣтъ своему другу молодости.

— Іостъ, тутъ и про тебя написано, — усмѣхнулся онъ, торжественно запечатывая письмо сургучемъ, который онъ грѣлъ на свѣчѣ.—Надо же васъ познакомить. — Изъ двухъ календарей онъ вырѣзалъ портреты своего друга, наклеилъ ихъ на плотный бѣлый картонъ, прикрылъ стекломъ отъ пыли и вставилъ въ рамку, съ нарисованными альпійскими цвѣтами; болѣе затѣйливыхъ рамокъ ему за всю свою жизнь не удавалось еще изготовить. Однимъ изъ этихъ портретовъ онъ украсилъ свою комнату, другой подарилъ мнѣ и обрадовался, когда я сказалъ ему, что я повѣсилъ его у себя на стѣнѣ.

Въ дружныхъ, уютныхъ бесѣдахъ зима прошла незамѣтно. Каспаръ все время сіялъ, сначала отъ того, что получилъ письмо отъ Бальмера, потомъ—отъ радости по случаю полученія крупнаго заказа на рамки.

За выполненіе этого заказа онъ и принялся теперь чрезвычайно усердно. Насвистывая какой-нибудь гимнъ, онъ, словно художникъ, накладывалъ кучу различныхъ красокъ на зеленую полосатую рамку и изъ этой кучки выростали цвѣты, которыми покрыты наши горы: звѣздочки, изъ золотистой серединки которыхъ во всѣ стороны разбѣгаются какъ лучи узенькіе бѣлые листики, колокольчики съ нѣжными бахромчатыми подвѣсками, альпійская мать-мачеха, съ круглымъ личикомъ и желтовато-красными пятнышками, въ которыхъ при желаніи можно было разглядѣть глаза, ротъ и носъ. Когда рамку нужно было сдѣлать особенно красивой и роскошной, онъ придѣлывалъ къ цвѣтамъ еще усики и завитки, дѣлалъ бордюръ изъ виноградныхъ листьевъ и сажалъ на нихъ птичекъ, въ родѣ горной пѣночки, которая клювомъ приглаживаетъ себѣ перья; или же не такъ щедро сыпалъ цвѣты, но зато на борту доски надписывалъ изреченіе:

Кто порядокъ соблюдаетъ,
Трудъ и время сберегаетъ.

И, добросовѣстно выводя буквы, былъ увѣренъ, что это правило житейской мудрости облегчитъ какому-нибудь юношѣ или дѣвушкѣ трудный путь земного странствія,—насколько вообще такія добрыя правила и наставленія помогаютъ намъ, людямъ, обходить камни преткновенія на житейской дорогѣ.

И все же лучшей жемчужиной въ семьѣ учителя была Дуглерли, и чѣмъ дальше, тѣмъ сердечнѣе я привязывался къ ней. Отъ ея милаго, овальнаго личика, отъ ея темныхъ глазъ и темно-золотистыхъ волосъ, казалось, исходило сіяніе, чистое и радостное, какъ солнечный лучъ, и это сіяніе грѣло весь домъ. Хотя и хрупкая, какъ бѣлый альпійскій колокольчикъ, она дѣятельно помогала матери въ хлопотахъ по хозяйству, сама заботилась, какъ маленькая мама, ласково и терпѣливо, о младшихъ братьяхъ и сестрахъ, цѣлыми днями пристававшихъ къ ней, и все, за что она ни бралась, дѣлала легко и неслышно, будто шутя. Но, какъ прежде, всего очаровательнѣй она казалась мнѣ за вечерней молитвой, когда серебристый голосокъ ея звучалъ такъ красиво и благоговѣйно, какъ будто она благодарила Бога за свое великое счастье.

Я и не зналъ, когда она брала уроки и брала ли, но она какъ-то совершенно незамѣтно выучилась чудесно играть на органѣ. Нерѣдко она въ церкви замѣняла отца и во время проповѣди сидѣла за своимъ органомъ, неподвижная, какъ прелестное изваяніе, среди всѣхъ этихъ суровыхъ, словно изъ камня выточенныхъ крестьянскихъ головъ. И прихожане говорили про нее: «Въ ея игрѣ больше святости, чѣмъ у учителя. Подъ ея пальцами, какъ будто, оживаютъ органныя трубы и сами изъ глубины души

хвалятъ Бога». И больше всѣхъ былъ счастливъ этими похвалами Каспаръ.

— Да,—говорилъ онъ,—если бы Дуглора жила въ городѣ, изъ нея, быть можетъ, вышла бы знаменитая пѣвица, игра и пѣніе которой доставляли бы возвышающее наслажденіе многимъ; но и то уже заслуга съ ея стороны, что она будитъ своей игрой сердца и совѣсть нашихъ тупоголовыхъ зельматцевъ, заставляя ихъ чувствовать близость Бога.—Я былъ совершенно согласенъ съ нимъ; меня только обижало, что мой сосѣдъ по церковной скамьѣ, Мельхи Хангштейнеръ, въ продолженіе всей обѣдни сидитъ какъ очарованный, уставившись своими водянисто-голубыми глазами изъ-подъ свѣтло-желтыхъ бровей и рѣсницъ на Дуглору, которая сидѣла на хорахъ, у всѣхъ на виду, и всякій могъ смотрѣть на нее, сколько хотѣлъ.

Однажды, въ воскресенье, въ самомъ началѣ весны, я такъ разсердился на Мельхи за его нескрываемое восхищеніе Дуглорой, что два—три дня не могъ преодолѣть въ себѣ злобнаго чувства противъ него.—«Неужто,—ворчалъ я—и онъ воображаетъ себѣ, что вишни въ саду школьнаго учителя зрѣютъ для него?»

И вдругъ, въ эту минуту я увидѣлъ на лужайкѣ, возлѣ кладбища, всю облитую солнечнымъ свѣтомъ золотисто-каштановую головку и стройную фигурку въ свѣтломъ платьѣ, которое развѣвалъ вѣтеръ. Она вѣшала бѣлье на веревку и, завидя меня на улицѣ, крикнула:—Іостъ, поди-ка сюда! помоги мнѣ натянуть потуже веревку между деревьями.—Я побѣжалъ къ ней и—самъ не знаю, что такое на меня вдругъ нашло, но только, когда Дуглора приподнялась на цыпочки и вытянула руки, чтобы прикрѣпить колышкомъ къ веревкѣ вымытую и подсиненную простыню, я схватилъ эту стройную дѣвичью фигуру въ свои объятія.—Что ты, Іостъ?—испуганно взмолилась она,—пасторъ увидитъ, и мертвые такъ близко отъ насъ.—Ну и пусть,—возразилъ я съ возрастающей страстью,—а я буду тебя цѣловать и ласкать!—Она противилась и вырывалась, но сопротивленіе только разгорячило меня. Съ пылкостью, которая была новой для меня самого, но отъ которой мнѣ было и жутко, и сладко, я заставилъ ее покориться и крѣпко прижалъ ее къ своей груди. Она, не отвѣчая, только гнѣвно скрипѣла зубами и сердито мотала головой; волосы ея распустились, золотисто каштановыя волны упали мнѣ на лицо, опьяняя меня тонкимъ своимъ ароматомъ. Я все крѣпче прижималъ ее къ себѣ, осыпая ея лицо, шею безумными поцѣлуями. Почувствовавъ, что она еле держится на ногахъ я, наконецъ, отпустилъ ее, самъ дивясь своему безумію.

Дуглора не плакала, не говорила ни слова. Какъ сломанная, какъ оглушенная, она прислонилась къ забору и судорожно вздрагивавшими пальцами застегивала кофточку у ворота. Ея смертельно блѣдное лицо подъ разсыпавшимися волнами волосъ казалось лицомъ безумной; широко раскрытые, словно отъ испуга, глаза были полны жгучей, смертельной тоски. Во мнѣ еще не остыло блаженное чувство своей молодой бурной силы, прорвавшейся наружу, но мнѣ уже было совѣстно и страшно за дѣвушку.

Надо было что-нибудь дѣлать, говорить. Съ нѣжностью и мягкостью, которыхъ самъ я раньше не подозрѣвалъ въ себѣ, я приподнялъ рукой ея поникшую головку; дѣвушка, словно во снѣ, поддавалась моей мягкой настойчивости; она прислонилась ко мнѣ и, полузакрывъ глаза, казалось, отдыхала.

— Дуглерли,— шепнулъ я, отводя рукой ея волосы отъ блѣднаго личика,—вѣдь, я тебя сердечно люблю, Дуглерли. Когда я женюсь, я не возьму въ жены другой дѣвушки, кромѣ тебя.— Она словно проснулась, вскинула на меня темные глаза, улыбнулась дрожащими губками и вдругъ, сознавъ происшедшее, безсильно припала ко мнѣ на грудь, заплакала, зарыдала.—«О, Іостъ, какъ хорошо ты это сказалъ! Еслибъ ты не сказалъ этого, я не могла бы жить,—такъ мнѣ стыдно, такъ стыдно; я бы утопилась въ Зелахѣ. Что это ты за глупости выдумалъ?»—И, плача и смѣясь, она сама лепетала милыя глупости.—«Ахъ, ты дикій человѣкъ. Я вѣдь давно знала, что ты сумасшедшій. Это я тогда уже знала, когда ты пришелъ въ восторгъ отъ этого сатанинскаго воздушнаго корабля. Да и всегда, всегда. Но, разъ ты говоришь, что любишь меня, такъ вѣдь и я тебя тоже люблю. И всегда любила, и теперь еще больше буду любить. Люблю тебя вѣчно».—Теперь она уже не думала о томъ, что пасторъ можетъ увидѣть и что мертвые близко: она была покорна мнѣ, какъ рабыня.

Этотъ цвѣтущій весенній день былъ какъ бы днемъ нашей тайной помолвки. Дуглора, въ своей юной любви, гордо несла голову, словно самъ Богъ увѣнчалъ ее вѣнкомъ избранницы, и еще горячее молилась во время вечерняго пѣнія гимна. Когда она садилась за органъ, въ звукахъ ликовала ея душа. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ней было столько неподдѣльнаго женскаго достоинства и чистоты, что это смиряло даже мою мятежную и пылкую кровь и принуждало меня держаться съ нею почтительно. А я въ своей любви похоронилъ всю свою тоску по далекому міру. Теперь и я хотѣлъ, какъ того желалъ мой отецъ, остаться навсегда мирнымъ земледѣльцемъ въ Зельматской долинѣ, и не думалъ о томъ, что воздушный корабль, промелькнувшій въ вышинѣ, можетъ опрокинуть человѣческую судьбу.

ГЛАВА VI.

Долго не приходила Готлоба. Гансъ Штюнци телеграфировалъ мнѣ, что старикъ Хангштейнеръ не совсѣмъ здоровъ, но черезъ нѣсколько дней, по всей вѣроятности, поправится. Только бы погода не испортилась. Въ воздухѣ разлитъ блаженный покой поздней осени, бабьяго лѣта Если по ночамъ на моей вершинѣ уже начинаются заморозки и въ тишину моей обсерваторіи врывается крикъ птичьихъ стай, улетающихъ на зиму, то все же дни стоятъ дивные. Темносинее небо безоблачно, отъ Монблана и Гросглокнера до Монте Визо и Вогезовъ; прозрачный, какъ вода, стеклянный шаръ моего солнцемѣра за день выжигаетъ на

подложенной подъ него бумагѣ необычно четкую для этой поры года линію; барометръ не падаетъ и четыре вытянутыя руки анемометра, поставленнаго на вершинѣ, своими металлическими чашами, словно руками, ловящія вѣтеръ, едва замѣтно колышутся подъ легкимъ давленіемъ воздуха, идущаго съ востока. Хорошая погода установилась прочно. Значитъ, Готлоба придетъ.

Какъ только смеркнется, меня уже тянетъ неудержимо къ моей начатой исповѣди, и стоитъ мнѣ углубиться въ нее, какъ оторваться уже трудно. Нерѣдко я пишу до утра и самъ дивлюсь, какъ живо и свѣжо встаютъ передо мной картины юности въ зеркалѣ воспоминанія. Словно дивная старая пѣсня, хватаютъ онѣ меня за сердце.

Не всѣмъ, однако, нравится мое бумагомаранье. Прежде всего, оно не нравится «Снѣжку», моему милому товарищу, моему бѣлому шпицу. Я купилъ его у словака-торговца мышеловками, случайно попавшаго въ наши горы, когда лежалъ съ раздробленной ногой въ домѣ Мельхи Хангштейнера. Потомъ взялъ его съ собой на гору, и вотъ мы уже семь лѣтъ дѣлимъ съ нимъ горе и радость. Намъ не разъ случалось вмѣстѣ съ нимъ голодать, къ веснѣ, когда наши запасы приходили къ концу; случалось сидѣть въ темнотѣ, когда выходили всѣ свѣчи; Снѣжокъ отлично все понимаетъ, въ трудные дни, когда не дѣйствуетъ телеграфъ, онъ—единственное мое утѣшеніе; многое онъ уже испыталъ, живя со мной, но никогда еще не случалось, чтобъ я забывалъ о немъ. А теперь, когда я засяду за свою исповѣдь—ни единаго слова, ни единой ласки. Вчера вечеромъ онъ положилъ лапы ко мнѣ на колѣни, потомъ на мою пишущую руку и, шаля, пытался вырвать зубами перо изъ моихъ пальцевъ. «Ложись, Снѣжокъ!» Онъ повиновался, но съ жалобнымъ видомъ, и жалобный взглядъ его, устремленный на меня, ясно говорилъ: «О, господинъ, какія у тебя бываютъ странныя причуды!» Потому что Снѣжокъ уменъ, какъ человѣкъ—только говорить не умѣетъ.

Вмѣстѣ съ Снѣжкомъ сокрушаются о своемъ господинѣ, углубленномъ въ воспоминанія прошлаго, «Пюкъ»—галка съ сломаннымъ крыломъ, которую я полѣномъ отбилъ у коршуна, взвившагося съ нею надъ вершиной, и «Ми»,—горная мышь, которая сама пришла ко мнѣ; когда я начинаю насвистывать она садится ко мнѣ на руку и беретъ у меня изъ пальцевъ очищенные орѣшки.

Ничего не подѣлаешь, милый мой огорченный трилистникъ друзей. Картины юности встаютъ передо мной, и моя Дуглерли своимъ кроткимъ, серебристымъ голоскомъ зоветъ меня: «Іостъ!»

Отецъ изъ своихъ странствій вернулся въ превосходномъ настроеніи и даже не былъ угрюмъ, какъ всегда. Въ честь его возвращенія мы пошли въ воскресенье въ церковь, посѣтили могилу матери, всю утопавшую въ цвѣтахъ, выпили стаканчикъ въ «Сернѣ», а обѣдать вернулись домой; обѣдъ намъ готовила

сосѣдка. Въ ожиданіи обѣда, отецъ обошелъ весь домъ, всѣ закоулки, чтобъ осмотрѣть, все ли въ порядкѣ. Увидавъ въ моей спальнѣ висѣвшій на стѣнѣ портретъ Ганса Конрада Бальмера, онъ разсердился—я сразу замѣтилъ это по его лицу. Отъ портрета въ затѣйливой красивой рамочкѣ, работы Каспара, онъ перевелъ на меня взглядъ, сверкавшій недовѣріемъ. И сердито прохрипѣлъ:—Это что же такое?

— Мнѣ симпатиченъ этотъ человѣкъ,—отвѣчалъ я съ апломбомъ юноши, недавно только почувствовавшаго себя взрослымъ.—Ты, правда, ничего мнѣ не разсказывалъ о немъ, но я много слышалъ о немъ отъ учителя Каспара.

Отецъ отмахнулся отъ меня, какъ бы давая мнѣ понять, что онъ не хочетъ слушать.—Тутъ, очевидно, какія-то интриги плетутся за моей спиной,—проворчалъ онъ сердито.—Тебѣ симпатиченъ Бальмеръ,—да, да—и ты ему симпатиченъ...—На этомъ оборвался и разговоръ, и осмотръ комнатъ. Разстроенные, мы вернулись въ столовую; но это натянутое молчаніе было для меня нестерпимо. Я положилъ ложку на столъ, рядомъ съ моею цинковой тарелкой, и молвилъ:—Отецъ, я сытъ по горло такой совмѣстной жизнью. Тебѣ незачѣмъ душить свою досаду, а я достаточно взрослый, чтобы ты могъ говорить со мною откровенно.

— Какъ ты хватаешься за поводъ, чтобы только разорвать со мной!—крикнулъ онъ и поднялся изъ-за стола.—Ну что-жъ, по мнѣ, ступай хоть завтра въ Гамбургъ, если ты думаешь, что проклятіе отца поможетъ тебѣ составить свое счастье. Разумѣется, это учитель по твоей просьбѣ написалъ туда и расхвалилъ тебя, дрянь ты этакая!

— Отецъ, я не знаю, что писалъ учитель Каспаръ, и, во всякомъ случаѣ, я его ни о чемъ не просилъ,—возразилъ я, блѣднѣя отъ гнѣва и тоже вскакивая съ мѣста.

Отецъ озадаченный, откашлялся и проворчалъ:—Да я-то знаю.

— Такъ говори, отецъ, въ чемъ же дѣло,—настаивалъ я.

Немного поуспокоившись, онъ началъ:—Я умышленно не сообщалъ тебѣ о томъ, что я, всякій разъ, какъ мнѣ приходится бывать на побережьѣ, увѣдомляю Бальмера о своемъ прибытіи. Тогда онъ пріѣзжаетъ ко мнѣ на часокъ въ гостиницу, и я ему разсказываю все подробно о Зельматѣ и объ учителѣ Каспарѣ. Это я дѣлаю ради учителя и, отчасти, ради Бальмера. Вѣдь мы всѣ трое—школьные товарищи, учились вмѣстѣ. Ну, такъ вотъ: мѣсяца два тому назадъ является ко мнѣ Бальмеръ и съ мѣста въ карьеръ спрашиваетъ: «Правда ли, Клаусъ, что твой сынишка, Іостъ—такая свѣтлая головка!» И разсказываетъ мнѣ, какъ ему расхваливалъ тебя учитель... И говоритъ: «Отдай мнѣ мальчика въ ученье. И жена моя этого хочетъ. Привези мнѣ сюда Іоста». Вотъ я и хочу знать, Іостъ, ты ли самъ это устроилъ, или нѣтъ. Его портретъ, висящій въ твоей комнатѣ, навелъ меня на эту мысль.—Онъ поглядѣлъ на меня недовѣрчиво и продолжалъ:—Іостъ, я всю жизнь готовилъ тебя къ жизни крестьянина-земледѣльца. Неужто же ты хочешь бросить меня

и уѣхать къ Бальмеру?—И пытливый взглядъ его, какъ буравъ, впился въ мои глаза.

Я былъ такъ поражепъ этимъ планомъ Бальмера выписать меня въ Гамбургъ, что въ первую минуту растерялся и ничего не могъ отвѣтить.—«Міръ, широкій міръ!» — звенѣлъ у меня въ душѣ ликующій голосъ. Но тотчасъ же передо мною всплыли кроткіе глаза Дуглоры, и я протянулъ руку отцу, который, чувствуя себя глубоко оскорбленнымъ, уже готовъ былъ отвернуться отъ меня.

— Какъ передъ Богомъ, клянусь и обѣщаю тебѣ, отецъ, что я до самой смерти останусь жить и воздѣлывать землю въ Зельматѣ.

Мы молча пожали другъ другу руки, долго и пристально смотрѣли другъ другу въ глаза. Отецъ первый заговорилъ:

— Іостъ, въ дѣтствѣ тебѣ жилось не легко — изъ-за меня; но зато это помогло. Твоя кровь теперь уже не бунтуетъ, и ты способенъ разсуждать разумно.

— Не побои твои причиной моего благоразумія, — хотѣлось мнѣ отвѣтить, — а то, что въ сердцѣ у меня живетъ молодая любовь.—Но я видѣлъ, что у него отъ волненія и радости даже слезы выступили на глазахъ и не хотѣлъ огорчать его. Въ любовномъ и дружномъ согласіи, какого никогда не бывало еще между нами, покончили мы прерванный ссорой обѣдъ. Совладавъ со своимъ волненіемъ, отецъ мягко сказалъ мнѣ: — Я думаю, Іостъ, что мы еще много лѣтъ проживемъ съ тобой вмѣстѣ, и хорошо проживемъ, но торговать въ разносъ я уже больше не пойду: послѣднія десять лѣтъ торговля становится чѣмъ дальше, тѣмъ хуже: скоро и совсѣмъ сойдетъ на нѣтъ.—И, видимо подбодряя себя, онъ завелъ разговоръ на тему, которая въ послѣднее время стала его любимой: о моей будущей женитьбѣ.

— Нѣтъ, черезъ главное ты еще не перепагнулъ, Іостъ. Теперь еще начнется возня съ бабами. Это многихъ втягивало туда, куда вовсе не слѣдовало. А все-таки вѣрно и то, что домъ безъ хозяйки — все равно, что коптильня, въ которой не виситъ ни единаго окорока.—И онъ осторожно, обиняками, повелъ рѣчь о томъ, что со временемъ мнѣ придется взять жену, которую онъ выберетъ для меня среди дѣвушекъ нашей страны. Я вдругъ, набравшись храбрости, спросилъ:

— Отецъ, а что бы ты сказалъ, если бы мнѣ понравилась учительская дочка Дуглора?

— Дуглора, Дуглора?—повторилъ онъ, задумчиво покачивая головой.—Ишь ты какая шельма, Іостъ! Дѣвушка-то хороша, да только — онъ сдѣлалъ видъ, будто считаетъ деньги, — насчетъ этого не густо. Я ничего не имѣю ни противъ учителя, ни противъ его дочки; мнѣ и самому понравилось, какъ она нынче играла на органѣ. Но ты все-таки погоди, Іостъ, годика два или три; осмотрись, приглядись къ другимъ здѣшнимъ дѣвицамъ — можетъ, найдешь такую, что и тебѣ понравится, и приданаго у нея будетъ побольше, чѣмъ у Дуглоры. Но если ты и послѣ того будешь настаивать, чтобъ непремѣнно взять Глерли, я про-

тивиться не стану. Дѣвушка очень хорошая, и Каспаръ мнѣ всегда былъ добрымъ сосѣдомъ.

Я отъ радости и благодарности готовъ былъ броситься на шею отцу. Для него деньги и богатство играли большую роль, и я сильно побаивался, какъ бы между нами не вышло стычки, когда я заговорю о Дуглорѣ. А онъ не только не разсердился, но почти далъ согласіе, и, когда мы послѣ обѣда отправились въ дальнюю прогулку обозрѣвать наши пашни, его обыкновенно немного угрюмое лицо выражало тихое довольство.

Тихо и мирно прожили мы весну и начало лѣта; отецъ слѣдилъ за полевыми работами, я съ Дуглорой пасъ наше стадо на Боденской пажити, откуда мы не возвращались домой по цѣлымъ недѣлямъ. Отъ времени до времени, при случаѣ, отецъ навѣщалъ меня, чтобъ посмотрѣть на коровъ и быковъ, и, если ему попадалась навстрѣчу Дуглора, у него всегда находилось для нея ласковое или шутливое слово. Никто на деревнѣ и не повѣрилъ бы, что онъ умѣетъ быть такимъ ласковымъ. Дуглерли ходила съ сіяющими глазами, порою позволяла мнѣ украдкой цѣловать себя и шептала радостно: — «О, Іостъ, о мой милый Іостъ!» И самъ я думалъ, что намъ предстоитъ долгая счастливая жизнь—мнѣ, отцу и Дуглорѣ.

Начало и середина лѣта прошли весело и радостно; небо было безоблачно, солнце свѣтило ярко; среди цвѣтовъ надъ горными пажитями и цвѣтущими лугами съ утра до вечера звенѣлъ крикъ пастуховъ; сама Дуглерли заливалась іодлемъ, какъ пѣвчая птичка. И не было между нами несчастныхъ, кромѣ Мельхи Хангштейнера, который чувствовалъ, что ему волей-неволей придется уступить мнѣ дѣвушку, и смотрѣлъ на меня завистливыми, укоризненными глазами. Въ началѣ августа погода перемѣнилась: пошли ненастья, грозы съ яркими молніями и оглушительными ударами грома; словно хляби небесныя разверзлись, и дождь лилъ цѣлыми днями.

Горная пажить, превратившаяся въ болото, вся заволоклась сырымъ, холоднымъ туманомъ. Когда покрывало тумана разрывалось, видны были сбѣгавшіе съ утесовъ Фейерштейна потоки, такіе же обильные, какъ въ періодъ таянія снѣговъ. На нѣсколько дней дожди прекратились, потомъ опять пошли, проливные; коровы ревѣли и, задравъ хвосты, карабкались на горы, или же, сбившись въ кучу, прятались отъ дождя подъ развѣсистыми соснами, съ вѣтвей которыхъ, какъ съ зонтиковъ, стекала вода. Порой намъ только съ трудомъ удавалось собрать напуганное молніей стадо.

— Іостъ, еслибъ не ты, я бы совсѣмъ погибла на этой горѣ!—грустно шутила Дуглора и почти съ завистью смотрѣла на меня, когда я нагружался сырами, чтобы снести ихъ въ Зельматъ. Въ деревнѣ у всѣхъ были тревожныя лица, и отецъ мой угрюмо ворчалъ: — Ну, братъ, наша торговля сошла на нѣтъ, а теперь, кажется, и рудникъ погибаетъ. Въ шахтахъ идетъ такой стонъ, и гулъ, и трескъ, что ни одинъ человѣкъ не отваживается спуститься туда. Скажи спасибо, Іостъ, что у тебя разумный

отецъ, который во-время припасъ для тебя землицы. Теперь у кого изъ здѣшнихъ жителей есть земля, у того большой козырь на рукахъ въ сравненіи съ торговцами.—Но, возвращаясь обратно на горную ниву, съ хлѣбами вмѣсто сыровъ, я увидѣлъ Дуглору, бѣжавшую ко мнѣ навстрѣчу подъ проливнымъ дождемъ, въ чьей-то мужской войлочной шляпѣ и въ старой солдатской шинели, накинутой на плечи.—Тебя требуютъ наверхъ, Іостъ,—кричала она взволнованно.—Всѣхъ мужчинъ съ пастбищъ созвали туда. Тамъ сзади, за Фейерштейномъ, образовалась трещина; съ горъ въ нее бѣжитъ вода и надо загородить ей путь; будутъ строить плотину.

Вмѣстѣ съ двумя—тремя десятками зельматцевъ я проработалъ всю ночь, при свѣтѣ фонарей и сосновыхъ лучинъ. Но и всего населенія деревни было бы мало, чтобы построить искусственный деревянный каналъ и отвести въ него воду потоковъ, сбѣгавшихъ съ Фейерштейна. Эти потоки все-таки шли въ трещину, и она все больше разросталась и въ ширь и въ длину. Несмотря на всѣ наши усилія, черезъ нѣсколько дней нужно было уже не менѣе четверти часа, чтобы пройти вдоль всего провала. Края его все раздвигались и задній конецъ, казалось, поднимался кверху. Или вѣрнѣе сказать, передній конецъ опускался и съ нимъ Боденское плато и Столовая гора, служившая ему основаніемъ; только люди и скотъ не замѣчали этого медленнаго опусканія, которое, однако, давало о себѣ знать разными внѣшними примѣтами.

Когда сквозь тучи пробился солнечный лучъ, ко мнѣ прибѣжала перепуганная Дуглора.—Представь себѣ, Іостъ,—кричала она,—въ дверь нашей хижины можно видѣть теперь верхушку зельматской колокольни, которой раньше нельзя было видѣть. Поди самъ, погляди. Мнѣ до смерти страшно.—Открытіе Дуглоры подтвердилось.—Не будь же такимъ хладнокровнымъ, Іостъ,—жаловалась она.—Можетъ быть, мы бы лучше вмѣстѣ со стадомъ спустились вмѣстѣ въ Зельматъ?—Развѣ это поможетъ?—возразилъ я.—Если Столовая гора и вправду рушится, опасность въ деревнѣ не менѣе велика, чѣмъ на горѣ. Вонъ идутъ люди изъ Зельмата; послушаемъ лучше, что они скажутъ.

Но гонцы, карабкавшіеся на гору, могли разсказать только о новыхъ ужасахъ. Каменная глыба, огромная, величиной съ большой сундукъ для платья, свалилась на церковь, пробила крышу и лежитъ теперь, на-половину уйдя въ землю, рядомъ съ купелью, въ которой крестятъ ребятъ. Камень этотъ, повидимому, сорвался со Столовой горы. Когда онъ пролеталъ мимо колокольни, отъ движенія воздуха начали звонить всѣ колокола,—сначала маленькіе, быстро и рѣзко, а затѣмъ и большой колоколъ сталъ отбивать тяжелые удары. И то, что колокола зазвонили сами-собой, нагнало такого страху на деревню, что многіе зельматцы стали укладывать, что поцѣннѣе, и собираются, бѣжать въ Цвейбрюкенъ; два семейства даже ужъ перебрались туда. Но остальныхъ общинный совѣтъ настойчиво убѣждаетъ оставаться въ деревнѣ, пока не пріѣдутъ депутаты ландрата и вы-

званные въ Зельматъ горные инженеры. Пусть, молъ, они осмотрятъ трещину — надо же посовѣтоваться съ знающими людьми: если они скажутъ, что Зельмату на самомъ дѣлѣ грозитъ серьезная опасность, волей-неволей придется очистить деревню и плато, но нельзя же, чтобы какъ разъ въ годину опасности всѣ разбѣжались въ разныя стороны.

Прибыли, наконецъ и депутаты и техники. Надъ грозной трещиной натянули бумажные мостики, которые черезъ нѣсколько часовъ натянулись туго и начали рваться. Очевидно, гора продолжала сползать—какъ говорили знающіе люди, по наклонной плоскости одного изъ шиферныхъ пластовъ Фейерштейна, къ которому прислонена Столовая гора. И совѣщаніямъ не было конца.

Какъ разъ во время этихъ разслѣдованій и развѣдокъ, произошло нѣчто, успокоившее какъ инженеровъ, такъ и простыхъ обывателей. Тучи раздвинулись и показалась заново посеребренная первымъ снѣгомъ, выпавшимъ во время грозъ, вершина Фейерштейна. Это всегда было признакомъ перемѣны вѣтра и перемѣны погоды къ лучшему. Перепуганные обыватели вздохнули съ облегченіемъ. А за ночь восточный вѣтеръ и совсѣмъ согналъ дождевыя тучи съ горы, и надъ мокрыми утесами засіяло солнце.—Слава Богу, пока опасность миновала!—говорили на деревнѣ. Вотъ установится хорошая погода—дастъ Богъ, и оползень не пойдетъ дальше. Слава Богу, мы можемъ, наконецъ, въ мирѣ отпраздновать Святой праздникъ—день Благодаренія, покаянія и молитвы.—Наступалъ торжественный и тихій праздникъ, особенно чтимый благочестивымъ населеніемъ горъ.

Наканунѣ этого дня, депутаты и техники вернулись домой, встрѣчать праздникъ, пообѣщавъ черезъ день вернуться; на горѣ и въ деревнѣ поставлены были сторожевые посты, и учитель Каспаръ принесъ намъ инструкцію по поводу того, какъ быть со стадомъ во время праздника. — Іостъ, завтра утромъ ты пойдешь въ церковь со своимъ отцомъ; а ты — обратился онъ къ Дуглорѣ, — останешься здѣсь до полудня; нельзя же вамъ обоимъ бросить стадо. Потомъ Іостъ вернется сюда, а ты спустишься въ долину.

— А на органѣ-то кто же будетъ играть?—спросила огорченная дѣвушка. — За обѣдней я, за вечерней службой ты, — отвѣтилъ учитель.

И, хотя Дуглора многое имѣла возразить противъ этого, мы сдѣлали такъ, какъ рѣшили отцы. Утро было яркое, солнечное; она пошла проводить меня и никакъ не могла рѣшиться разстаться со мной. — Мнѣ все кажется, что мнѣ еще что-то надо сказать тебѣ, Іостъ, — тихонько говорила она, — не хочется мнѣ оставаться безъ тебя одной на горѣ, въ такое опасное время. — И она отерла при этомъ слезу. — Не будь же такой глупенькой, дѣтка, — возразилъ я. — Чего ты боишься? Смотри, какое спокойное и тихое утро. — Я буду пѣть гимны по книгѣ псалмовъ — утѣшала она сама себя и, наконецъ, простилась со мною.

Но долго еще стояла на склонѣ горы и смотрѣла мнѣ вслѣдъ, кивая головкой.

— Тяжелыя времена настали для насъ: кажется, я въ этомъ году не пойду торговать,—сказалъ мнѣ за завтракомъ отецъ.— Впрочемъ, теперь уже всѣ успокоились насчетъ судьбы деревни. Даже тѣ два семейства, что сбѣжали въ Цвейбрюкенъ, вернулись.

Въ то время раздался праздничный звонъ; по всѣмъ дорогамъ и тропинкамъ изъ деревни и съ окрестныхъ горъ люди, одѣтые въ темное, спѣшили въ церковь: суровые горцы и зельматскіе пахари, ни передъ чѣмъ не преклонявшіеся, какъ только передъ законами своей страны и тайной вѣры, женщины и дѣвушки, изъ которыхъ каждая несла въ рукахъ молитвенникъ и какую-нибудь душистую травку. Подъ кленомъ, озареннымъ отблескомъ залитой солнцемъ вершины, собралась толпа, постепенно вливавшая въ раскрытыя настежь церковныя двери. Въ толпѣ были и мы съ отцомъ, одѣтые по праздничному. На колокольнѣ, надъ головами нашими, звонили колокола.

Это былъ похоронный звонъ для Зельмата.

ГЛАВА VII.

Я только что думалъ о томъ, какими словами описать страшный часъ гибели моей родной деревни, когда звонокъ телеграфа оторвалъ меня отъ работы. Это Гансъ Штюнци радостно сообщалъ мнѣ, что завтра утромъ онъ приведетъ ко мнѣ Готлобу. Радостное ожиданіе такъ взволновало меня, что я не могъ больше писать. Да мнѣ и слѣдовало отдохнуть. Моя исповѣдь слишкомъ захватываетъ меня, и мнѣ приходится слѣдить за собой, чтобы не исполнять своихъ обязанностей метеоролога совершенно машинально, какъ автоматически записывающіе приборы. Съ утра до вечера я только и думаю о томъ, какъ бы скорѣй покончить дневную работу и засѣсть за исторію моей жизни. Я цѣликомъ ушелъ въ эту поставленную мной самимъ задачу. Это помогло мнѣ благополучно пережить трудные дни напряженнаго и напраснаго ожиданія моей ненаглядной Готлобы, которую удерживало дома затянувшееся нездоровье Хангштейнера.

Но вотъ, наконецъ, моя любимица придетъ ко мнѣ съ Гансомъ Штюнци на цѣлыхъ два дня.

Утро было прохладное, но солнечное. Я пошелъ на самую вершину посмотрѣть вѣтромѣръ и еще задолго до срока высматривалъ, не увижу ли поднимающуюся изъ долины юную пару. Около десяти часовъ мой шпицъ, Снѣжокъ, принялся радостно лаять. Его чуткій слухъ, быть можетъ, уже уловилъ лающій призывъ Ганса Штюнци. Наконецъ, обогнувъ уголъ скалы, показались мои гости, которыхъ я ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ. Готлоба въ своемъ коротенькомъ сѣро-синемъ шерстяномъ платьѣ была такая веселая, свѣженькая; врядъ ли еще какая-нибудь женщина способна съ такой легкостью взобраться на Фейер-

штейнъ. Какъ она ходитъ, какъ держится, какъ легко перепрыгиваетъ со скалы на скалу, какъ красиво обрисовывается линія юнаго бюста, подъ тяжестью дорожнаго мѣшка за плечами! Вся она очарованіе и красота.

Завидѣвъ меня, она легко опередила своего спутника и помчалась ко мнѣ съ ликующимъ крикомъ, выдававшимъ ея горячую кровь, протягивая мнѣ обѣ руку. И когда я, какъ старый галантный кавалеръ, прежде всего поспѣшилъ освободить ее отъ мѣшка, она разсмѣялась такимъ очаровательнымъ звонкимъ смѣхомъ:—Нѣтъ, право, я не заслуживаю, чтобъ вы были со мной такъ любезны. Про себя вы навѣрное думаете: скверная дѣвчонка, зачѣмъ она такъ долго не приходила! — И, уже серьезнѣе, она продолжала: — Раньше, право, невозможно было притти; отецъ совсѣмъ расхворался. Но зато теперь, какъ я рада! Я прямо-таки стосковалась по васъ. На этотъ разъ разрѣшеніе далось нелегко. Отецъ вообще что-то заупрямился въ послѣднее время; онъ все ворчалъ и хмурился надъ вашимъ письмомъ. Но что можетъ подѣлать отецъ, когда дикой козѣ захочется въ горы?— Она вся ликовала, вся была полна молодого задора. И если я тутъ же не прижалъ ее къ своей груди и не расцѣловалъ, то только потому, что къ намъ уже подходилъ, снимая шляпу, Гансъ Штюнци.

Въ обсерваторіи я уже давно приготовилъ завтракъ для моихъ юныхъ, проголодавшихся въ дорогѣ гостей. Оба уплетали поданное съ такимъ аппетитомъ, что я радовался отъ души, глядя на нихъ. Когда я вернулся изъ кладовой, куда ходилъ наполнить снова опустѣвшую тарелку съ вяленымъ мясомъ, которое я нарѣзалъ прозрачными кусочками, на столѣ моемъ за это время расцвѣлъ дивный букетъ осеннихъ цвѣтовъ, вынырнувшій на свѣтъ изъ дорожнаго мѣшка моей дѣвочки. Тутъ были темные бархатные медвѣжьи ушки, астры, резеда и огненно-красныя большія гвоздики, точь-въ-точь такія, какъ когда-то цвѣли на подоконникѣ у моей матери.

А окна мои были украшены фестонами изъ осеннихъ плодовъ лѣсовъ и полей: пучки барбариса алѣли между вѣтокъ душистаго терна съ голубовато-стальными ягодами. а среди сосновыхъ вѣтокъ, съ уже созрѣвшими шишками, свѣтился мягкимъ серебристымъ блескомъ татарникъ. На моемъ голомъ утесѣ не пускаютъ корней никакія сѣмена, но теперь меня окружали благословенные дары природы.

— Но вѣдь сегодня совсѣмъ не день моего рожденія. дѣти!— воскликнулъ я, любуясь всѣмъ этимъ великолѣпіемъ. Счастливый смѣхъ былъ мнѣ отвѣтомъ.— Къ сожалѣнію, это прощальный праздникъ, — замѣтилъ Гансъ Штюнци. — Позвольте вамъ пожелать, чтобы зима прошла для васъ хорошо и благополучно. Если будетъ хоть какая-нибудь возможность, если гора не совсѣмъ обледенѣетъ, я проберусь къ вамъ сюда, встрѣчать съ вами Новый годъ.—А я уже теперь поздравляю васъ съ Новымъ годомъ,—шутливо но съ большой сердечностью выговорила Готлоба:—Всего добраго, всего радостнаго, всего, что можетъ только

порадовать ваше сердце, желаю я вамъ, нашъ милый метеорологъ, въ Новому году. И еще желаю всегда съ пріятнымъ чувствомъ вспоминать о насъ,—какъ мы думаемъ и помнимъ о васъ ежечасно.

Перекусивъ, гости мои пошли осматривать обсерваторію, состоящую изъ низенькихъ трехъ этажей, пріютившихся подъ защитой скалы. Въ метеорологическомъ бюро Гансъ Штюнци объяснялъ своей спутницѣ все хитроумное устройство графическихъ приборовъ съ часовымъ механизмомъ, автоматически записывающихъ своими штифтами на валикахъ, или экранахъ температуру, количество влаги въ воздухѣ, степень воздушнаго давленія, направленіе и силу вѣтровъ въ каждый часъ и каждую минуту въ году. Готлоба оказалась удивительно понятливой, но еще больше автоматическихъ приборовъ заинтересовала ее моя гостиная въ первомъ этажѣ, гдѣ собрано столько воспоминаній моего прошлаго, въ видѣ рисунковъ, картинъ, иноземной утвари и маленькой библіотеки.—И всѣ эти удивительные ландшафты вы видѣли своими глазами, и жили среди народовъ, изображенныхъ на этихъ картинахъ? Среди людей съ такими необыкновенными лицами и въ такихъ яркихъ, пестрыхъ одеждахъ?—спрашивала она, сверкая глазами. Когда же я растворилъ дверь смежной съ этой комнатою моей спальни, гдѣ поставлена кровать и для Ганса, она сразу притихла передъ простенькимъ портретомъ ея собственной матери, въ юности. И лишь послѣ долгаго раздумья выговорила тепло и задушевно:—Мама тоже очень полюбила васъ, г. Квифортъ, за то время, какъ вы лежали у насъ больнымъ.—Затѣмъ, взглядъ ея съ изумленіемъ остановился на картинѣ, писанной масляными красками.—Это женское лицо—навѣрное, только мечта художника? — выговорила она въ раздумьѣ.—Не можетъ быть, чтобы въ одномъ и томъ же лицѣ соединилось столько красоты и доброты.—И, однако, это портретъ, Готлоба,—усмѣхнулся я, взволнованный воспоминаніями,—и даже очень удачный портретъ. Эту даму звали Абигаиль, и мы съ ней были большіе друзья.

Гости мои оба, видимо, были изумлены, но я поспѣшилъ увести ихъ изъ спальни во второй этажъ.—Здѣсь, въ этой комнатѣ нѣтъ ничего интереснаго; тутъ только складъ ящиковъ и всякаго стараго хлама, но рядомъ съ ней, Готлоба, приготовлено гнѣздышко и для тебя.—И какое хорошенькое гнѣздышко! А на этой картинѣ что изображено? Зельматъ до обвала горы? — Я кивнулъ головой. Гансъ принялся обстоятельно разбирать детали рисунка.

— Самое замѣчательное въ вашемъ домѣ,—воскликнула Готлоба, очень довольная этимъ обходомъ,—это то, что здѣсь совершенно не чувствуется отсутствія женской руки. Все въ порядкѣ, все на своемъ мѣстѣ.

— На то я и старый холостякъ,—пошутилъ я.

Изъ обсерваторіи мы, весело болтая, отправились на вершину любоваться широко раскинувшимся передъ нами Божьимъ міромъ. Гансъ съ Готлобой усѣлись на лужайкѣ и начали пѣть. Послѣ

обѣда молодой учитель выказалъ большой тактъ и сердечность, за которые я былъ ему очень признателенъ: подъ предлогомъ хорошей погоды и необходимости провѣрить нѣсколько интересующихъ его наблюденій, онъ отправился бродить по вершинамъ и зубцамъ Фейерштейна, оставивъ насъ съ Готлобой вдвоемъ. Наконецъ-то мы могли поговорить по душѣ.—Можетъ быть, ей пріятнѣе было бы пойти съ Гансомъ?—Нѣтъ, она рада и остаться со мной. Ушедшій самъ помогъ намъ навести разговоръ на интересующую меня тему. Издали донесся, отчетливо слышный среди торжественнаго безмолвія горъ, его красивый звучный теноръ:

Очи прекрасныя, звѣздочки ясныя,
Какъ вы близки мнѣ и какъ далеки!

Готлоба задумчиво прислушивалась. Въ эти минуты она напомнила мнѣ свою мать, подругу и невѣсту моей юности; только волосы у нея были не рыжевато-, а темно-каштановые, и въ чертахъ ея лица, хоть и смягченные юностью и женственностью, были слѣды крови дикихъ людей. Въ глазахъ ея былъ огонь жизни, въ лицѣ жаркій румянецъ; все выраженіе лица говорило о сильной и стойкой душѣ, въ каждомъ движеніи сквозилъ огневой темпераментъ. Хотѣлось бы мнѣ взглянуть на эту молодую красавицу, когда душа ея запылаетъ любовью! Да, да, Гансъ Штюнци, кто сумѣетъ разбудить эту еще дремлющую душу, кто будетъ любимъ Готлобой—тотъ, безспорно, счастливецъ.

Замѣтивъ, какъ я пристально смотрю на нее, она вдругъ вся зардѣлась румянцемъ.—Не правда ли, пѣсня о прекрасныхъ очахъ и о звѣздахъ, которую пѣлъ Гансъ, предназначалась тебѣ?—замѣтилъ я и тѣмъ еще больше смутилъ ее; но это смущеніе было прелестно.

— Не на радость это ни ему, ни мнѣ,—промолвила она, поникнувъ головой.—Мнѣ жалко Ганса Штюнци. Не весело ему живется въ Зельматѣ; онъ такъ страдаетъ отъ жестокости и высокомѣрія нашихъ крестьянъ. Ваша дружба, г. Квифортъ—единственный солнечный лучъ въ его жизни.—Голосъ ея слегка дрогнулъ.—Но вѣдь отецъ твой, Хангштейнеръ, къ нему хорошо относится?—не безъ лицемѣрія освѣдомился я.—Отецъ? Да онъ больше всѣхъ настроенъ противъ учителя, зоветъ его голодранцемъ. Онъ даже не хотѣлъ пускать меня съ Гансомъ сюда, на Фейерштейнъ. Еле-еле я умолила его; и то онъ заставилъ меня поклясться и небомъ, и адомъ, что я буду разговаривать съ нимъ только о пустякахъ.—И что же, сдержала ты слово?— спросилъ я. Она кивнула головой, улыбнулась и пролепетала:—Не могу же я сама...—Она не докончила фразы, и губы ея какъ-то странно дрогнули; но это не было ни улыбкой, ни судорожной гримаскою плача.

Не можешь же ты сама сказать Гансу Штюнци, что ты его любишь? — говорилъ я за нее.—Ты это хотѣла сказать, дитя? Развѣ ты и вправду такъ его любишь?—Она покраснѣла и молча, серьезно наклонила голову. И тотчасъ же глаза ея загорѣлись.—

Давно уже!—воскликнула она.—Ужъ сколько времени я не могу ни о комъ и ни о чемъ другомъ думать. Я изъ-за этого и пришла къ вамъ, г. Квифортъ. Мать на смертномъ одрѣ взяла съ меня обѣщаніе, что я не предприму ни одного рѣшительнаго шага въ жизни и ни съ кѣмъ ни обручусь, не посовѣтовавшись предварительно съ вами. Мать моя очень любила васъ и высоко цѣнила вашъ опытъ и знаніе жизни; а объ отцѣ она знала, что онъ иной разъ бываетъ упрямъ и близорукъ въ своихъ взглядахъ. Но помочь и вы мнѣ не можете. Это я и сама хорошо знаю.

Огонь въ темныхъ глазахъ погасъ, его смѣнило выраженіе мучительной безнадежности. Я не въ состояніи былъ ничего ей отвѣтить, такъ меня потрясло воспоминаніе объ ея матери.

— Вотъ теперь этотъ молодой торговецъ скотомъ изъ Цвейбрюкена, Бенингеръ, зачастилъ къ намъ,—продолжала дѣвушка изливать свою душу.—Отецъ только и говоритъ, что о немъ, не нахвалится имъ. Они все время сидятъ и шепчутся о томъ, какъ бы это было хорошо и прекрасно, еслибъ этотъ парень сталъ моимъ мужемъ и, въ качествѣ зятя, взялъ бы на себя всѣ хлопоты по хозяйству, а отецъ бы оставилъ за собой только верховный надзоръ. А я терпѣть не могу этого Бенингера. Онъ, можетъ быть, и хорошій, и дѣльный, но, какъ онъ ни старается усахарить меня, я на каждомъ шагу чувствую въ немъ грубаго скототорговца. Чѣмъ выходить за него, я лучше уйду изъ дому и поступлю куда-нибудь въ услуженіе, и буду ждать Ганса Штюнци. Богъ милостивъ; найдетъ же онъ себѣ когда-нибудь лучшее мѣсто, чѣмъ въ Зельматѣ. Школьный учитель въ нашей деревушкѣ! Съ этимъ можно не умереть съ голоду, но жениться нельзя.

Она уныло смолкла и поникла головкой, силясь удержать набѣгавшія слезы.

Я взялъ ее за руку и серьезно сказалъ:—Нѣтъ, дитя, было бы смертнымъ грѣхомъ изъ малодушія, или въ угоду отцу, выйти за человѣка, котораго ты не любишь. И этого грѣха ты не должна совершать. Не дай себя похоронить заживо. Ради твоей матери ты не смѣешь это сдѣлать.—Она сквозь слезы посмотрѣла на меня такъ ласково и задушевно.—Я думаю о томъ, Готлоба,—продолжалъ я—какъ ты тогда помогла мнѣ пережить тѣ мучительные дни, когда я лежалъ у васъ въ домѣ съ перебитой ногой, захожій, чужой человѣкъ. Я думаю о томъ, какъ ты своей невинной дѣтской болтовней и звонкимъ смѣхомъ заставила меня вновь полюбить жизнь, которую я уже готовъ былъ отшвырнуть отъ себя, какъ ненужное бремя. За это мнѣ бы хотѣлось теперь отблагодарить тебя, сгладивъ путь для твоей любви къ Гансу Штюнци. Потерпи только до весны, дитя.

Изумленіе и горячая радость засвѣтились въ темныхъ глазахъ; грудь молодой дѣвушки высоко вздымалась, но говорить она не могла.

А я продолжалъ: — Вѣдь и Ганса Штюнци я люблю, какъ сына, и не могу допустить, чтобы онъ закисъ и погибъ въ вашей

глуши. Я знаю, какая это даровитая натура: онъ долженъ найти себѣ такое занятіе, которое соотвѣтствовало бы его наклонностямъ и высокому полету его духа. Пусть онъ станетъ инженеромъ и служитъ своей родинѣ. На что мнѣ мое состояніе? у меня на свѣтѣ нѣтъ никого близкаго, кромѣ васъ двоихъ. Я раскрою дорогу передъ Гансомъ, дамъ ему капиталъ, съ которымъ онъ можетъ развернуть свои силы.

И вѣря, и не вѣря, Готлоба слушала меня, какъ ребенокъ, которому разсказываютъ красивую сказку. И опять загорѣлись, засіяли ея глаза. Дрожа отъ радости, она схватила мою руку и осыпала ее горячими поцѣлуями.—За что вы такъ добры къ намъ, г. Квифортъ?—лепетала она.—За то, что я обязанъ твоей доброй матери несказанной благодарностью, — воскликнулъ я и, отъ полноты души разсказалъ бы ей въ эту минуту еще многое, еслибъ это не было нарушеніемъ клятвы. Но все же я не удержался и поцѣловалъ ее и въ уста, и въ чело, какъ отецъ цѣлуетъ свое дитя. И долго еще я сидѣлъ возлѣ нея, держа въ своихъ рукахъ ея горячую ручку, и передъ лицомъ бѣлыхъ горъ мы говорили о многомъ, слишкомъ святомъ для записи на этихъ страницахъ.

А затѣмъ и Гансъ Штюнци вернулся изъ своей далекой прогулки. Онъ сразу почувствовалъ, что произошло что-то особенное; и смотрѣлъ то на меня, то на Готлобу, которая не въ состояніи была скрыть свою бурную радость. Мы провели прелестный вечеръ. Съ обоими моими молодыми друзьями я выпилъ на «ты»; но это «ты» вначалѣ не шло у нихъ съ языка. Завтра подъ вечеръ, когда они снова будутъ спускаться въ долину, я увѣренъ, что имъ между собой это будетъ гораздо легче. Не можетъ же быть, чтобъ Гансъ и Готлоба, оба такіе молодые красивые, сильные, не договорились до признанія. Оставшись наединѣ съ Гансомъ, я даже намекнулъ ему на это.—Ну, ужъ на обратномъ пути,—сказалъ я,—у васъ съ Готлобой, навѣрное, не обойдется безъ поцѣлуя. Это само собой разумѣется.—Онъ заметался, какъ щука въ сѣтяхъ.—«Мефистофель»!—воскликнулъ онъ.—Мефистофель, соблазняющій человѣка именно тѣмъ, что ему всего больнѣй, недоступное ему!—Тогда я съ нимъ заговорилъ о деньгахъ, которыя у меня лежатъ даромъ и совершенно меня не радуютъ, и которыя я охотно отдамъ ему весною, чтобы онъ могъ устроить свою жизнь, какъ ему хочется.

Разумѣется, онъ ушелъ отъ меня, очарованный и опьянѣвшій отъ радости.

Теперь-то ужъ они, навѣрное, объяснятся: любовь и надежда опрокинутъ ограду сдержанности, которою добровольно окружилъ себя мой юный другъ. И вокругъ меня теперь цвѣтутъ цвѣты и радуютъ взоръ мой плоды; и домъ мой полонъ воспоминаній о милой юной четѣ, которую я люблю всѣмъ сердцемъ. Теперь мнѣ не страшна зима, и рука моя не дрогнетъ на мрачныхъ страницахъ, которыя мнѣ предстоитъ написать. Добрые духи охраняютъ и берегутъ человѣка, сумѣвшаго озарить чарами радости души этой юной четы.

Сегодня день поминовенія всѣхъ усопшихъ. Въ молодости я не слыхалъ объ этомъ праздникѣ, полномъ глубокаго значенія, но въ чужихъ краяхъ научился чтить его. Сегодня я отпраздную его тѣмъ, что опишу гибель моей родной деревни, и твой предсмертный часъ, о отецъ мой, и помяну многихъ усопшихъ, которыхъ я въ своей юности зналъ живыми.

ГЛАВА VIII.

Итакъ, Зельматъ праздновалъ праздникъ покаянія, благодаренія и молитвы. Въ темныхъ одеждахъ, съ трогательно-серьезными лицами, прихожане заполнили всѣ мѣста на церковныхъ скамьяхъ. На столѣ стояли, по шести въ рядъ, блестящія оловянныя причастныя кружки и старинныя деревянныя чаши, выложенныя серебромъ; передъ ними, на цинковыхъ тарелкахъ, лежалъ предназначенный для причастія хлѣбъ. Рядомъ съ купелью, наполовину врѣзавшись въ полъ, зловѣщей угрозой высился камень, упавшій со Столовой горы,—такой огромный, что убрать его изъ церкви нечего было и думать. Кое-какъ заложеное досками мѣсто на потолкѣ указывало откуда онъ свалился. Пасторъ, самъ мужиковатый на видъ, только что окончилъ проповѣдь; вѣрующіе уже направились къ причастному столу, и подъ звуки органа, на которомъ игралъ учитель Каспаръ, запѣли съ глубокою вѣрой утѣшительный гимнъ:

Довѣрь свои пути
И то, что сердце ранитъ,
Тому, Кто въ небесахъ
Ведетъ и не обманетъ.

Во время пѣнія церковные старосты разносили причастныя чаши. И каждый, когда очередь доходила до него, прервавъ пѣніе, бралъ чашу и трижды отпивалъ изъ нея. Помнится, что я только взялъ одинъ изъ кубковъ, когда въ отворенную дверь церкви ворвалась женщина, которая ждала ребенка и потому не могла присутствовать на богослуженіи, и громко вскрикнула: — Люди добрые, что же это? Изъ-за Столовой горы такъ и валятъ дымъ и пыль. Падаютъ камни и глыбы.—Пѣніе оборвалось: взволнованные, но въ чинномъ порядкѣ, благословляемые пасторомъ, выходили зельматцы изъ церкви; женщины, безпокоившіяся о своихъ дѣтяхъ, плакали, кричали. Но надъ кладбищемъ и надъ деревенской площадью, на которой стоялъ старый кленъ, уже въ осеннемъ уборѣ, ярко свѣтило солнце. И горы, вплоть до красноватой вершины Фейерштейна, выдѣлялись на синемъ небѣ яснымъ и четкимъ рисункомъ. Казалось, ничто не грозило опасностью.

А между тѣмъ со стѣнъ Столовой горы катились мелкіе и падали болѣе крупные камни; по временамъ раздавались, какъ будто, ружейные выстрѣлы, перемежаемые глухими стонами; когда на Столовой стихало откликалось горное эхо за церковью, словно

буря бушевала въ лѣсу на вершинахъ. На площади уже стояла кучка людей.—Всѣ въ лѣсъ за церковью! — крикнулъ кто-то. Отдѣльныя фигуры уже мчались по круто поднимавшемуся въ гору лугу, примыкавшему къ опушкѣ сосноваго лѣса. Снова, какъ будто, громъ загрохоталъ, и посыпался каменный градъ, но еще не одинъ камень не перелетѣлъ черезъ Зелахъ въ деревню.

Изъ лѣсу съ крикомъ вылетали вороны и темною стаей кружились надъ деревней, какъ передъ бурей, то взвиваясь въ поднебесье, то летая низко надъ крышами, то перелетая со скалы на скалу и, видимо, не рѣшаясь присѣсть. Вслѣдъ за птицами переполошились и всѣ животные: собаки отчаянно выли, немногія коровы, оставшіяся въ деревнѣ, издавали протяжный, жалобный ревъ; невѣдомо откуда взявшаяся коза, дрожа отъ страха жалась къ людямъ.—Глядите, глядите!—вскричалъ мой отецъ.—Коровы бѣгутъ съ Боденской пажити внизъ, въ деревню, отъ испуга перескакивая одна черезъ другую. И при видѣ испуга животныхъ, и у людей стыла кровь въ жилахъ отъ страха.

— Дуглора, Дуглора!—вырвалось душу раздирающимъ крикомъ изъ перекошенныхъ страхомъ устъ учителя Каспара.—Я иду къ Дуглорѣ,—рѣшительно заявилъ я; но отецъ приказалъ мнѣ:—Іостъ, ты останешься возлѣ меня. Или нѣтъ—лучше бѣги въ лѣсъ, туда на гору. Слышишь, Іостъ?—Самъ онъ кинулся въ домъ—навѣрное, чтобъ захватить свои деньги. Каспаръ, ломая руки, убѣжалъ отъ насъ.—«Дуглора! Дуглора!»—донесся до меня еще разъ его голосъ. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать—бѣжать ли къ Дуглорѣ, или ждать отца, или же слѣдовать за бѣглецами, которые черезъ лугъ мчались на гору въ лѣсъ, еще не успѣвъ снять съ себя строгихъ темныхъ одеждъ. И въ этой борьбѣ противорѣчивыхъ стремленій я стоялъ, растерянный, на площади, между отцовскимъ домомъ и старымъ кленомъ, совершенно одинъ. Я видѣлъ, какъ все сильнѣе и стремительнѣй сыпался каменный градъ со Столовой горы, отчетливо видѣлъ, какъ шаталась самая гора и, словно огромная подломившаяся стѣна сперва медленно, потомъ все быстрѣй валилась на деревню. «Гора, гора валится!»—пронесся отчаянный вопль бѣглецовъ. На колокольнѣ зельматской церкви пробило одиннадцать, но я разслышалъ только шесть ударовъ. «Іостъ, Іостъ!»—донесся изъ дверей голосъ отца. И затѣмъ, мнѣ показалось, какъ будто что-то разрываетъ меня пополамъ. Я упалъ; но, падая, еще видѣлъ, какъ надъ рухнувшей горой взвились сѣрыя тучи дыму и пыли, какъ нелетѣвшій вихрь сломилъ могучій стволъ клена и закружилъ его въ воздухѣ. Дерево упало, прикрывъ меня своей развѣсистой вершиной. Я чувствовалъ, какъ вѣтки и сучья хлещутъ меня, точно розгами, какъ сквозь вѣтки въ носъ и въ ротъ ко мнѣ набивается удушающая пыль, какъ потомъ что-то—должно быть, крыша нашего дома—навалилась на дерево, а тамъ посыпались одинъ за другимъ толчки и удары.

Сколько было предостереженій, а вся катастрофа была дѣломъ одной лишь минуты...

Должно быть, я потерялъ сознаніе. Помню только, что мнѣ

вдругъ стало странно—отчего это такъ тихо вокругъ меня? Лицо мое было, изсѣченное вѣтвями; я отстранилъ рукой вѣтки и началъ раздвигать мягкіе листья. Чьи-то вздохи и стоны ворвались въ тишину.—Отецъ, отецъ!—крикнулъ я.—Іостъ, бѣдный мальчикъ, тебѣ очень больно?—прохрипѣлъ онъ. По звуку голоса чувствовалось, что онъ недалеко.—Нѣтъ,—отвѣтилъ я,—а тебѣ?—Какой то сукъ, или балка навалилась мнѣ на грудь и давитъ, и двигать я могу только ногами. Я думаю: всѣмъ намъ погибель пришла—и людямъ, и скоту, и деревнѣ. Если даже ты и спасешься, я ужъ ничѣмъ не могу помочь тебѣ. Все-таки, пожалуй, лучше всего тебѣ поѣхать къ Бальмеру. А мнѣ ужъ смерть приходитъ. О, Боже! О, Боже!—Запинающійся, хриплый голосъ отца перешелъ въ молитвенное сиплое бормотанье, потомъ въ предсмертный хрипъ. Раздвигая вѣтви и сучья, насколько это было возможно, я поползъ на звукъ его голоса и сквозь листья, ощупью дотянулся до его руки. Онъ слабо сжалъ мою руку, но говорить уже не могъ. Минуту спустя онъ вздохнулъ въ послѣдній разъ и выпустилъ мою руку. Вокругъ меня царила теперь зловѣщая тишина.—Отецъ, отецъ!—крикнулъ я. Отвѣта нѣтъ. Онъ умеръ.

Среди безмолвія смерти нежданно раздался какой-то странный звукъ,—сначала я даже не могъ опредѣлить, что это такое. Какое-то бульканье, хлюпанье... Все ближе, ближе. Страхъ охватилъ меня. Я сообразилъ, что, падая, гора завалила Зелахъ, и заставила потокъ выйти изъ береговъ. Утонуть... Захлебнуться водой... Какой ужасъ! Я поползъ прочь отъ мертвеца, толкаясь то руками, то головой о сучья дерева и нащупывая свободное мѣсто. И, наконецъ, нашелъ такое, гдѣ можно было приподняться. Я выпрямился, схватился за сукъ и полѣзъ по немъ кверху; но вскорѣ наткнулся на что-то твердое—должно быть, балку, или стропило крыши—и, наконецъ, недурно устроился въ вилкообразномъ углубленіи, образованномъ двумя толстыми сучьями погибшаго клена. И такъ сидѣлъ, держась обѣими руками за сучья. Отъ времени до времени меня пугало таинственное бульканье воды, которая все поднималась и теперь уже доходила мнѣ до подошвъ. Сердце мое сжималось мучительнымъ страхомъ: надо мною вздыхала земля, словно она вотъ-вотъ уступитъ давленію и опустится еще ниже, и завалитъ могилу, гдѣ я сидѣлъ, живой. Постепенно, однако, бульканье прекратилось; вода больше не поднималась; было такъ тихо, что я слышалъ, какъ тикали часы у меня въ карманѣ. Я сталъ искать спичку, чтобы посмотрѣть, который часъ, и не нашелъ; я не зналъ, много или мало времени прошло съ момента обвала, свѣтило ли еще солнце надъ поверхностью земли, или уже наступила звѣздная ночь.

При мысли объ этомъ во мнѣ бурно всколыхнулась вся моя молодая воля къ жизни.—«Свѣта! Свѣта! Свѣта!» Мой крикъ глухо раздался въ темной могилѣ; отъ воды тянуло холодной сыростью, но свѣта не было—были только красные, синіе, зеленые и желтые круги, которые мерещились мнѣ въ темнотѣ. Я разрыдался, самъ не зная, о чемъ я плачу: о собственномъ ли безна-

дежномъ положеніи, о смерти ли отца, о Дуглорѣ ли, которая, навѣрное, тоже лежитъ гдѣ-нибудь мертвая, подъ утесомъ, или же о страшной гибели родной деревни. Зачѣмъ и я не умеръ, какъ отецъ, послѣ недолгихъ страданій? Какъ я теперь буду жить?..

Я началъ повторять всѣ молитвы и псалмы, какіе только зналъ наизусть; я думалъ обо всѣхъ, кто былъ мнѣ милъ и дорогъ, и съ наибольшей сердечностью—о Дуглорѣ. Когда же цѣпь мыслей моихъ оборвалась, я нащупалъ листья клена, навалившагося на меня, какъ будто, для того, чтобы спасти меня отъ смерти, растиралъ ихъ между пальцами, жевалъ ихъ, и горькій вкусъ ихъ освѣжалъ меня. Немного погодя, я впалъ въ какое-то тупое раздумье и даже вздремнулъ, прижавшись къ одному изъ сучьевъ. По крайней мѣрѣ, такъ я думаю, ибо все, пережитое мной въ эти мучительные часы, осталось у меня въ памяти только въ видѣ обрывковъ и, какъ сонъ, грезится мнѣ въ часы воспоминаній.

Пробудившись, я приложилъ къ уху часы. Они уже не тикали. Значитъ, вчерашній день уже прошелъ и наступилъ другой. Я снова завелъ ихъ—все же въ ихъ тиканьи было что-то живое, и, такъ какъ у меня нестерпимо ныло все тѣло отъ неудобнаго сидѣнья вытянулъ ногу,—попробовать, высоко ли стоитъ вода. Но воды уже не было. Зелахъ, должно быть, вернулся въ берега. Голодъ и жажда терзали меня; я облизывалъ языкомъ влажные листья и шарилъ въ карманахъ—не найдется ли тамъ завалявшагося ломтика хлѣба. Случайно я нащупалъ въ карманѣ ножъ. Самъ не зная хорошенько, почему, я обрадовался этой находкѣ. Чтобы расправить немного движеніемъ окоченѣвшіе члены, согрѣться и разогнать какъ-нибудь тяжелыя мысли, я началъ отрѣзывать ножикомъ мелкія вѣтки отъ сучьевъ и разрѣзывать ихъ въ темнотѣ на мелкіе кусочки. Такъ прошло, должно быть, нѣсколько часовъ. Потомъ я, забавы ради, началъ отрѣзывать пуговицы отъ своего парадnаго камзола. Не развлекайся я этой игрой, я, кажется, сошелъ бы съ ума. Затѣмъ я началъ раскапывать остріемъ ножа сырую землю, ибо неподалеку отъ того мѣста, гдѣ я находился, черезъ глину шелъ водоотводный желобъ, выложенный каменными плитами. У меня вдругъ мелькнула безумная мысль, что этотъ водостокъ можетъ быть моимъ спасеніемъ. Но лезвіе ножа очень скоро сломалось о камень, встрѣтившійся ему на пути.

Въ тупомъ отчаяніи я снова заплакалъ и ужъ не сдерживалъ слезъ. Но вотъ—какой-то звукъ, какой-то шумъ, донесся сверху, словно тамъ рубили дрова. Я отчетливо слышалъ звонкіе металлическіе удары... Это люди! Меня словно варомъ обдало. Весь дрожа отъ внезапной надежды, я поползъ на звукъ, который то смолкалъ, то возобновлялся, и нащупалъ рукой что-то круглое, желѣзное: трубу, заканчивавшуюся сбоку остроконечной, массивной ножкой. Дрожащей рукой я съ силой застучалъ рукояткой ножа по трубѣ. Отвѣтомъ были сверху два звонкихъ удара. И, словно откуда-то издалека, въ мою могилу донесся человѣческій

голосъ.—Кто вы?—Іостъ Вильди.—Кто?—Іостъ Вильди.—Вы въ церкви? Нѣтъ, подъ кленомъ.—Вы одни?—Возлѣ меня лежитъ мертвый отецъ.—Есть въ церкви еще люди?—Ни души.—Человѣческіе голоса! Что за дивная музыка!

— Потерпите еще нѣсколько часовъ,—донесся до меня точно шепотъ.—Мы васъ откопаемъ. Подставьте руки подъ трубу, мы нальемъ вамъ водки въ горсть.—Еще разъ подставьте.—Такъ продолжался нѣкоторое время нашъ разговоръ. Я узналъ, что изъ зельматцевъ спасено всего 23 человѣка, въ томъ числѣ Дуглора; остальные погибли или не разысканы, какъ и вся семья учителя Каспара.—Ну, теперь потерпите.—крикнулъ мнѣ кто-то.—Мы сейчасъ вытащимъ трубу обратно. Надо будетъ позондировать почву еще въ другихъ мѣстахъ.

«Они меня откопаютъ! Они меня откопаютъ!» Слова эти звенѣли ликующей пѣснью въ моей душѣ. Съ глубокой благодарностью думалъ я о кузнецѣ изъ Цвейбрюкена, который, уже полвѣка назадъ, выковалъ эту трубу и приподнесъ ее въ даръ нашей общинѣ, когда его братъ погибъ, засыпанный лавиной. Труба предназначалась для разыскиванія заваленныхъ обваломъ. Быть можетъ, она такъ ни разу и не примѣнялась для своего назначенія. Но вотъ, теперь она спасла меня. И Дуглора жива!

О, какъ томительно медленно ползли часы! Мнѣ становилось уже нестерпимымъ пребываніе въ этой могилѣ; въ лихорадочномъ бреду мнѣ мерещился золотой воздушный корабль, плывущій надъ Срѣтенскимъ Кольцомъ, потомъ отвѣсный утесъ, съ утеса съ жалобнымъ крикомъ падала въ бездну, вся окровавленная, Дуглора... Моментами я говорилъ себѣ: «Ты съ ума сходишь Іостъ: все это призраки твоего воображенія. Никакихъ тамъ людей нѣтъ наверху. Никто не станетъ откапывать тебя. Ты забытъ».—И снова воспоминанія и лихорадочныя видѣнія путались въ моемъ разгоряченномъ мозгу.

И вдругъ, я отчетливо услыхалъ надъ собою стукъ лопатъ и заступовъ. Крыша дома, навалившаяся на вершину клена, раздалась подъ ударами топоровъ. Свѣтъ! Болѣе мертвый, чѣмъ живой, я выползъ на свѣтъ и не сразу замѣтилъ, что это былъ не солнечный свѣтъ, а мягкій, лунный. Я даже не замѣчалъ протянутыхъ ко мнѣ рукъ, не видѣлъ счастливыхъ лицъ людей, которымъ я былъ обязанъ своимъ спасеніемъ. Ничто не шевельнулось во мнѣ, когда передо мной пронесли выкопанный изъ-подъ земли трупъ моего отца. На вопросы я не отвѣчалъ; я самъ себѣ казался дурачкомъ, который не знаетъ, плакать ли ему, или смѣяться. И другіе люди казались мнѣ юродивыми; мнѣ было непонятно, чего они такъ галдятъ и жестикулируютъ.

Такъ велико было мое душевное потрясеніе. Должно быть, я безсознательно искалъ Дуглору. Я нашелъ ее въ Цвейбрюкенѣ, но было ли это въ ту же ночь, или на утро третьяго дня послѣ обвала, одинъ ли я пришелъ туда или меня привели—это изгладилось изъ моей памяти. Лишь нѣсколько дней спустя ко мнѣ вернулась способность испытывать горе и радость, но мнѣ каза-

лось, что я никогда уже не научусь смѣяться, и вѣчно буду трепетать въ ожиданіи новыхъ ударовъ судьбы.

Возлѣ меня стояла въ темной одеждѣ, измученная горемъ, сама блѣдная и прозрачная, какъ мертвецъ, Дуглора. Ея тоненькіе пальчики цѣплялись за мою руку; печальные глаза, полные слезъ, смотрѣли на меня; уже не звучнымъ, какъ прежде, а разбитымъ, упавшимъ голосомъ, она шептала мнѣ:—Іостъ, всѣ умерли: отецъ, мать, братья, сестры. У меня нѣтъ больше никого на свѣтѣ, кромѣ тебя, Іостъ.—Эти слова впервые привели меня въ себя, и я созналъ все происшедшее. Нѣжно обнявъ плачущую дѣвушку, я говорилъ ей:—Да, Глерли, теперь намъ надо крѣпко любить и крѣпко держаться другъ друга».

ГЛАВА IX.

Въ мрачную повѣсть о гибели Зельмата ворвался болѣе веселый звукъ. Раздался звонокъ телеграфа: это Гансъ Штюнци извѣщаетъ меня, что онъ благополучно вернулся домой, вмѣстѣ съ Готлобой.—«Привѣтъ волшебнику снѣжной вершины!»—телеграфируетъ онъ.—«А поцѣлуй?»—спрашиваю я.—«До этого, разумѣется, еще не дошло», выстукиваетъ онъ въ отвѣтъ, «сперва должна сдаться непріятельская твердыня: Хангштейнеръ. Но пѣли мы съ Готлобой на обратномъ пути, какъ птицы весною, и она превесело подшучивала надъ тѣмъ, кто продаетъ и покупаетъ коровъ въ Цвейбрюкенѣ. А сколько мы понастроили плановъ будущаго. И все же, то удивительно доброе и хорошее, что ты говорилъ мнѣ, сидитъ у меня въ головѣ, какъ птичка на вѣткѣ, и я ежеминутно боюсь, что вотъ-вотъ оно вспорхнетъ и улетитъ. И самъ себѣ я еще не успѣлъ выяснить, въ правѣ ли я принять твое великодушное предложеніе. Я все время какъ въ чаду отъ радости, что есть на свѣтѣ такой великодушный человѣкъ. Благодарю тебя, уважаемый другъ, изъ глубины переполненной радостью души».

Да, еслибъ на дворѣ была весна, вотъ тогда бы ты дѣйствительно увидалъ кое-что волшебное, Гансъ. Но зима отрѣзала мнѣ всякую возможность письменнаго сообщенія, а по телеграфу такой крупной суммы, составляющей большую часть моего состоянія, затребовать нельзя. И какъ это я сразу не передалъ Гансу письма... Но у меня у самого рѣшеніе сложилось такъ внезапно. И потомъ, вѣдь, я ужъ не такой шалый, какъ былъ: старость разсудительна и не поддается первому побужденію. Но весной... подожди только до весны, Гансъ.

Въ Цвейбрюкенѣ я нашелъ Дуглору въ крестьянской семьѣ, пріютившей ее изъ жалости. Видя, что моя близость благотворно дѣйствуетъ на убитую горемъ дѣвушку, добрые люди, ея хозяева, пригласили погостить и меня и отвели мнѣ свободную комнатку.

Первое время я ходилъ, какъ потерянный, словно кто треснулъ меня по головѣ, и въ разстройствѣ своемъ даже позабылъ

спросить Дуглору, какъ же она спаслась. И узналъ это только тогда, когда насъ всѣхъ, уцѣлѣвшихъ, пригласили въ цвейбрюкенское училище для составленія протокола о нашемъ спасеніи.

Прерывая разсказъ свой рыданіями, Дуглерли сообщила слѣдующее: «Я сидѣла у нашего шалаша и пѣла по молитвеннику всѣ тѣ церковныя пѣсни, которыя поютъ за обѣдней. Вдругъ откуда-то сзади раздался трескъ и грохотъ, какъ будто, отъ удара грома. Я испугалась, стала оглядываться, гдѣ другіе, которые тоже не пошли къ обѣднѣ и остались со стадомъ. Въ это время задрожала земля. Стадо мигомъ устремилось по дорогѣ, которая ведетъ внизъ, въ деревню. Я за нимъ. И со мной другія пастушки. Но, какъ только мы добѣжали до края, гора зашаталась и стала валиться. Внезапно поднялся такой вѣтеръ, что насъ смѣло съ горы, какъ сухіе листья. Тутъ все закружилось, завертѣлось, засвистѣло, загрохотало; я совсѣмъ одурѣла, лежу и не знаю, гдѣ я и что со мной. Лишь нѣсколько времени спустя я замѣтила, что лежу все-таки на твердой землѣ. Въ ротъ и въ носъ у меня набилась такая масса пыли, что я чуть не задохлась; попробовала глаза открыть—не открываются: слишкомъ еще много пыли летало въ воздухѣ. Когда я, наконецъ, взглянула, все уже стихло. Поднялась—солнце сквозь синюю дымку блестѣло матовымъ блескомъ жести. Я увидѣла Зельматъ разрушеннымъ, опустошеннымъ; стала звать мать и отца. Тутъ прибѣжалъ Мельхи Хангштейнеръ; его домъ въ Зелахѣ почти уцѣлѣлъ; только крышу снесло, да вдавило внутрь одну стѣну; въ этомъ домѣ и пріютилась я, вмѣстѣ съ другими спасенными».

Итакъ, Мельхи тоже остался въ живыхъ, и съ нимъ вся семья его, кромѣ параличнаго отца, плотовщика, который умеръ день спустя послѣ обвала—не пережилъ испуга; Мельхи же и добылъ первую помощь въ Цвейбрюкенѣ. Люди, принявшіеся за раскопки на томъ мѣстѣ, гдѣ они предполагали засыпанной бывшую церковь, въ понедѣльникъ, около трехъ часовъ пополудни, втыкая въ разныхъ мѣстахъ въ землю трубу, наткнулись на меня. Я былъ единственнымъ, кого извлекли изъ-подъ развалинъ живымъ. Да и труповъ нашли немного; большинство погибшихъ, и среди нихъ много молодежи, такъ и остались лежать подъ развалинами домовъ и грудами камней. Всего уцѣлѣло 23 человѣка.

Если не считать нашихъ душевныхъ страданій и того, какъ мучительно было въ сто первый разъ снова и снова разсказывать уже сто разъ описанныя переживанія и подробности катострофы,—въ общемъ, намъ жилось хорошо. Мы были окружены общимъ сочувствіемъ; деньги и предложенія помощи сыпались со всѣхъ сторонъ. Всѣхъ щедрѣе жертвовалъ Гансъ Конрадъ Бальмеръ изъ Гамбурга; но на меня это имя почти не произвело впечатлѣнія. Я все еще жилъ въ тяжеломъ чаду, застилавшемъ отъ меня дѣйствительность; я былъ, какъ выздоравливающій послѣ опасной болѣзни, который лишь постепенно возвращается къ жизни. И тѣмъ не менѣе, передъ нами самъ собой всталъ вопросъ: «Какъ же мы теперь будемъ жить?»

Многія зажиточныя семьи наперерывъ предлагали взять къ

себѣ въ домъ одного или нѣсколькихъ осиротѣвшихъ дѣтей, словно чая себѣ отъ того удачи въ дѣлахъ и благословенія дому. И на насъ съ Дуглорой нашлось немало охотниковъ, особенно на нее, миловидную и хорошо воспитанную, о которой далеко окрестъ шла слава, что она играетъ на органѣ, какъ ангелъ. И участіе, которое намъ оказывали, не давало намъ окостенѣть въ своей скорби.

Въ числѣ посѣтившихъ мѣсто катастрофы была одна пожилая чета, супруги Ц'бинденъ, которыхъ добрый цвейбрюкенскій пасторъ, сердечно насъ полюбившій, привелъ къ Дуглорѣ. Съ перваго взгляда видно было, что эти люди съ достаткомъ и добрые. Фрау Ц'бинденъ съ материнскою лаской взяла за руку Дуглерли и предложила ей поселиться у нихъ, заступивъ мѣсто ихъ единственной дочери, умершей годъ тому назадъ.—Для моего мужа и для меня—говорила она—это было бы большимъ счастьемъ. Семья у насъ небольшая; только насъ двое, да еще два сына; старшій—студентъ и живетъ не дома; младшій еще учится въ школѣ. Живемъ мы въ Хагенахѣ; у насъ небольшая фабрика и красивый домъ съ большимъ садомъ; окна выходятъ на Фейерштейнъ и на горы. Такъ что вы, Дуглора, каждый день могли бы посылать привѣтъ своей родинѣ; а ужъ о томъ, чтобы вы у насъ чувствовали себя родной и какъ дома,—объ этомъ ужъ мы позаботимся. Мы будемъ относиться къ вамъ во всемъ, какъ къ дочери. Что вы скажете на это, милое дитя?

Слегка вздрогнувъ, Дуглора подняла голову и посмотрѣла въ лицо фрау Ц'бинденъ; лицо это было доброе и привѣтливое. Дѣвушка могла только пролепетать:—Благодарю васъ.—Но тутъ же разрыдалась, жалобно повторяя сквозь слезы:—Нѣтъ, не хочется мнѣ въ Хагенахъ; я бы лучше вернулась въ Зельматъ.

— Ну, это пока невозможно, Дуглора,—ласково улыбаясь, возразилъ Ц'бинденъ,—тамъ сейчасъ нѣтъ ни единой живой души.—А г-жа Ц'бинденъ, гладя по головкѣ плачущую дѣвушку и успокаивая ее добрыми словами, прибавила:—Гармоніумъ вы найдете и у насъ: мы знаемъ, что трогательная церковная пѣснь иной разъ больше можетъ утѣшить сокрушенное сердце, чѣмъ человѣческія слова.—Дуглора подняла голову.—Я понимаю,—прибавилъ Ц'бинденъ,—что предложеніе наше слишкомъ ново и неожиданно для васъ. Подумайте денекъ, другой; мы еще заглянемъ въ Цвейбрюкенъ и надѣемся услыхать отъ васъ, что вы согласны. Болѣе пріятныя условія жизни, чѣмъ у насъ, врядъ ли кто сможетъ предложить вамъ.—По уходѣ ихъ, пасторъ долго уговаривалъ Дуглору принять предложеніе добрыхъ супруговъ Ц'бинденъ, доказывая, что помощь, посланную самимъ Богомъ, слѣдуетъ принять съ благодарностью, а не отвергать. Но дѣвушка, задумчивая и печальная, отвѣчала лишь упорнымъ молчаніемъ.

Только когда пасторъ ушелъ, окаменѣлое лицо слегка оживилось и въ глазахъ, обведенныхъ темными кругами, засвѣтилась жизнь.—Іостъ,—выговорила она дрожащимъ голосомъ,—я вижу, что намъ таки приходится жить и считаться съ жизнью, хотя я предпочла бы лежать въ могилѣ, вмѣстѣ съ моими родителями.

Но разъ ужъ насъ обоихъ постигло такое тяжкое горе, не будемъ разлучаться, Іостъ. У меня одна мысль, какъ будто подсказанная мнѣ во снѣ моимъ покойнымъ отцомъ. Давай, признаемся пастору, что мы женихъ и невѣста, и будемъ просить его, чтобъ онъ обвѣнчалъ насъ. Хоть мы и молоды немного, но здѣшнимъ обычаямъ, но, я думаю, онъ не откажетъ. А потомъ вернемся въ Зельматскую долину, построимъ тамъ себѣ, на деньги, которыя причитаются на нашу долю изъ пожертвованій, хотя бы самый скромный домикъ, гдѣ нибудь на красивомъ, солнечномъ мѣстѣ, и будемъ жить тамъ, возлѣ могилъ нашихъ родителей. Правда, Боденской пажити уже не существуетъ, но въ горахъ, около Срѣтенскаго Кольца, найдется еще два—три лужка, которыхъ достаточно, чтобъ прокормить пару коровъ. Мнѣ думается, Іостъ, что лучшаго мы съ тобою не выдумаемъ.—И въ первый разъ со времени катастрофы, какъ будто, солнечный лучъ упалъ на ея блѣдное, измученное горемъ лицо, и въ омраченной скорбью душѣ воскресла надежда. Рука ея нѣжно коснулась моей руки.

Но я не могъ одобрить этого плана.—Ты героиня, Дуглора, но я не такъ силенъ духомъ, какъ ты,—признался я.—Мнѣ стоитъ только взглянуть на Зельматскую долину, какъ у меня кровь стынетъ въ жилахъ отъ ужаса. А жить тамъ, все время среди этихъ страшныхъ воспоминаній—нѣтъ, нѣтъ! У меня не было бы тамъ ни одной счастливой минуты, я бы затосковалъ, съ ума бы сошелъ. Я только разъ схожу еще въ Зельматскую долину помолиться за упокой моихъ и твоихъ родителей, а тамъ пусть она хоть лѣсомъ заростетъ, мнѣ все равно. Основывать въ этой долинѣ ужасовъ свой домашній очагъ, строить тамъ свою будущую жизнь—нѣтъ, милая Дуглерли, этого я не могу.

Мнѣ не пришлось убѣждать ее, но лучъ надежды въ ея измученномъ личикѣ сразу потухъ; она молча поникла головкой, какъ ребенокъ, увидѣвшій въ клѣткѣ мертвой свою любимую птичку. Даже ея желаніе, чтобы мы, по крайней мѣрѣ, вмѣстѣ нанялись въ услуженіе къ какому-нибудь зажиточному крестьянину, не нашло во мнѣ отклика. Я, Іостъ Вильди—батракъ! Дуглора—служанка! Во мнѣ зашевелилась гордость. Да никто и не звалъ насъ къ себѣ въ батраки. Когда богатый крестьянинъ съ сосѣдней равнины предложилъ мнѣ поселиться у него, обѣщая предоставить въ мое распоряженіе лошадь и экипажъ, мнѣ захотѣлось принять его предложеніе. А Дуглорѣ я посовѣтовалъ пожить въ семьѣ Ц'бинденовъ, гдѣ она могла научиться многому, что впослѣдствіи пригодится намъ для нашего будущаго хозяйства. Но она никакъ не могла рѣшиться, да и мое положеніе въ семьѣ богатѣя, который звалъ меня къ себѣ, оставалось невыясненнымъ. Въ это время старикъ-пасторъ сообщилъ мнѣ, что меня желаетъ видѣть начальникъ кантона и проситъ завтра побывать у него въ Гауенбургѣ. Дуглора и я изумленно переглянулись. Я спросилъ: «Что же угодно господину начальнику кантона?»

— Этого я не знаю. Пойдемъ въ пасторатъ. Быть можетъ, въ числѣ пожертвованныхъ костюмовъ найдется платье, которое будетъ тебѣ больше впору и приличнѣе, чѣмъ это.

Яснымъ осеннимъ утромъ я отправился въ Гауенбургъ. Я въ первый разъ ѣхалъ на лошадяхъ, и это мнѣ нравилось. Новое платье пришлось мнѣ впору, и я чувствовалъ себя въ немъ свободно. И когда передо мной встали башни городка, куда я столько лѣтъ стремился, гнетъ и приниженность, давившіе меня съ того ужаснаго дня, понемногу стали ослабѣвать, и я опять могъ интересоваться жизнью. А сознаніе, что я долженъ предстать передъ первымъ по положенію человѣкомъ въ нашемъ кантонѣ, наполняло меня торжественностью. Но зачѣмъ же онъ вызвалъ меня?

Только что я сталъ озираться въ просторныхъ сѣняхъ городской ратуши, украшенныхъ портретами какихъ-то важныхъ стариковъ и оружіемъ, развѣшаннымъ по стѣнамъ, какъ ко мнѣ подошелъ курьеръ, съ серебряною бляхой на груди и сказалъ: «Вы, навѣрное, Іостъ Вильди? Пожалуйте». И мигъ спустя я уже стоялъ въ красивой комнатѣ, со старинными картинами на стѣнахъ и цвѣтными стеклами въ окнахъ, передъ начальникомъ кантона.

— Добро пожаловать, молодой г. Вильди!—Какъ тяжелая и въ то же время звонкая мѣдь звучалъ голосъ высокаго, широкоплечаго старика, показавшагося мнѣ однимъ изъ тѣхъ героевъ-полководцевъ, о которыхъ разсказывалъ намъ школьный учитель Каспаръ. Не диво, что такой человѣкъ занимаетъ выдающееся положеніе въ родномъ краю. Онъ скользнулъ благожелательнымъ взглядомъ по всей моей фигурѣ; глаза у него были зоркіе и спокойные.—Настоящій горный дубокъ,—сказалъ онъ, улыбаясь.—Истый сынъ своего народа. Мнѣ очень пріятно, что я могу, наконецъ, выразить уроженцу Зельмата, юному и полному надеждъ, ту глубокую скорбь, которую я и всѣ мои земляки испытываемъ по поводу гибели доблестной горной общины.—И онъ незамѣтно вовлекъ меня въ разговоръ, задавая мнѣ вопросы и заставляя отвѣчать на нихъ. Отъ времени до времени онъ одобрительно кивалъ головой и, наконецъ, спросилъ:—Вамъ, вѣроятно, знакомо имя вашего земляка, тоже уроженца Зельмата, Ганса Конрада Бальмера? Вотъ письмо отъ него, касающееся васъ.

И ландамманъ протянулъ мнѣ письмо. Но, замѣтивъ, что мнѣ трудно читать этотъ неразборчивый почеркъ, снова взялъ его у меня изъ рукъ.—Я самъ вамъ прочту.—«Дорогой другъ. Наконецъ-то я узналъ подробности о зельматской катастрофѣ. Къ чему слова; тутъ нужно дѣло. Предоставляю въ распоряженіе уцѣлѣвшихъ кредитъ, въ такомъ размѣрѣ, какой ты найдешь желательнымъ. Меня интересуетъ откопанный живымъ Іостъ Вильди. Повидимому, это даровитый юноша. Школьный учитель Имоберштегъ прошлой зимою въ письмахъ ко мнѣ превозносилъ его до небесъ. Вызови его на пробу къ себѣ. Если онъ тебѣ понравится, можешь сказать ему, что я охотно готовъ взять его къ себѣ въ Гамбургъ и что это открываетъ ему блестящія перспективы. Если онъ согласится, я сдѣлаю изъ него человѣка, которымъ наша родина будетъ гордиться».—Серьезнымъ тономъ ландамманъ продолжалъ:—Ну-съ, милѣйшій г. Вильди, послѣ краткаго разговора съ вами у меня получилось впечатлѣніе, что вы въ

правѣ принять великодушное предложеніе моего друга. Я вижу въ васъ хорошій, прочный матеріалъ, изъ котораго жизнь куетъ сильныхъ людей, и полагаю, что для родины нашей не вредно имѣть такихъ людей и внѣ своихъ предѣловъ. Наоборотъ, мы взираемъ на нихъ съ особенной гордостью. А вы что скажете? Какъ вамъ нравится предложеніе г. Бальмера.

— Мнѣ надо сначала подумать,—добросовѣстно отвѣтилъ я. Онъ отъ души разсмѣялся такому сухому отвѣту.—Хорошо, подумайте, но черезъ нѣсколько дней я жду рѣшенія. Сейчасъ я больше не задерживаю васъ, я очень занятъ; но, г. Вильди, надѣюсь, вы отобѣдаете съ нами. Моя жена будетъ рада познакомиться съ вами, во-первыхъ, какъ съ однимъ изъ спасенныхъ, во вторыхъ, какъ съ человѣкомъ, который, по всей вѣроятности, будетъ жить въ Гамбургѣ, у г. Бальмера. Она очень дружна съ г-жей Бальмеръ. Вы еще не видали нашего музея. Сходите, посмотрите. Я дамъ вамъ спутника, который вамъ тамъ все покажетъ и затѣмъ проводитъ васъ обратно ко мнѣ на обѣдъ.

Въ Цвейбрюкенъ я возвращался совсѣмъ очарованный радушіемъ и добротой начальника кантона и его супруги. Передъ глазами у меня стояли витрины музея, который я, наконецъ, увидалъ такъ неожиданно; въ ушахъ звенѣли отдѣльныя фразы изъ письма Бальмера; на душѣ у меня было какъ-то странно—и радостно, и грустно. Въ груди кипѣли жизненныя силы, съ самаго дѣтства втайнѣ искавшія выхода и не находившія его. Въ этотъ моментъ приподнятаго настроенія я вдругъ почувствовалъ, какой великій и благословенный даръ Божій—жизнь. Почему же мнѣ и не уйти въ широкій міръ, который такъ привѣтливо манитъ меня и сулитъ такъ много?—А Дуглерли? Эта мысль кольнула меня въ сердце. Въ душѣ поднялась мучительная борьба между любовью и жаждой жизни.

На обратномъ пути, невдалекѣ отъ Цвейбрюкена, я встрѣтилъ Мельхи Хангштейнера.—Откуда ты?—спросилъ я. На его толстомъ веснушчатомъ лицѣ появилась довольная гримаска.—Да тоже изъ Гауенбурга; тотъ богатѣй, что хотѣлъ взять тебя къ себѣ, возвращался домой, съ полдюжиною молодыхъ бычковъ, купленныхъ имъ въ Цвейбрюкенѣ; ну, я и помогъ ему пригнать ихъ въ Гауенбургъ и погрузить на желѣзную дорогу. Онъ разсердился на тебя, зачѣмъ ты такъ долго думаешь, рѣшилъ, что ты недостаточно серьезно отнесся къ его выгодному предложенію, и сталъ спрашивать меня, не желаю ли я поступить къ нему. Я и согласился.

— Ну что-жъ, желаю тебѣ счастья, Мельхи,—небрежно бросилъ я. Но въ глубинѣ души я сожалѣлъ объ этомъ, съ тревогой сознавая, что обстоятельства толкаютъ меня къ Гансу Конраду Бальмеру.

— Дуглорѣ тоже, должно быть, пришлось дать сегодня окончательный отвѣтъ,—продолжалъ разсказывать Мельхи.—По дорогѣ въ Гауенбургъ намъ повстрѣчался Ц'бинденъ съ женою; они ѣхали въ экипажѣ, спускаясь внизъ, въ долину.—Мы поговорили еще о разныхъ пустякахъ и на околицѣ деревни рас-

прощались. Чѣмъ ближе я подходилъ къ дому, гдѣ мы съ Дуглерли нашли пріютъ, тѣмъ тяжелѣе становилось у меня на сердцѣ.

Осенній вечеръ былъ сырой и теплый. Я нашелъ свою невѣсту въ палисадникѣ, на скамеечкѣ подъ деревьями. Она сидѣла въ раздумьѣ, сложивъ руки на колѣняхъ; увидавъ меня, она пошла мнѣ навстрѣчу, вялая и грустная.—Слава Богу, ты, наконецъ, вернулся,—молвила она.—Посовѣтуй мнѣ, что мнѣ дѣлать. Сегодня я должна дать рѣшительный отвѣтъ Щ'бинденамъ. А у тебя какія вѣсти?—Я присѣлъ возлѣ нея, но не рѣшался разсказать ей о Конрадѣ Бальмерѣ.—Іостъ, что же ты молчишь? Это ужасно! Скажи же, зачѣмъ тебя вызывали въ Гауенбургъ.—Я, торопливо и волнуясь, разсказалъ ей все, что произошло въ Гауенбургѣ, но не высказалъ собственнаго мнѣнія. Нѣкоторое время она слушала, молча и не поднимая глазъ, но вдругъ вскочила и кинулась ко мнѣ на шею.—О Іостъ! И ты готовъ ѣхать туда!—вырвалось у нея взволнованнымъ шепотомъ.—Отъ меня ты не скроешься. Бальмеръ хочетъ отнять тебя у меня, и онъ имѣетъ власть надъ тобой; я знаю это давно. Но я не отдамъ тебя, не отдамъ! Не пущу!—Ея руки судорожно сжимали мои плечи.—Іостъ, милый Іостъ!

— Я люблю тебя больше жизни,—нѣжно шепталъ я ей на ухо.—Ты—моя Дуглерли, а я—твой Іостъ, и останусь имъ, гдѣ бы я ни былъ. Никто не властенъ отнять меня у тебя, даже если я и буду въ Гамбургѣ.

— Да, я твоя Дуглерли,—нерѣшительно сказала она.—Но у дѣвушекъ на чужбинѣ тоже есть глаза. И онѣ увидятъ все, что увидала я. Ты былъ красивѣе всѣхъ парней въ горахъ—и на берегу моря будешь самымъ красивымъ. И твой смѣхъ, и твои рѣчи, и твое молчаніе будутъ нравиться дѣвушкамъ на чужбинѣ такъ же, какъ нравились мнѣ. И онѣ будутъ любоваться темнымъ блескомъ твоихъ глазъ и, помимо воли, будутъ летѣть къ тебѣ, какъ мошки на свѣтъ. И настанетъ день, когда ты уже не будешь моимъ Іостомъ, и я не смогу больше быть твоей Дуглерли. Но знай, милый Іостъ, что бы онѣ ни говорили тебѣ, ты не найдешь ни одной, которая бы любила тебя больше, чѣмъ я—не найдешь болѣе вѣрнаго сердца.—Съ совершенно несвойственнымъ ей пламеннымъ краснорѣчіемъ лились слова изъ ея устъ. Вдругъ она смолкла и, нагнувшись впередъ, уронила руки на колѣни. Послѣдній лучъ заката игралъ на ея челѣ, на ея косахъ, бровяхъ и рѣсницахъ, удивительно тонкой черточкой спускался отъ завитокъ на лбу къ подбородку и шейкѣ; но губы ея сжимались страдальчески и траурный нарядъ придавалъ ей такую торжественность, что я испытывалъ въ эту минуту почти благоговѣйный страхъ передъ нею. И ради этого воплощенія скорби уже готовъ былъ похоронить свои мечты о жизни.

Но тутъ она подняла глаза на меня.—Не гляди на меня такъ мрачно, Іостъ!—сказала она. И въ звукѣ ея голоса мнѣ почудился укоръ.—Итакъ, Дуглора, я не ѣду въ Гамбургъ,—выгово-

рилъ я сквозь зубы, самъ дивясь, какъ холодно, рѣзко и злобно прозвучали въ моихъ устахъ слова отреченія.

Дуглора вздрогнула всѣмъ тѣломъ, подскочила, какъ раненая лань, и тотчасъ же упала опять на скамью. Нѣкоторое время между нами царило тягостное, жуткое молчаніе. Затѣмъ ея дрожащія губы почти беззвучно прошептали:—Іостъ, поѣзжай въ Гамбургъ. Быть можетъ, я и потеряю тебя, но потерять тебя все же легче, чѣмъ слышать, что ты говоришь со мной этимъ тономъ, отъ котораго леденѣетъ сердце. Тяжка утрата, но не менѣе тяжко жить съ сознаніемъ, что я загородила тебѣ дорогу къ счастью. Поѣзжай, Іостъ.—Послѣднія слова звучали несказанно мягко и нѣжно, но и несказанно грустно.

— Нѣтъ, Дуглора, я останусь съ тобой!—хотѣлъ было воскликнуть я. Но въ это время послышались шаги. Блѣдная дѣвушка кинулась навстрѣчу подходившей г-жѣ Ц'бинденъ, протягивая ей обѣ руки.—Я ѣду къ вамъ въ Хагенахъ и буду вамъ доброй, старательной, преданной дочерью,—выговорила она тихо, но внятно. Какъ смиренная служанка, стояла она, дрожащая, въ сумеркахъ; но г-жа Ц'бинденъ, угадывавшая, какая борьба кипитъ въ груди молодой дѣвушки, съ материнской нѣжностью заключила ее въ свои объятія и поцѣловала ее въ лобъ. «Дуглора, съ этой минуты ты—наше дитя, наша милая дочка». Я пытался убѣдить себя, что Дуглора сама рѣшила свою и мою участь, но какая-то тупая тяжесть сковывала мои мысли. Въ тотъ вечеръ мы больше съ ней не разговаривали и лишь трепетнымъ поцѣлуемъ сказали другъ другу, что мы все же соединены любовью, хоть и огорчаемъ другъ друга.

Всю ночь я мучился и ничего не могъ подѣлать съ собой: жажда жизни и дѣятельности сладкою отравой впивалась все глубже и глубже въ мою душу; казалось, что отказаться отъ предложенія Ганса Конрада Бальмера—значило бы растоптать ногами лучшее, что есть во мнѣ, добровольно отречься отъ рая, о которомъ я такъ долго мечталъ. Утромъ я всталъ не только безъ опредѣленнаго рѣшенія, но, наоборотъ, еще болѣе колеблющійся, чѣмъ вечеромъ. Тѣмъ болѣе изумился я, когда блѣдная Дуглора еще немного грустно, но твердо заговорила о моей поѣздкѣ въ Гамбургъ, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ.

— Какъ же ты представляешь себѣ твою жизнь въ далекомъ, чудномъ городѣ, милый Іостъ?—спрашивала она меня за завтракомъ.—Когда мы снова увидимъ тебя на родинѣ?—Я зналъ, какого усилія надъ собой ей стоило говорить такъ и былъ тронутъ стараніями Дуглоры облегчить мнѣ рѣшеніе.—Я думаю,—отвѣтилъ я, запинаясь,—что мнѣ придется пробыть тамъ года три. Всѣ эти годы я буду работать очень усердно, чтобы пріобрѣсти какъ можно больше знаній. А затѣмъ вернусь на родину, и тогда мы поселимся съ тобой въ Гауенбургѣ, или иномъ хорошенькомъ городкѣ, и я заведу свое собственное дѣло; а ты, Дуглерли, тѣмъ временемъ тоже научишься у Ц'бинденовъ многому такому, что впослѣдствіи скраситъ нашу жизнь. Тогда мы,

по крайней мѣрѣ, будемъ жить съ людьми, а не въ глухой долинѣ, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ страшныхъ и тягостныхъ воспоминаній.—Я взялъ руку Дуглоры, молча слушавшей меня.—Вѣдь, въ сущности, это твой отецъ указалъ мнѣ этотъ путь и толкнулъ меня на него. Помнишь его письмо?

— Да, помню. И твой отецъ вѣдь тоже, умирая, говорилъ, чтобы ты ѣхалъ въ Гамбургъ. И такъ какъ это было предрѣшено нашими родителями, мнѣ будетъ легче отпустить тебя. Отъ нашихъ дорогихъ усопшихъ можетъ исходить только доброе, и, какъ бы ни сложилась наша участь, я надѣюсь, они будутъ нашими заступниками и передъ Богомъ, и передъ людьми. Я горячо молилась ночью и много думала объ этомъ—и еще о многомъ другомъ. Я знаю, ты не можешь поступить иначе, Іостъ. Это у тебя въ крови. То, что гонитъ тебя прочь отъ меня, вдаль, на чужбину—вѣдь, это то самое, за что я тебя такъ несказанно люблю: твой великій, свободный духъ. И потому, Господь съ тобою; я отпускаю тебя и буду молить Бога, чтобъ Онъ послалъ мнѣ силъ перенести разлуку.

Въ ея серьезныхъ, глубокихъ глазахъ свѣтилась беззавѣтная преданность. У меня дрогнуло сердце. «Глупецъ!—говорилъ я себѣ.—Зачѣмъ тебѣ уходить отъ такой дѣвушки? Лучше, краше, благороднѣе Дуглоры ты не сыщешь въ цѣломъ мірѣ».—Душа моя безмолвно склонялась передъ этой самоотверженной любовью... А голосъ совѣсти продолжалъ твердить: «Смотри же, если ты и уѣдешь, Дуглора не должна страдать отъ этого». Я, наконецъ, прервалъ молчаніе:—Дуглора, я каждую недѣлю буду писать тебѣ обо всемъ, что я дѣлаю, о всемъ, что у меня на душѣ.

Глаза ея засіяли радостью и благодарностью.—О, милый Іостъ! Да, конечно, ты будешь мнѣ писать. И я буду писать тебѣ большія письма. Вѣдь, это почти то же, что разговаривать между собою. Все еще можетъ устроиться хорошо и пріятно.

— Что касается женщинъ и дѣвушекъ на чужбинѣ,—шепнула она нѣжно,—не забывай, что ни одна изъ нихъ не будетъ любить тебя, какъ я люблю; болѣе вѣрнаго сердца ты не сыщешь.—О, Дуглора,—пробормоталъ я, запинаясь,—я знаю это. Это начертано огненными буквами въ моей груди.—Я закрылъ ей ротъ горячимъ поцѣлуемъ. И долго сидѣли мы рука съ рукой, познавая душою, что любовь бываетъ всего горячѣй и глубже передъ разлукой.

Какъ я счастливъ и доволенъ, что моя Готлоба и Гансъ уже побывали у меня. Чиррокумули—мелкія бѣлыя облачка, несущія съ собою снѣжные цвѣты, уже плывутъ на западѣ; горы заволоклись дымкой; ртуть въ барометрѣ стремительно падаетъ. Скоро мой Фейерштейнъ увѣнчается ярко блистающей короной льдовъ и снѣговъ.

ГЛАВА X.

Снѣгъ идетъ. Хлопья, почти такіе же большіе, какъ листы моей рукописи, скользятъ беззвучно и таинственно, пронизывая ночную тьму. Тихо падаетъ снѣгъ, отдѣляя меня непроницаемой стѣной отъ міра и людей. Мой щиицъ лежитъ, свернувшись клубочкомъ, у печки, а галка, Нюкъ, спрятала головку подъ крылья. Тоска давитъ мнѣ сердце. Какъ хорошо, что я могу найти забвеніе въ своей исповѣди! Сегодня вечеромъ настроеніе у меня какъ разъ подходящее, чтобъ разсказать о моемъ прощаніи съ родиной.

Въ слегка приподнятомъ настроеніи шелъ я въ Гауенбургъ, чтобъ сообщить ландамману о своемъ рѣшеніи. Почтенный старецъ встрѣтилъ меня привѣтливой улыбкой и снова оглядѣлъ меня съ ногъ до головы, словно наслаждаясь зрѣлищемъ юноши, только что принявшаго важное рѣшеніе, отъ котораго зависитъ вся его жизнь.

— Я такъ и думалъ, что вы примете предложеніе моего друга,—выговорилъ онъ пріятнымъ звучнымъ голосомъ.—Еслибъ вышло иначе, это значило бы, что я не понялъ вашей натуры. Ну, поздравляю васъ, г. Вильди, и дай Богъ вамъ счастья. Работайте усердно, будьте честны и вѣрны, и подъ руководствомъ нашего милаго и уважаемаго земляка въ Гамбургѣ вы, навѣрно, сумѣете проложить себѣ дорогу въ жизни. Если вы серьезно задумали черезъ нѣсколько лѣтъ вернуться на родину и начать самостоятельное дѣло, будьте увѣрены, что вамъ будетъ оказано всяческое содѣйствіе. Какъ бы вамъ не жилось на чужбинѣ, не забывайте, что вы гражданинъ страны, не крупной по размѣрамъ, но любящей своихъ дѣтей и добросовѣстно заботящейся о нихъ.

Мнѣ казалось, что устами этого статнаго, величаваго старца со мной говоритъ сама моя родина. Порывистымъ быстрымъ движеніемъ я протянулъ руку ландамману.—Нѣтъ!—воскликнулъ я,—я никогда не забуду, какою благодарностью я вамъ обязанъ, и всегда съ вѣрной любовью буду думать о нашихъ родныхъ горахъ.—Еще теплѣе, еще ласковѣе взглянули на меня мудрыя очи старца. Улыбнувшись, онъ закончилъ нашъ разговоръ словами:—Теперь, г. Вильди, пройдите къ моей женѣ: она упросила меня доставить ей радость собрать васъ въ дорогу. Пусть видятъ тамъ, куда вы ѣдете, что вы пріѣхали не изъ чужихъ краевъ, а съ родины.

Все уладилось само собой; хлопотливая супруга ландаммана выбрала для меня все самое лучшее, что только можно было найти въ Гауенбургѣ. И юноша изъ богатой бюргерской семьи не получилъ бы лучшаго приданаго.

Свой новый темный костюмъ изъ дорогого тонкаго сукна я обновилъ впервые на торжественной заупокойной мессѣ, отслу-

женной на мѣстѣ катастрофы. Страшно тяжело было это прощанье съ родиной!.. На другой день мы всѣ разѣхались: я—въ Гамбургъ, Дуглора—въ Хагенахъ, Мельхи—къ своему богатѣю. Осиротѣвшія жертвы катастрофы нашли себѣ снова кровъ и пріютъ.

И снова передо мною лежала моя родная деревня, засыпанная обваломъ со всѣми ея мертвецами, словно разрушенные Содомъ и Гоморра. Гдѣ прежде высилась Столовая гора, съ ея скалами и утесами, поросшими елями и соснами, гдѣ темные пастушескіе шалаши привѣтливо глядѣли въ долину съ Боденской пажити, тамъ теперь зіяла вновь образовавшаяся расщелина и въ ней почти гладкая, сѣро-стального цвѣта шиферная стѣна. И по этой стѣнѣ хлесталъ мелкій холодный осенній дождикъ; вершина Фейерштейна была окутана тучами.

Надъ грудой мусора и щебня высился холмъ голышей, набросанный цвейбрюкенцами въ то время, какъ они выкапывали меня, заживо погребеннаго, изъ пещеры, образовавшейся подъ упавшимъ кленомъ. На этомъ холмѣ водрузили обвитый траурнымъ крепомъ амвонъ, съ котораго престарѣлый цвейбрюкенскій пасторъ произнесъ свою трогательную надгробную рѣчь: «Плачьте и рыдайте—сто девяносто два въ одной могилѣ». Перечисленію погибшихъ, казалось, не будетъ конца, какъ и слезамъ и рыданіямъ присутствовавшихъ. Плотной стѣной стояли горцы, не обращая вниманія на дождь и ненастье, на мѣстѣ обвала, освященномъ пасторомъ и превращенномъ въ кладбище. Они обнесли изгородью небольшой четырехугольникъ, внутри котораго были погребены тѣ немногіе изъ погибшихъ, тѣла которыхъ удалось найти, и водрузили на холмѣ большой темный крестъ съ краткой, зловѣщей надписью: «Здѣсь покоится Зельматъ».

Постепенно цвейбрюкенцы разбрелись по домамъ; мы, спасенные зельматцы, остались еще на часокъ, предаваясь на свободѣ своимъ грустнымъ мыслямъ и молясь за погибшихъ близкихъ и за всѣхъ, засыпанныхъ обваломъ. Благоговѣйно вспоминая о своей покойной матери, я подумалъ, что она и въ могилѣ порадовалась бы, если бы я, по пути въ Гамбургъ, заглянулъ на ея родину, въ прирейнскую деревню, гдѣ она провела свое дѣтство. Въ это время ко мнѣ подошла Дуглора.—Іостъ,—сказала она,—одинъ изъ цвейбрюкенцовъ нашелъ мой молитвенникъ, который я выронила, когда буря смела меня съ горы. Онъ, правда, поврежденъ немного вѣтромъ и дождемъ, но все же я хочу подарить его тебѣ, Іостъ. На память обо мнѣ клади его каждую ночь подъ подушку: пусть онъ будетъ защитой тебѣ отъ всякаго зла и утѣшеніемъ мнѣ.

Я принялъ изъ ея рукъ этотъ необычный залогъ любви и мы безмолвно простились съ опустошенною родиной. Я радовался каждому шагу, отдалявшему меня отъ мѣста обвала. Я дѣйствительно не могъ бы жить въ этой вѣчно окутанной туманами горной расщелинѣ: я сошелъ бы съ ума. А Дуглора и Мельхи, шедшіе рядомъ со мною, говорили о томъ, какъ больно и жалко, что приходится отдавать родную землю зайцамъ и лисицамъ.

— Страшно подумать, что по вечерамъ тутъ не засвѣтится ни одного огонька,—съ горестью говорила Дуглора. Мельхи отвѣчалъ ей:—Я, навѣрное, вернусь въ Зельматъ. Если даже никто другой этого не сдѣлаетъ, я буду жить тамъ. Гора рухнула; въ долинѣ теперь безопаснѣе прежняго.

«Туда тебѣ и дорога», задумалъ я; но глаза Дуглоры засвѣтились сердечной признательностью. — Іостъ, собственно говоря, слѣдовало бы и намъ сдѣлать то же,—говорила она мнѣ въ тотъ же вечеръ въ Цвейбрюкенѣ.

Томительно тягостно было наше прощанье.—Какъ я буду жить безъ тебя?—рыдала Дуглора.—Помоги мнѣ Боже вынести разлуку.—И цѣплялась за меня и не хотѣла пустить. Я почти насильно вырвался изъ ея рукъ и вздохнулъ свободнѣе, когда всѣмъ волненьямъ насталъ конецъ, и я очутился одинъ.

Погода за ночь прояснилась; день вставалъ ясный, солнечный. Въ послѣдній разъ я видѣлъ алѣвшую въ лучахъ восхода вершину Фейерштейна. Черезъ часъ ѣзды по желѣзной дорогѣ онъ уже маячилъ только смутнымъ призракомъ за темными лѣсами и высокими, окутанными голубоватою дымкой холмами, и чуть бѣлѣли на вершинѣ его вѣчные снѣга. А когда я снова оглянулся, его уже не было видно.

Сердце мое билось, точно выскочить хотѣло. «Ты изъ страны честныхъ лючей, Іостъ Вильди, — говорилъ мнѣ внутренній голосъ.—Не посрами же своей родины: докажи, что ты мужественный и честный человѣкъ. Самъ Богъ благословилъ твою любовь къ Дуглорѣ. Ты долженъ пребыть ей вѣрнымъ до смерти». И я, взволнованный, внималъ этому святому, таинственному голосу.

— Подбодритесь, молодой человѣкъ. Жить можно всюду, даже и въ Америкѣ,—съ легкой насмѣшкой молвилъ пожилой господинъ, сидѣвшій напротивъ меня. Мнѣ стало стыдно, что я такъ расчувствовался, и я заглушилъ голоса, звучавшіе изъ глубины моей души. Я принадлежалъ міру.

Но каждый подростокъ-горожанинъ зналъ объ этомъ мірѣ больше моего. Въ первый разъ въ жизни я ѣхалъ по желѣзной дорогѣ. Стоило мнѣ спросить о чемъ-нибудь, какъ спутники мои дивились и, въ свою очередь, спрашивали меня: «Откуда вы, что вы этого не знаете?»—«Я изъ Зельмата». Послѣ катастрофы это имя стало всѣмъ знакомо; отвѣтъ мой сразу вызывалъ участіе, и если я стыдился своего невѣжества, то зато утѣшался тѣмъ, что съ людьми не такъ ужъ трудно ладить. Однако, первые часы за предѣлами нашей страны были для меня очень тяжки. Люди качали головами, не понимая моего горнаго нарѣчія; я, въ свою очередь, не понималъ ихъ языка. Я ѣхалъ молча, грустя и тоскуя; надежда въ душѣ моей смѣнялась раскаяніемъ. А поѣздъ все мчался, унося меня вдаль. Я переночевалъ въ большомъ городѣ, а утромъ сѣлъ на пароходъ и поплылъ по Рейну. Теплое октябрьское солнце свѣтило надъ широкой, спокойной рѣкой; съ береговъ задумчиво глядѣлись въ воды ея красивыя церкви; на холмахъ высились замки; весело развѣвались яркіе флаги надъ виллами на горахъ, а на покрытыхъ виноградниками склонахъ

царила веселая, радостная суета уборки винограда—картина, совершенно новая для меня, какъ и огромный, величавый пароходъ. Мнѣ снова съ сердечною любовью вспоминалась мать, особенно когда группа ея земляковъ, только что сѣвшихъ на пароходъ, заговорила о сборѣ винограда, о цѣнахъ на него и т. п. Ихъ языкъ былъ мнѣ понятенъ: я слышалъ его съ дѣтства изъ устъ моей матери.

Но вотъ и ея родная деревня, на отлогомъ скатѣ берега. Я съ перваго взгляда узналъ ее по описанію: и церковь на скалѣ подъ сѣнью липъ, и домъ съ высокимъ фронтономъ и гнѣздомъ аиста на крышѣ, и бесѣдку, обвитую виноградомъ, сквозь вырѣзные листья котораго блестѣли золотыя гроздья.

Я сошелъ на берегъ какъ разъ напротивъ этого холма, но домъ моей матери оказался запертымъ на ключъ. Сосѣдка, чистившая бобы на крыльцѣ сосѣдняго дома, крикнула мнѣ: «Рейнсбергеры всѣ на виноградникѣ, за домомъ». И свела меня туда. Пожилой мужчина, въ которомъ я легко призналъ старшаго брата моей матери, при видѣ меня, снялъ картузъ и, глядя на меня вопросительно-привѣтливымъ взоромъ, замѣтилъ: «Солнышко-то какъ грѣетъ. Славный денекъ». Онъ, видимо, принялъ меня за покупателя. «Я — Іостъ Вильди изъ Зельмата», отрекомендовался я. Онъ раскрылъ глаза отъ удивленія. «Такъ вы, значитъ, будете сынъ моей покойной сестры, Оттиліи?» Все семейство—человѣкъ двадцать—собралось вокругъ меня, но дядюшка, мужчина лѣтъ пятидесяти, съ открытымъ грубоватымъ крестьянскимъ лицомъ, былъ довольно сдержанъ, пока не убѣдился, что я пріѣхалъ къ нимъ лишь ненадолго, что это только краткій родственный визитъ и что я не намѣреваюсь предъявлять, на правахъ родства, никакихъ требованій къ семьѣ моей покойной матери.

Меня засыпали вопросами: старшіе — о моей покойной мамѣ, молодежь, не знавшая ея,—о катастрофѣ, о которой они прочли въ газетахъ. За стаканомъ добраго винца пробудились и родственныя чувства. Особенно пришлись мнѣ по сердцу двѣ веселыя кузины, блондинка и брюнетка. — А онъ, оказывается, немножко умѣетъ по нашему, по-рейнски,—хихикали онѣ;—должно быть, у матери научился, только не очень ладно.—Одна изъ дѣвушекъ—ее звали Лизель—чокнулась со мной, лукаво поблескивая плутовскими глазенками.—Іостъ, скажи, пожалуйста, тамъ у васъ, въ горахъ, всѣ парни такіе же красавцы, какъ ты?—И звонко расхохоталась. И, когда я, послѣ обѣда, сталъ помогать имъ при уборкѣ винограда, она все время не отходила отъ меня. Да и другія дѣвушки толпились около меня: имъ было смѣшно, что я такой большой и рослый, а ни разу не видалъ и не пробовалъ винограда, и онѣ наперерывъ угощали меня. И самъ я глазъ не сводилъ съ бѣлокурой Лизель, съ ея голубыхъ веселыхъ глазъ, свѣтлорусой головки и всей ея юной, но пышной фигуры. И она тоже глазъ съ меня не сводила.

Вечеромъ, въ обвитой виноградомъ бесѣдкѣ, при свѣтѣ цвѣтныхъ бумажныхъ фонариковъ, за шипучимъ виномъ, молодежь совсѣмъ расшалилась. Откуда ни возьмись, появились скрипка и

ручная гармоника, и веселыя пары пустились въ плясъ; дѣвушки дурачились напропалую, и часы летѣли незамѣтно. Я не танцовалъ, такъ какъ былъ въ траурѣ по отцѣ, но охотно позволялъ Лизель нашептывать мнѣ на ухо всякій милый вздоръ.—Іостъ, погости у насъ еще денекъ—другой,—просила она:—надо же тебѣ научиться говорить на нашемъ нарѣчіи, и смѣяться, и любить, какъ любятъ у насъ, на берегахъ Рейна.

И всѣ мои новые родственники, старые и молодые, упрашивали меня остаться погостить; но на другой же день я вырвался отъ нихъ, и отъ плутовокъ-дѣвушекъ, и отъ влюбленной Лизель. Съ первой же станціи я послалъ Дуглорѣ первое коротенькое письмецо, но не упомянулъ ни словомъ о веселыхъ, хорошенькихъ кузинахъ, о множествѣ поцѣлуевъ, полученныхъ отъ Лизель и возвращенныхъ ея пухленькимъ губкамъ. Мнѣ было стыдно; подъ грохотъ поѣзда я думалъ о томъ, какое измѣнчивое и странное человѣческое сердце и какъ это я, Іостъ Вильди, еще недавно думавшій, что онъ ужъ на всю жизнь разучился смѣяться, цѣлый вечеръ дурачился, какъ самое легкомысленное существо. Мнѣ было немного страшно самого себя, но особенно огорчаться я все же не могъ. Для этого вечеръ былъ слишкомъ хорошъ. Быть можетъ, именно въ такой вечеръ отецъ мой навѣки отдалъ свое сердце моей матери. Я думалъ о своихъ родителяхъ и о словахъ сосѣда по вагону, который сказалъ мнѣ, что жить можно вездѣ, даже и въ Америкѣ. Разумѣется, жить можно вездѣ, не только въ горахъ.

Но куда же дѣвались горы? Чуждъ мнѣ былъ этотъ широко раскинувшійся сводъ небесный, открывающій свободное пространство взору; чужды темныя рѣки, несущія на хребтахъ своихъ корабли, но не кипящія пѣной, какъ наши горныя рѣки; чужда широкая песчаная пустыня съ жиденькими приземистыми сосенками. Какъ странны невиданныя мною раньше вѣтряныя мельницы, лѣниво машущія гигантскими крыльями... Съ тоскою, едва удерживаясь отъ слезъ, я думалъ о Дуглорѣ. Когда, по оживленію и разговорамъ сосѣдей, я догадался, что Гамбургъ близокъ, я заткнулъ за шляпу еловую вѣтку, привезенную съ родины, чтобы г. Бальмеръ по ней могъ узнать меня на вокзалѣ. Длинный, пронзительный свистокъ локомотива врѣзался въ сѣрый туманъ.

Въ Гамбургѣ, съ самаго начала, все вышло иначе, чѣмъ я представлялъ себѣ. Къ великому моему изумленію, на вокзалѣ встрѣтилъ меня не Бальмеръ. Въ то время, какъ я съ любопытствомъ и тревогой озирался кругомъ, ко мнѣ подошелъ изящно одѣтый, худощавый господинъ и съ преувеличенной учтивостью снялъ шляпу, обнаживъ большую лысину. «Іоганнесъ Андреезенъ, личный секретарь», отрекомендовался онъ. «Г. Гансъ Конрадъ Бальмеръ просили кланяться г. Вильди и завтра утромъ просятъ ихъ къ себѣ въ контору». Мнѣ странны были и его поклонъ, и его рѣчь, и чѣмъ дальше, тѣмъ все казалось мнѣ страннѣе. Пока мы ѣхали въ экипажѣ по ярко освѣщеннымъ улицамъ, г. Андреезенъ говорилъ много, но я понялъ только,

что жить я буду у него. Экипажъ остановился въ тихой улицѣ, передъ высокимъ домомъ. Мы поднялись по лѣстницѣ въ третій этажъ. Яркій свѣтъ въ первую минуту ослѣпилъ меня; квартира секретаря показалась мнѣ дворцомъ; я не зналъ, какъ ступить, гдѣ сѣсть. Семья Андреезена встрѣтила меня очень радушно, но ея свѣтская вѣжливость только смущала меня; за столомъ я только краснѣлъ, чувствуя свое неумѣнье держать себя въ такомъ обществѣ. И когда, наконецъ, изнемогая отъ новыхъ впечатлѣній, я добрался до своей комнаты, я едва осмѣлился лечь въ постель. Если у секретаря въ домѣ такъ все чинно и шикарно, что же будетъ у его хозяина?

Меня вдругъ охватила страшная тоска по дому. Ахъ, еслибъ сейчасъ перелетѣть въ Цвейбрюкенъ, или хотя бы къ родственникамъ, на берега Рейна!.. Мнѣ было обидно, что Бальмеръ, самъ родомъ изъ Зельмата, самъ пригласившій меня къ себѣ, не счелъ даже нужнымъ встрѣтить меня на вокзалѣ.

Однако, подложивъ подъ подушку молитвенникъ Дуглоры, я уснулъ отлично.

ГЛАВА XI.

Робки и пугливы были мои первые шаги въ этомъ чужомъ и шумномъ городѣ. Сопровождавшій меня Андреезенъ указалъ мнѣ на двѣ—три большихъ баржи, нагруженныхъ товарами, на темномъ грязномъ каналѣ, и молвилъ: «это баржи г-на Бальмера». Огромное, какъ фабрика, старое зданіе со множествомъ новыхъ пристроекъ, гдѣ помѣщалась контора Бальмера, кишѣло людьми, какъ муравейникъ муравьями. Въ нескончаемыхъ коридорахъ намъ на каждомъ шагу встрѣчались люди съ какими-то билетиками и записками въ рукахъ, перебѣгавшіе изъ двери въ дверь; и ни одинъ изъ нихъ не смотрѣлъ на другихъ, ни одинъ не смотрѣлъ на насъ; всѣ, видимо, торопились, и всѣмъ было некогда. Мы прошли черезъ залу, гдѣ сидѣло человѣкъ 30—50 писцовъ, занятыхъ перепиской или счетомъ и едва удостоившихъ насъ бѣглымъ взглядомъ; за этой залой находилась комнатка, гдѣ работалъ Андреезенъ — одинъ, какъ онъ счелъ долгомъ подчеркнуть; а на слѣдующей двери стояла надпись: «Г. К. Бальмеръ».

Андреезенъ взглянулъ на часы. — Еще двѣ минуты, г. Вильди.— «Однако, какъ здѣсь аккуратны» — подумалъ я. За дверью раздались шаги; Андреезенъ постучалъ; дверь отворилась, и я очутился въ большой, просто убранной комнатѣ, всю меблировку которой составляли письменный столъ, шкапы и множество книгъ. Бальмеръ шагнулъ ко мнѣ навстрѣчу, сунулъ мнѣ три пальца, небрежно бросилъ: «А, г. Вильди. Ну какъ вы — благополучно доѣхали?» и, не дожидаясь моего отвѣта, указалъ мнѣ на низенькое кресло; самъ же усѣлся на высокій табуретъ. У меня колотилось сердце; въ холодной, чуждой мнѣ, скрипучей рѣчи Бальмера не было ни единой интонаціи, которая бы мнѣ напомнила Зельматъ. «Одну минуту»,— молвилъ онъ, торопливо

разорвалъ два—три конверта съ письмами и телеграммами и передалъ ихъ Андреезену, въ двухъ словахъ объяснивъ, что надо дѣлать. Секретарь исчезъ. Мнѣ неудобно было сидѣть на низкомъ, мягкомъ креслѣ, но все же я успѣлъ разглядѣть лицо человѣка, о которомъ такъ восторженно отзывался покойный учитель: лицо, изборожденное продольными и поперечными, глубокими и мелкими морщинами, образовывавшими цѣлую сѣть у глазъ и рта. Я думалъ найти въ Бальмерѣ благообразнаго красиваго старика, въ родѣ нашего ландаммана; на самомъ дѣлѣ онъ былъ безобразенъ, но и въ этомъ безобразіи было что-то чарующее. Глядя на эту сѣть морщинъ, невольно думалось о томъ, сколько грандіозныхъ плановъ выносилъ въ своемъ умѣ и осуществилъ этотъ человѣкъ, чувствовалась огромная страшная сила, обаянію которой вы невольно подпадали.

Внезапно я почувствовалъ на себѣ пристальный, пронизывающій взоръ глазъ Бальмера, похожихъ на глаза хищной птицы. Онъ ничего не говорилъ, а мнѣ было мучительно жутко подъ этимъ испытующимъ взглядомъ. Я передалъ ему привѣтъ и поклонъ отъ ландамма́на.—Ладно,—бросилъ онъ, холодно и сухо.—Существенно то, что вы рѣшились пойти ко мнѣ въ ученики. Но имѣйте въ виду, что вамъ придется начать съ самыхъ низовъ.—Это звучало страшно, расхолаживающе сухо, и, такъ какъ онъ говорилъ со мной не на нашемъ зельматскомъ нарѣчіи, я счелъ долгомъ отвѣтить на литературномъ нѣмецкомъ языкѣ. Но онъ немного презрительно замѣтилъ:—Потомъ; пока вы этого еще не умѣете.—Я краснѣлъ и сидѣлъ, какъ на иголкахъ; будь у меня крылья, я мгновенно улетѣлъ бы отъ него. — Могу себѣ представить, сколько, вообще, пробѣловъ и прорѣхъ въ вашемъ образованіи, — продолжалъ онъ. — Вамъ нужно брать уроки. Я поговорю насчетъ этого съ Андреезеномъ. Сейчасъ васъ посадятъ за работу. Смотря по тому, какъ вы будете работать, я буду давать вамъ повышенія. Надѣюсь, мы еще увидимся, г. Вильди. Моя жена хотѣла бы также какъ-нибудь повидать своего земляка.

Это было сказано уже много теплѣе, и взглядъ, упавшій на меня изъ-подъ могучихъ, косматыхъ бровей, былъ полонъ доброжелательства, почти ласки. Если бы не это, я пришелъ бы въ полное отчаяніе отъ такого холоднаго пріема; да и то я вышелъ изъ кабинета съ такимъ чувствомъ, какъ будто я зажатъ въ необычайно сильномъ и жесткомъ кулакѣ. Дѣйствительность была такъ далека отъ восторженныхъ описаній школьнаго учителя.

Андреезенъ свелъ меня въ амбаръ, и тутъ я понялъ, что значитъ «начинать съ низовъ». Первой работой, которую мнѣ поручили въ этой колоніальной торговлѣ, было, накладыванье колотаго сахара въ мѣшки и взвѣшиванье этихъ мѣшковъ; на этой работѣ я сидѣлъ недѣлю. Затѣмъ я, по очереди, учился упаковывать рисъ, какао, кофе, каучукъ, резину и противныя красящія вещества, оставлявшія трудно смываемые желтые, красные и синіе слѣды на кожѣ; потомъ снова сахаръ.

Каждую недѣлю Бальмеръ, одинъ или съ кѣмъ-нибудь изъ

служащихъ, обходилъ всѣ склады и амбары, провѣряя работу и качество товара; мѣстами засовывалъ руку въ мѣшокъ, захватывалъ щепотку и нюхалъ, или пропускалъ сквозь пальцы. Однажды, когда онъ подошелъ ко мнѣ вплотную, я счелъ долгомъ учтиво поклониться ему; онъ слегка кивнулъ головою въ отвѣтъ, но потомъ передалъ мнѣ черезъ Андреезена, что онъ приходитъ въ склады не для того, чтобъ ученики раскланивались съ нимъ, а для того, чтобъ посмотрѣть, какъ они работаютъ. Однажды я слышалъ, какъ онъ, разсердившись, бранилъ своихъ надсмотрщиковъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ: «Чортъ бы побралъ такихъ людей—съ ними погубишь и самое лучшее дѣло!»

Послѣ этой гнѣвной вспышки мнѣ стала понятна та жуткая тишина, которая воцарялась въ амбарахъ, какъ только гдѣ-нибудь вдали показывалась высокая фигура хозяина. Каждый старался не попадаться ему на глаза, а кого онъ подзывалъ къ себѣ, тотъ дрожалъ, боясь лишиться мѣста. Когда онъ уходилъ, по угламъ начинали перешептываться, но никто не называлъ имени Бальмера: рѣчь шла только о «грозномъ», и говорили очень осторожно, какъ будто и у стѣнъ имѣлись уши. И всѣхъ больше боялся его г. Андреезенъ, его личный секретарь, учтивѣйшій человѣкъ, какого я когда-либо встрѣчалъ. Онъ, вообще, избѣгалъ произносить имя Бальмера, какъ будто и называть его было опасно; когда же это оказывалось неизбѣжнымъ, онъ имѣлъ такой видъ, какъ будто мысленно отвѣшивалъ низкій поклонъ своему господину. Все это окружало для меня Бальмера ореоломъ загадочности.

Раза два, проходя по амбару, онъ остановился, чтобы присмотрѣться къ моей работѣ, но лицо его было непроницаемо, и онъ прошелъ мимо, не побранивъ и не похваливъ меня. И, тѣмъ не менѣе, какъ онъ ни скрывалъ своего участія ко мнѣ, я внутренно былъ убѣжденъ, что онъ все время слѣдитъ за мной и за моей работой. Это не вызывало во мнѣ робости; я зналъ, что глазъ мой зорокъ, слухъ настолько тонокъ, что я не заставлю ничего повторять себѣ дважды, и испытывалъ отрадное сознаніе, что я быстро свыкся со своей работой и выполняю ее хорошо и добросовѣстно. И было еще другое, за что я былъ очень признателенъ Бальмеру — онъ далъ мнѣ возможность учиться. Ровно въ четыре часа я, переодѣвшись, превращался, какъ куколка въ бабочку, изъ рабочаго-упаковщика въ молодого барича и, высоко неся голову, спѣшилъ на уроки. Бальмеръ былъ правъ: въ моемъ образованіи было много пробѣловъ, но отецъ Дуглоры заложилъ солидный фундаментъ, на которомъ строить дальше было уже легко. Съ нетронутымъ запасомъ силъ здороваго юноши, котораго никогда не обременяли умственной работой, я охотно брался за дѣло и шутя усваивалъ знанія.

Ученье помогало мнѣ переносить тоску по родинѣ, которая иногда охватывала меня съ жгучей силой. Вечера въ зажиточномъ бюргерскомъ домѣ Андреезена нисколько не напоминали тѣхъ блаженныхъ вечеровъ, которые я проводилъ въ семьѣ Каспара; мнѣ недоставало темныхъ глазъ Дуглоры. А для тѣхъ

развлеченій и приманокъ, которыя сулятъ юности большіе города, я былъ еще слишкомъ робокъ. Но съ каждымъ днемъ я развивался и крѣпнулъ умомъ, и еслибъ Дуглора увидала меня, она подивилась бы, какъ быстро я усвоилъ себѣ обличье и манеры горожанина. Это была цѣликомъ заслуга жены Андреезена. Бѣлокурая, аккуратная, живая уроженка Гамбурга, огромное значеніе придававшая внѣшности, она гордилась тѣмъ, что Бальмеръ отдалъ меня подъ ея руководство, не скрывала своей гордости и считала за честь для себя отшлифовать самородокъ, вывезенный изъ далекихъ горъ. Уходя или возвращаясь, я всегда чувствовалъ, что ея зоркій взглядъ слѣдитъ за мною изъ высокаго углового окна. Посмѣиваясь своимъ холодноватымъ, но веселымъ и здоровымъ смѣхомъ, она полу-шутя, полу-серьезно учила меня приличіямъ и этикету и, порой, съ тѣмъ же смѣхомъ, говорила мнѣ:—Кто бы сказалъ, глядя на васъ, что вы изъ дикой страны, гдѣ горы прихлопываютъ людей, какъ хлопушка—мухъ?

Близилось Рождество. Андреезенъ совершенно неожиданно принесъ мнѣ приглашеніе отъ Бальмера и его супруги къ обѣду на первый день праздника. Я былъ пріятно изумленъ; г-жа Андреезенъ всплеснула руками отъ восторга: «Честь-то, честь какая! Вѣдь, даже изъ главныхъ служащихъ, которые служатъ ужъ по многу лѣтъ, никто не приглашенъ. Вотъ что значитъ быть земляком г. Бальмера?» Маленькой женщинѣ было нѣсколько завидно, что приглашеніе получилъ я, а не ея супругъ; но, когда настало воскресенье, она стала снаряжать меня въ гости съ такою милою женской заботливостью, что я былъ тронутъ. И, дѣйствительно, я явился къ Бальмеру, по внѣшности, вполнѣ приличнымъ гостемъ.

Полу-вилла, полу-дворецъ со стройными елями у подъѣзда, домъ Бальмера выходилъ окнами на искусственный катокъ, на льду котораго скользила толпа изящныхъ конькобѣжцевъ, мужчинъ и дамъ. Меня ввели въ гостиную, гдѣ собралось небольшое, но избранное общество: замужняя дочь и женатый сынъ хозяина, другіе родные и знакомые. «Грозный» встрѣтилъ меня легкой улыбкой. Довольно небрежно, какъ мнѣ показалось, сказалъ онъ мнѣ: «Радъ видѣть васъ здѣсь, г. Вильди», и перешелъ къ другимъ гостямъ. Тѣмъ болѣе порадовалъ меня радушный пріемъ его жены.—Наконецъ-то я вижу васъ, г. Вильди! Я ужъ давно жажду познакомиться съ нашимъ юнымъ земляком.—Совсѣмъ молодымъ, быстрымъ движеніемъ она протянула мнѣ руку, сказала, чтобъ подбодрить меня, нѣсколько словъ на нашемъ родномъ нарѣчіи и улыбнулась.

— Мой мужъ, навѣрное, нагналъ на васъ страху при первомъ знакомствѣ. Это ужъ у него такая манера—запугивать молодыхъ людей, поступающихъ къ нему въ ученье. Но, повѣрьте, ваша жизнь въ Гамбургѣ складывается гораздо благопріятнѣе, чѣмъ вы думаете. Уже наше приглашеніе показываетъ,—да и я скажу вамъ по секрету, — что мой мужъ чрезвычайно доволенъ вами. Будемъ надѣяться, что я не разъ еще увижу васъ гостемъ въ своемъ домѣ.

Ледяное кольцо, словно сковавшее мою душу со дня пріѣзда въ Гамбургъ, вдругъ растаяло подъ теплымъ взглядомъ ласковыхъ, карихъ женскихъ глазъ. Несмотря на свои сѣдѣющіе волосы, фрау Бальмеръ, въ противоположность своему мужу, казалась почти молодой и поражала своей бодростью и подвижностью. Столько родного было въ ея говорѣ и манерѣ держать себя, что на меня пахнуло теплой лаской весны. Съ первой же минуты я привязался всей душой къ этой милой женщинѣ, исторію которой я зналъ еще отъ моего учителя, и ставилъ въ заслугу г. Бальмеру, что онъ, послѣ недолгихъ уклоненій, вернулся къ своей юношеской, первой любви.

Хоть я еще и былъ нетвердъ въ свѣтскихъ обычаяхъ и все время приглядывался къ другимъ, стараясь подражать имъ, все же я провелъ въ домѣ Бальмера чрезвычайно пріятный и веселый день. Да и Бальмеръ дома былъ совсѣмъ другой. Строгій коммерсантъ-громовержецъ, передъ которымъ дрожали всѣ служащіе, въ кругу семьи и знакомыхъ былъ милѣйшимъ хозяиномъ, умѣвшимъ для каждаго найти чарующую улыбку и доброе слово. Говорилъ ли онъ со взрослыми, или съ дѣтьми, онъ умѣлъ проявить столько доброжелательства и любви, какъ будто никогда тучи гнѣва не омрачали его чела какъ будто у него только и было заботы, что о мелкихъ и крупныхъ интересахъ его гостей. Долгое время онъ, какъ бы умышленно, не занимался мною; потомъ вдругъ подошелъ ко мнѣ, приласкалъ меня лучистымъ взглядомъ, увлекъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ мы очутились почти одни, и началъ разспрашивать о родинѣ.

— Да, Каспара Изоберштега, моего милаго друга юности, ужъ нѣтъ больше въ живыхъ,—выговорилъ онъ задумчиво, полузакрывъ глаза.--При всей своей великой скромности, онъ былъ удивительно хорошій человѣкъ; по добротѣ и вѣрности я не знаю ему равнаго между людьми. Когда такіе люди умираютъ, меня уже почти перестаетъ тянуть на родину. Я постепенно отрываюсь отъ нея. — Онъ говорилъ печально, какъ будто самъ съ собою, подъ наплывомъ чувства. — А, вѣдь, старшая дочь его жива,—выговорилъ онъ вдругъ, подумавъ:—что же вы мнѣ ничего не скажете о ней?—И, видимо, былъ разстроганъ тѣмъ, что я разсказывалъ ему о Каспарѣ и Дуглорѣ. Потомъ прервалъ меня:—Такъ это Каспаръ первый разсказалъ вамъ обо мнѣ, а не вашъ отецъ? Такъ я и думалъ. Клаусъ, вашъ отецъ, изъ веселаго, жизнерадостнаго юноши подъ старость сдѣлался угрюмымъ, нелюдимымъ. Вы думаете, мнѣ удалось хоть разъ затащить его къ себѣ, когда ему случалось бывать въ Гамбургѣ? Ничего подобнаго. Я всякій разъ самъ долженъ былъ справляться въ маленькой гостиницѣ о времени его пріѣзда и являться къ нему туда, чтобы провести вечеръ вмѣстѣ съ нимъ.

Этотъ человѣкъ былъ полонъ неожиданностей—недаромъ онъ казался мнѣ загадочнымъ; за эту нашу недолгую бесѣду онъ совершенно очаровалъ меня.

Прощаясь, фрау Бальмеръ собственноручно вручила мнѣ перевязанный ленточкой пакетъ. — Вы не догадываетесь, что въ

немъ?—смѣялась она.—Гауенбургская рождественская булка съ цукатами.—Моя пріятельница, жена начальника кантона, которая, кстати, кланяется вамъ, прислала мнѣ ихъ нѣсколько, и я хочу, чтобъ у васъ также на святкахъ былъ такой хлѣбъ, какой ѣдятъ у насъ дома.

Это милое женское вниманіе и доброта наполнили сердце мое признательностью; но все же краткая бесѣда, которой удостоилъ меня Бальмеръ, значила для меня несравненно больше. Домой я возвратился совершенно одурѣлый и, на вопросъ жены секретаря, хорошо ли я провелъ время, могъ отвѣтить только ликующимъ: «Очаровательно?» Мнѣ не сидѣлось дома; хотѣлось воздуха, движенія; щеки мои пылали, словно въ лихорадкѣ. Я безъ конца бѣгалъ по улицѣ, и сердце мое было полно счастья и тревоги.—«Онъ именно таковъ,—думалъ я—какимъ его изображалъ Каспаръ». И необычайно удивительнымъ казалось мнѣ то, что Бальмеръ, котораго всѣ знали только за разсчетливаго, суроваго купца, способенъ былъ разыскивать по какимъ-то постоялымъ дворамъ друга юности, простого торговца грифельными досками, чтобы поговорить съ нимъ о далекомъ дѣтствѣ. Значитъ, на самомъ дѣлѣ, душа у него мягкая и нѣжная. Теперь я только и мечталъ о томъ, чтобы снова почувствовать на себѣ ласковый взглядъ этихъ орлиныхъ сѣрыхъ глазъ. И внутренній голосъ говорилъ мнѣ, что когда-нибудь я стану сердечно близокъ съ этимъ человѣкомъ. Въ этомъ приподнятомъ настроеніи я безъ конца бѣгалъ по пустыннымъ улицамъ Гамбурга. И старинные дома предмѣстья, и темные силуэты башенъ, и красный свѣтъ, падавшій изъ оконъ, трепетно отражаясь въ темныхъ водахъ каналовъ,—все ткало вокругъ меня какую-то радостную волшебную сказку.

Дѣйствительно, съ этого дня для меня началась въ Гамбургѣ чудесная жизнь. Бальмеры все чаще приглашали меня къ себѣ; вслѣдъ за хозяевами мною заинтересовались и гости, благосклонно прошавшіе мнѣ нѣкоторую грубоватость манеръ и неправильности рѣчи. Я быстро осваивался съ новыми формами новой и болѣе утонченной жизни, которыя сначала казались мнѣ такими стѣснительными. Фрау Бальмеръ, мой добрый геній, съ материнской ласковостью говорила мнѣ: «Да, да, г. Вильди, вы дѣлаете огромные успѣхи. Въ васъ столько непосредственности, и въ то же время вы такъ прекрасно держитесь, что прямо пріятно видѣть васъ въ нашей гостиной. Вы сумѣли понравиться всѣмъ нашимъ знакомымъ». И доброе, цвѣтущее лицо ея свѣтилось радостью и гордостью за своего воспитанника.

Но еще важнѣе для меня было глядѣть въ загадочное, изборожденное морщинами лицо ея мужа. Я уже не замѣчалъ въ немъ складокъ и морщинъ, видѣлъ только красоту и силу его духовнаго облика, только лучистую доброту въ орлиномъ взорѣ. Я былъ совершенно очарованъ этимъ загадочнымъ человѣкомъ; способенъ былъ цѣлыми днями тосковать и грустить, когда онъ говорилъ со мною меньше и суше, чѣмъ бы мнѣ хотѣлось, и втайнѣ ликовалъ, когда онъ дарилъ меня улыбкой или ласковымъ словомъ.

— А все-таки зельматская катастрофа имѣла и свою хорошую сторону, не правда ли, г. Вильди?—сказалъ онъ мнѣ однажды.— Она привела васъ ко мнѣ. Мнѣ думается, вы не будете въ этомъ раскаиваться. Я внимательно слѣдилъ за вами и, будьте увѣрены, умѣю васъ цѣнить. Я все время соображаю, какъ бы васъ поставить на такое мѣсто, которое бы соотвѣтствовало вашимъ силамъ и способностямъ.—Эта похвала и обѣщаніе были для меня, что шпоры для молодого, пылкаго коня.

Одна только тѣнь омрачала мое счастье—тоскующія письма Дуглоры.

«Милый Іостъ»,—писала она,—«хоть мнѣ и хорошо живется у Ц'бинденовъ, и оба они балуютъ и любятъ меня, какъ свою родную дочь, все же я день и ночь думаю о тебѣ. День и ночь! О, какъ я обрадовалась твоей карточкѣ! Какой ты важный на ней, даже слишкомъ важный для меня. Эта карточка стоитъ у меня на комодѣ, подъ стекломъ. Какъ только проснусь утромъ, первымъ дѣломъ зажигаю лампочку, чтобы взглянуть на тебя, а на сонъ грядущій прощаюсь съ тобой и шепчу тебѣ ласковыя слова. Или, лучше сказать, плачу и говорю тебѣ: «Іостъ, какой ты злой! Зачѣмъ ты такъ хорошо чувствуешь себя въ Гамбургѣ?» Фрау Ц'бинденъ очень огорчаетъ меня. Она все твердитъ, что я глупый ребенокъ и что не слѣдовало мнѣ отдавать свое сердце человѣку, который живетъ въ большомъ городѣ на чужбинѣ. Когда она говоритъ это, мою душу, какъ будто, прожигаютъ каленымъ желѣзомъ. И г. Ц'бинденъ иной разъ потихоньку усмѣхается, такъ сострадательно, надъ моей безмѣрной любовью къ тебѣ, какъ будто, жалѣетъ меня. Поэтому я перестала съ ними говорить о тебѣ, но мнѣ тоскливо и жутко, и страшно, когда я вижу, какъ они мало вѣрятъ въ наше будущее. Много мнѣ приходится страдать изъ-за моей любви къ тебѣ, Іостъ. И все же, я люблю тебя съ дѣтства. Ты это знаешь. О, пиши мнѣ чаще! Напиши мнѣ откровенно, всю правду, почему тебѣ такъ понравился Гамбургъ. Нѣтъ, лучше напиши опять такъ, какъ въ первый разъ—что ты безумно тоскуешь по родинѣ. Ахъ, такихъ хорошихъ словъ ты ужъ давно не говорилъ. Я и во снѣ тянусь къ тебѣ, простираю руки за тобою. А ты плывешь на кораблѣ, все дальше, и мнѣ не достать тебя руками».

Тоска, которою дышали эти письма, находила откликъ и во мнѣ, проникала въ самую глубь моей души, гдѣ все время шла распря между моей любовью и моими честолюбивыми замыслами.

А между тѣмъ, въ Гамбургѣ и его окрестностяхъ ужъ зеленѣла и цвѣла ранняя сѣверная весна. Выйдя въ воскресенье на прогулку за городъ, я увидѣлъ въ полѣ уже зеленѣющія озими. Въ поднебесьѣ звенѣлъ жаворонокъ, и у меня у самого въ душѣ все звенѣло и пѣло, какъ у жаворонка. Хотѣлось забраться куда-нибудь высоко, чтобы полюбоваться весеннимъ ландшафтомъ. Какъ мнѣ не доставало горъ! Исключительно для того, чтобъ испытать чувство подъема, восхожденія, и взглянуть на міръ откуда-нибудь съ высоты, я поднялся на башню церкви св. Николая, самую высокую въ городѣ. У ногъ моихъ раскинулся ог-

ромный городъ, тысячи крышъ и башенъ, низкихъ и высокихъ зданій, перемежающихся водою и островками изумрудной зелени. Но напрасно глаза мои искали моря.

Съ весною и работа моя стала разнообразнѣе. Теперь мнѣ доводилось иной разъ сопровождать товаръ, отправляемый въ гавань для нагрузки—то въ маленькія бухты, гдѣ приставали рѣчныя суда, пришедшія изъ сосѣднихъ городовъ, то на большую набережную, мѣсто стоянки морскихъ пароходовъ. Рядъ разнообразныхъ, ежеминутно мѣняющихся картинъ, перекликанье грузчиковъ, скрипъ подъемныхъ крановъ, суета лодченокъ, сновавшихъ между высокими корпусами океанскихъ огромныхъ судовъ,—все это скоро стало мнѣ хорошо знакомо. Въ гавани я встрѣтилъ даже земляка и пріятеля, Юрга Рунгхольта, смотрителя небольшой верфи. Если въ воскресенье я не получалъ приглашенія отъ Бальмеровъ, я проводилъ его съ этимъ милымъ и забавнымъ человѣкомъ, знавшимъ неисчерпаемое множество анекдотовъ о морѣ и морякахъ. Мы вмѣстѣ отправлялись пѣшкомъ въ Оттенсенъ, гдѣ жили его сестра и зять, держа небольшое садоводство. И мирные вечера на открытомъ воздухѣ, за кружкой пива, въ обществѣ этихъ мирныхъ людей, въ бесѣдѣ о цвѣтахъ, напоминали мнѣ такіе же тихіе вечера на родинѣ, съ отцомъ, послѣ обхода нашихъ полей.

Но все же самыми пріятными часами отдыха были тѣ, которые я проводилъ въ семействѣ Бальмера.

Кромѣ дома въ Гамбургѣ, у него была еще прелестная вилла на красивой горѣ, Зюльбергъ; по масштабу моей родины, это былъ просто-напросто невысокій холмъ среди равнины. Теперь, когда пришла весна, Бальмеры каждую субботу уѣзжали туда и проводили все воскресенье въ этомъ очаровательномъ уголкѣ. И я по большей части ѣздилъ съ ними и самъ не зналъ, что мнѣ больше нравится: прогулка ли вдоль Эльбы, въ золотыхъ лучахъ заката, или широкій видъ, открывающійся съ виллы на рѣку, въ устьѣ своемъ широкую, какъ море, и на золотисто зеленую линію болотъ на противоположномъ берегу.

Больше всего я любилъ эти поѣздки на дачу еще и потому, что Бальмеръ былъ особенно простъ и доступенъ во время своей ранней утренней прогулки на верандѣ, пока еще не собрались другіе гости. Даже, когда онъ ходилъ молча, углубившись въ свои мысли и нагибаясь впередъ высокимъ худощавымъ станомъ, онъ любилъ, чтобы я былъ тутъ же, подъ рукою. И неожиданно начиналъ разговоръ, отъ времени до времени останавливаясь, чтобы подчеркнуть ту или другую фразу. Нерѣдко онъ сводилъ рѣчь на учителя Каспара и на родину; въ хорошія минуты онъ даже вставлялъ въ свой сѣверно-нѣмецкій говоръ двѣ—три фразы на нашемъ зельматскомъ нарѣчіи, но отъ меня не ускользало, что воспоминанія о родинѣ были для него лишь забавой, въ сравненіи съ его крупными коммерческими планами, и вся его щедрость по отношенію къ родному краю была лишь удовлетвореніемъ его прихоти и честолюбія.

Его сужденія о людяхъ и вещахъ нерѣдко были суровы и

презрительны. Подчасъ меня пугало его безжалостное отношеніе къ самымъ, казалось бы, преданнымъ ему служащимъ. Такъ, напримѣръ, жена его какъ-то стала убѣждать его хоть разокъ пригласить къ нимъ въ Зюльбергъ Андреезена съ женою, указывая, что ими словно пренебрегаютъ, въ то время, какъ ихъ воспитанника и жильца постоянно зовутъ къ себѣ. Я самъ воспользовался случаемъ, чтобы скромно замолвить словечно за своихъ хозяевъ.

Но Бальмеръ только разсердился.—Андреезенъ, Андреезенъ! Такъ что жъ, ты хочешь, чтобы моя дача стала мѣстомъ отдохновенія для всей нашей челяди? Людей такого типа, какъ Андреезенъ, можно держать на службѣ, но видѣть ихъ больше, чѣмъ это необходимо—вовсе не желательно. Всѣ эти самоотверженныя рабьи души противны мнѣ, какъ эти мухи на стѣнѣ.— Затѣмъ, онъ повернулся ко мнѣ и рѣзко выговорилъ:—г. Вильди, кто хочетъ быть молотомъ, тотъ долженъ умѣть бить по наковальнѣ и презирать наковальню за то, что она позволяетъ бить по себѣ. Если вы запомните этого, вы не недалеко уйдете въ этомъ мірѣ.

Это былъ человѣкъ съ двумя душами: одной—бездонной, полной презрѣнія къ людямъ, другою—доброй, и ко мнѣ онъ поворачивался лишь этой другой стороной. Рисуя мнѣ красивое и свѣтлое будущее, онъ не ограничивался словами. Послѣ одного изъ такихъ прелестныхъ воскресеній, онъ вызвалъ меня къ себѣ въ рабочій кабинетъ и встрѣтилъ меня чарующей улыбкой.

— Г. Вильди, мнѣ хотѣлось бы показать вамъ, какъ я доволенъ вами, и создать вамъ значительно лучшее положеніе, чѣмъ то, которое занимаютъ другіе наши молодые люди. Я хочу, чтобъ вы уже теперь были матеріально до извѣстной степени независимы и научились безконтрольно распоряжаться деньгами. Это искусство не малое, а въ Гамбургѣ много соблазновъ. Попробуйте. Не устоите противъ искушенія—не велика бѣда, это со всѣми бываетъ. Главное: не унывать. Именно наши пораженія научаютъ насъ побѣждать и господствовать. Итакъ, въ кассѣ сдѣлано распоряженіе, чтобы вамъ каждое первое число выдавали по сто марокъ карманныхъ денегъ.

Цѣлый потокъ благодарности готовъ былъ сорваться съ моихъ устъ, но Вальмеръ отмахнулся отъ меня и молвилъ:—Сейчасъ у меня нѣтъ больше времени разговаривать съ вами. Еще одно: въ будущее воскресенье мы предпринимаемъ увеселительную экскурсію на Гельголандъ; будемъ ждать и васъ.

Счастливѣй меня въ этотъ день не было человѣка въ Гамбургѣ. Я радовался, какъ ребенокъ. Море! Море! Кто бы могъ подумать, что Іостъ Вильди изъ Зельмата своими глазами увидитъ море.

ГЛАВА XII.

Я пишу о веснѣ и лѣтѣ, а на дворѣ зима; снѣгъ сыплется и сыплется на Фейерштейнъ. Съ каждой ночью онъ спускается глубже и глубже, засыпая скалы, луга и лѣса на склонахъ го-

ры. Сегодня онъ ужъ выстлалъ бѣлой пеленою долину и крыши Зельмата, а завтра раскинетъ свой покровъ надо всею равниной. Даже въ увеличительное стекло я не вижу сернъ. Всѣ онѣ укрылись въ лѣсахъ, внизу. Но голодныя вороны уже стучатъ клювами въ окна моей обсерваторіи, къ большому неудовольствію Снѣжка, моего шпица. Когда онъ залаялъ на нихъ, сердце мое забилось быстрѣе, въ надеждѣ, что это, можетъ быть, идетъ человѣкъ, охотникъ.

Но нѣтъ! приходится довольствоваться обществомъ тѣней минувшаго. Войди же ко мнѣ, моя сказка, моя голубоглазая Абигаиль!

Чудесная поѣздка! Послѣдняя низкая полоска берега потонула въ могучемъ лонѣ водъ, и желтыя воды Эльбы слились съ зеленою пучиной океана. Такъ вотъ оно, море—не такое грозное и страшное, какимъ оно мнѣ грезилось, но зато полное жизни и обаятельной красоты. Свѣжій вѣтеръ волновалъ его, вздымая длинные валы съ пѣнистыми бѣлыми гребнями, свѣтло-зелеными скатами и темными безднами между ними. Бѣлые паруса, кренясь наискось, такъ и плясали на волнахъ, а надъ ними рѣяли чайки. Я замеръ въ безмолвномъ удивленіи и восторгѣ. Остальное общество веселилось, шутило; какой-то господинъ разсказывалъ были и легенды объ островахъ, селеніяхъ и городахъ, поглощенныхъ моремъ, погибшихъ, какъ Зельматъ подъ обваломъ горы. Но вотъ, вдали, надъ свѣтлой и темной зеленью водъ, поднялось что-то въ родѣ волшебнаго дворца, или причудливой формы скалы; краски понемногу оживали, становились ярче, отливали краснымъ свѣтомъ, точно склоны Фейерштейна—то былъ Гельголандъ.

Высадившись на островъ, наша компанія разбилась на группы; каждый направился туда, гдѣ ему казалось интереснѣе. Я поднялся на Фальмъ, прошелъ мимо простенькой церкви на мысъ, составляющій сѣверную оконечность острова и, залюбовавшись бурнымъ моремъ, остался тамъ и послѣ того какъ другіе, бывшіе со мной, убоявшись вѣтра, вернулись назадъ. Море катило свои могучія волны отъ самыхъ дальнихъ глубинъ горизонта; на волнахъ играли ослѣпительно яркіе солнечные лучи; чайки кружились надъ водой, ныряя крыльями въ бѣлую пѣну; шумъ океана отдавался въ моей душѣ, какъ могучая молитва природы. И вся душа моя раскрывалась навстрѣчу этому говору волнъ, какъ нѣкогда бурямъ на Фейерштейнѣ.

Вдругъ, гдѣ-то неподалеку, послышался смѣхъ, щебетанье, звонкіе дѣвичьи голоса. Осторожно придерживая руками шляпы, которыя грозилъ унести вѣтеръ, къ берегу шла толпа дѣвочекъ-подростковъ, хорошенькихъ, свѣженькихъ, въ свѣтлыхъ легкихъ платьяхъ. Ихъ было дюжины двѣ—по всей вѣроятности, воспитанницы какого-нибудь изъ частныхъ пансіоновъ, предпринявшія праздничную экскурсію на Гельголандъ.

Среди нихъ была одна, иная, чѣмъ другія, и выше, и старше остальныхъ. Она шла, покровительственно обнимая рукою

дѣвочку, поменьше; на другой рукѣ у нея висѣла легкая соломенная шляпка, а локтемъ она придерживала, чтобы вѣтеръ не растрепалъ ихъ, двѣ чудесныхъ темно-русыхъ, или, вѣрнѣе, свѣтло-каштановыхъ косъ, падавшихъ ей на плечи.

Я не могъ оторвать глазъ отъ этой незнакомой дѣвушки и не смущался этимъ, такъ какъ она мечтательно глядѣла на море и не замѣчала окружающаго. А я, чѣмъ дальше, тѣмъ больше восхищался ея красотой и привлекательностью. Въ ея тонкомъ, строгомъ профилѣ было что-то чужеземное, но глаза были самые настоящіе нѣмецкіе, голубые, какъ у Гретхенъ, и все лицо дышало несказанно нѣжнымъ ароматомъ юности и дѣвической прелести.

Вѣтеръ усиливался; другія дѣвочки, помоложе и послабѣе, поспѣшили укрыться въ церкви, стоявшей тутъ же, за лужкомъ, но эта осталась и даже подошла ближе къ краю пропасти, склонившись надъ нею очаровательно гибкимъ движеніемъ юнаго стана. И легкое платье подъ вѣтромъ мгновенно обрисовало всю ея тонкую, стройную фигурку.

— Фрейлейнъ Бигъ, фрейлейнъ Бигъ!—все громче и настойчивѣй звали ее подруги.—Фрейлейнъ Бигъ, да идите же!—Дѣвушка, не спѣша, повернулась и пошла. И въ это время взоры наши встрѣтились и на мигъ потонули одинъ въ другомъ. Она, вѣроятно, еще раньше замѣтила, что я наблюдаю за нею, но во взглядѣ ея не было ни неодобренія, ни поощренія, ни насмѣшки, ни испуга; она просто повернулась и пошла. У меня же осталось впечатлѣніе, что другихъ такихъ загадочныхъ глазъ, другого такого красиваго и плѣнительнаго лица нѣтъ на землѣ, что я видѣлъ образъ совершенной кросоты и въ то же время,—что это, должно быть, свѣтская дѣвушка, избалованная аристократка. Я подождалъ еще съ четверть часа; пора уже было возвращаться на берегъ, гдѣ понемногу собралась вся наша компанія. Спускаясь по послѣдней лѣсенкѣ, съ Фальма, я увидѣлъ на дюнахъ снова ту же группу дѣвочекъ-подростковъ, къ которымъ теперь присоединились еще господинъ и дама—безъ сомнѣнія, учитель и учительница; съ ними была и красавица «Бигъ», съ ея восхитительно строгимъ профилемъ, съ ея дивными глазами и косами. Я не счелъ себя въ правѣ поклониться ей, но, отойдя на нѣсколько шаговъ, еще разъ оглянулся, чтобы лучше запѣчатлѣть въ памяти образъ незнакомой красавицы, какъ стараешься сохранить въ памяти все, что встрѣтишь красиваго и радостнаго на жизненномъ пути.

И снова взгляды наши встрѣтились; и она также, пытливо или вопросительно, смотрѣла на меня. Но это былъ одинъ лишь мигъ; тотчасъ же она перевела свой взглядъ на плоскую песчаную отмель, гдѣ стояли купальныя будки на колесахъ и нѣжились въ водѣ купальщики, подставляя тѣла набѣгавшимъ брызгамъ пѣны. Но меня этотъ мимолетный взглядъ обжегъ, какъ огнемъ; и когда я въ третій разъ увидѣлъ незнакомку, теперь уже вблизи, на берегу, все въ той же компаніи подростковъ, я рискнулъ обратить на нее вниманіе одного изъ моихъ спутни-

ковъ.—Ахъ, экзотическая барышня?—небрежно откликнулся онъ.—Это, должно быть, нѣмка изъ Америки, съ двумя—тремя каплями индѣйской крови. Пикантна, не правда ли? Но я лично предпочитаю нашихъ гамбургскихъ красотокъ.—На этомъ и оборвался разговоръ. Потолкавшись еще немного между живописными островитянами и пріѣзжими посѣтителями острова, всѣ мы вновь усѣлись на бальмеровскій пароходъ, привезшій насъ сюда, и поплыли обратно въ Гамбургъ, уже горѣвшій вечерними огнями.

— Ну-съ, г. Вильди, что вы скажете о Гельголандѣ?—спросила меня фрау Бальмеръ въ слѣдующій мой визитъ.—Не правда ли, намъ, горцамъ, не мѣшаетъ иной разъ посмотрѣть на скалы?—Я началъ разсказывать обо всемъ, что особенно привлекло мое вниманіе на островѣ, но только не о красавицѣ-дѣвушкѣ, хотя образъ ея былъ со мною неразлученъ и на работѣ, и въ часы досуга, и втайнѣ я лелѣялъ мечту еще разъ повстрѣчаться съ нею. Зачѣмъ? Этого я самъ не зналъ. Не столько изъ горячей внутренней симпатіи къ ней, которая родилась въ моей душѣ съ первой же встрѣчи, сколько изъ потребности видѣть красоту, дѣйствительно достойную восхищенія и поклоненія. Моей любви къ Дуглорѣ это вовсе не затрогивало, и я даже соглашался съ давешнимъ моимъ собесѣдникомъ, что гамбургскія барышни, которыя по воскресеньямъ оживляли Зюльбергъ своимъ звонкимъ смѣхомъ и веселыми проказами, скорѣй способны внушить нѣжное чувство, чѣмъ это необычайное созданіе, съ его ослѣпительной и необычной красотой.

Но, какъ ни усердно витали около нея мои мысли, лѣто шло, а я больше не встрѣчалъ дѣвушки съ Гельголанда, и постепенно образъ ея потускнѣлъ въ моей душѣ, тѣмъ болѣе, что въ кругу знакомыхъ Бальмеровъ у меня было и безъ того достаточно интересныхъ и пріятныхъ впечатлѣній.

Дуглора, съ ея женской чуткостью, угадала вѣрно: я дѣйствительно имѣлъ счастье нравиться женщинамъ. Случаевъ поиграть въ любовь представлялось мнѣ немало, но я не пользовался ими. Съ моей горячей кровью и пылкимъ темпераментомъ это могло бы показаться даже страннымъ, если бъ душа моя не подпала цѣликомъ подъ власть и обаяніе Бальмера. Я зналъ, что онъ будетъ ревновать своего любимца, если замѣтитъ, что тотъ увлекается женщиной, или что у него осталась на родинѣ любовь, которая тянетъ его назадъ. Онъ привыкъ думать, что я принадлежу ему исключительно и безраздѣльно. И самъ я думалъ такъ же.

Какъ незакатное солнцѣ, сіялъ у меня въ душѣ лучистый взоръ моего покровителя, ставшаго для меня вторымъ отцомъ. Я любилъ этого загадочнаго человѣка такъ же горячо и пылко, какъ любилъ обожаемую женщину, и за него охотно далъ бы рубить себя на куски.

Въ началѣ осени онъ, черезъ одного изъ своихъ служащихъ, устроилъ мнѣ нѣчто въ родѣ экзамена, т.-е. провѣрку знаній, усвоенныхъ мною во время моей службы въ магазинахъ и амбарахъ,

и послѣ этого перевелъ меня въ канцелярію, гдѣ я началъ опять таки «съ низовъ», какъ въ складахъ—съ упаковки.

— Ну, а какъ съ карманными—хватаетъ вамъ сто марокъ въ мѣсяцъ?—освѣдомился онъ.—О, конечно, г. Бальмеръ,—отвѣтилъ я съ искренней признательностью:—и еще остается: я коплю.— Отвѣтъ мой очень разсмѣшилъ его. Онъ кивнулъ головой и усмѣхнулся.—Ну и отлично. На будущее время вы будете получать полтораста.

Тревоги и мученія въ мою жизнь вносилъ только разладъ между моей любовью къ Дуглерли и моими широкими житейскими планами. Я не смѣлъ написать ей, какъ хорошо мнѣ живется въ Гамбургѣ, и открыть ей свою завѣтную мечту—пойти по стопамъ Конрада Бальмера, раскинувъ сѣть смѣлыхъ предпріятій по всему земному шару. Это бы только прибавило ей огорченій, которыхъ у нея и безъ того слишкомъ достаточно.

«У насъ дома теперь не такъ ужъ хорошо, какъ прежде», — писала она.—«И за что только на меня все это валится, Іостъ! На каникулахъ къ намъ пріѣзжалъ старшій сынъ Ц'бинденовъ, Отто, послѣ экзаменовъ, изъ Политехникума. Онъ такой милый, серьезный, и сначала очень понравился мнѣ; но потомъ онъ сталъ за мной ухаживать, и тутъ ужъ совсѣмъ пересталъ мнѣ нравиться— ты представляешь себѣ, какъ это мнѣ было непріятно. Вѣдь сердце мое цѣликомъ принадлежитъ тебѣ, мой милый Іостъ. Такъ я ему и сказала. Онъ загрустилъ и цѣлыми днями слѣдилъ за мной такимъ печальнымъ взглядомъ. Г-нъ и г-жа Ц'бинденъ, разумѣется, тоже были недовольны этимъ. Они начали выговаривать г. Отто, въ моемъ присутствіи, и я тоже должна была сказать при всѣхъ, что я его не люблю и не хочу итти за него. Послѣ этого онъ уѣхалъ назадъ въ Политехникумъ, но оттуда написалъ мнѣ письмо, которое г. Ц'бинденъ отобралъ у меня назадъ. Въ этомъ письмѣ были всякія глупости. Ц'биндены знаютъ отлично, что я тутъ ни душою, ни тѣломъ не виновата, и не хотятъ огорчать меня, но все же съ этихъ поръ у насъ въ домѣ все какъ-то разладилось, и мы никакъ не можемъ попасть въ прежній тонъ. Я бы охотнѣе всего уѣхала, да и Ц'биндены, пожалуй, были бы довольны этимъ. Но куда уѣхать? Къ тебѣ въ Гамбургъ? Нѣтъ, это слишкомъ далеко для меня, да и люди будутъ говорить, что я увязалась вслѣдъ за тобой. Какъ это грустно, что мы можемъ разговаривать только въ письмахъ!.. Письма— это все равно, какъ будто я въ щелочку посмотрѣла на тебя. Иной разъ я только и утѣшаюсь тѣмъ, что сяду за гармоніумъ и начну пѣть гимны, какъ бывало, съ покойнымъ отцомъ: «Довѣрь свои пути», и другіе разные... И въ такія минуты я начинаю вѣрить, что я еще найду великое счастье съ тобой, мой дорогой, далекій Іостъ».

Моему тщеславію льстило, что и другіе молодые люди заглядываются на Дуглору, и притомъ молодые люди, уже познакомившіеся съ жизнью большихъ городовъ. Та искренность и правдивость, съ которой она разсказывала мнѣ о пережитомъ, снова рисовали мнѣ ея образъ, порой блѣднѣвшій и затушевы-

вавшійся новыми впечатлѣніями, во всей благоуханной прелести моего дѣтства и юности. Но развѣ нельзя совмѣстить Дуглору и осуществленіе моихъ завѣтныхъ грезъ? Вѣдь и г-жа Бальмеръ провела свою юность въ маленькомъ городкѣ, въ горахъ, а сумѣла же она освоиться съ богатствомъ и съ жизнью въ большомъ городѣ и съ достоинствомъ несетъ свое положеніе и свои обязанности. Но Дуглора слишкомъ цѣльная натура: она слишкомъ срослась со своей отчизной, чтобы ее можно было пересадить въ шумную свѣтскую жизнь безъ ущерба для ея тихо лучащейся, кроткой души. Она похожа въ этомъ отношеніи на мою мать, которая завяла и погибла, когда ее пересадили на чужую почву. Мнѣ становилось въ тягость писать Дуглорѣ, такъ какъ я не смѣлъ ей разсказать всю правду о моихъ планахъ и надеждахъ, и я охотнѣе писалъ иногда нашему ландамману, передъ которымъ мнѣ незачѣмъ было скрывать, какъ счастливо мнѣ живется подъ крылышкомъ у Бальмера. Я съ ужасомъ ловилъ себя на мысли, что моя любовь къ Дуглорѣ стала для меня цѣпью, которую я волочу за собой, и на желаніи, чтобы она увлеклась молодымъ Ц'бинденомъ. Горько корилъ я себя за эти мысли—и снова мечталъ о томъ, чтобъ она сама развязала мнѣ руки. Я не могъ разобраться въ самомъ себѣ. Честолюбіе заглушало любовь, голосъ соблазна силился перекричать голосъ вѣрности, звучавшій изъ глубины моего лучшаго «я».

Какъ разъ въ это трудное и смутное время я сдружился съ однимъ молодымъ человѣкомъ, замѣнившимъ перваго моего учителя французскаго языка, тщедушнаго, чахоточнаго старичка. Этого молодого повѣсу звали Эрнестъ Леглю; ходили слухи, что у него было бурное прошлое, но это выкупалось его аристократически-утонченными манерами, блестящимъ остроуміемъ и великолѣпнымъ французскимъ языкомъ, который становился особенно изящнымъ и остроумнымъ послѣ полуночи. Онъ не былъ пьяницей, но любилъ поздно сидѣть по ночамъ и нерѣдко ужъ подъ утро тащилъ меня въ матросскій кварталъ, въ довольно скверную улицу, гдѣ, между старинными домами, пріютилось кафе, болѣе приличное, чѣмъ прочіе окрестные кабачки. Силачемъ Леглю никакъ нельзя было назвать; наоборотъ, онъ былъ довольно слабаго и хилаго сложенія, и я считалъ обязанностью дружбы сопровождать его туда, оберегая на улицѣ отъ столкновеній съ пьяными матросами. Кафе обыкновенно оказывалось уже запертымъ, но насъ, благодаря условленному паролю, пропускали и отводили въ заднюю комнатку въ верхнемъ этажѣ.

Комната была не маленькая, но атмосфера въ ней ужасная. Сквозь наглухо закрытыя окна, завѣшанныя тяжелыми красными занавѣсями, не проникала ни единая струйка свѣжаго воздуха, и въ горячемъ воздухѣ едва мигалъ свѣтъ газовыхъ рожковъ, не находя достаточно питанія. За зелеными столиками сидѣли обычные посѣтители—игроки, и съ ними множество случайныхъ гостей: коммивояжеровъ, матросовъ и штурмановъ, и тутъ же жалкія ночныя бабочки самаго послѣдняго сорта, жадно вглядывавшіяся въ лица игроковъ, въ надеждѣ, что который-

нибудь, выигравши, на радостяхъ, угоститъ ихъ водкой или джиномъ, чтобъ откупиться отъ ихъ непрошенныхъ и навязчивыхъ ласкъ. Но, въ общемъ, игра проходила довольно мирно, а когда страсти начинали разгораться и угрожали ссорой, хозяинъ, богатырь съ лицомъ фавна, энергически водворялъ тишину и спокойствіе.

За одними столиками играли въ карты, за другими—въ кости. Но каждый изъ играющихъ зорко слѣдилъ и за кучкой денегъ, составлявшей его ставку, и за своими партнерами, и мнѣ до тошноты противны были эти люди, повидимому, взаимно считавшіе другъ друга ворами и мошенниками. Я далъ, однако, вовлечь себя въ игру, немножко проигралъ, потомъ довольно много выигралъ; сперва мнѣ было это непріятно, потомъ мнѣ понравилось выигрывать; игра стала увлекать меня настолько, что я даже забылъ о непривлекательности мѣста и компаніи. «Вотъ видите»,—говорилъ, смѣясь, Леглю, на своемъ ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ. Послѣ того я еще раза два былъ съ нимъ въ этомъ скверномъ кабачкѣ. Игра захватывала меня не надолго,—лишь до тѣхъ поръ, пока мы не выходили на свѣжій воздухъ; тутъ мнѣ сразу становилось стыдно самого себя, и хотѣлось швырнуть куда-нибудь подальше выигранныя деньги.

Однажды я имѣлъ несчастье—или, вѣрнѣе, счастье—проиграть сумму болѣе крупную, чѣмъ всѣ предыдущіе выигрыши, вмѣстѣ взятые. Этого я нинакъ не ожидалъ и пришелъ домой внѣ себя отъ ярости, тѣмъ болѣе, что мнѣ сильно сдавалось, что Леглю нарочно заманилъ меня туда, чтобъ обыграть, да еще, пожалуй, шулерскимъ манеромъ. А дома я нашелъ милое, ласковое и грустное письмо отъ Дуглоры, и раскаяніе охватило меня съ такою силой, что я почувствовалъ себя какъ Каинъ послѣ убійства Авеля. Мнѣ чудилось, что и отецъ мой, и всѣ покойные зельматцы, возстали на меня, чтобы выколотить изъ меня мое непростительное легкомысліе. Чтобъ разогнать это убійственное настроеніе я не сумѣлъ придумать ничего лучшаго, какъ написать бурно-пламенное, страстное письмо Дуглорѣ.

Отвѣтъ былъ такой радостный. «О, Іостъ, какъ я тебѣ признательна! Твоимъ послѣднимъ письмомъ ты вернулъ миръ измученной душѣ. Теперь я, такъ и быть, признаюсь тебѣ: я такъ страдала отъ твоихъ рѣдкихъ и холодныхъ писемъ. Я вѣчно буду благодарна тебѣ, Іостъ, за твое послѣднее письмо, и не буду больше жаловаться и роптать, чтобы не огорчать тебя, когда тебѣ и безъ того, можетъ быть, трудно; я буду терпѣливо ждать, съ любовью и вѣрностью, осуществленія того, что ты съ любовью и вѣрностью постановишь. Въ самые тягостные дни я всегда говорю себѣ: «мой Іостъ сумѣетъ проложить себѣ дорогу и поведетъ меня по ней».

Письмо это сильно потрясло меня; я порвалъ съ Леглю, пересталъ видаться съ нимъ и сталъ чаще прежняго бывать у добраго Рунгхольта, съ которымъ познакомился въ гавани. Результатомъ всѣхъ этихъ заблужденій было то, что я снова вернулся душою къ Дуглорѣ. И въ то же время съ головою за

рылся въ работу. Никогда еще я такъ не усердствовалъ. За то, когда настала весна, я почувствовалъ такую легкость и силу въ душѣ и тѣлѣ, что едва могъ сдерживать себя. Это была награда за настойчивую, упорную работу воли.

Бальмеръ, довольный, ласково кивалъ мнѣ головою и говорилъ:—«Милѣйшій, г. Вильди, вы человѣкъ выдающійся; скоро вы займете крупное мѣсто въ моихъ планахъ и расчетахъ. Будьте готовы». И не было на моемъ горизонтѣ ни единаго облачка, которое бы предвѣщало бурю.

Но тутъ между нами встала женщина: Абигаиль.

ГЛАВА XIII.

Въ прежнія зимы, долгими вечерами, я развлекался тѣмъ, что просилъ Ганса Штюнци телеграфировать мнѣ въ обсерваторію выдержки изъ газетъ и телеграфировалъ ему въ отвѣтъ собственные шуточные комментаріи по поводу услышаннаго. И въ этомъ году онъ выписалъ для меня двѣ газеты: нѣмецкую и французскую. Каждый вечеръ аппаратъ стучитъ, передавая мнѣ вѣсти изъ другого міра; но я выслушиваю ихъ разсѣянно и оставляю ихъ безъ всякихъ комментарій. Это огорчаетъ и пугаетъ Ганса. Онъ допытывается: что со мной—не боленъ ли я, или загрустилъ? Я по телеграфу попросилъ его избавить себя отъ труда передавать мнѣ всякое газетное вранье и не безпокоиться о моемъ здоровьѣ. Просто я съ годами становлюсь философомъ.

Пусть поломаетъ себѣ голову надъ моимъ отвѣтомъ.

Моя исповѣдь все больше увлекаетъ меня. Сегодня я открылъ желѣзную шкатулку, которой не открывалъ цѣлыхъ семь лѣтъ.

Здѣсь мои воспоминанія—письма и портреты. Цѣлая галлерея красивыхъ дѣвушекъ и женщинъ. Но всѣ эти карточки относятся къ болѣе позднему періоду, чѣмъ тотъ, о которомъ я теперь пишу. Да и гамбургскихъ фотографій между ними мало. Одна изъ нихъ изображаетъ юношу, стройнаго, какъ молодой дубокъ, съ сильными мускулами и могучей грудью. Его можно принять или за капитана судна или за художника. Въ этомъ лицѣ чувствуется незаурядная сила и мужественная воля, но, на ряду съ этимъ и мягкость души; но прежде всего оно дышитъ здоровьемъ и силой; выраженіе скромное и вмѣстѣ съ тѣмъ побѣдоносное. Побѣдоносное живетъ на высокомъ выпукломъ лбу, свѣтится въ темныхъ орлиныхъ глазахъ...

Этотъ юноша—я. Одинокому старику не стыдно говорить, что въ молодости онъ былъ красивъ. У него есть и доказательства—письмо отъ знаменитаго скульптора, который настойчиво проситъ его позировать для статуи умирающаго Ахилла. Позировать я отказался... А вотъ и письма съ пожелтѣвшими чернилами. Отъ глупыхъ дѣвочекъ-подростковъ или молоденькихъ барынекъ, которыя, не найдя ничего лучшаго, кокетничали со мной и назначали мнѣ свиданія.

Всѣ эти письма и карточки спрятаны обратно въ шкатулку. Мимо, мимо.

Я шелъ изъ конторы Бальмера, послѣ занятій, на урокъ англійскаго языка. На улицахъ почему-то было особенно людно. Вдругъ раздался крикъ: «Глядите! Глядите! Шаръ! шаръ!» На углу стояли кучки людей, о чемъ-то оживленно бесѣдовавшихъ, указывая на голубое весеннее небо. Я замедлилъ шагъ и поднялъ глаза къ небу. Надъ головою моей леталъ красивый золотистый шаръ, совсѣмъ такой, какой я когда-то видѣлъ съ Дуглорой и Мельхи; только этотъ лоталъ не высоко: ясно можно было различить не только лодочку, но и веревки, на которыхъ она была подвѣшена, и въ лодочкѣ двухъ человѣкъ. «Они выбрасываютъ песокъ»—кричали любопытные юнцы.—«Это воздухоплаватель Зоммерфельдъ, тотъ самый, что поднялся на воздухъ изъ Зоологическаго сада. Берегитесь, какъ бы песокъ не упалъ вамъ на голову». Слегка расширяясь книзу, точно пригоршня сѣмянъ, брошенныхъ рукою сѣятеля, сыпался въ прозрачномъ воздухѣ золотой дождь песку; шаръ съ двумя пассажирами поднялся выше и скрылся за высокой башней. Я былъ странно взволнованъ этимъ зрѣлищемъ, такъ живо напомнившимъ мнѣ родину, и рѣшилъ, если ничто не помѣшаетъ, въ слѣдующее воскресенье отправиться въ Зоологическій садъ, посмотрѣть на полетъ.

— Когда вернется г. Бальмеръ изъ Берлина? — спросилъ я вечеромъ въ субботу Андреезена.—Не раньше завтрашняго вечера. — Такъ, значитъ, завтра, я весь день свободенъ и могу располагать собой.—Мой планъ на воскресенье былъ уже готовъ. Въ тотъ же вечеръ я получилъ письмо отъ Дуглоры, которая сердено поздравляла меня, напоминая, что завтра, въ воскресенье—день моего рожденія. Но въ письмѣ были и болѣе серьезныя вѣсти.

«Милый Іостъ, да будетъ тебѣ извѣстно, что Отто Ц'бинденъ вернулся домой изъ Политехникума. Повидимому, слишкомъ усердныя занятія вредны для его здоровья; дѣйствительно, онъ сильно исхудалъ, и видъ у него очень жалкій. Онъ намѣревается жить дома и помогать отцу завѣдывать ткацкой фабрикой. Значитъ, мнѣ надо уѣзжать; не то онъ опять начнетъ ухаживать за мной, а это нежелательно ни для меня, ни для Ц'бинденовъ. Мнѣ такъ жутко. О, посовѣтуй же мнѣ, что мнѣ дѣлать, милый Іостъ!»

Да, тутъ, дѣйствительно, нуженъ былъ добрый совѣтъ. Обдумывая, какъ отвѣтить на это письмо, я незамѣтно дошелъ до Зоологическаго сада и побродилъ часокъ по его дорожкамъ, любуясь искусственными руинами и прудами, пріютомъ всякой водяной птицы, подолгу останавливаясь передъ клѣтками звѣрей и забавляясь хитрыми штуками Антона, ученаго слона. Садъ былъ полонъ праздничной толпой гуляющихъ. Я встрѣтилъ нѣсколькихъ знакомыхъ изъ нашей конторы, но изъ тѣхъ, съ кѣмъ встрѣчался въ домѣ Бальмера—ни единаго, потому что люди

этого круга по праздникамъ не посѣщаютъ Зоологическій садъ. И постепенно забылъ о Дуглорѣ.

Рука на плакатахъ указывала путь къ пустырю за садомъ, съ котораго, въ четыре часа, долженъ былъ подняться шаръ. Звуки музыки манили за парусинную ограду, изъ-за которой уже виднѣлся свѣтло-коричневый куполъ — верхъ шара, наполняемаго газомъ. Огромное пространство отведено было для зрителей. Какъ молодой человѣкъ изъ хорошаго общества, я взялъ входной билетъ въ лучшія мѣста, но былъ очень разочарованъ, увидавъ, что на первыхъ мѣстахъ сидитъ не болѣе десятка любопытныхъ, и лишь на заднихъ, дешевыхъ, тѣснится публика. Уже болѣе чѣмъ на половину надутый шаръ загадочно скрипѣлъ и шумѣлъ, выростая съ каждой минутой, и на оболочкѣ его, внизу еще лежавшей тяжелыми неуклюжими складками, сверху обрисовывались тонкія петли накинутой на него сѣти. Около шара ходилъ, по временамъ пробуя его пальцемъ, воздухоплаватель, красивый, стройный, прямой, какъ струна, и въ то же время подвижной господинъ, въ формѣ, похожей на морскую. Онъ спокойно отдавалъ приказанія двумъ своимъ помощникамъ. Волосы и усы у него были уже почти сѣдые. Было что-то невольно внушавшее симпатію въ его увѣренности и спокойствіи. Невольно думалось: «Вѣдь этому человѣку ужъ навѣрное за пятьдесятъ. Вѣдь, это его шестьсотъ десятый полетъ. Значитъ, воздухоплаваніе—не такая ужъ опасная штука». Сколько я ни приглядывался къ Зоммерфельду, я не могъ замѣтить въ немъ и тѣни авантюризма, безразсудства, которымъ людская фантазія охотно надѣляетъ каждаго воздухоплавателя; наоборотъ, онъ казался мнѣ воплощеніемъ сознательной силы и полнаго достоинства довѣрія къ себѣ.

Его зоркіе сѣрые глаза уже замѣтили меня. Съ легкимъ, учтивымъ поклономъ, онъ освѣдомился, не желаю ли я узнать подробности объ устройствѣ шара, и послѣ нѣкоторыхъ объясненій какъ-то незамѣтно перешелъ къ вопросу: не желаю ли я принять участіе въ полетѣ?

— Боюсь, что стоимость этого будетъ мнѣ не по карману,— быстро откликнулся я.—А сколько это стоитъ?—Воздухоплаватель ухмыльнулся себѣ въ бороду.—Наконецъ-то нашелся смѣльчакъ, который не спрашиваетъ прежде всего, рискуетъ ли онъ жизнью,—ласково сказалъ онъ. — Я сразу, какъ увидѣлъ васъ, подумалъ, что вы для меня—подходящій человѣкъ. Въ глазахъ у васъ есть что-то такое, по чему воздухоплаватель всегда узнаетъ своего будущаго пассажира. Сегодня это будетъ только прогулка. Вы проведете часокъ на воздухѣ, а затѣмъ я васъ спущу опять на землю, такъ же осторожно, какъ крестьянка ставитъ на землю корзину яицъ. Вы спрашиваете о цѣнѣ. Видите ли, передъ публикой какъ-то непріятно подниматься безъ пассажира. Подниметесь вы—можетъ быть, послѣ васъ захочетъ подняться другой-третій. Ну, скажемъ: пятьдесятъ марокъ. Только это между нами.

Изъ заднихъ рядовъ доносились нетерпѣливый топотъ ногъ

и возгласы:—Скоро ужъ пять. Когда же полетъ? Г. воздухоплаватель, поглядите на часы. Или у васъ нѣтъ часовъ?—Сегодня что-то туго идетъ газъ. Давленіе слабое—замѣтилъ Зоммерфельдъ и далъ знакъ музыкантамъ, заигравшимъ что-то шумное, бравурное, чтобъ заглушить выраженія неудовольствія. Вернувшись къ шару, онъ подложилъ деревянный обручъ подъ постепенно округлявшійся шаръ и соединилъ внутри его концы веревокъ отъ сѣти; я же тѣмъ временемъ перелистывалъ врученную имъ мнѣ большую папку писемъ и газетныхъ вырѣзокъ, въ которыхъ естествоиспытатели, врачи, военные, купцы, банкиры и даже нѣсколько дамъ свидѣтельствовали о томъ, что они совершили съ капитаномъ Зоммерфельдомъ удачный полетъ.

«Удивительно, должно быть, пріятное чувство — летать по воздуху,—думалъ я.—И цѣна не такъ ужъ велика. Положительно, цѣна доступная. Вѣдь нынче, Іостъ, день твоего рожденія. Можешь же ты позволить себѣ развлеченіе послѣ столькихъ мѣсяцевъ упорнаго труда». Меня вдругъ охватила та же тоска по высотѣ, которая недавно погнала меня на башню Св. Николая; мнѣ захотѣлось доказать самому себѣ, что это было не пустое хвастовство съ моей стороны, когда я говорилъ учителю Каспару и Дуглорѣ, что и я не побоюсь подняться на воздушномъ шарѣ. Я обвелъ пытливымъ взоромъ ряды зрителей—не сидитъ ли гдѣ филистеръ-бюрократъ изъ числа знакомыхъ Бальмера, который разболтаетъ о моемъ полетѣ и потомъ будетъ дразнить меня. Это было бы непріятно. Но ни одного знакомаго лица я не замѣтилъ.

Тѣмъ не менѣе, я все еще колебался и, быть можетъ, въ концѣ-концовъ отказался бы отъ манившаго меня приключенія, какъ вдругъ увидалъ на одной изъ переднихъ, почти пустыхъ скамеекъ, мою красавицу съ острова Гельголанда, въ очаровательномъ воздушномъ платьѣ, съ тремя дѣвочками-подростками. Какимъ волшебствомъ она очутилась здѣсь? Я чувствовалъ, что и она узнала меня съ перваго же взгляда. И моментально снова очутился подъ обаяніемъ голубыхъ глазъ и свѣтло-русыхъ косъ. Мнѣ захотѣлось, чтобъ эти глаза не смотрѣли на меня безучастно. Съ бьющимся сердцемъ, но рѣшительно, я подошелъ къ Зоммерфельду, который въ то время прикрѣплялъ къ деревянному обручу большую плетеную корзину, и молвилъ: «г. капитанъ, я лечу съ вами».

Довольная усмѣшка скользнула по его губамъ.—Черезъ пять минутъ все будетъ готово.—Я стоялъ возлѣ корзины и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за послѣдними приготовленіями—какъ отвязывали и скатывали газопроводный рукавъ и накладывали въ корзину балластъ. Незнакомка о чемъ-то быстро и оживленно бесѣдовала со своими подругами. Можно было подумать, что и она тоже хочетъ летѣть, а подруги отговариваютъ и удерживаютъ ее.—Пожалуйте!—кивнулъ мнѣ капитанъ. Я уже стоялъ въ гондолѣ; надо мною двигался теперь уже туго натянутый шаръ, какъ нетерпѣливая лошадь, готовая подняться на дыбы. Въ эту минуту высокая, стройная незнакомка быстрой и

легкой походкой приблизилась къ шару, освѣдомилась у Зоммерфельда о цѣнѣ полета, вынула изъ сумочки нѣсколько золотыхъ монетъ, отдала ему и молча протянула мнѣ правую ручку въ перчаткѣ, какъ бы прося помочь ей влѣзть въ корзину. Она слегка оперлась рукой на мою руку и однимъ прыжкомъ очутилась возлѣ меня. Ни тѣни страха. Она сказала только: «Какъ это противно, что на васъ смотритъ столько глазъ!» Слова какъ жемчугъ сыпались изъ ея устъ. Сначала подумалъ, что она, должно быть, актриса; но сцена пріучаетъ къ тому, что на васъ смотрятъ, и это уже не кажется непріятнымъ. Оглянувшись на своихъ испуганныхъ подругъ, она по-дѣтски захлопала въ ладоши, и глаза ея радостно блеснули.

Зоммерфельдъ о чемъ-то переговаривался наскоро съ блѣднолицымъ господиномъ, у котораго были необычно длинные волосы и такая же длинная спутанная борода. Капитанъ обратился къ своей прекрасной пассажиркѣ: — Этотъ господинъ — сотрудникъ здѣшней газеты и желалъ бы узнать вашу фамилію, фрейлейнъ, если вы ничего противъ этого не имѣете. — Моя сосѣдка сразу выпрямилась, какъ царица, и, съ властнымъ выраженіемъ въ юныхъ чертахъ, сухо отвѣтила: — При чемъ тутъ фамилія? Полетъ оплаченъ. Этого достаточно.—Я немного смутился появленіемъ журналиста, нашелъ отвѣтъ моей спутницы весьма благоразумнымъ, и хотѣлъ удостовѣриться, что моя фамилія тоже не попадетъ въ газеты; но въ это время незнакомка вовлекла меня въ разговоръ.

— Не подумайте, пожалуйста, что я хочу скрыть отъ васъ свою фамилію. Никакой тайны я изъ этого не дѣлаю. Меня зовутъ Абигаиль Даръ, я пансіонерка международнаго воспитательнаго заведенія Іенсена и Ремера.—Не успѣлъ я, въ свою очередь, представиться ей, какъ загремѣла музыка, капитанъ вскочилъ на край корзины, схватился лѣвой рукой за веревки, а правой махнулъ фуражкой и крикнулъ: «Отпускай». Величіе момента и героическій образъ моей прекрасной спутницы совершенно изгладили воспоминаніе о журналистѣ. Молодая дѣвушка, правда, слегка поблѣднѣла, когда корзина закачалась въ воздухѣ, оттолкнувшись отъ земли; но тотчасъ же схватила свой зонтикъ и замахала имъ на прощанье подругамъ.—Теперь я спокойна,— сказала она.—Мои дѣвочки уже сидятъ въ экипажѣ, который доставитъ домой ихъ перепуганныя маленькія сердечки.—Слова ея звучали веселой насмѣшкой. Словно на крыльяхъ, взвился кверху «Сатурнъ». Площадь, на которой мы только что стояли, вмѣстѣ съ кричащей и машущей намъ руками толпой, уже ушла изъ глазъ. Словно вдругъ расколовшійся орѣхъ, или раскрывшаяся чаша, лежалъ подъ нами міръ, и постепенно насъ охватывало удивительное чувство простора. Внизу, окутанный прозрачною голубоватой дымкой, разстилался Гамбургъ. Между крохотными домиками тянулись тоненькія ниточки, и по нимъ словно струились темныя песчинки. Это были улицы и пѣшеходы. Дальше блестѣла, какъ маленькая змѣйка, отливая золотомъ и серебромъ заката, Эльба и задумчиво синѣло море. Кру-

гомъ были свѣтъ и безмолвіе. Отъ этого мѣрнаго, плавнаго полета, какъ будто, выростали крылья; никогда не ощущалъ я такъ ярко, что я живу; душу охватывало торжественное настроеніе, и хотѣлось, чтобы полетъ этотъ длился долго, долго. И близость моей спутницы я ощущалъ какъ счастье, благоуханное и нѣжное.

Нѣкоторое время мы молча стояли рядомъ, она и я, отдаваясь нахлынувшему на насъ потоку новыхъ чувствъ и ощущеній. Потомъ глаза наши встрѣтились. Ея глаза были полны огня.—Какъ я вамъ благодарна,—молвила она,—что вы своимъ примѣромъ подбодрили и меня. Правда, я однажды уже поднималась на воздушномъ шарѣ и потому чужда суевѣрнаго страха, который обыкновенно испытываютъ люди при мысли о полетѣ. Это было въ Ниццѣ, съ моимъ отцомъ; мнѣ было тогда, должно быть, лѣтъ семь, не больше. Но я и сейчасъ все отлично помню; пожалуй, это лучшее воспоминаніе моего дѣтства. Съ тѣхъ поръ мнѣ всегда хотѣлось еще разъ пережить эти восхитительныя ощущенія. Меня, правда, сегодня тянуло посмотрѣть на полетъ, но о томъ, чтобъ летѣть самой, я не думала, и только глядя на васъ рѣшилась послѣдовать вашему примѣру.

— А въ институтѣ вамъ не достанется за вашу храбрость?—спросилъ я.—Она засмѣялась.—Начальство скажетъ только: «Ахъ, эта Бигъ!—она такая сумасшедшая», и будетъ у меня за спиной указывать на меня младшимъ дѣвицамъ, какъ на образецъ неженственности. А мнѣ все равно. Но мнѣ интересно, какъ вы сами смотрите на мое внезапное рѣшеніе,—освѣдомилась она съ веселымъ лукавствомъ свѣтской дѣвушки.

— По-моему, полетъ такъ удивительно прекрасенъ, что я совѣтовалъ бы каждому провести хоть часъ на воздухѣ, на высотѣ. Мнѣ кажется, что послѣ этого не будешь видѣть въ мірѣ мелочей, унесешь съ собой что-то такое свѣтлое, солнечное, высокое, что поможетъ преодолѣть много скучныхъ пыльныхъ заботъ. Я считаю счастливыми и васъ, и себя тѣмъ, что мы переживаемъ этотъ полетъ и не отказались отъ него изъ-за мелкихъ предразсудковъ.

Голубые глаза засіяли и заблестѣли.—Какъ вы это хорошо сказали,—радостно воскликнула она.

Краткій часъ въ поднебесной лазури промчался, какъ сонъ. Зоммерфельдъ, все время молчаливо и внимательно слѣдившій за полетомъ своего воздушнаго корабля, пристально вглядывался въ глубину.—Видите вы вокзалъ тамъ, у опушки лѣса? Я васъ спущу на лужкѣ рядомъ съ вокзаломъ.

— Еще немножко!—взмолились одновременно и я, и фрейлейнъ Даръ. Но онъ уже сильной рукой потянулъ за веревку, шедшую вверхъ, вдоль оранжевой, блестящей, поверхности шара: клапанъ открылся, и газъ съ шумомъ началъ выходить, смѣшиваясь съ воздухомъ. Подъ «Сатурномъ», принявшимъ теперь форму груши, снова замелькали поля, лѣса и строенія; легко и плавно, безъ единаго толчка, шаръ коснулся земли въ двухстахъ шагахъ отъ желѣзнодорожной станціи.—Гдѣ же опасность?—

усмѣхнулся Зоммерфельдъ. Съ минуту пришлось подождать, пока вышло еще больше газа, и шаръ началъ клониться на сторону; затѣмъ я приподнялъ на рукахъ легкую фигуру моей спутницы и высадилъ ее на землю. Она мило покраснѣла и дружески пожала мнѣ руку.—Благодарю васъ. Это было дивно хорошо, только слишкомъ кратко—слишкомъ кратко!

Часъ спустя мы вмѣстѣ ѣхали въ поѣздѣ, высадились въ центрѣ города, и я довелъ свою спутницу до извозчика. Она какъ-то устало положила руку въ мою руку, посмотрѣла на меня съ невысказанной мольбой въ очаровательныхъ чертахъ и тихонько спросила: —Мы увидимся еще?—Приходите послѣ завтра въ шесть часовъ къ Каменнымъ воротамъ,—радостно отвѣтилъ я.—Я буду ждать васъ.—Она кивнула головкой.

Извозчикъ тронулъ, и моя сказка исчезла среди вечернихъ огней. Укладываясь въ постель, полный блаженной усталости и сладкихъ грезъ, я думалъ о томъ, что врядъ ли могъ бы придумать себѣ лучшій подарокъ ко дню рожденія, чѣмъ эта воздушная прогулка въ обществѣ прелестной и незаурядной дѣвушки.

Но зачѣмъ же видѣться съ ней снова?—Въ тотъ вечеръ я не успѣлъ отвѣтить себѣ на этотъ вопросъ; а утромъ на другой день вспомнилъ, что мнѣ надо позаботиться о Дуглорѣ, которая того и гляди лишится крова. Подъ впечатлѣніемъ пріятно проведеннаго дня я началъ писать ей ободряющее письмо, въ которомъ не упоминалось ни единымъ словомъ ни о шарѣ, ни о фрейлейнъ Бигъ, но зато былъ добрый совѣтъ—пріютиться, пока что, у тѣхъ же добрыхъ крестьянъ, въ Цвейбрюкенѣ, которые дали намъ убѣжище послѣ катастрофы. А затѣмъ, въ виду того, что вскорѣ мое положеніе у Бальмера должно значительно улучшиться—не можетъ ли она какъ-нибудь примириться съ мыслью самой переѣхать на сѣверъ, когда я вызову ее? Для нашей дальнѣйшей общей жизни было бы, можетъ быть, очень полезно, еслибъ мы сначала нѣсколько лѣтъ прожили въ Гамбургѣ. Но будущее рисовалось мнѣ и самому неясно, и мысли мои спутались. Къ тому же, пора было итти на службу; письмо осталось недописаннымъ.

Въ самый разгаръ работы, когда часы пробили уже одиннадцать, ко мнѣ вбѣжалъ секретарь Андреезенъ, взволнованный и блѣдный.—Г. Бальмеръ просятъ г. Вильди сейчасъ же къ себѣ.—Я удивился и невольно подумалъ:—Ужъ не сглупилъ ли я съ этимъ полетомъ?

Когда я вошелъ въ зеленый кабинетъ, въ которомъ сосредоточивались всѣ пружины нашей фабрики, мнѣ первымъ дѣломъ бросился въ глаза развернутый на письменномъ столѣ газетный листъ. «Грозный», видимо разсвирѣпѣвшій, съ гнѣвнымъ лицомъ и налитыми кровью глазами, только покосился на меня, потомъ схватилъ красный карандашъ, густо подчеркнулъ нѣсколько разъ коротенькую замѣтку въ газетѣ и протянулъ ее мнѣ.—Читайте,—прохрипѣлъ онъ, съ трудомъ владѣя собой. Я прочелъ:

«Послѣ нѣсколькихъ полетовъ на своемъ «Сатурнѣ» въ сопровожденіи одного только своего помощника, капитану Зоммерфельду вчера, наконецъ, удалось завербовать первыхъ двухъ пассажировъ. Эти первые любители воздушнаго спорта изъ гамбургскаго общества были г. Іостъ Вильди, служащій извѣстной импортной фирмы Ганса Конрада Бальмера, и его спутница, молодая дама, фамилію которой намъ, къ сожалѣнію, не удалось узнать, очень элегантная воздухоплавательница, смѣлость и спокойствіе которой позволяютъ угадывать въ ней американскую independent girl» [1]).

Буквы прыгали и плясали передъ моими глазами. Крайне перепуганный, я положилъ газету на столъ, хотѣлъ было отвѣтить, объяснить, но Бальмеръ гнѣвнымъ движеніемъ обсрвалъ меня на первомъ словѣ.—Молчите!—крикнулъ онъ и нѣсколько разъ ткнулъ указательнымъ пальцемъ въ газетный листъ, какъ будто хотѣлъ проткнуть его насквозь. Хрипя и задыхаясь, онъ, наконецъ, совладалъ съ собой, и гнѣвъ его прорвался громовымъ окрикомъ:—Что это такое? Служащіе моей фирмы летаютъ на воздушномъ шарѣ? Нечего сказать, недурная фирма, служащіе которой летаютъ на воздушномъ шарѣ! Сразу видно, что шарлатанское предпріятіе. Вотъ-то потѣшатся мои друзья! Я отсюда слышу, какъ они хохочутъ. Нѣтъ, нѣтъ! Вы—вшивый мальчишка! Замѣтьте себѣ это: мои служащіе не летаютъ на воздушныхъ шарахъ. Американская independent girl! Каково! Вотъ ужъ, можно сказать, порадовали вы меня, г. Вильди.

Я хотѣлъ отвѣтить, но Бальмеръ опять-таки не далъ мнѣ рта раскрыть. Съ каждымъ словомъ ярость его возростала; лицо его какъ бы раздулось и побагровѣло; онъ вскочилъ со стула и забѣгалъ по комнатѣ; потомъ остановился передо мною и заревѣлъ:—Я вамъ покажу, что вы не служащій. Вшивый мальчишка, щенокъ, позволившій себѣ забыться. Я васъ смирю. Пусть всѣ видятъ, какъ я осаживаю такихъ наглецовъ. Частныхъ уроковъ вы больше брать не будете. И карманныхъ денегъ также получать не будете. Напрасно я не оставилъ васъ пасти свиней въ Зельматѣ. Кто летаетъ на воздушномъ шарѣ, изъ того никогда не выйдетъ хорошаго купца, а выйдетъ авантюристъ, шарлатанъ. Да, да, вотъ посидите на сухоядѣніи, такъ забудете про свою independent girl.

— Рорманъ! Рорманъ!—крикнулъ онъ, распахивая дверь въ контору. Позванный поспѣшно прибѣжалъ.—Рорманъ, пишите, что я вамъ буду диктовать. «Въ отчетъ о воскресномъ полетѣ воздушнаго шара, къ сожалѣнію, вкралась грубая ошибка. Упомянутый тамъ г. Вильди не состоитъ—«не» подчеркните трижды—служащимъ, даже и по вольному найму, дома Г. К. Бальмеръ». Такъ. Теперь бѣгите съ этимъ въ редакцію газеты. Если они не захотятъ помѣстить опроверженіе, пригрозите имъ жалобой въ судъ за подрывъ кредита.—Служащій умчался.

---

[1]) Независимая дѣвушка.

— Вы еще здѣсь, г. Вильди?—воскликнулъ «Грозный» съ язвительной насмѣшкой.—Вамъ хотѣлось бы разговаривать? Нѣтъ, разговаривать вы здѣсь не будете. Поработайте нѣсколько мѣсяцевъ добросовѣстно и усердно въ складахъ,—можетъ быть, послѣ того я и позволю вамъ опять разговаривать со мною.—И онъ презрительно повернулся ко мнѣ спиной.

Я вышелъ изъ кабинета, шатаясь какъ пьяный. Ужъ и не знаю, сколькихъ людей я спихъ съ ногъ на улицѣ, гдѣ бродилъ весь день, съ утра до вечера; помню только, что одно время я стоялъ на берегу рѣки, готовый прыгнуть въ нее, чтобъ избавиться отъ безмѣрнаго стыда, который, все равно, медленно убьетъ меня. «Вшивый мальчишка!» Вшивымъ мальчишкой онъ назвалъ меня. Онъ—деспотъ, тиранъ. Я былъ внѣ себя отъ ярости.— Ни единаго слова въ свое оправданіе не далъ мнѣ выговорить... Если бы тотъ журналистъ попался мнѣ въ эту минуту, я избилъ бы его до смерти... Я плакалъ отъ гнѣва и злобы... Но, постепенно, сквозь гнѣвъ стали пробиваться и болѣе разумныя мысли. Я понялъ, что полетъ на воздушномъ шарѣ былъ необдуманнымъ поступкомъ съ моей стороны, что газетная замѣтка объ этомъ должна была ужалить въ самое сердце моего патрона, вдвойнѣ огорчившагося тѣмъ, что виновникомъ его гнѣва явился я, его любимецъ. Я понялъ все. Но зачѣмъ же подвергать меня такому униженію? Перевести меня въ склады. Осрамить публично, на глазахъ у всѣхъ. Это ужъ слишкомъ! Это все равно, что выгнать изъ дому. О, какъ я любилъ этого человѣка! Какъ отца. Нѣтъ, больше чѣмъ отца. А онъ такъ жестоко поступилъ со мной. Смутное чувство подсказывало мнѣ, что онъ возмущенъ не столько моимъ полетомъ на воздушномъ шарѣ—этотъ мой необдуманный шагъ могъ навлечь на его фирму развѣ легкія насмѣшки, но не могъ причинить ей серьезнаго ущерба—сколько тѣмъ, что со мной была дѣвушка, какъ онъ предположилъ: моя любовница. Онъ разсердился, какъ обманутый въ своихъ ожиданіяхъ благодѣтель, думавшій, что облагодѣтельствованный имъ рабски преданъ ему, и не желающій дѣлить его любви ни съ кѣмъ; даже съ женщиной. Эта и была главная заноза. Но какъ же вытащить изъ памяти Бальмера эту занозу?

Весь день я чувствовалъ себя страшно несчастнымъ. Подъ вечеръ, замѣтивъ летавшій надъ городомъ воздушный корабль Зоммерфельда, я проклялъ его отъ души и пожелалъ ему залетѣть въ дебри Африки. Поздно вечеромъ, усталый и разбитый, я добрался до своей квартиры; секретарь и его домашніе были со мной краснорѣчиво сдержанны и какъ будто боялись меня. Я первымъ дѣломъ поспѣшилъ докончить начатое письмо къ Дуглорѣ. Заключительныя строки были таковы: «Прости, милая Дуглора, за скучный конецъ: ты, уже по почерку увидишь, что мнѣ сегодня нездоровится — съ утра было ничего, а потомъ стало нехорошо». Хотя въ осуществленіи надеждъ, высказанныхъ въ этомъ письмѣ, я теперь уже сильно сомнѣвался, все же я на другой день утромъ снесъ его на почту. Всю дорогу меня мучилъ и терзалъ вопросъ: неужто же меня, дѣй-

ствительно, заставятъ вновь работать въ складахъ, надъ укупоркой и упаковкой? Какъ пережить такое униженіе? Мнѣ это казалось выше моихъ силъ. И тѣмъ не менѣе, я, гордый, честолюбивый Іостъ Вильди, въ назначенное время все же предсталъ передъ моими прежними надсмотрщиками. Надо же мнѣ какъ-нибудь помириться съ Бальмеромъ, и для этого прежде всего надо преодолѣть себя; но я и самъ себѣ не хотѣлъ сознаться, до какой степени это было для меня мучительно. Условленная встрѣча съ Бигъ Даръ казалась мнѣ теперь ужъ вовсе неумѣстной. Да, еслибъ я былъ тотъ же, что третьяго дня во время полета! Но послѣ всего, что я пережилъ за вчерашній день, она стала мнѣ чужой, непріятной, и, несмотря на ея поразительную красоту, совершенно для меня безразличной. Мнѣ вдругъ тоже показалась неженственной ея внезапная рѣшимость принять участіе въ полетѣ и почуялась въ ней прирожденная авантюристка.

Тѣмъ не менѣе, я пошелъ къ Каменнымъ воротамъ, думая: «ну что жъ, если я и эта красивая иностранка и не можемъ ничѣмъ быть другъ для друга, все же эта встрѣча немного развлечетъ меня, дастъ позабыть о жгучей мукѣ». Только что я хотѣлъ смѣшаться съ веселой толпою гуляющихъ, какъ въ экипажѣ подъѣхала моя свѣтло-голубая, какъ весеннее небо, сказка, уже издали улыбаясь мнѣ и кивая головою. И мы пошли рядомъ по каштановой аллеѣ, между рядами бѣло-розовыхъ цвѣточныхъ свѣчекъ, и снова я поддался обаянію ея цвѣтущей, несказанно прекрасной молодости.

— Простите меня, г. Вильди, — было ея первымъ словомъ.— Боюсь не вышло ли у васъ непріятностей изъ-за этого полета. Я поняла это изъ того опроверженія, которое сочла нужнымъ сдѣлать въ газетѣ ваша фирма, да и по лицу вашему вижу, что это такъ. И мнѣ страшно жаль, что и я тутъ не безъ вины. И я очень бы хотѣла искупить свою вину, но только не знаю, какъ.—Она лукаво улыбнулась, но улыбка ея была добрая, и ея веселый, сердечный тонъ подѣйствовалъ на меня благотворно.— И все же,—продолжала она шутливо,—когда на васъ смотришь, г. Вильди, кажется, что для васъ не можетъ быть никакихъ затрудненій, что вы всѣ ихъ преодолѣете шутя. И теперешнія, конечно, тоже.

Я невольно усмѣхнулся.—Слишкомъ много чести. Откуда у васъ такая вѣра въ меня, фрейлейнъ?

— Я и сама не знаю. Но отъ васъ вѣетъ такою силой, что, кажется, вамъ все должно удаваться, за что вы ни возьметесь. Стоите ли вы на мѣстѣ, или идете, въ каждомъ вашемъ движеніи чувствуется увѣренность и сила. Это-то и подбодрило меня и помогло рѣшиться на полетъ; я это замѣтила уже на Гельголандѣ, когда вы спускались съ горы. У васъ такая манера ставить ногу, точно вы при каждомъ шагѣ срастаетесь съ землей. Я тогда же подумала, что вы, навѣрное, не всегда жили въ городѣ, а пріѣхали сюда изъ какой-нибудь горной мѣстности. Но, можетъ быть,

именно потому у меня получилось такое впечатлѣніе, что отъ васъ, вообще, вѣетъ первобытной силой.

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее и возразилъ: — Нѣтъ, ваше чутье не обмануло васъ: я, дѣйствительно, родился въ горахъ. Вамъ знакомы горы?

— Немножко. Лѣтомъ, въ жаркую погоду, мы иногда съ родителями уѣзжали мѣсяца на два въ горы. Но теперь родителей моихъ уже нѣтъ на свѣтѣ. Иначе я не жила бы въ Гамбургѣ.—Она умолкла, указала зонтикомъ на скамью подъ большимъ кустомъ цвѣтущей сирени и предложила:—Не отдохнуть ли намъ здѣсь? Вѣдь намъ еще многое надо разсказать другъ другу. Вы мнѣ разскажете о вашихъ горахъ.—Милая улыбка сопровождала эту просьбу; та же улыбка свѣтилась и въ ея глазахъ; но я попросилъ ее разсказать лучше о себѣ.

— Правда, вы не знаете еще, кто я и что я,— сказала она весело.—Представьте себѣ зонтикъ, который кто-нибудь по разсѣянности забылъ въ углу и за которымъ никто не пришелъ. Такъ онъ и стоитъ. Нѣтъ, я не хочу вамъ задавать загадокъ. Я родилась въ отелѣ на берегу Средиземнаго моря и все свое дѣтство пропутешествовала, вмѣстѣ съ родителями. Эта бродячая жизнь прекратилась, когда мнѣ исполнилось восемнадцать лѣтъ. Въ то время матери моей уже не было на свѣтѣ; отецъ мой, мексиканецъ, оказался вынужденнымъ съѣздить на родину изъ-за стараго спора о наслѣдствѣ. Мы вмѣстѣ съ отцомъ пріѣхали въ Гамбургъ. Море было очень бурное. Отецъ не рѣшился взять меня съ собой и на время своего отсутствія оставилъ меня въ международномъ институтѣ для дѣвицъ Іенсена и Ремера. Чевезъ пять мѣсяцевъ онъ долженъ былъ пріѣхать за мною и взять меня изъ института; но, вмѣсто этого, пришло извѣстіе объ его смерти. Я была безутѣшна: никого больше не осталось на свѣтѣ, кому было бы до меня хоть какое-нибудь дѣло. По совѣту стараго мексиканскаго адвоката, которому отецъ поручилъ завѣдывать моимъ состояніемъ, я осталась въ институтѣ; и вотъ, я уже больше трехъ лѣтъ живу здѣсь. Куда же мнѣ дѣваться? Въ цѣломъ мірѣ у меня нѣтъ родной души—все только люди, которымъ я плáчу за ихъ услуги. И еслибъ я сегодня или завтра умерла, похороны, вѣроятно, были бы нарядныя, но, кромѣ двухъ—трехъ дѣвочекъ, моихъ товарокъ, никто бы не заплакалъ обо мнѣ. Я совершенно брошена на произволъ судьбы.

Въ ея тонѣ не звучало ни горечи, ни грусти. Это были слова свѣтской женщины, привыкшей сдерживать себя и скрывать свои чувства.

— И васъ отпускаютъ изъ института, вотъ такъ, какъ сейчасъ, безъ провожатыхъ, куда вамъ вздумается?

Она засмѣялась.—Я не льщу себя надеждой, что начальству моему это нравится, но я поставила условіемъ своего пребыванія въ институтѣ извѣстную свободу. Послѣ того, какъ я восемнадцать лѣтъ жила цыганкой, нельзя же меня запереть въ клѣтку, какъ кенарейку. Нѣтъ, нѣтъ, этого бы я не вынесла. Мой повѣренный, мексиканскій адвокатъ, платитъ за мою свободу,

а свобода нужна мнѣ, какъ воздухъ. Какъ только я чувствую на себѣ гнетъ, во мнѣ пробуждаются всѣ мои дурные инстинкты.

— А у васъ развѣ есть дурные инстинкты?

— Почему же нѣтъ? Я вовсе не стремлюсь быть ангеломъ. Когда меня мучатъ, я становлюсь злой и коварной—даже очень злой.—И, словно въ подтвержденіе этого, голубые глаза ея блеснули жесткимъ блескомъ брилліанта, алыя губы раскрылись, и среди нихъ блеснули острые бѣлые зубки. На мигъ мнѣ почудилось, что передо мной дикій звѣрекъ, пантера, что-то совсѣмъ чужое, экзотическое; но тотчасъ же она вновь улыбнулась своей очаровательной улыбкой, милой и невинной.—Нѣтъ, вы не очень ужъ вѣрьте въ мои дурные инстинкты, г. Вильди; у меня есть и хорошіе; иначе, мои младшія товарки не были бы ко мнѣ такъ привязаны.—Ея взглядъ былъ такъ ласковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ лукаво задоренъ, что я не могъ не вѣрить этому. Наступила маленькая пауза.—Independent girl! Это газетный репортеръ правильно сказалъ,—выговорила она, возвращаясь къ прежней темѣ.—Воскресный полетъ доказалъ это. Я давно уже не переживала ничего подобнаго: такъ радостно было опять вздохнуть вольной грудью. Какъ бы мнѣ хотѣлось повторить это. Какъ только мы начали спускаться, мнѣ захотѣлось полетѣть опять. Оттого я и предложила вамъ встрѣтиться снова. Мнѣ хотѣлось предложить вамъ кое-что и кое-о-чемъ васъ спросить. Предложить вамъ—полетѣть опять, только надолго; попросить васъ принять участіе въ этомъ полетѣ, въ качествѣ моего гостя. Это было бы такъ чудесно; утромъ, полетѣть навстрѣчу солнцу, весь день парить выкоко надъ землею и только вечеромъ спуститься гдѣ-нибудь далеко—все равно, гдѣ. Но теперь я боюсь, что изъ-за васъ мнѣ придется отказаться отъ моего плана. Вамъ нельзя? Ваша служба не позволяетъ вамъ?—Она смотрѣла на меня съ надеждой и мольбой.

— Благодарю васъ, фрейлейнъ Даръ, но это, дѣйствительно, невозможно,—возразилъ я, не задумываясь, спокойно и твердо. —Летите однѣ съ Зоммерфельдомъ. Я считаю его вполнѣ надежнымъ спутникомъ.

Она сложила губки въ очаровательнѣйшую гримаску, подумала немного и сказала, улыбаясь:—Нѣтъ, одна съ Зоммерфельдомъ я не полечу. У меня хватило бы храбрости продѣлать это только вмѣстѣ съ вами; только рядомъ съ вами я была бы въ состояніи побѣдить трусость, которая все-таки сидитъ во мнѣ, несмотря на всѣ мои стремленія къ великому и прекрасному.— Она встала.—Проводите меня еще немного.—Мы пошли рядомъ.

— Зачѣмъ же вы служите у такой фирмы, которая такъ васъ во всемъ стѣсняетъ, г. Вильди?—спросила она вдругъ. Изумленный этимъ наивнымъ вопросомъ, я отвѣтилъ не сразу. Она мило смутилась, покраснѣла и сказала:—Мой вопросъ, должно быть, очень нелѣпъ?—Конечно, фрейлейнъ Даръ,—отвѣтилъ я; и она отъ души разсмѣялась вслѣдъ за мною.—Какъ вы это восхитительно сказали!—Это мгновеніе сблизило насъ больше, чѣмъ весь предыдущій разговоръ.

— А еслибъ вы были свободнымъ человѣкомъ, вы бы исполнили мою просьбу?

— Ну, конечно! Я не могу себѣ представить ничего болѣе привлекательнаго. Мнѣ самому страшно нравится полетъ. Точно что-то кричитъ внутри: «Еще. Еще». Да еще въ такомъ пріятномъ обществѣ.

Голубые глаза засіяли.—Для меня большое счастье слышать это отъ васъ.—Мы пошли дальше. На каждомъ шагу прохожіе оглядывались на стройную фигуру и роскошныя косы моей спутницы. Порой до насъ доносились шуточки по этому поводу. Она сердилась.—Вотъ возьму и подрѣжу себѣ косы. Я вовсе не такая тщеславная, какой меня считаютъ. Правда, начальство требуетъ, чтобъ я носила ихъ распущенными, но это мнѣ все единственно: я не хочу, чтобъ на меня обращали вниманіе на улицахъ, я хочу двигаться свободно, какъ другіе люди. Увижу я васъ еще, г. Вильди?

— Я въ вашемъ распоряженіи хоть каждый вечеръ,—отвѣтилъ я, очарованный этимъ прелестнымъ созданіемъ.—Я тоже сирота и почти такъ же одинокъ, какъ вы.

— Тогда послѣзавтра, въ это же время и на томъ же мѣстѣ,—шепнула она, радостно краснѣя. Мы стояли на мосту, облокотившись на перила. День боролся съ надвигающейся ночью; по темнымъ волнамъ, отливавшимъ металлическимъ блескомъ, мечтательно, словно во снѣ, описывали круги бѣлые лебеди. Кое-гдѣ въ водѣ ужъ отражались огоньки; силуэты стараго Гамбурга въ сумеркахъ казались фантастическими; весенній вечеръ, теплый и ласковый, будилъ въ душѣ какіе-то таинственные отклики.

— Итакъ, будемъ добрыми друзьями, г. Вильди. И въ слѣдующій разъ вы мнѣ разскажете про ваше дѣтство въ горахъ. Это, должно быть, страшно красиво. Я заранѣе радуюсь вашему разсказу.—Бигъ Даръ, какъ будто, вдругъ задумалась о чемъ-то и не сразу вынула изъ моей руки свою длинную узкую руку. Потомъ вдругъ встрепенулась и умчалась, какъ сказка, растаявъ въ розоватыхъ облакахъ заката.

ГЛАВА XIV.

«Будемъ добрыми друзьями». Слова Абигаиль продолжали звучать въ моихъ ушахъ. На что ей моя дружба? Я шелъ домой отяжелѣвшею походкой.—Что за очаровательное существо! Какая удивительная смѣсь молодости, красоты, фантастичности, жажды свободы и приключеній съ изящной женственностью, добротой, довѣріемъ къ людямъ и чѣмъ-то неопредѣленнымъ, но окружавшимъ ее какъ бы воздушной, непереступаемой чертой. Не столько внѣшняя привлекательность ея приковывала меня, сколько внутреннее богатство души, которое сквозило въ каждомъ ея словѣ, каждомъ взглядѣ. Только внезапный алмазно-жесткій блескъ голубыхъ глазъ вносилъ какую-то загадочную,

непонятную и немножко непріятную нотку въ мои воспоминанія о ней. И хотя я угадывалъ въ ней благородную, свободную и прекрасную душу, достойную поклоненія, я собственно не чувствовалъ себя влюбленнымъ въ Абигаиль Даръ.

Но встрѣча съ нею все же немножко уврачевала мою душевную боль отъ ссоры съ Бальмеромъ, а ея увѣренность въ моей побѣдоносной силѣ придала мнѣ мужества. Я облекся въ броню гордаго хладнокровія и дѣлалъ видъ, что не замѣчаю злорадныхъ взглядовъ, которыми другіе служащіе провожали низверженнаго фаворита. Въ тотъ же вечеръ я написалъ письмо Бальмеру, прося его принять меня и позволить мнѣ выяснить нѣкоторые важные для меня вопросы. Я надѣялся на посредничество его умной и доброй жены, но отвѣта не было, и это съ каждымъ часомъ глубже ранило меня. Я былъ радъ свиданію съ фрейлейнъ Даръ, какъ возможности хоть на часокъ-другой отрѣшиться отъ своихъ тяжелыхъ мыслей.

На этотъ разъ она пришла пѣшкомъ, въ скромномъ выходномъ платьѣ; свѣтло-каштановыя косы были свернуты сзади тяжелымъ узломъ. Съ комической ужимкой она спросила:—Мнѣ не идетъ эта прическа?—Напротивъ, удивительно идетъ!—воскликнулъ я.—Въ лучахъ заката ваши волосы отливаютъ блескомъ пламени. А линія затылка! Какой изумительно гордый и красивый изгибъ шеи...—Достаточно, достаточно!—засмѣялась она звонко и радостно.—Этой старой пѣсни о моихъ физическихъ достоинствахъ я наслушалась вдоволь еще въ дѣтствѣ. Ничего новаго вы мнѣ не скажете. Не безпокойтесь, г. Вильди, я и сама знаю, что я красивый малый.—Взоръ ея сверкалъ лукавствомъ и задоромъ.—Значитъ, я имѣю право итти съ вами рядомъ. Это самое существенное... А теперь, чередъ другой пѣсни, г. Вильди. Пѣсни о вашихъ горахъ, о вашемъ дѣтствѣ. Я такъ же радуюсь этому разсказу, какъ радовалась бы полету, если бы онъ былъ возможенъ.

Она весело зашагала со мною рядомъ. Сегодня въ ней было что-то мальчишеское, но это скорѣе чувствовалось, чѣмъ било въ глаза. И, хотя я не могъ назваться хорошимъ разсказчикомъ и мнѣ негдѣ было научиться разсказывать связно, она умѣла заставить меня дать ей полное описаніе нашей долины и моей жизни въ дѣтствѣ. То вопросомъ, то кивкомъ головы, то ласковымъ подбодряющимъ взглядомъ, она все время подстрекала меня. Сами того не замѣчая, мы очутились въ новыхъ кварталахъ города, гдѣ дома были значительно рѣже, и, наконецъ, въ цвѣтущемъ садикѣ при небольшомъ трактирѣ, гдѣ мы были всецѣло предоставлены самимъ себѣ. Время пролетѣло незамѣтно.

— Какъ странно!—неожиданно воскликнула Бигъ Даръ.—Вѣдь, я читала о гибели Зельмата и о томъ, что изъ-подъ развалинъ извлекли живымъ одного только юношу. И вотъ, этотъ юноша сидитъ со мной. Разумѣется, я жалѣла васъ, когда читала объ этой катастрофѣ, но теперь жалѣю несравненно больше. Это, должно быть, страшно тяжело—утратить родину.—Она умолкла и задумалась, и съ алыхъ губокъ ея сорвался вздохъ. Мнѣ

стало почему-то жутко, но она подняла на меня спокойный взглядъ, полный теплаго участія.—У васъ, по крайней мѣрѣ, была родина. О, какъ я вамъ завидую. Это должно быть такъ прекрасно—имѣть родину! Всѣ поэты воспѣваютъ и восхваляютъ свою родину... А я даже не знаю, что такое родина, что такое—тоска по родинѣ. Я никогда не знала родины и мнѣ не по чемъ тосковать. Не понимаю я ни Одиссеи, этого гимна тоски по родинѣ, ни того швейцарца, который кинулся въ воду, заслышавъ альпійскій рожокъ, ни евреевъ, которые, умирая, велятъ положить ихъ ногами къ востоку. Родина—это для меня что-то дивное и непонятное.

Бигъ была неузнаваема: ея беззаботность и веселье исчезли безъ слѣда; глубокая сладка легла между красивыми бровями, и эта грустная, серьезная Абигаиль дѣйствовала на меня несравненно сильнѣе, чѣмъ балованная хохотушка, какой я видѣлъ ее минуту назадъ.

Ваши воспоминанія дѣтства всѣ концентрированы въ одномъ мѣстѣ,—выговорила она задумчиво,—а вотъ мои такъ разбросаны по всему свѣту.

Мнѣ не пришлось даже просить ее разсказывать. Она начала сама:

— Старый споръ о наслѣдствѣ, длительная тяжба заставили моего отца покинуть свою родину, Мексику. Обиженный тѣмъ, что онъ не могъ добиться своихъ правъ, онъ отвернулся отъ практической дѣятельности и увлекся искусствомъ. Въ Германіи онъ обвѣнчался съ молоденькой актрисой, а я впервые помню себя въ Италіи. Но родители мои никогда подолгу не жили не только въ одномъ и томъ же городѣ, но даже въ одномъ и томъ же отелѣ. Хотя споръ о наслѣдствѣ и затягивался, все же средствъ у насъ было достаточно для путешествій; но насъ гоняла по свѣту не только страсть къ скитаніямъ, сколько ревность отца. Онъ былъ блѣдный, всегда хворалъ, а мать была красавица, цвѣтущая, любительница общества, искусства и остроумной бесѣды. Всѣ, съ кѣмъ она ни сталкивалась, обожали ее. А отецъ ревновалъ, спѣшилъ увезти ее, и мы переѣзжали изъ города въ городъ, изъ края въ край, главнымъ образомъ, вертясь около Средиземнаго моря; но иногда заглядывали и въ сѣверныя страны. Въ этихъ вѣчныхъ скитаніяхъ отецъ не далъ развиться своему таланту къ живописи, хотя рисовалъ онъ превосходно, и перомъ, и красками. Послѣ него не осталось почти ни одной законченной картины: все больше наброски и этюды. Вѣчно въ пути, вѣчно въ отеляхъ—такъ я и росла, между отцомъ и матерью, которые безконечно любили другъ друга, но постоянно ссорились. Оба нѣжно любили и баловали меня, и все же я была въ дѣтствѣ очень несчастлива.

Я молча взглянулъ на нее, какъ бы прося разсказывать дальше, и она съ горечью продолжала:

— Эти вѣчныя скитанія составляли мое несчастье. Только я, бывало, привыкну къ какому-нибудь уголку сада, или мѣстечку на морскомъ берегу и полюблю ихъ, только подружусь съ дру-

гими дѣтьми, какъ уже надо ѣхать дальше. Понемногу я и отучилась привязываться къ чему-нибудь и искать друзей—вѣдь, все равно, завязанныя нити разрывались. Впечатлительность притупилась. Мнѣ казалось, что міръ уже не можетъ дать мнѣ ничего новаго; жизнь представлялась мнѣ вѣчно смѣной номеровъ въ гостиницахъ; постояннаго въ ней только и было, что мои родители и наши сундуки, да еще, въ теченіе двухъ—трехъ лѣтъ, моя бонна и потомъ гувернантка, а позже—горничная и гувернеръ, тоже тащившіеся за нами изъ курорта въ курортъ. Я была хорошенькая и умненькая обезьянка, которой всѣ окружающіе льстили; а родители мои воображали меня «вундеркиндомъ». Мать чутко вслушивалась въ каждое мое слово, думая, что я рождена быть поэтессой; отецъ въ каждомъ дѣтскомъ рисункѣ видѣлъ проблески таланта. И оба упускали изъ виду, что душѣ ребенка, чтобъ развиться, прежде всего необходимъ покой и что его хоть иногда надо предоставлять самому себѣ. Васъ поразитъ это, но, знаете, я не разъ ловила себя на мысли, что это, собственно, счастье для меня, что мои родители рано умерли; иначе они своимъ необычайнымъ воспитаніемъ совершенно погубили бы меня, или же толкнули бы меня на самый нелѣпый ранній бракъ. Когда мы съ отцомъ пріѣхали въ Гамбургъ, я была страшно переутомлена, и хотя, конечно, ни городъ, ни институтъ не стали для меня родиной, все же я имъ признательна за то, что они, хоть и поздно, дали мнѣ пережить что-то въ родѣ дѣтства, благодаря общенію съ другими ученицами, подростками. Я старше ихъ, но мы прекрасно понимаемъ другъ друга.

Постепенно поблѣднѣвшее личико дѣвушки снова порозовѣло, черты прояснились, исчезла складка между бровями, придававшая лицу выраженіе горькой скорби. Для меня этотъ разсказъ былъ точно ключъ въ разгадкѣ ея натуры и, главнымъ образомъ, ея самостоятельности, которая въ столь ранней юности не могла не казаться странной. Теперь она мнѣ нравилась еще больше прежняго. Во всемъ, что она говорила, сквозила высокая, пламенная, по своему стремящаяся и борящаяся душа.

Вздохнувъ, она сказала:—Пора домой. Самое лучшее въ этой прогулкѣ были ваши разсказы о горахъ. Это звучитъ волшебной сказкой. Бѣдная ваша мама! Такъ больно думать, что женщина-мать не могла быть счастлива. Мнѣ хочется спросить васъ еще объ одномъ, г. Вильди. Вы говорили, что этотъ воздушный шаръ, проплывшій надъ горами, вы видѣли вмѣстѣ съ дочкой школьнаго учителя. А эта дѣвочка тоже спаслась отъ обвала?

— Передъ моимъ отъѣздомъ въ Гамбургъ мы обручились съ ней,—выговорилъ я, не совсѣмъ увѣренно. Какой-то клубокъ давилъ мнѣ горло, но все же я былъ доволенъ собой, что сказалъ это, и радъ, что въ сумеркахъ не такъ замѣтно, какъ я покраснѣлъ. Я не могъ разглядѣть и того, какое впечатлѣніе это произвело на Бигъ.—Благодарю васъ за сообщеніе,—сказала она съ холодной, спокойной улыбкой.—Это только скрѣпитъ нашу дружбу.—Я проводилъ ее до института, красиваго, внушительнаго зданія, въ одномъ изъ аристократическихъ кварталовъ го-

рода.—Въ субботу мы увидимся?—спросилъ я.—Нѣтъ, въ субботу у насъ въ институтѣ ученическій концертъ; я должна быть на немъ; я напишу вамъ, когда мнѣ можно будетъ снова повидаться съ вами.—Стройная, гордая фигура быстрой, легкой поступью подошла къ двери, позвонила и исчезла въ освѣтившемся подъѣздѣ. А меня, на возвратномъ пути, охватилъ страхъ, что она больше не придетъ, что я видѣлъ ее въ послѣдній разъ. Сообщеніе о моей помоловкѣ, видимо, подѣйствовало на нее какъ холодный душъ.

Но еще больше мучило меня то, что Бальмеръ ни словомъ не откликнулся на мою просьбу дать мнѣ объясниться. Унылая недѣля близилась къ концу. Весь день въ субботу у меня было предчувствіе, что что-до должно случиться. Но случилось нерадостное. Передъ вечеромъ «грозный» сталъ обходить свои владѣнія, въ томъ числѣ и склады, приглядываясь къ тому, какъ работаютъ, кое съ кѣмъ обмѣниваясь краткимъ дѣловымъ словцомъ. Дойдя до меня, онъ остановился и сталъ присматриваться къ моей работѣ съ тѣмъ непроницаемымъ видомъ, который составлялъ тайну его власти надъ людьми. Подъ его взглядомъ руки мои начали дрожать. Богъ вѣсть, что мнѣ вообразилось, но только я не выдержалъ и крикнулъ:—Г. Бальмеръ, умоляю васъ, простите меня! Я не выдержу здѣсь въ складахъ, мнѣ не снести этого униженія.—Но его загадочные глаза остались холодно-спокойны.—Выдержите вы, или нѣтъ, это ваше дѣло,—буркнулъ онъ сердито, сдѣлалъ жестъ рукой, какъ бы пренебрежительно отстраняя меня, и отошелъ въ его изборожденномъ морщинами лицѣ я прочелъ злорадное удовольствіе, словно онъ для того только и пришелъ, чтобы выказать свое презрѣніе ко мнѣ.

Эта новая обида была нестерпима. Я многое бы далъ за то, чтобы провести этотъ вечеръ съ Абигаилью. Но вѣдь ей надо быть въ концертѣ. Я жаждалъ хотя слова ласки, которое помогло бы мнѣ пережить этотъ мучительный вечеръ и преодолѣть душившую меня злобу. Я побѣжалъ въ гавань, разыскивать добряка Рунгхольта, но оказалось, что онъ ужъ больше тамъ не служитъ. Я пошелъ въ кабачекъ, гдѣ иногда бывалъ съ Леглю, и попробовалъ было читать газеты, но, просидѣвъ надъ ними часа два, не прочелъ ни единой строчки. И вдругъ, слуха моего коснулся знакомый голосъ:—Да вы что, наизусть хотите выучить ихъ? Здравствуйте. Все же пріятно повидаться съ вами.—Это говорилъ Леглю, мой бывшій учитель французскаго языка.—Г. Вильди, что съ вами?—спросилъ онъ съ участіемъ.—Вы, должно быть, больны? Ступайте-ка домой.—Но я не захотѣлъ итти домой. Чѣмъ больше я сдерживался, тѣмъ больше тянуло меня хоть какъ-нибудь забыться. Плутъ Леглю съ его колючими шуточками былъ для меня находкой. Я пошелъ съ нимъ въ игорный притонъ и снова увидалъ ту же картину, что и полгода назадъ: разгоряченныя лица, стукъ денегъ и костей, жадные женскіе глаза. Самъ я не игралъ: какъ мнѣ ни тошно было, все же въ мозгу моемъ шевелилась мысль, что скоро, можетъ быть, мнѣ понадобятся скопленныя деньги, и надо беречь каждый пфеннигъ.

Одна изъ женщинъ насмѣшливо сказала мнѣ:—Странное мѣсто вы избрали для вашихъ научныхъ размышленій, господинъ философъ!—Я вскинулъ на нее глаза. Но въ эту минуту невидимая рука погасила газъ. Кто-то изъ матросовъ грубо выругался:—Вотъ свинья—хозяинъ!—Между игроками началось движеніе. Чей-то шепотъ предостерегалъ: сидите смирно.—Послышался трескъ взводимыхъ курковъ. Кто-то крикнулъ:—Не трогать денегъ!—На нѣсколько мгновеній воцарилась полная тишина. Затѣмъ дверь распахнулась и грубый голосъ возгласилъ:—Объявляю всѣхъ находящихся въ этомъ помѣщеніи арестованными.—Въ сосѣдней освѣщенной комнаткѣ блестѣли шлемы и мундиры полицейскихъ. Захваченные врасплохъ игроки ворчали и ругались; когда снова зажгли газъ, я увидѣлъ блѣдныя растерянныя лица.

Когда, подъ утро, насъ везли подъ стражей по безлюднымъ тихимъ улицамъ, у меня было хужѣ на душѣ, чѣмъ послѣ зельматской катастрофы. И все же я могъ еще похвастаться, что мнѣ везетъ: допрашивавшіе меня полицейскіе чиновники повѣрили моему заявленію, что я попалъ въ этотъ притонъ случайно и не принималъ участіе въ игрѣ. Утромъ въ воскресенье мнѣ сказали:—Можете итти.—Но, какъ цѣпь, обвились вокругъ моей души другія слова.—Имѣйте въ виду, что васъ вызовутъ въ судъ, въ качествѣ свидѣтеля.

Рядомъ съ веселыми прохожими, радовавшимися празднику и чудесной погодѣ, я самъ себѣ казался паріей, отребьемъ человѣчества. Мнѣ мерещилось, что благоуханный майскій вѣтерокъ несетъ мнѣ отовсюду бѣды и несчастья. Я даже не удивился тому, что г-жа Андреезенъ встрѣтила меня съ заплаканнымъ лицомъ.—Господи Іисусе,—вскричала она.—Какія страсти! Какой стыдъ! Какъ мы напугались! Едва мы поднялись съ постели, какъ къ намъ въ домъ шасть двое городовыхъ. И ну выспрашивать о васъ, и ну записывать. Разумѣется, мы увѣряли, что вы усердно занимаетесь своею службой и только изрѣдка позволяете себѣ маленькій кутежъ.—Въ это время пришелъ изъ церкви секретарь Андреезенъ, вылощенный, накрахмаленный, и немного нерѣшительно поздоровался со мной; во взглядѣ его былъ безмолвный, но тяжкій упрекъ. Какъ я завидовалъ теперь этому вѣжливому человѣку, на котораго раньше смотрѣлъ немного свысока! Какимъ чистымъ, въ своей щепетильной порядочности мелкаго бюргера, онъ представлялся мнѣ!

Не зная, что начать, я присѣлъ на край постели. На душѣ у меня было тоскливо. И безумно потянуло вдругъ на родину. Пока живется хорошо, легко не вѣшать голову и на чужбинѣ, но когда почва ускользаетъ изъ-подъ ногъ, хочется бѣжать на родину, какъ ребенокъ къ матери.—Дуглерли! Дуглерли!—призывалъ я. О, еслибъ склонить голову къ ней на грудь! Тамъ родина, тамъ вѣрность, тамъ любовь. Словно каленымъ желѣзомъ жгла меня мысль: «тебя вызовутъ на судъ свидѣтелемъ по грязному дѣлу о мошенничествѣ въ картахъ. Конецъ теперь всѣмъ твоимъ планамъ и надеждамъ. Ужъ послѣ этого Бальмеръ не станетъ держать тебя и въ складѣ»... Поддайся я тогда первому

побужденію, я въ тотъ же день уѣхалъ бы на родину. Но я не смѣлъ уѣхать: я обязанъ былъ явиться въ судъ, и уклоненіе отъ этого только навлекло бы на меня новыя бѣды. Да и какъ вернуться, покрытому стыдомъ и безславіемъ? О томъ ли я мечталъ?.. Я хотѣлъ писать Дуглорѣ, но не хватало духу говорить ей о своемъ позорѣ.

Какъ я обрадовался запискѣ отъ Бигъ Даръ, приглашавшей меня опять туда же, къ Каменнымъ воротамъ!..

Она пришла—сама весна; голубые глаза ея сіяли и искрились радостью.—Я ужъ успѣла соскучиться по васъ. Была на полетѣ Зоммерфельда, но мнѣ не доставало васъ. Идемте же, г. Вильди; я хочу уйти далеко, далеко, и наговориться всласть.

Но я не могъ заставить себя говорить съ тѣмъ же веселымъ и непринужденнымъ тономъ. Это, видимо, смутило ее.—Можетъ быть, мнѣ не слѣдовало приходить?—спросила она, понизивъ голосъ.—Говорите всю правду, г. Вильди.

— Вы невѣрно поняли меня, милая Бигъ. Я очень благодаренъ за ваше довѣріе. Мнѣ приходится очень круто.—И я вкратцѣ разсказалъ ей все, что со мной случилось—и о ссорѣ съ Бальмеромъ, и объ игорномъ домѣ, и о своемъ печальномъ возвращеніи изъ участка.

Она слушала внимательно; ласковая улыбка играла на ея алыхъ, какъ спѣлая вишня, губахъ.—Развѣ это ужъ такъ ужасно?—выговорила она ласково.—Да развѣ можно молодому человѣку жить безъ приключеній? Я и не представляла васъ себѣ инымъ. Если бъ я была мужчиной, меня бы тоже тянуло все увидать и все извѣдать; мнѣ только досадно, что и свободнѣйшая дѣвушка все же не такъ свободна, какъ мужчина.—Глаза ея свѣтились задоромъ и жаждой приключеній.

— Но вѣдь это для меня всему конецъ. На другой же день послѣ суда мнѣ придется вернуться обратно въ горы.

Бигъ поблѣднѣла.—О... о!..—вырвалось у нея.—Вѣдь мы едва успѣли немного узнать другъ друга. А я-то мечтала о цѣломъ рядѣ дальнихъ прогулокъ съ вами... Но зачѣмъ же непремѣнно ѣхать домой? Точно въ окнѣ только и свѣту, что вашъ Бальмеръ. Вы говорите объ его власти надъ людьми. Да въ васъ самихъ есть такая власть. Достаточно увидѣть васъ, чтобы питать къ вамъ довѣріе. И Зоммерфельдъ сказалъ, что вы—выдающійся молодой человѣкъ, который сумѣетъ пробить себѣ дорогу въ жизни.—Она даже раскраснѣлась отъ волненія и старанья убѣдить меня.

— Я долженъ вернуться домой,—отвѣтилъ я мрачно.—Это—мой долгъ передъ моей невѣстой.

Бигъ Даръ смущенно смолкла. Нѣкоторое время мы шли молча; потомъ она опять заговорила:—Я не могу себѣ представить дѣвушку, которая спокойно отпускаетъ милаго въ дальніе края и долгіе годы ждетъ, пока онъ къ ней вернется. Я на это не способна и питаю огромное уваженіе къ вашей невѣстѣ. Но еще больше я удивляюсь вамъ. Вы готовы отречься отъ своихъ надеждъ, отъ всѣхъ своихъ завѣтныхъ плановъ, отъ жизни,

которая—вы сами говорите—нравится вамъ, какъ будто возвращеніе домой для васъ что-то неотразимое и неизбѣжное. Очевидно, за этимъ кроется та же великая тайна, къ которой у меня нѣтъ ключа: родина.

Она оборвала рѣчь на полусловѣ. Снова легла между ея бровями мрачная складка, придававшая такую необычную серьезность и необычное очарованіе этой веселой свѣтской дѣвушкѣ.

— Какая я несчастная!—вырвалось у нея.—Передъ вами, по крайней мѣрѣ, есть прямой путь—обратно на родину; а у меня и этого нѣтъ. Впрочемъ, если вы уѣдете изъ Гамбурга, я тоже поѣду въ Мексику. А что будетъ дальше, и сама не знаю. Но не могу же я вѣчно жить въ пансіонѣ для дѣвочекъ-подростковъ. Попробую разыскать Гериту, мою бывшую горничную, которую я очень любила—она живетъ въ Тріестѣ,— и отправлюсь съ ней путешествовать по бѣлу-свѣту.

Не столько изъ любопытства, сколько не зная, что сказать, я спросилъ ее:—А въ Мексику-то вамъ зачѣмъ же ѣхать, Бигъ?

— Донъ Гарсіа Лео Квифортъ, адвокатъ, который былъ повѣреннымъ и завѣдующимъ дѣлами моего отца, зоветъ меня туда. Онъ считаетъ моментъ благопріятнымъ для прекращенія давняго спора между родственниками, путемъ продажи рудниковъ, о которыхъ ведется тяжба. Онъ пишетъ, что радуется возможности довершить дѣло своей жизни, приведя въ полный порядокъ мои дѣла, но въ то же время желаетъ передать документы лично мнѣ, такъ какъ онъ ужъ слишкомъ старъ, чтобы продолжать вести тяжбу: ему ужъ семьдесятъ пять лѣтъ. То-есть, пишетъ-то онъ не совсѣмъ такъ,—поправилась она, смѣясь и вдругъ блѣднѣя.—Онъ, собственно, настоятельно совѣтуетъ мнѣ выйти замужъ и хотѣлъ бы вручить документы моему мужу. Но выйти замужъ—это легче сказать, чѣмъ сдѣлать. Конечно, я легко нашла бы мужа, но—но...

Она вскинула на меня глаза. Лицо ея было загадочно. Потомъ она вдругъ задорно, звонко засмѣялась и расправила пальцы.—Вотъ, захоти я только, у меня на каждомъ пальчикѣ повисло бы по жениху, который съ радостью взялъ бы меня, со всѣми моими причудами и недостатками, лишь бы только получить возможность распоряжаться моимъ состояніемъ; но я не чувствую въ себѣ призванія къ замужеству. Что вы хотите? Я получила такое нелѣпое воспитаніе... Въ томъ возрастѣ, когда другія дѣвочки играютъ въ куклы, я уже умѣла различать мужчинъ. Я была еще совсѣмъ крохотная, отъ земли не видать, а обижалась, когда на мою маму обращали больше вниманія, чѣмъ на меня; въ семь лѣтъ позволяла ухаживать за собой старому семидесятилѣтнему принцу, который ходилъ въ парикѣ и всѣ зубы во рту имѣлъ вставные, но, тѣмъ не менѣе, каждое утро преподносилъ мнѣ букетъ душистыхъ розъ. А въ четырнадцать—я писала сонеты, посвящая ихъ блѣдному, тщедушному юношѣ, который занимался со мной нѣмецкою литературой. И, когда мой отецъ прогналъ его за это, я рѣшила уморить себя голодомъ.

И цѣлыхъ полтора дня не ѣла. Право! Я ужъ и не вспомню, сколько глупостей я натворила на своемъ вѣку.

Она лукаво засмѣялась, но тотчасъ опять стала серьезна.

— Вы не повѣрите, г. Вильди, какой несчастной я была въ семнадцать лѣтъ. Мои родители, словно предчувствуя, что они недолговѣчны, всѣ свои помыслы направили на то, чтобъ выдать меня замужъ за какого-нибудь титулованнаго жениха. Раза два дѣло налаживалось; но наканунѣ обрученія я вдругъ начинала капризничать, разбивая всѣ ихъ расчеты. Мои женихи видѣли во мнѣ хорошенькую обезьянку, которая совсѣмъ не понимаетъ, что хорошо и что дурно; имъ и въ голову не приходило, что у меня можетъ быть душа, жаждущая разумной жизни. Съ тѣхъ поръ мнѣ опротивѣла самая мысль о бракѣ: онъ представляется мнѣ чѣмъ-то въ родѣ яблока съ гладкой поверхностью, въ которомъ ужъ навѣрное внутри червякъ. Пріятнаго аппетита—но только не мнѣ, а другимъ!—Она опять задорно засмѣялась.

— Погодите, вотъ придетъ настоящій, тогда вы не то запоете,— засмѣялся я въ отвѣтъ.

Она покраснѣла до корней волосъ; на минуту мы оба смолкли. Чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, Бигъ сказала мнѣ:—Г. Вильди, разскажите же мнѣ о своей невѣстѣ. Мнѣ чрезвычайно любопытно знать, какія дѣвушки вамъ нравятся. Она красива?—Мы сидѣли у опушки сосновой рощи, на скамьѣ изъ мховъ и вереска. Взглядъ Бигъ жадно искалъ моего взгляда.

Зачѣмъ она спрашиваетъ о Дуглорѣ? Что за дѣло этой блестящей свѣтской дѣвушкѣ до скромнаго цвѣточка горъ? Но взглядъ голубыхъ глазъ настаивалъ, и я неохотно выговорилъ:— Не знаю, показалась ли бы мнѣ моя невѣста въ городѣ такой же очаровательной, какой она казалась мнѣ въ рамкѣ нашихъ горъ. Въ родныхъ долинахъ она казалась мнѣ очень хорошенькой. Она играла на органѣ въ церкви нашего погибшаго селенія. И отблескъ ея чистой, набожной души свѣтился на ея лицѣ, и мнѣ казалась она добрымъ ангеломъ родины, несущимъ людямъ покой и миръ.

Бигъ задумчиво посмотрѣлъ на меня:—Вы любите набожныхъ женщинъ?

— Въ нашихъ горахъ всѣ набожны; мнѣ нравится въ моей невѣстѣ ея набожность, потому что она идетъ изъ глубины души.

— Въ такомъ случаѣ, ваша навѣста имѣетъ большое преимущество передо мной. Тутъ опять-таки въ моей душѣ пробѣлъ, совершенно не заполненный воспитаніемъ. Въ тяжбѣ, отравившей жизнь моему отцу, однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ былъ его родственникъ-священникъ, и это заставило отца порвать со всѣмъ, что такъ или иначе близко къ церкви. Я росла, какъ дикарка, безъ всякой религіи. Еслибъ не картины, которыхъ много въ католическихъ церквахъ, мнѣ, вѣроятно, и не довелось бы никогда побывать въ Божьемъ домѣ. И въ Гамбургѣ отецъ оставилъ меня только подъ условіемъ, что меня не будутъ наталкивать ни на что религіозное. Я совершенная язычница, и

это никогда ужъ не измѣнится; я слишкомъ много читала книгъ, привившихъ мнѣ упорное невѣріе. Что вы на это скажете, г. Вильди?

— Судьба,—отвѣтилъ я.—Но дѣло вѣдь не въ томъ, во что мы вѣримъ, а въ томъ, какъ мы вообще относимся къ нашимъ ближнимъ.

Бигъ покачала головой.—Вы думаете, что доброта къ ближнему можетъ замѣнить религію? Мой отецъ утверждалъ, что ее можетъ замѣнить искусство. Оба вы неправы. Когда мнѣ говорятъ о женщинѣ, въ родѣ вашей невѣсты, искренно набожной и и полной живой вѣры, мнѣ становится завидно: у нея есть въ жизни опора, которой нѣтъ у меня. Быть сиротой, безъ родины и безъ религіи—это создаетъ какую-то надорванность души. Я, такая гордая, иной разъ очень горько ощущаю это.

Бигъ замѣтно волновалась. Но въ ея горькой исповѣди было величіе души, трогавшее меня больше, чѣмъ ея веселыя улыбки. Жизнерадостная свѣтская дѣвушка не казалась мнѣ такой привлекательной, какъ этотъ печальный другъ, раскрывавшій передо мной язвы своей души, затрагивая самые высокіе вопросы жизни.

— Не думаете ли вы, что вамъ слѣдовало бы быть болѣе благодарной судьбѣ?—спросилъ я на обратномъ пути въ городъ.

— Вы не знаете, какъ тяжело чувствовать себя лишнимъ человѣкомъ,—гнѣвно отвѣтила она. И, взглянувъ ей въ глаза, я увидѣлъ въ нихъ свѣтлую слезу.

Я не могу равнодушно видѣть слезъ. Въ первый разъ я предложилъ ей руку. Она приняла ее съ тихой признательностью. Въ этотъ вечеръ впервые наши совмѣстныя прогулки показались мнѣ опасными. Я чувствовалъ, что мнѣ не легко будетъ вырвать изъ сердца образъ Бигъ. И втайнѣ желалъ, чтобы разлука съ ней стала уже совершившимся фактомъ. И въ то же время часы, которые мы проводили вмѣстѣ, были единственнымъ лучемъ, озарявшимъ мою жизнь. Къ счастью, ждать пришлось недолго. Бѣда не заставляетъ ждать себя. Меня еще разъ пригласили къ слѣдователю, а черезъ нѣсколько дней назначенъ былъ и судъ, на которомъ мнѣ предстояло выступить въ качествѣ свидѣтеля. Я самъ не хотѣлъ больше оставаться на службѣ у Бальмера, теперь, когда мое имя будетъ названо въ газетахъ въ связи съ грязнымъ процессомъ. Къ чему новыя униженія, новыя столкновенія съ «Грознымъ»? Послѣ мучительной борьбы я написалъ своему бывшему благодѣтелю, котораго все еще чтилъ, письмо, въ которомъ сердечно благодарилъ его за его доброту и просилъ отпустить меня.

Прошелъ день. Я получилъ письмо отъ Дуглоры, но еще не прочелъ его; я стоялъ у себя въ комнатѣ и раздумывалъ о многомъ, когда въ дверяхъ появилась голова г-жи Андреезенъ, радостно шептавшей:—Г. Вильди, какая честь! Сама г-жа Бальмеръ пріѣхала къ намъ. Она ждетъ въ гостиной. Какая честь!..

Взволнованный, я вышелъ въ гостиную. Свѣжее, румяное лицо красивой, милой женщины, въ которой мнѣ всегда чуялось

что-то родное, взглянуло на меня серьезно и пытливо, но только на минуту; вскорѣ на немъ вновь расцвѣла улыбка, какъ будто она все-таки рада была увидать меня.—Не даромъ васъ зовутъ Вильди. Вы такой дикій. Что это за манера отрясать прахъ отъ ногъ своихъ у порога моего мужа. Набѣдокурили, обидѣлись, что васъ немного круто осадили, и ужъ сейчасъ домой, и даже не простившись. Что у насъ кровь горячая и безразсудная,—это мы знаемъ по себѣ. Мужъ страшно сердитъ на васъ за этотъ глупый полетъ; онъ, пожалуй, и отпустилъ бы васъ. Но мнѣ это совсѣмъ не нравится. Если мы разойдемся въ ссорѣ, это произведетъ крайне неблагопріятное—и для васъ, и для насъ—впечатлѣніе на родинѣ, въ кругу знакомыхъ ландамана. И я уговорила мужа. Онъ сознаетъ, что онъ и самъ отчасти виноватъ, что онъ избаловалъ васъ, давалъ вамъ слишкомъ много карманныхъ денегъ. Короче говоря, мнѣ удалось немного выправить опрокинувшійся возъ: мой мужъ готовъ принять васъ. Въ Гамбургѣ, конечно, вамъ неудобно оставаться. Эта глупая исторія съ американкой очень повредила вамъ въ глазахъ нашихъ знакомыхъ. Но мужъ хочетъ предложить вамъ мѣсто за моремъ.

Я слишкомъ уважалъ эту женщину, которая то материнскі строго, то материнскі ласково журила меня, чтобы отказаться сразу отъ свиданья съ Бальмеромъ; да и разсказать объ арестѣ въ игорномъ домѣ, котораго я теперь глубоко стыдился, мнѣ казалось легче ему, чѣмъ ей. Я обѣщалъ притти, но мнѣ было это очень тяжко, и, когда я шелъ къ патрону, у меня не было никакой надежды устроиться сколько-нибудь сносно у него же.

Предчувствіе не обмануло меня. Разговоръ съ Бальмеромъ былъ прощаньемъ. Я нашелъ его скорѣй удрученнымъ и печальнымъ, чѣмъ сердитымъ.

— Вы, оказывается, опять выкинули новую глупость,—встрѣтилъ онъ меня фразой, произнесенной тѣмъ особеннымъ тономъ, которымъ онъ говорилъ, когда хотѣлъ скрыть свое волненіе.—Я узналъ объ этомъ уже послѣ того, какъ моя жена была у васъ. Молодо-зелено. Я самъ, пожалуй, и могъ бы вамъ простить это—такая вещь съ каждымъ можетъ случиться; но, въ качествѣ дѣльца, я—рабъ приличій. Торговый домъ долженъ быть безупречнымъ отъ хозяина до послѣдняго ученика, чтобы невозможно было подкопаться подъ него. Поэтому я сейчасъ не могу предложить вамъ и того, о чемъ говорила вамъ моя жена. Еслибъ я оставилъ васъ у себя и со временемъ далъ бы вамъ видное положеніе, будьте увѣрены, что услужливые друзья и черезъ десять лѣтъ сумѣли бы откопать тотъ фактъ, что ваше имя было нѣкогда замѣшано въ грязномъ судебномъ процессѣ и выдвинуть его, какъ оружіе противъ васъ самихъ и нашей фирмы. И потому я долженъ васъ уволить.

Этотъ тонъ спокойнаго сожалѣнія смутилъ меня. О, еслибъ онъ тогда поговорилъ со мной также разумно, или хотя бы въ тотъ вечеръ, когда я просилъ у него прощенья, этой проклятой исторіи съ игорнымъ домомъ не случилось бы.—Г. Бальмеръ,—

съ трудомъ выговорилъ я,—мнѣ безконечно жаль, что я не оправдалъ вашихъ надеждъ.—Отъ волненія я едва могъ говорить. И для него минута разставанья была не легка, я видѣлъ это. Онъ повернулся къ двери.—Г. Андреезенъ, письмо которое я написалъ ландамману въ Гауенбургъ, отправлено?—Какъ вы изволили приказать, отправлено. Только что ушло.—Бальмеръ, повидимому, былъ недоволенъ этимъ.—Мнѣ, разумѣется, пришлось увѣдомить ландаммана,—добавилъ онъ какъ-то глухо, снова повернувшись ко мнѣ,—о томъ, что вы выходите изъ-подъ моей опеки. Итакъ, г. Вильди, съ Богомъ...

Пожатіе руки, и связь между мной и Бальмеромъ была разорвана. Обуреваемый самыми противорѣчивыми чувствами, уходилъ я отъ этого человѣка, который владѣлъ моей душой и мыслями, какъ никто до него, и который теперь все же съ легкимъ сердцемъ отрекся отъ меня, хотя и не безъ борьбы. Мысль объ его письмѣ къ ландамману мучила меня. Что онъ такое написалъ? Что, если мои гамбургскія безразсудства повредятъ мнѣ и тамъ, на родинѣ? Наши горцы такъ строги къ малѣйшимъ уклоненіямъ отъ пути буржуазной добродѣтели. Если тамъ чѣмъ-нибудь замараешь себя, это ужъ пристанетъ на всю жизнь. Крестьяне безпощадны; они не простятъ и не забудутъ, какъ забываютъ въ городахъ, гдѣ одно впечатлѣніе вытѣсняетъ другое. Въ своей тревогѣ я даже не прочелъ письма Дуглоры, которое лежало у меня въ карманѣ. Я чувствовалъ, что долгъ мой написать ей, но этотъ долгъ жегъ меня, какъ огнемъ, и мнѣ стыдно было писать ей о крушеніи всѣхъ моихъ надеждъ. Одно мнѣ было ясно: какъ мнѣ ни тяжко, я долженъ преодолѣть себя, вернуться къ ней и дать ей то тихое счастье, котораго она ждетъ отъ меня. Это—мой долгъ передъ нашей любовью и передъ этой чистой, вѣрной дѣвушкой, столько выстрадавшей изъ-за меня. Я свободенъ, какъ птица. Еще дня два—три въ Гамбургѣ; еще этотъ ужасный судъ—а тамъ я прощусь и съ Бигъ, и съ моими широкими чѳстолюбивыми планами и заживу въ тихихъ горахъ, тихой жизнью селянина. Рѣшиться было не легко. Мнѣ казалось, что я присутствую на собственныхъ похоронахъ.

Чѣмъ ближе день разлуки, тѣмъ больше меня тянуло къ Бигъ; я ни о комъ и ни о чемъ не могъ думать, кромѣ нея: ея дивная красота, ея гордая свободная душа и блестящій умъ захватили меня сильнѣе, чѣмъ я думалъ, хоть я и не сознавался себѣ въ этомъ. Мысль о близости разлуки, безъ надежды на свиданіе, какъ-то особенно сближала насъ: никогда еще она не была мнѣ такъ духовно близка. «Дуглору ты всю жизнь будешь имѣть съ собой, а Бигъ всего лишь нѣсколько дней»,—шепталъ мнѣ внутренній голосъ. И, спѣша взять отъ жизни, пока можно, то, что она давала мнѣ, я отбросилъ прочь заботу, настолько отбросилъ, что даже не прочелъ и слѣдующаго письма Дуглоры.

О, дивные часы! Какъ памятна мнѣ эта предвечерняя прогулка за городомъ по окрестнымъ деревнямъ. Легкій вѣтерокъ колыхалъ высокую траву, всю усѣянную лѣтними цвѣтами. Косари, мужчины и женщины, въ живописныхъ костюмахъ, при-

вѣтливо кивали намъ; тѣнистые сады и старые крестьянскіе дома съ соломенными крышами манили зайти отдохнуть. Бигъ восхищалась тѣмъ, какъ я сразу разбирался во всемъ, что видѣлъ, съ навыкомъ человѣка, который жилъ около земли и намѣревается снова вернуться къ ней. Меня забавляло умѣнье Бигъ возиться съ крестьянскими ребятишками, играть съ ними, съ двухъ словъ располагать къ себѣ и внушать довѣріе. Она обожала дѣтей и съ ними забывала обо всемъ, даже обо мнѣ.

— Нѣтъ, это все-таки нехорошо, г. Вильди,—шутила она.—Эти минуты должны быть всецѣло наши. Вѣдь я даже не въ правѣ попросить васъ прислать мнѣ вѣсточку, какъ вамъ живется въ вашихъ горахъ; это могло бы встревожить вашу будущую жену. Но все же я хочу дать вамъ кое-что на память о себѣ.—Она вынула изъ кармана фотографическую карточку и протянула ее мнѣ. Изъ небольшого ромбика на меня глянуло ея очаровательное личико въ ореолѣ пышныхъ локоновъ и косъ, ея глаза... Внизу стояла надпись: «Моему дорогому Іосту Вильди—Абигаиль Даръ». Я молча протянулъ ей руку. Она улыбнулась.—Можно, по крайней мѣрѣ, попросить у васъ того же—карточки съ надписью на память?—Завтра, Бигъ. Мы увидимся послѣ суда.—Она кивнула головой. И съ такой нѣжностью въ голосѣ, какой я еще не слыхалъ у нея, сказала:—Желаю вамъ отъ души, чтобы вы съ вашей будущей женой жили очень счастливо. Я должна умереть для васъ; считайте меня какъ бы умершей. Но въ пѣснѣ поется: «Есть день въ году и для усопшихъ». Храните мою карточку тамъ, гдѣ она не сможетъ нарушить душевный покой вашей жены, самое лучшее—въ дуплѣ какого-нибудь дерева въ лѣсу, но разъ въ годъ ходите туда взглянуть на вашего умершаго друга, Бигъ...

— Бигъ, не говорите такъ. Мнѣ нестерпимо больно!—воскликнулъ я, мучительно ощущая боль разлуки.—Вы будете для меня не мертвой, но живой.

Она не рѣшалась взглянуть на меня, потупилась и гладила рукой стебли травы; потомъ все-таки взглянула.

— Іостъ Вильди, а вѣдь это, собственно, несчастье для насъ, что мы съ вами встрѣтились,—прошептала она.—Вѣдь мы не сможемъ забыть другъ друга; все время будемъ тосковать.—Конечно, Бигъ, это несчастье. И мое сердце говоритъ то же.

Она принужденно засмѣялась, какъ бы силясь стряхнуть съ себя тяжесть.—Дайте мнѣ совѣтъ. Скажите, гдѣ еще найти другого такого Іоста Вильди. Я опять вернусь къ своей цыганской жизни и разыщу его, гдѣ бы онъ ни былъ, хоть на концѣ свѣта. Только чуръ: чтобъ онъ не былъ помолвленъ съ другой дѣвушкой. А съ виду онъ долженъ быть совсѣмъ такой, какъ вы. Такіе же темные, безстрашные глаза, такой же смѣлый лобъ и здоровый, звонкій, какъ золото, смѣхъ, та же первобытная сила, искренность и свѣжесть. И куралесить онъ можетъ еще больше васъ, лишь бы только его сердце было свободно.

— Вы жестоки, Бигъ,—пролепеталъ я, запинаясь.—Вѣдь дол-

женъ же я итти путемъ долга и чести, иначе вы первая презирали бы меня.

Не отвѣчая, она подошла къ кусту шиповника, росшему у дороги, и хотѣла сорвать цвѣтокъ, но не могла достать. Я помогъ ей и нагнулъ вѣтку. Она вдругъ воскликнула:

— Г. Вильди, смотрите. Вонъ тамъ, надъ лугомъ, шаръ Зоммерфельда!

Мы оба слѣдили за шаромъ. Съ алыхъ губокъ Бигъ готова была сорваться просьба, которую я угадывалъ, но медлилъ отвѣтомъ. Она опять мечтала о совмѣстномъ большомъ полетѣ... Она взяла мою руку и, нѣжно сжимая ее, шептала:—Ну, не все ли равно, днемъ раньше или позже вернуться на родину? Вѣдь вы же обѣщали. Помните, вы сказали, что, еслибъ вы были свободнымъ человѣкомъ, вы бы полетѣли. Теперь препятствій нѣтъ.— Дыханіе ея созданныхъ для поцѣлуя губъ опьяняло меня; въ голубыхъ глазахъ было столько нѣжной мольбы...

Я не выдержалъ и обнялъ ея тонкій, какъ тростинка, станъ.

— Хорошо, Бигъ,—летимъ; я полечу съ тобой. Но раньше дай мнѣ поцѣлуй, дивная, дивная женщина. Только съ тобою я узналъ, что такое любовь. Да, я полечу съ тобой въ самое поднебесье; я хочу, чтобъ у меня осталось отъ тебя сильное, красивое, неизгладимое воспоминаніе.

Тоненькая фигурка нѣжно льнула ко мнѣ; алыя губы страстно отвѣчали на мои поцѣлуи.—Я знаю, что эта кража, Іостъ,—шептала она,—но я не могу, не могу. Я такъ безконечно люблю тебя. Я не могу уйти отъ тебя, какъ отверженная.—Весь міръ потонулъ въ блаженствѣ.

— Бигъ,—вырвалось у меня,—очаровательница, я не могу себѣ представить жизни безъ тебя. Я не могу съ тобой разстаться... Я хотѣлъ бы вѣчно жить съ тобой.

Ея лицо преобразилось счастьемъ; глаза сіяли, какъ солнце.

— Что ты сказалъ?—шептала она, жадно ловя мои слова.

— Что я хотѣлъ бы жить съ тобой всю жизнь—повторилъ я, запинаясь.

— Это ты серьезно говоришь?—допытывалась она, вся дрожа отъ страсти.

— Бигъ, я хотѣлъ бы уѣхать съ тобой,—повторилъ я.

— А я съ тобой,—шепнула она, и безумные поцѣлуи скрѣпили это признаніе.

Не знаю, сколько времени мы стояли такъ, обнявшись, подъ кустомъ шиповника; но, когда мы снова вышли на дорогу, Бигъ, совершенно обезсиленная, разбитая и безвольная, висѣла на моей рукѣ.—Теперь я хотѣла бы умереть въ твоихъ объятіяхъ,—пролепетала она и съ тихимъ рыданіемъ склонила мнѣ на плечо свою прелестную головку.

— И я хотѣлъ бы умереть съ тобой, моя пре-лестная,—шепталъ я, гладя ея пылающія щечки...

Но вдругъ она вырвалась изъ моихъ рукъ.—Ты—ты хотѣлъ бы умереть со мной!—повторила она рѣзко, шипящимъ голосомъ,

съ холоднымъ стальнымъ блескомъ въ глазахъ.—Вѣдь ты обязанъ жить—жить для другой.

Жгучая горечь, злая насмѣшка была въ ея голосѣ. Но постепенно она овладѣла собой. И опять заговорила о полетѣ, который мы непремѣнно должны еще разъ предпринять; и этотъ разговоръ о новомъ и блаженномъ днѣ слегка затушевалъ печаль, наполнявшую наши сердца.

Я радъ былъ, когда мы, наконецъ, дошли до города; но только когда мы разошлись, я сознался, какое пламя страсти охватило насъ обоихъ. Мнѣ стало безумно жаль Бигъ, съ ея пылкой и страстной любовью. «Ты не долженъ былъ дать разгорѣться этому огню,—кричалъ мнѣ внутренній голосъ.—Ты не долженъ больше видѣться съ ней, иначе»... Но еще громче плакалъ другой голосъ: «Ты измѣнилъ Дуглерли—твоей бѣдной, милой Дуглерли»...

Дальше идутъ дни, о которыхъ мнѣ тяжело писать, и рука моя дрожитъ, касаясь этихъ листковъ...

ГЛАВА XV.

«День суда». Хорошее заглавіе. Въ этотъ день я, дѣйствительно, ощутилъ на себѣ дуновеніе судьбы.

Вернувшись отъ Бигъ, я нашелъ у себя дома огромный, съ казенными печатями пакетъ, присланный съ родины. Присѣвъ на уже завязанный чемоданъ, я распечаталъ конвертъ. Чудесная бумага! Пишутъ оба вмѣстѣ—и ландамманъ, и ландратъ. Внезапно я вскочилъ, словно укушенный змѣей. «Ого! Что за гадости написалъ туда обо мнѣ Бальмеръ? Что такое? Распутное поведеніе... Грязная исторія съ шулерской карточной игрой... Скверная бабенка... Дружба съ шулерами вредитъ доброй репутаціи края»... И приписка за подписями ландрата и начальника кантона:—Іосту Вильди предписывается не позже, какъ черезъ три дня послѣ суда, явиться по начальству, въ Гауенбургскую ратушу, подъ угрозой, въ случаѣ неповиновенія, быть разысканнымъ гамбургской полиціей, при содѣйствіи г. Ганса Конрада Бальмера, и доставленнымъ подъ конвоемъ на родину. Дабы отговоркой не служило отсутствіе денегъ на дорогу, Ганса Конрада Бальмера просятъ, за счетъ кантона, выдать оному Вильди билетъ третьяго класса до Гауенбурга. По возвращеніи на родину, Вильди будетъ взятъ подъ опеку, которая, при условіи хорошаго поведенія, можетъ быть и снята, но не ранѣе, какъ черезъ годъ.—Далѣе слѣдовала записка частнаго характера отъ ландаммана: онъ оплакивалъ мое глубокое паденіе и выражалъ надежду, что въ сердцѣ моемъ еще уцѣлѣла искра добра, и я постараюсь доказать это, подчинившись зрѣло обдуманному рѣшенію окружнаго совѣта.

«И это мнѣ, Іосту Вильди?» Я схватилъ казенную бумагу и письмецо ландаммана, изорвалъ ихъ въ клочки, швырнулъ ихъ на земь и, увидавъ на полу казенную печать моего родного кантона на аккуратно вырѣзанной зубчиками бумажной подкладкѣ, съ изображеніемъ восходящаго солнца, горной ели и старинной

аллебарды, наступилъ на нее каблукомъ, раздавивъ сургучъ, разсыпавшійся мелкими песчинками. И въ сердцѣ моемъ что-то трещало, рвалось и разсыпалось въ прахъ, точно такъ же, какъ бумага въ моихъ рукахъ и сургучъ подъ ногами. Обида отравой жгла мнѣ грудь. Такъ неужто же они считаютъ меня негодяемъ, шулеромъ, послѣднимъ мошенникомъ? Развѣ я не работалъ у Бальмера какъ поденщикъ, день-деньской, не покладая рукъ, не сидѣлъ по вечерамъ до поздней ночи за книгами? Что значатъ въ сравненіи съ этимъ одно-два увлеченія, мальчишескія выходки? Вѣдь я же ни на минуту не упускалъ изъ виду моей серьезной цѣли. Нѣтъ, человѣкъ, котораго я видѣлъ въ зеркалѣ, былъ, правда, смертельно блѣденъ, но въ немъ живутъ сила и воля къ жизни, которыя не дадутъ ему погибнуть.

Я нагнулся и подобралъ всѣ до одного клочка разорваннаго пакета. «Это затѣмъ, чтобъ ты не забывалъ тяжкой обиды—чтобы ты никогда больше не тосковалъ по родинѣ». Изъ многихъ мрачныхъ мыслей, нахлынувшихъ на меня, выдвинулась на первый планъ одна: «послѣ такой обиды, у тебя нѣтъ болѣе родины, и возвращаться туда тебѣ нельзя. Никогда! Никогда!» Мнѣ захотѣлось какъ-нибудь активно проявить это рѣшеніе, сдѣлать его невозвратнымъ. Я схватилъ перо и написалъ ландаману и ландрату въ Гауенбургъ: «Прошу не ждать меня. Вы сами должны радоваться этому. Вернись я, первымъ дѣломъ я привлекъ бы васъ къ отвѣту передъ всей страной за неслыханное безчестье и не успокоился бы, пока не добился бы возстановленія моей чести и моихъ правъ. Итакъ, я не пріѣду. Бальмеръ въ свой смертный часъ дастъ отвѣтъ Богу за то моральное убійство, которое онъ совершилъ надо мной своимъ письмомъ къ вамъ, единственно ради суетнаго желанія остаться незапятнаннымъ и великимъ въ памяти своей родины. Слишкомъ гордый для того, чтобы сказать хоть слово въ защиту и оправданіе себя, но готовый къ борьбѣ противъ всякаго насилія, Іостъ Вильди».

Хотя на дворѣ была ночь, я стремительно выбѣжалъ съ этимъ письмомъ на улицу; я готовъ былъ ворваться въ домъ Бальмера, стащить его съ постели и крикнуть ему: «Чудовище! Такъ легко тебѣ разбить все счастье человѣка!..» О, какъ я жаждалъ свести съ нимъ счеты!.. Затѣмъ, мысли мои вернулись къ Бигъ. Въ какомъ соблазнительномъ свѣтѣ предсталъ предо мной ея образъ. Одно слово—и эта гордая, благородная душа станетъ моей, и съ ней всѣ блага міра.—Нѣтъ, нѣтъ, только не это. Мнѣ представилось измученное личико Дуглерли, съ темными скорбными глазами. И мнѣ стало мучительно стыдно страстныхъ поцѣлуевъ, которыми мы утромъ, подъ кустомъ шиповника, обмѣнялись съ Бигъ. «Я хотѣлъ бы всю жизнь прожить съ тобой!» Да, въ тотъ моментъ это было правдой, но лишь потому, что страсть на минуту затуманила сознаніе... «Нѣтъ, нѣтъ, я не измѣню Дуглорѣ. Не покину ея. Покинуть ее— значило бы потерять уваженіе къ самому себѣ, потерять право на то, чтобы послѣ всѣхъ этихъ бурь мнѣ все же улыбнулось счастье. Но какъ же взять Дуглору, когда я твердо рѣшилъ не возвращаться на родину?»

Должно быть, на свѣтѣ дѣйствительно есть сродство душъ, для котораго не существуетъ разстояній. Въ эту ночь я былъ какъ ясновидящій; я зналъ, что и Дуглора ищетъ меня, всѣмъ существомъ своимъ стремится ко мнѣ, ближе мнѣ, чѣмъ когда-либо. Конечно, это была лишь игра воображенія, результатъ самоукоровъ за то, что я, ради Бигъ, предалъ мою первую молодую любовь.

Поутру я отправился въ судъ—давать показанія въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу о незаконномъ игорномъ притонѣ и мошеннической игрѣ. Трудный былъ это путь. На воздухѣ туманъ, давившій мою голову, какъ будто разсѣялся; но когда приставъ ввелъ меня въ свидѣтельскую комнату, у меня помутилось въ глазахъ, и я едва не упалъ. Что за омерзительная компанія отжившихъ юношей и стариковъ, накрашенныхъ женщинъ; среди нихъ, двѣ—три знакомыхъ, нагло кивавшихъ мнѣ; на многихъ лицахъ что-то въ родѣ злорадной усмѣшки,—вотъ, молъ, и этотъ свѣжій, полный жизни юнона тоже затесался въ нашу компанію. Отъ времени до времени вызывали одного—двухъ свидѣтелей въ залу суда. А я все сидѣлъ. Время тянулось нестерпимо медленно. Думать? Но даже думать въ этой комнатѣ и въ этомъ обществѣ было какъ-то постыдно. Какъ за якорь спасенія, я ухватился за два письма Дуглоры, которыя за эти дни даже не удосужился прочесть, такъ я одурѣлъ и растерялся. Письма эти были такого содержанія, что на мигъ я позабылъ все окружающее.

«Мой горячо любимый Іостъ», писала бѣдняжка, «я смертельно безпокоюсь о тебѣ. Твое послѣднее письмо ты оборвалъ на полусловѣ, говоря, что почувствовалъ себя нехорошо. И съ тѣхъ поръ ни строчки. Какъ же тутъ не испугаться? Я удивляюсь только одному—что ты не поручилъ кому-нибудь другому извѣстить меня. Эта постоянная тревога совсѣмъ измучила меня: почью душатъ кошмары; днемъ отъ усталости руки опускаются. Что мнѣ дѣлать? Въ чемъ найти утѣшеніе? Отъ Ц'бинденовъ я ушла. Всѣмъ было жалко, что я ухожу, и въ то же время нельзя было поступить иначе. Они простились со мной очень ласково и сердечно, и г. Ц'бинденъ посулилъ справить мнѣ все приданое, когда я буду выходить замужъ. Я послѣдовала твоему совѣту и поселилась у тѣхъ добрыхъ людей въ Цвейбрюкенѣ, которые пріютили насъ послѣ обвала. Но у нихъ и своихъ рабочихъ рукъ достаточно; лишнія имъ не нужны,—хотя все же, они предлагаютъ мнѣ пожить у нихъ, пока я найду себѣ подходящее мѣсто.

«Милый Іостъ! Они справляются и о тебѣ. Когда я стала разсказывать, какъ устроилась твоя судьба, мнѣ вдругъ безумно захотѣлось побывать въ Зельматѣ, гдѣ мы такъ счастливо жили дѣтьми. По пути туда, среди тишины горъ и въ молитвѣ, я постепенно успокоилась. Мнѣ чудилось: Самъ Господь говоритъ со мной и внушаетъ мнѣ мужество—рѣшиться на дальній путь и разыскать тебя въ чужомъ далекомъ городѣ. Если ты боленъ, милый Іостъ, я буду ходить за тобой и вылечу тебя. Тогда ужъ мы и наговоримся съ тобой вдоволь и рѣшимъ, какъ намъ быть съ нашей любовью».

Письмо это встревожило меня. Дуглора хочетъ ѣхать въ Гамбургъ? Что за нелѣпость? Богъ знаетъ, до чего она додумалась!

Но это былъ еще не конецъ.

«Я уже писала тебѣ, милый Іостъ, что Мельхи Хангштейнеръ началъ строить домъ въ Зельматѣ и что ландратъ далъ ему денегъ на постройку. Ты знаешь, я первая говорила, что слѣдовало бы опять начать строиться въ Зельматѣ. Я мечтала, что мы это сдѣлаемъ. А сдѣлалъ Мельхи. Домъ весь деревянный, при немъ овинъ и сарай; окна на солнечную сторону, на гору. Мельхи живетъ тамъ съ мальчишкой батракомъ, тремя коровами и молодымъ бычкомъ. Онъ зазвалъ меня къ себѣ обѣдать. И, такъ какъ мы съ нимъ въ дѣтствѣ всегда были добрыми товарищами, я спросила его совѣта — какъ онъ думаетъ, слѣдуетъ ли мнѣ ѣхать разыскивать тебя. Онъ усиленно отговаривалъ меня. Говорилъ, что дорога дальняя, жалко денегъ, да и опасно мнѣ ѣхать одной. И, вообще, говорилъ разныя глупости, стараясь возстановить меня противъ тебя. Но это ему не удалось, и я скоро замѣтила, что это онъ мнѣ ловушку разставляетъ: онъ самъ бы не прочь взять хозяйку въ домъ. И цѣлитъ на меня. Глупецъ! Какъ будто онъ не знаетъ, что я люблю только тебя. Въ три часа я ушла изъ Зельмата. На обратномъ пути меня сначала очень мучили злыя слова Мельхи о томъ, что ты навѣрное здоровъ, какъ рыбка въ Зелахѣ, и не пишешь просто потому, что ты ко мнѣ равнодушенъ; но потомъ я все-таки сама надумалась. Конечно, денегъ жаль—онѣ бы мнѣ пригодились на приданое. Но вѣдь душевный покой дороже денегъ. И потому, между Зельматомъ и Цвейбрюкеномъ, я рѣшила, милый Іостъ, поговорить съ тобой серьезно. О, дорогой мой! Боленъ ты или здоровъ, умоляю тебя, напиши мнѣ. Скажи откровенно, хочешь ты, или не хочешь, чтобы я пріѣхала въ Гамбургъ. Если я не получу отвѣта на это письмо, я окончательно увѣрюсь, что ты серьезно боленъ. И тогда, конечно, тебѣ нуженъ любящій уходъ. Если я что и не такъ сдѣлаю, ты долженъ простить мнѣ—я мѣста себѣ не нахожу: у меня въ душѣ такая тревога, что я не могу больше здѣсь оставаться. Съ неизмѣнной любовью и вѣрностью, твоя Дуглерли».

На этихъ послѣднихъ словахъ расплылись пятна отъ слезъ.

Я такъ взволновался, что совершенно забылъ, гдѣ я, и вскочилъ со скамьи. Стражникъ, приставленный къ свидѣтелямъ, подозрительно покосился на меня; потомъ шагнулъ впередъ, сдѣлалъ мнѣ знакъ подойти, взялъ у меня письмо, пробѣжалъ пару строкъ и, убѣдившись, что письмо отъ женщины и отношенія къ дѣлу не имѣетъ, такъ же молча отдалъ мнѣ его назадъ. Какъ разъ въ ту минуту приставъ крикнулъ въ дверь: «Іостъ Вильди!» Наконецъ-то! Меня кидало въ жаръ и въ холодъ, но я, съ виду спокойный, подошелъ къ столу, за которымъ сидѣли судьи.

На скамьѣ подсудимыхъ я увидѣлъ толстяка хозяина, моего пріятеля Леглю, отставного капитана судна съ толстымъ носомъ,

похожимъ на картошку, и еще двухъ—трехъ, которыхъ я не зналъ. Эта печальная картина неизгладимо запечатлѣлась въ моей душѣ. Самая процедура допроса не представляла ничего особеннаго. Меня еще разъ заставили разсказать, какъ я попалъ въ эту компанію. На перекрестномъ допросѣ я не сбился, такъ какъ показывалъ только правду, но все же послѣ него я чувствовалъ себя совершенно обезсиленнымъ, словно втащилъ на гору страшную тяжесть. У меня уже начинало темнѣть въ глазахъ, когда послѣ строгаго увѣщанія прокурора—впредь избѣгать дурного общества, раздались, наконецъ, отрадныя слова: «Свидѣтель Вильди, вы свободны. Можете итти».

Увѣщаніе было излишне. Я вынесъ изъ залы суда твердую рѣшимость никогда больше не попадать туда. Выйдя на воздухъ и на свѣтъ, я въ первую минуту ощутилъ почти блаженство отъ мысли, что страшный часъ, котораго я такъ боялся, уже пережитъ. Но тотчасъ же мнѣ вспомнилось, что въ карманѣ у меня еще одно непрочитанное письмо Дуглоры. Что въ немъ? Неужто она не отказалась отъ безумной затѣи ѣхать въ Гамбургъ? Я почти бѣжалъ по широкой аллеѣ роскошнаго парка, спускающагося къ Эльбѣ, отыскивая глазами укромное мѣстечко, гдѣ было бы поменьше гуляющихъ. Я нашелъ такое мѣстечко у зеленой естественной изгороди, обѣгавшей одинъ изъ прудковъ; но, не успѣлъ я присѣсть на скамью, какъ позади меня зазвучалъ лукавый смѣхъ.—Здравствуйте! Вы, конечно, не узнали меня, но, къ счастью, я васъ узнала. Ну, что, все обошлось благополучно? Голова, по крайней мѣрѣ, еще сидитъ на плечахъ и очень красиво.—Бигъ нагнулась ко мнѣ и съ нѣжной лаской прижалась щекой къ моей щекѣ; въ ней не осталось и слѣда вчерашней грусти; теперь это было жизнерадостное существо, думавшее только о счастьѣ и наслажденіи.

— Мы вмѣстѣ пообѣдаемъ, а потомъ поѣдемъ къ Зоммерфельду и выработаемъ съ нимъ планъ нашего большого воздушнаго путешествія! — Она смѣялась, какъ ребенокъ, которому хотѣлось бы, чтобъ и другіе были веселы, какъ онъ.—Принесъ ты мнѣ карточку съ милой надписью?

Нѣтъ, о карточкѣ я позабылъ; слишкомъ много было у меня вчера заботъ и огорченій.

— Одну минуту, Бигъ. Дай мнѣ прочесть письмо. — Она сдѣлала очаровательнѣйшую гримаску и отошла, оставивъ меня одного.

«Ты молчишь, милый Іостъ. Значитъ, ты, въ самомъ дѣлѣ, серьезно боленъ. Не даромъ я вижу все такіе дурные сны. Будто ты лежишь въ постели, весь въ бѣломъ, и смотришь на дверь, и говоришь: «Что же это Дуглерли не идетъ?» Иду, милый Іостъ. Была я у портнихи въ Гауенбургѣ. День былъ какъ разъ базарный, и Мельхи тоже тамъ былъ; онъ пріѣхалъ прикупить себѣ еще бычка. Онъ опять увѣрялъ меня, что я дѣлаю большую глупость, и очень отговаривалъ меня ѣхать; но, видя, что я твердо рѣшилась, онъ, въ угоду мнѣ, сходилъ на вокзалъ и справился, какъ и когда ѣхать. Ему сказали, что во вторникъ въ

Гамбургъ ѣдетъ одна крестьянская семья, задумавшая выселиться въ Америку, и, если я завтра утромъ выѣду вмѣстѣ съ ними, то въ среду вечеромъ въ шесть часовъ я буду уже въ Гамбургѣ. Я такъ и сдѣлаю».

«Въ среду вечеромъ, въ шесть часовъ». Такъ вѣдь это сегодня, черезъ нѣсколько часовъ. Я даже не въ состояніи былъ дочитать письмо. Бигъ посматривала на меня съ нетерпѣніемъ и любопытствомъ. И вдругъ вскрикнула:—Іостъ! Что съ тобою? У тебя въ лицѣ ни кровинки.—Я шепнулъ ей одно только слово. Она поняла и, какъ подкошенный цвѣтокъ, опустилась на траву возлѣ меня, робко обняла меня, и прижалась головой къ моей груди; глаза ея наполнились слезами; гордая головка опускалась все ниже и ниже. Страдальческая гримаса обнажила блестящіе бѣлые зубы. Она напомнила мнѣ въ эту минуту раненаго на смерть звѣрька, который и хотѣлъ бы защищаться, но на то не имѣлъ силы. Ломая руки, она шептала:—Такъ, значитъ, надо уходить? Все это было только сномъ... Еслибъ хоть еще разъ полетѣть вмѣстѣ! Какъ мнѣ хотѣлось, Іостъ, яснымъ утромъ подняться съ тобой въ тѣ высоты, гдѣ такъ свободно паритъ душа, гдѣ воздухъ такъ чистъ. Въ благодарность за это счастье я готова была стать набожной, какъ твоя невѣста. Но и этого счастья мнѣ не суждено. — Искаженныя уста ея шептали безумныя слова, страшныя проклятія судьбѣ; въ лицѣ была такая удивительная смѣсь страданія, скорби и душевной красоты, что мнѣ жутко было смотрѣть на нее. Меня тянуло къ Бигъ, и въ то же время внутренній голосъ кричалъ мнѣ: «Бойся этой загадочной женщины. Бѣги отъ нея!» Ея узенькіе пальчики цѣплялись за мою руку, глаза впивались взглядомъ въ мои глаза, дрожащія губы молили:—Іостъ! Одно только слово. Правда ли, что тебѣ хотѣлось бы прожить жизнь лучше со мной?

Я чувствовалъ, что это не кончится добромъ, что Бигъ способна наложить на себя руки, если я теперь обману ея надежды. Совѣсть упрекала меня, но я все же сжалъ ея ручки и пролепеталъ:—Да, я предпочелъ бы жить съ тобою, Бигъ, — Она впилась въ мои губы такимъ мучительнымъ и безконечнымъ поцѣлуемъ, что я едва не задохся.—А какъ же съ карточкой?—почти простонала она. — Я не могу жить безъ твоей карточки. — Я пришлю тебѣ карточку, Бигъ,—пообѣщалъ я, чтобъ хоть немного успокоить ее. Мнѣ было до боли жаль бѣдняжку.

Тутъ къ намъ подбѣжала группа играющихъ дѣтей. Волей-неволей пришлось обуздать свои чувства, или, по крайней мѣрѣ, ихъ внѣшнія проявленія. Мы прошлись немного; дойдя до группы деревьевъ, скрывавшихъ насъ отъ любопытныхъ взоровъ, Бигъ замедлила шаги. — Такъ надо, такъ надо, — прошептала она.—Прощай, мой любимый. — Еще разъ впились ея глаза въ мои глаза, какъ будто хотѣли выпить душу изъ тѣла. Съ нескаванной нѣжностью она приложила руки къ моимъ щекамъ, робко привлекла меня къ себѣ и прижалась губами къ моимъ губамъ. Долгій, жаркій поцѣлуй, короткое, жгучее: «Прощай!», и Абигаиль скрылась изъ виду.

Что это былъ за тяжкій, трудный, ужасный день! Я совершенно запутался между Абигаилью и Дуглорой, не видѣлъ выхода, чувствовалъ себя совершенно безпомощнымъ, но тѣмъ не менѣе дѣйствовалъ вполнѣ разумно. Вернувшись къ себѣ домой, я заперся въ своей комнатѣ и дочиталъ до конца письмо Дуглоры. Съ чисто мужицкой хитростью Мельхи Хангштейнеръ обставилъ путешествіе Дуглоры такъ, что дома никто, кромѣ него и нея не зналъ, куда и зачѣмъ она ѣдетъ. Во избѣжаніе сплетенъ и насмѣшекъ, если бы ея надежды на меня не оправдались и ей пришлось бы вернуться на родину, онъ распустилъ въ Цвейбрюкенѣ слухъ, будто она нанялась въ услуженіе въ Сантъ-Якобѣ. Нѣтъ, каковъ этотъ Мельхи Хангштейнеръ! Я рѣшилъ принести для Дуглоры всѣ жертвы, какихъ только потребуетъ отъ меня жизнь. Только объ одномъ я молилъ Бога—чтобы встрѣча съ ней не разочаровала меня. Жизнь въ большомъ городѣ, дни, проведенные въ обществѣ Бигъ, научили меня многому, и теперь я прилагалъ къ оцѣнкѣ женщинъ совсѣмъ иной масштабъ, чѣмъ, дома, въ горахъ. Что, если Дуглора покажется мнѣ неинтересной и ничтожной? Какъ я тогда буду бороться съ чарами загадочной, увлекательной, соблазнительной Бигъ? Меня бросало то въ жаръ, то въ холодъ. Въ утѣшеніе я говорилъ себѣ, что надо было имѣть много душевной силы и любви ко мнѣ, чтобы юной, неопытной дѣвушкѣ, никогда еще не покидавшей родныхъ горъ, рѣшиться на поѣздку въ далекій незнакомый городъ, исключительно ради меня. Разумѣется, это была нелѣпая, безумная затѣя, но я оцѣнилъ ея величіе, и Дуглерли представлялась окруженной ореоломъ мужества и непоколебимой вѣрности. Но все-таки, послѣ всего что было, домой я съ нею не поѣду.

Я вынулъ изъ конверта проѣздной билетъ, присланный мнѣ черезъ Андреезена бывшимъ моимъ хозяиномъ, вложилъ его въ другой конвертъ и надписалъ на немъ: «Съ благодарностью возвращаю г. Гансу Конраду Бальмеру». Съ вѣжливымъ секретаремъ я простился еще утромъ, а теперь пошелъ попрощаться съ его женой, которая такъ старалась перевоспитать неуклюжаго горца и научить его свѣтскимъ приличіямъ. Она слегка прослезилась. Сбереженія мои почти растаяли благодаря прогулкамъ съ Бигъ, но все же на нѣсколько дней для насъ съ Дуглерли денегъ еще хватитъ. А тѣмъ временемъ я пріищу работу. Въ скромной, но чистенькой гостиницѣ я заказалъ комнату для своей невѣсты, самъ взялъ номеръ въ другой по сосѣдству, и за четверть часа до прихода поѣзда былъ уже на вокзалѣ.

Поѣздъ съ пронзительнымъ свистомъ остановился у перрона; пассажиры сплетались и расплетались въ мимолетныя, быстро распадавшіяся группы. Вотъ и крестьянская семья, въ которой я, по обличью и костюму, сразу угадалъ своихъ земляковъ, съ кучей узловъ и чемодановъ—отецъ, мать, дѣвушка и двое ребятишекъ; ихъ встрѣчаетъ агентъ общества содѣйствія переселенцамъ. Въ этой же группѣ, спиною ко мнѣ, стройная средняго роста дѣвушка въ дорожномъ платьѣ и сѣрой фетровой шляпѣ,

Она держитъ за руку мальчика, словно и она принадлежитъ къ семьѣ. Изъ-подъ сѣрой шляпы спускается на затылокъ тяжелый узелъ красновато-каштановыхъ волосъ. Вотъ она повернула голову. Какой красивый изгибъ шеи! Дуглерли! Вся кровь во мнѣ кипѣла. Я подошелъ ближе. Дуглерли, ласково уговаривавшая чѣмъ-то напуганнаго мальчика, не замѣчала меня. Передо мной было дивной свѣжести личико, трогательно прелестное, темные, блестящіе глаза, въ которыхъ свѣтилась чистая, любящая, правдивая душа. Невольно мнѣ подумалось, что эта дѣвушка могла бы одна, безъ провожатыхъ, объѣхать весь свѣтъ—нигдѣ не нашлось бы дерзкой руки и подлыхъ устъ, которыя осмѣлились бы оскорбить ея чистоту.

— Здравствуй, Дуглерли. Привѣтъ тебѣ! — тихонько окликнулъ я ее. Она радостно вздрогнула, выпустила руку мальчика, вскинула на меня глаза, дрожащимъ голосомъ тихо пролепетала: —Іостъ!—И тотчасъ же робко поникла головкой и съ невыразимой любовью обѣими руками схватилась за мою руку.—Іостъ, не сердись на меня, что я пріѣхала.

Мы наскоро попрощались съ крестьянами, спутниками моей нареченной, и остались одни. Весь этотъ вечеръ прошелъ какъ во снѣ. Мы даже почти не разговаривали. На груди у меня Дуглерли выплакала все свое горе, повторяя среди рыданій:—Не сердись на меня, Іостъ, что я пріѣхала. Чего только не сдѣлаешь, когда сердце болитъ.—Я гладилъ ее по волосамъ и по лицу, успокаивая ее, какъ ребенка, шепча:—Успокойся, Глерли; не надо больше плакать—завтра обо всемъ наговоримся. Я благодаренъ тебѣ, что ты ради меня не побоялась дальняго пути. Вотъ увидишь, все устроится.—Іостъ, я ужъ и не знаю, какое ласковое слово сказать тебѣ. Видно, что ты ужъ не боленъ, только блѣденъ немного; но зато какой ты сталъ красивый, изящный, словно аристократъ какой. Только лицо прежнее—милое, милое. И во взглядѣ такая вѣрность и любовь.—Темные глаза Глерли уже свѣтились радостью. Она успокоилась понемногу, и тяжелый, полный мучительныхъ переживаній день закончился тихимъ, счастливымъ вечеромъ. Дѣтство и юность снова ожили въ моей груди, и журчанье этихъ чистыхъ источниковъ убаюкало мои заботы. Само небо, казалось, благословляло нашу встрѣчу. Отъ Бигъ я сразу, всей душой, вернулся къ Дуглорѣ. Что мнѣ Бигъ? Чужая, красивая сказка, прилетѣвшая въ мою жизнь изъ какой-то лазурной дали. Дуглора была для меня живымъ воплощеніемъ моей молодости, душой моей души, ангеломъ родины.

ГЛАВА XVI.

И вотъ насталъ тяжелый день признаній, когда пришлось сказать Дуглорѣ многое, что не легко было сказать.

Подходя къ дому, гдѣ она жила, я еще издали увидѣлъ, какъ она кивала мнѣ головкой изъ окна, свѣжая и ясная. Минута—и я былъ возлѣ нея.—Какъ ты, однако, стала красиво одѣ-

ваться, Глерли!—изумленно воскликнулъ я.—И не скажешь, что ты выросла въ горной деревнѣ. Платье простенькое, но какъ оно тебѣ къ лицу!—Ея милое личико озарилось счастливой улыбкой.—Не правда ли, твоя Глерли кое-чему научилась въ Цвейбрюкенѣ, у Ц'бинденовъ?—Надѣвая шляпку съ большими полями, красиво отдѣланную, она весело болтала:—Эта шляпа очень дорого стоила, но мнѣ хотѣлось принарядиться для тебя.—Серьезная и торжественная, полная тихой радости, шла она рядомъ со мной по шумнымъ и люднымъ улицамъ, мало интересуясь новой для нея жизнью большого города. Свѣжее личико глядѣло изъ-подъ шляпки весело и довѣрчиво, но все же эти два года оставили на немъ свой слѣдъ. Дуглора уже не казалась ребенкомъ, какъ въ то время, когда мы разстались съ ней; передо мною была молодая женщина, рано созрѣвшая, испытавшая горе; большіе, блестящіе глаза ея смотрѣли съ упованіемъ и страстной нѣжностью на обѣтованную землю ея любви. Взоръ ихъ молилъ: «разскажи!» Всѣмъ существомъ она напряженно ждала...—Развѣ тебѣ не надо сегодня итти на работу, Іостъ?—неожиданно спросила она. И, чѣмъ глуше улицы мы выбирали, тѣмъ серьезнѣе становилась наша бесѣда.

Въ тихомъ по утрамъ Зоологическомъ саду, шагая взадъ и впередъ по усыпаннымъ гравіемъ дорожкамъ, я разсказалъ моей невѣстѣ всю правду.—Домой мнѣ нельзя возвращаться. Ландамману и совѣту извѣстно о моей ссорѣ съ Бальмеромъ. Въ ихъ глазахъ онъ во всемъ правъ, а я во всемъ виноватъ. Они приказываютъ мнѣ вернуться,—а я, наперекоръ имъ, не вернусь. Я уже унизился однажды передъ Бальмеромъ и ничего не добился, и съ тѣхъ поръ поклялся больше не унижаться. О нѣтъ! Передъ гауенбургцами я не стану ползать на колѣняхъ. Да и что пользы. Все равно, разъ ужъ я возбудилъ недовѣріе къ себѣ, мнѣ житья не будетъ на родинѣ. Изъ Гауенбурга это пойдетъ по деревнямъ... Знаю я, какъ у насъ живется въ такихъ случаяхъ. Никто тебѣ отъ сердца руки не подастъ, никто не взглянетъ ласково; всѣ чуждаются, словно зачумленнаго. Нѣтъ, въ такой атмосферѣ я жить не могу.

— Іостъ, но что же такое случилось? Почему ты не можешь вернуться на родину съ гордо поднятой головой? Развѣ ты, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлалъ что-нибудь дурное?—Сквозь набѣгавшія слезы на меня пытливо глянули ея испуганные глаза. О, еслибъ я могъ ей во всемъ сознаться!.. Я разсказалъ ей о томъ, какое я сгоряча письмо написалъ ландамману.

Она поникла головкой.—О, какъ это печально! Какъ ужасно! Ты возсталъ противъ властей. Такъ поступаютъ только отпѣтые люди. Іостъ, умоляю тебя, помирись съ родиной. Нехорошо человѣку жить безъ родины...

Блѣдное, измученное личико, пугливая мольба въ слегка пѣвучемъ голосѣ—все это мучительно хватало за сердце; но сдѣланнаго измѣнить было нельзя. Всѣ мои старанья пропадали даромъ; чистая душа Дуглоры была чужда всякой казуистики. Она замолкла, ушла въ себя; за обѣдомъ не дотронулась до пи-

щи. Сидѣла молча, блѣдная, съ полными слезъ глазами, видимо, борясь съ собой. У меня самого съ каждой минутой становилось тяжелѣе и тяжелѣе на душѣ, и я обрадовался, какъ избавленію, когда она попросила меня свести ее на пристань, такъ какъ обѣщала притти проводить своихъ спутниковъ, уѣзжающихъ въ Америку.

— Дуглора,—нерѣшительно выговорилъ я,—я тоже подумаю объ Америкѣ. Почему бы намъ съ тобой не переселиться туда? За океаномъ мы нашли бы новую родину.

Вся кровь сбѣжала съ ея лица; глаза испуганно раскрылись.—Нѣтъ, Іостъ, это разбило бы мое сердце.—Дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу.

Я чувствовалъ себя совершенно растерянным и подавленнымъ навалившимся на меня бременемъ жизни. Молча дошли мы до пристани. Огромный переселенческій пароходъ уже разводилъ пары; на палубѣ его и около него суетились озабоченные, торопливые люди. Усталой, тяжелой поступью подошли и наши земляки.—Вотъ, семьдесятъ лѣтъ прожилъ въ горахъ, а теперь ѣду умирать гдѣ-то за моремъ,—скрипучимъ голосомъ жаловался Дуглорѣ старикъ-дѣдъ.—Лучше бы ель на меня свалилась и задавила меня. Все легче бы было. Не надо было бы и ѣхать, еслибъ мой сынъ больше думалъ о домѣ...—Вокругъ старика, словно вокругъ кряжистаго стараго дуба, какъ птички въ бурю, жались внучата; родители ихъ уныло складывали свои пожитки и передавали ихъ матросамъ.

Наконецъ-то, наконецъ, пробило пять! Густой дымъ повалилъ изъ трубы, окутавъ и набережную, и рейдъ, и залитыя солнцемъ крыши города; матросы, гремя цѣпями, убирали сходни; раздались прощальные выстрѣлы, и пароходъ величаво отдѣлился отъ пристани.

Это прощаніе совершенно обезсилило Дуглору.—Отведи меня въ мою гостиницу,—попросила она и тяжело оперлась на мою руку.—Бѣдные, бѣдные люди!.. шептала она отъ времени до времени на обратномъ пути, горько вздыхая.—Нѣтъ, Іостъ, объ Америкѣ нечего и думать—тамъ намъ съ тобою не жить.

Въ своей комнаткѣ, старомодной и чистенькой, Дуглора дала волю слезамъ. Она страстно обняла меня и зарыдала:—О, Іостъ, какой ужасъ! Какъ я страшно несчастна! Іостъ, не уходи отъ меня, останься со мной!—Все тѣло ея вздрагивало и тряслось, словно въ предсмертной агоніи; судорожно сжимая мои руки, она шептала:—Милый Іостъ, можетъ быть, мнѣ лучше вернуться домой, ни единой душѣ не сказавъ, гдѣ и зачѣмъ я была... Но нѣтъ, нѣтъ, я не могу оставить тебя! Я такъ огорчаю тебя, а тебѣ и безъ того трудно приходится... Но вѣдь ты мой, мой милый Іостъ?..—Это звучало совсѣмъ по-дѣтски.

Ея дрожащіе пальцы гладили меня по щекѣ; голосъ пѣвучей жалобой вливался мнѣ въ ухо. Самъ до глубины души потрясенный и несчастный, я привлекъ Дуглору къ себѣ на грудь и на ея робкія ласки отвѣчалъ горячими поцѣлуями. Безнадежная скорбь и вспыхнувшая страсть закружили насъ въ какомъ-

то вихрѣ; молодость взяла свое. Страданья и муки потонули въ жаркихъ объятіяхъ... И въ эту ночь любви не было у насъ ни раздумья, ни сомнѣній, ни просьбъ, ни отказовъ—лишь полное единеніе тѣлъ и душъ. И не было въ нашемъ сближеніи ни дерзанія, ни легкомыслія, а лишь неудержимая потребность полной близости юной четы, которая знаетъ, что она—одна въ цѣломъ свѣтѣ и нѣтъ у нея ничего, кромѣ своей любви и огня въ горячей юной крови.

— Іостъ, что мы надѣлали? Мнѣ стыдно передъ Богомъ и передъ людьми,—шептала Дуглора, вся исходя нѣжностью.—Но, гдѣ бы ты ни жилъ, я буду съ тобой; и, если ты умрешь, я умру съ тобою; и, если поѣдешь въ Америку, я поѣду съ тобой. Только бы не разставаться съ тобою! Ты—моя родина; я твоя вѣрная жена и не покину тебя до послѣдняго вздоха.

Сколько нѣжныхъ, сладостныхъ словъ сказано было, сколько высокихъ и святыхъ чувствъ изжито въ эту короткую лѣтнюю ночь!..

* * *

Далеко за полночь, разбитый и печальный, я бросилъ перо. Ни третьяго дня, ни вчера я не могъ писать. Что пользы бередить старыя раны? Не знаю, закончу ли я эту исповѣдь; не знаю, что я съ ней сдѣлаю, когда она будетъ закончена.

Если эти листки когда-нибудь попадутъ тебѣ въ руки, милый Гансъ Штюнци, умоляю тебя, не осуждай Дуглору, не бросай въ нее камнемъ, не говори, что она «пала». Постарайся понять. Она томилась жаждой, какъ Агарь въ пустынѣ—жаждой любви. И вдругъ, изъ сыпучихъ песковъ передъ нею брызнулъ источникъ. Какъ могла она не напиться? Не человѣческій, а божескій законъ давалъ ей на то право. Для жаждущихъ нѣтъ запретныхъ источниковъ. А Дуглора такъ жаждала счастья, такъ мало видѣла его въ своей жизни!

Я самъ не могу осудить себя за эту ночь. Когда, сраженная нежданнымъ ударомъ, моя невѣста, рыдая, лежала на моей груди, я могъ отдать ей только всего себя; меньшее было бы постыднымъ безсердечіемъ.

Впрочемъ, у Ганса Штюнци свои тяжелыя заботы. Вчера онъ телеграфировалъ мнѣ, что Мельхи пригласилъ гостить къ себѣ, и, повидимому, надолго, того самаго скототорговца, Бенингера, изъ Цвейбрюкена, который заглядывается на Готлобу, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ, Мельхи, все хвораетъ и не можетъ, какъ слѣдуетъ, самъ смотрѣть за хозяйствомъ—на самомъ же дѣлѣ, чтобы дать ему возможность по вечерамъ по своему, мужиковато ухаживать за Готлобой.

Боюсь, что моей дѣвочкѣ живется не легко. Старикъ, очевидно, хочетъ насильно выдать ее замужъ. Какъ бы онъ злорадствовалъ и торжествовалъ, если бы это ему удалось! Но нѣтъ, мой бѣдный Гансъ, не бойся: Готлоба не изъ тѣхъ, кто промѣняетъ счастье жизни на чечевичную похлебку. Она чутьемъ умѣетъ цѣнить и понимать людей—и я спокоенъ.

Неправда. Я не такъ спокоенъ, какъ мнѣ хотѣлось бы. О, какая тоска сидѣть здѣсь, зарытымъ въ снѣгу, лишеннымъ возможности дѣйствовать! Я рвусь, какъ левъ изъ клѣтки. Хоть бы скорѣй весна!.. Тише, тише, успокойся, мятежное сердце. Возьмись опять за перо—не то пропадешь здѣсь съ тоски и тревоги на этой снѣжной вершинѣ.

ГЛАВА XVII.

Яркое солнцѣ свѣтило надъ крышами. «Спи, Глерли, спи, любовь моя! Отдохни и отъ слезъ и отъ счастья...» Я поцѣловалъ мою милую; она сквозь сонъ улыбнулась мнѣ, не размыкая рѣсницъ, ощупью нашла мою руку и поцѣловала мнѣ пальцы. Это было благословеніе, напутствіе... Съ порога я оглянулся на нее. Да, бѣдное дитя, ты можешь улыбаться во снѣ. Я иду искать себѣ работы, намъ обоимъ—хлѣба, счастья, солнца, и радости жизни. Іостъ Вильди не такой ужъ негодный бездѣльникъ, какимъ воображаютъ его себѣ въ нашемъ кантонѣ. Каждая капля его крови принадлежитъ его любви и его долгу.

Городъ уже шумѣлъ, какъ муравейникъ; на улицахъ было дѣловито суетливо и людно. У всѣхъ, шнырявшихъ между этими высокими каменными клѣтками, была своя цѣль, свое мѣсто въ жизни, своя работа и свой кусокъ хлѣба. Этому огромному городу нужно такое множество рабочихъ рукъ—неужто-жъ я въ немъ не сыщу себѣ работы? На службѣ у Бальмера я пріобрѣлъ столько самыхъ разнообразныхъ знаній, что нимало не сомнѣвался въ успѣхѣ. Я выписалъ изъ газетъ всѣ публикаціи и адреса агентствъ, которыя оказываютъ помощь въ пріисканіи занятій—и началась охота за мѣстами.

Я бѣгалъ съ утра до вечера, съ Альтоны до Гогенфельде, обходя дома и фирмы, у которыхъ думалъ найти работу, и каждый разъ убѣждался, что первое впечатлѣніе было самое благопріятное. Но, какъ только начинались вопросы о томъ, гдѣ я служилъ раньше, участіе и доброе отношеніе быстро исчезали. «Очень жаль, но уволеннаго фирмой Бальмеръ, мы взять къ себѣ не можемъ. Еслибъ вы представили хотя бы рекомендацію отъ прежняго хозяина».—«Или Іость Вильди? Гдѣ я слыхалъ это имя? И очень недавно».—А внимательно читавшіе газеты и запомнившіе мое имя изъ отчетовъ о процессѣ, съ укоризной говорили: — какъ вы осмѣлились явиться къ намъ»? Неужели вы думаете, что у насъ прибѣжищѣ для опороченныхъ людей?»

Удрученный и разочарованный, вернулся я къ Дуглорѣ. Она кинулась мнѣ навстрѣчу. Сама она не выходила весь день, боясь заблудиться въ чужомъ городѣ. Она робѣла, едва смѣла поднять на меня глаза, но въ ея застѣнчивомъ взглядѣ свѣтилось такое ясное счастье. Понемножку она разговорилась. — Я сама себя не понимаю, Іостъ,—смѣялась она.—Съ чего это я вчера такъ испугалась и разогорчилась? Сегодня во мнѣ одно только чувство — радость, что я съ тобою, у тебя и что мы больше не разстанемся. Дастъ Богъ все будетъ хорошо.

Все ея отчаяніе миновало, уступивъ мѣсто блаженному покою и довѣрію. Мнѣ не хотѣлось разсказывать ей о своихъ неудачахъ.

На другое утро, я опять вышелъ на поиски работы, но уже не съ такой увѣренностью. Путь мой лежалъ черезъ многія улицы, гдѣ мы гуляли съ Бигъ. Что, если я встрѣчу ее?—Нѣтъ. нѣтъ, только не это.

Дуглора и Бигъ. Ихъ даже нельзя сопоставить. Это такіе же контрасты, какъ день и ночь. Дуглора—словно ясный день въ горахъ, когда высокія ели стоятъ недвижно, не шелестя вершинами, а въ долинахъ и на высотахъ распускаются скромные душистые цвѣты. Бигъ—словно ночь, въ таинственномъ лонѣ своемъ хранящая и солнца, и звѣзды,—ночь тѣмъ болѣе загадочная, чѣмъ богаче ея звѣздный уборъ. У Дуглоры душа—какъ прозрачный горный ручей, въ которомъ виденъ на днѣ каждый камушекъ; Бигъ—это море, гдѣ на каждомъ шагу тайна.

Но мысли эти скоро были вытѣснены дневными заботами. И этотъ день принесъ мнѣ одно разочарованіе. Находились только такія мѣста, которыя взять можно только съ отчаянія.

Я сбѣгалъ на товарную пристань и разыскалъ тамъ двухъ-трехъ знакомыхъ, съ которыми мнѣ случалось имѣть дѣло при погрузкѣ товаровъ Бальмера, въ томъ числѣ моего пріятеля Юнга Рунгхольта, который, оказывается, самъ завѣдывалъ теперь экспедиціей маленькой верфи. Въ нѣсколькихъ словахъ я выяснилъ ему мое положеніе и крайнюю необходимость для меня поскорѣе найти работу. Коренастый, приземистый морякъ съ широкимъ, загорѣлымъ лицомъ выслушалъ меня добродушно и сочувственно.—Да, да. Я, бывало, частенько завидовалъ вамъ, г. Вильди—какъ вамъ повезло. А вотъ, теперь оказывается—не очень-то повезло. И мѣста нѣтъ и невѣста пріѣхала. Понятное дѣло надо найти работу.—Онъ даже взволновался, насколько это доступно было его флегматической натурѣ, пошелъ въ свою контору и черезъ полчаса вернулся ко мнѣ съ предложеніемъ взять мѣсто помощника кочегара на грузовомъ каботажномъ пароходѣ. Ему, видимо, почти совѣстно было предлагать мнѣ такую черную работу, но моя гордость на время совершенно улетучилась; я искренно поблагодарилъ его за хлопоты и сказалъ, что мнѣ надо сперва обсудить это съ моей невѣстой.

— Приходите съ отвѣтомъ послѣ-завтра утромъ, да и невѣсту приведите, въ Оттензенъ, къ моему зятю, садовнику,—дружески пригласилъ меня Рунгхольтъ.—Кстати, тамъ, около нихъ, есть одна изба, предназначенная на сломъ. Вы бы могли снять ее за грошъ. Съ зятемъ и съ сестрой вы пріятели, а невѣстѣ вашей послѣ горъ все же въ зелени больше понравится, чѣмъ въ городѣ.

Это доброе, дружеское отношеніе ободрило меня, когда я, не безъ тревоги, разсказалъ Дуглорѣ о предложеніи взять мѣсто кочегара, она принялась обсуждать всѣ шансы за и противъ, такъ умно и дѣловито, что у меня сердце радовалось. — Мнѣ будетъ страшно скучно безъ тебя, когда ты будешь уѣзжать,—

шептала она,—но я такъ люблю тебя, что вынесу все.—Въ воскресенье утромъ мы вмѣстѣ побывали у обѣдни, настроившей Дуглору торжественно и ясно. Въ Гамбургѣ пѣли тѣ же церковныя пѣснопѣнія, что и въ нашихъ родныхъ горахъ, и теперь Гамбургъ казался ей ужъ не такимъ чужимъ. И въ садоводствѣ ей понравилось. Мы мирно провели вечеръ за кружкой пива, въ бесѣдѣ съ Рунгхольтомъ, садовникомъ и его женой.

— Правда, я только черезъ пятое въ десятое понимаю, что они говорятъ,—шептала она мнѣ, улыбаясь,—но лица и улыбки у нихъ такія добрыя, что я ужъ вижу: они хорошіе люди.—Разговоръ нашъ кончился тѣмъ, что мы съ Дуглорой поселились въ бывшей крестьянской избѣ, примыкавшей къ садоводству—зеленому островку среди новыхъ кирпичныхъ зданій. Я принялъ мѣсто кочегара на грузовомъ буксирномъ пароходѣ, а Дуглора взялась помогать въ работѣ садовнику съ женой.

Разумѣется, мѣсто кочегара, тяжелая работа среди нестерпимой жары, было лишь переходной ступенью къ лучшему. У меня, снова была подъ ногами твердая почва и честно заработанный кусокъ хлѣба для себя и Дуглоры. Что за бѣда, что у меня ломило руки и плечи отъ тяжелыхъ мѣшковъ съ углемъ, что я весь обливался горячимъ потомъ и отъ этого такъ исхудалъ, что съ меня валилось платье? Тяжкій трудъ смѣняли счастливые дни, когда пароходъ нашъ возвращался въ Гамбургъ, и мнѣ удавалось провести часокъ, другой, а то и цѣлый вечеръ съ моею милой. Ласковое прикосновеніе ея милой руки стирало съ чела слѣды заботъ; подъ ея болтовню я забывалъ объ усталости

— Я ужъ начинаю немного понимать по здѣшнему, разсказывала она.—И они, кажется, мною довольны и всегда ласковы со мной. Смотри, теперь и у насъ въ комнатахъ цвѣты. Ну, развѣ это не чудесная работа? А все-таки, Іостъ, какъ я страшно соскучилась по тебѣ, какъ обрадовалась твоему возвращенію! — Она застѣнчиво и нѣжно прижималась ко мнѣ, подставляя закрытые глаза подъ мои поцѣлуи.

— А по горамъ ты не тоскуешь, Глерли?—спрашивалъ я, гладя ея волосы.

— Немножко, все-таки, тоскую—тихонько призналась она, — съ этимъ ужъ ничего не подѣлаешь. Сначала я храбрилась, Іостъ, но дня черезъ три меня такая тоска взяла... Я написала Мельхи Хангштейнеру большое письмо. Вѣдь ты не сердишься на меня за это, мой любимый?

Это было мнѣ непріятно; и я немного насмѣшливо замѣтилъ:— Однако, въ твоемъ сердцѣ Мельхи все-таки отведенъ теплый уголокъ.

— Дуглора покраснѣла.—Разумѣется, я ничего не чувствую къ Мельхи, кромѣ большого уваженія за то, что онъ рѣшился поселиться въ Зельматѣ, и признательности за то, что онъ не хочетъ предоставить зайцамъ, сернамъ, лисицамъ, совамъ, орламъ тѣ мѣста, гдѣ прошли наше дѣтство и юность. Такъ утѣшительно думать, что по вечерамъ въ Зельматской долинѣ снова загорается хоть одинъ огонекъ.

— Пусть будетъ такъ, Дуглора. Собственно говоря, мы должны быть благодарны Мельхи еще и за то, что онъ такъ безкорыстно помогъ тебѣ собраться въ путь.

Дуглора просіяла. — Ну, конечно. И надо же кого-нибудь имѣть на родинѣ, кто бы отъ времени до времени сообщалъ намъ, что дѣлается въ родныхъ горахъ. Безъ всякой связи съ мѣстами, гдѣ прошла вся молодость, невозможно жить. Я, по крайней мѣрѣ, не могу. Издали родина кажется еще прекраснѣе. Ты знаешь, я такъ ясно помню всю Зельматскую долину — каждое деревцо, каждый кустикъ, и въ горахъ, и надъ Зелахомъ. Иной разъ работаешь въ саду — и вдругъ почудится вдали тихій звонъ колоколовъ нашей церкви, засыпанной обваломъ... Звонъ такъ и плыветъ по воздуху, и солнце будто свѣтитъ надъ деревней, и я вижу всѣхъ нашихъ дорогихъ усопшихъ...

Мнѣ даже жутко стало — такъ горѣли и сверкали темные глаза моей милой, когда она начинала говорить о родинѣ.

— Но вѣдь ты же не уйдешь отъ меня, Дуглерли?

— Господь съ тобою, Іостъ, — улыбалась она, стыдливо лаская меня.—Что ты такое говоришь? Вѣдь я же тебѣ сказала, что моя родина теперь—съ тобой. О, Іостъ, еслибъ намъ только скопить денегъ, чтобъ повѣнчаться. Я теперь только объ этомъ и мечтаю. Мнѣ такъ страшно стыдно...—Она не договорила и спрятала личико на моемъ плечѣ.

— Глупенькая, — ласково стыдилъ я ее, но она совсѣмъ застыдилась и смутилась. — Еслибъ хоть одинъ человѣкъ узналъ объ этомъ, я умерла бы отъ стыда.

— Дуглора, — молвилъ я, — завтра я уѣзжаю на пять дней. Будь умницей—потерпи немножко. Когда я вернусь, мы купимъ кольца и обручимся, какъ слѣдуетъ. Все-таки мы зарабатываемъ кое-что. Ужъ на кольца-то хватитъ.

— Да-да-да. О ты, мой милый, славный Іостъ! — Она, ликуя, кинулась мнѣ на шею.—О, какъ я буду беречь это кольцо и радоваться на него.

Я самъ любовно мечталъ о томъ вечерѣ, когда мы пойдемъ съ Глерли гулять и покупать обручальныя кольца — какой это будетъ славный отдыхъ отъ жары и пыли... Лишь изрѣдка меня смущало, что моя будущая жена не можетъ оторваться душой отъ родины. Быть можетъ, она тосковала еще сильнѣе, чѣмъ показывала; быть можетъ, она принадлежала къ тѣмъ женщинамъ, которыя, какъ моя мать, всѣми корнями сидятъ въ родной землѣ и не могутъ жить вдали отъ родины. Все время я сокрушался о Глерли и мечталъ, какъ я окружу ее любовью и комфортомъ, и съ каждой пристани, гдѣ останавливался пароходъ, спѣшилъ послать ей вѣсточку съ привѣтомъ.

И все же, меня не покидала мучительная тревога за Абигапль. Я обѣщалъ прислать ей карточку—и не могъ это исполнить. Каждая мысль о Бигъ казалась мнѣ преступленіемъ по отношенію къ Дуглорѣ.

Въ первый разъ мнѣ пришлось уѣхать такъ надолго, и я тѣмъ радостнѣй спѣшилъ домой, что Рунгхольтъ, встрѣтившій меня на пристани, сказалъ мнѣ, что онъ надѣется устроить меня на мѣсто писца въ конторѣ; оно черезъ мѣсяцъ освободится, такъ какъ человѣкъ, занимающій его теперь, долженъ итти въ солдаты. Я уже совсѣмъ истомился на своей тяжелой качегарской работѣ и такъ радовался отдыху и встрѣчѣ съ милой.

Но Дуглора вышла мнѣ навстрѣчу какая-то нерадостная, вялая, словно больная; голосъ у нея былъ испуганный и, какъ только мы остались одни, она разрыдалась.—О, Іостъ, какая мука! Какой ужасъ!—Ласки мои она безвольно принимала, не отвѣчая на нихъ.—Но что съ тобой, Дуглора? Что случилось? Почему ты такая разстроенная?—Долго она не хотѣла сказать, что огорчило ее. Наконецъ, пролепетала: — Письмо отъ Мельхи. — Можно мнѣ прочесть?—Она нерѣшительно вынула изъ кармана смятое письмо. Съ болью въ душѣ и съ возрастающимъ негодованіемъ я пробѣжалъ его глазами. Написанное неуклюжимъ почеркомъ и съ ошибками, оно гласило:

«Милая Дуглора, я думалъ, ты скоро вернешься домой. И очень удивляюсь, что ты не вернулась. И письму твоему удивляюсь. Здѣсь много говорятъ объ Іостѣ, но только дурное. Я ѣздилъ недавно по дѣламъ въ Гауенбургъ: надо было расплатиться окончательно за постройку дома да еще прикупить кой-что изъ посуды. И въ трактирѣ въ Цвейбрюкенѣ мнѣ сказывали, будто Іостъ сидитъ въ кутузкѣ за фальшивую игру въ кости».

— Подлые клеветники!—воскликнулъ я. Дуглора, плакавшая у стола, закрывъ лицо руками, простонала:—Другое, другое больнѣе.—Я сталъ читать дальше, и письмо ходуномъ ходило въ моихъ рукахъ. «Отъ Ландаммана я тоже слышалъ кое-что о Іостѣ. Онъ говоритъ, что за фальшивую игру Іостъ благополучно отдѣлался—только фонаремъ подъ глазомъ, а по суду его оправдали; но, помимо этого, онъ натворилъ еще хорошихъ дѣлъ, за которыя Бальмеръ и прогналъ его. Онъ, оказывается, леталъ на воздушномъ шарѣ, да еще и не одинъ, а съ любушкой. Ландамманъ говоритъ, что это, должно быть, послѣдняя дрянь. Про это и въ газетахъ было—онъ самъ читалъ въ газетѣ. Значитъ, Іостъ нашелъ себѣ другую; оттого я и дивлюсь твоему письму. Совѣтъ приказывалъ ему вернуться, но онъ, понятно, не вернулся, такъ какъ у него совѣсть нечиста. Если бъ онъ теперь вернулся, ему пришлось бы круто: наши власти шутить не любятъ. Оттого онъ и собирается съ тобой въ Америку. Думается мнѣ, все-таки, что не слѣдуетъ мнѣ никому говорить, что ты уѣхала къ нему; а то еще и о тебѣ невѣсть чего наплетутъ изъ-за твоего Іоста. Не показывай ему моего письма. Но тебѣ я про все написалъ, чтобъ ты одумалась и не вѣрила слѣпо всему, что онъ тебѣ плететъ. Ой, остерегись, Дуглора. Не погуби себя въ конецъ».

— Мельхи — негодяй! — гнѣвно воскликнулъ я.—Зачѣмъ ему понадобилось отравить нашу любовь!

Дуглора еще пуще разрыдалась. — О, Іостъ! Мельхи честный человѣкъ. Онъ не желалъ мнѣ зла. Но письмо ужасно, а то, что ты, дѣйствительно, одно время забылъ обо мнѣ для другой. Эта мысль жжетъ меня, какъ огонь. Іостъ, Іостъ, Іостъ! Не знаю, какъ я теперь буду жить. Я тебѣ скажу всю правду. Въ тотъ вечеръ, когда пришло это несчастное письмо, я такъ призывала тебя. Мнѣ казалось: вотъ-вотъ ты издалека крикнешь мнѣ: «Все это неправда про другую». И, когда мнѣ въ карманѣ попались твои ключи, я не выдержала и пошла наверхъ, въ твою комнату. Я думала: мнѣ легче станетъ, когда я прижмусь лицомъ хоть къ твоему платью. Но тамъ, за обложкой молитвенника, который я дала тебѣ въ Зельматѣ, я нашла карточку, на которой было написано: *„Абигаиль Даръ своему Іосту Вильди“*.—О, это жестоко, Іостъ. Это жестоко!

Рыданія заглушили ея слова. У меня у самого было на душѣ страшно тяжело.

Я ни слова не сказалъ ей объ Абигаиль и надѣялся, что хоть эта чаша минуетъ мое бѣдное любимое дитя.

Не успѣлъ я опомниться, какъ услыхалъ за дверью голосъ садовницы: «Г. Вильди здѣсь Юргъ, у своей невѣсты». Очевидно, ко мнѣ пришелъ Рунгхольтъ. Нельзя же было показать ему Дуглору всю въ слезахъ,—я повелъ его къ себѣ наверхъ.

— Да я и здѣсь могу сказать. Къ сожалѣнію, я принесъ вамъ непріятное извѣстіе — непріятное и для васъ, и для фрейлейнъ Имоберштегъ, такъ какъ оно лишаетъ васъ двухъ дней отдыха, на которые вы разсчитывали. Завтра, въ восемь часовъ, вы уже должны быть на службѣ, на кораблѣ, который отправляется въ Голландію. И на этотъ разъ поѣздка займетъ дней десять.

О нѣтъ! Въ такомъ состояніи оставить Дуглору невозможно. «Я не поѣду». Такова была моя первая мысль. Но Рунгхольтъ настаивалъ и уговаривалъ, добавляя, что онъ проситъ меня объ этомъ, какъ о личной ему услугѣ. — Наши служащіе, какъ нарочно, расхворались, или усланы въ другое мѣсто; мы поставлены въ очень затруднительное положеніе; выручите насъ.— Дуглора не меньше меня испугалась разлуки, но, тѣмъ не менѣе, настаивала на томъ, чтобы я согласился. — Нельзя намъ, Іостъ, отказывать Рунгхольту. Онъ такой хорошій, добрый, и такъ помогъ намъ.

Въ этотъ вечеръ мы все-таки сходили въ городъ и купили кольца, но счастья, о которомъ мы мечтали, не было и въ поминѣ. Я изводилъ себя самоукорами; Дуглора льнула ко мнѣ съ мучительной нѣжностью. — О, Іостъ! Какъ я, помнишь, говорила въ Цвейбрюкенѣ, такъ и вышло. Ты красивъ и нравишься женщинамъ, и у тебя у самого горячая кровь. Охъ, лучше, пожалуй, было бы мнѣ не пріѣзжать сюда; но, разъ ужъ я пріѣхала, я не могу вернуться. Вѣдь ты меня любишь больше, чѣмъ ту, другую? Не могу я разстаться съ тобой! Не правда ли, Іостъ, вѣдь, мы скоро уѣдемъ въ Америку?

Прижавшись другъ къ другу, мы бродили въ толпѣ, высыпавшей на улицу, пользуясь теплымъ, лѣтнимъ вечеромъ, и я

шепталъ Дуглорѣ слова любви и утѣшенія, вкладывая въ эти слова всю свою душу. И вдругъ — Абигаиль! Она, повидимому, еще до того, какъ я замѣтилъ ее, нѣкоторое время шла за нами и глядѣла на насъ, не сводя глазъ. Я никогда еще не видѣлъ ее такъ просто одѣтой — ее почти можно было принять за простолюдинку. Выраженіе лица ея было измученное и тревожное. Голубые глаза безъ словъ кричали мнѣ: «Портретъ, портретъ!» Ужасъ сковалъ мои члены. Я не выдержалъ и кивнулъ Бигъ, словно умоляя ее, чтобъ она, молча, прошла мимо.

Но въ это мгновеніе и Дуглора увидала ее, вся вздрогнула и испуганно прошептала:—Это она, Іостъ. Это она! Что ей нужно отъ насъ?

Но Бигъ уже исчезла. Я готовъ былъ проклясть ее за эту встрѣчу. Дуглора, окончательно разбитая, повисла на моей рукѣ и беззвучно прошептала: — Она любитъ тебя, безумно любитъ. Оттого она и смотрѣла на тебя, не сводя глазъ. Я страшно боюсь ея. — Она вся дрожала, какъ осиновый листикъ. Я едва довелъ ее домой, до садоводства. И весь вечеръ она просидѣла у окна, нагнувшись впередъ и сложивъ руки на колѣняхъ — совсѣмъ какъ тогда, въ Цвейбрюкенѣ, наканунѣ моего отъѣзда въ Гамбургъ.

— Она безумно любитъ тебя,—повторяла она снова и снова,— но я не могу уступить ей мѣста. Не могу, Іостъ.—Голосъ ея звучалъ надтреснуто, какъ разбитый колокольчикъ.—Какъ трудно сказать тебѣ это... Но, мнѣ кажется, что я скоро буду матерью. Нѣтъ, навѣрно, я еще не знаю; пока, это только предчувствіе. Мой Іостъ, не покидай меня!..—Она прошептала это почти беззвучно, спрятавъ головку у меня на груди; но это признаніе такъ взволновало насъ обоихъ, такъ всколыхнуло наши души, что мы снова слились въ одно цѣлое, забыли о Бигъ и на нѣсколько часовъ къ намъ вернулось безоблачное счастье.

Нестерпимо трудно мнѣ было на другое утро покинуть Дуглору и уѣхать отъ нея на цѣлыхъ десять дней. Послѣ клеветническаго письма Мельхи и этой встрѣчи съ Бигъ ей особенно нужна была моя близость, утѣшеніе и поддержка. Она видѣла, какъ мнѣ на этотъ разъ тяжка была разлука, и подъ освѣжающимъ утреннимъ дождикомъ, смѣнившимъ теплый вечеръ, она проводила меня до самой набережной, гдѣ стоялъ мой пароходъ. Мы утѣшали другъ друга напоминаніемъ, что теперь ужъ намъ недолго жить въ разлукѣ; когда я получу мѣсто писца, намъ не придется разставаться на цѣлыя недѣли. Она точно не могла рѣшиться выпустить мою руку; и самъ я медлилъ, пока машинистъ не окликнулъ меня, говоря, что давно пора приступить къ работѣ.

Поднимаясь по узенькой желѣзной лѣсенкѣ, ведущей въ помѣщеніе для котловъ, я обернулся еще разъ взглянуть на Дуглору, послать ей послѣдній прощальный привѣтъ. Въ своей дорожной шляпкѣ и сѣромъ дорожномъ плащѣ, она стояла на набережной, такая блѣдная, усталая. Послѣдняя улыбка, послѣдній взглядъ любви и ободренія,—и черный адъ поглотилъ меня.

Грязная работа среди нестерпимой жары, передъ огнедышащими, ненасытными пастями печей, съ двумя помощниками изъ отребьевъ человѣчества, развлекавшимися грубыми шутками и непристойной бранью, была мнѣ тягостнѣе, чѣмъ когда-либо; тоска по Дуглорѣ и тревога за нее съ каждымъ часомъ росли. Изъ Роттердама, мѣста первой нашей остановки, я послалъ ей ласковое, нѣжное письмо. И здѣсь же исполнилъ свое обѣщаніе, данное Бигъ Даръ—послалъ ей свою фотографію съ послѣднимъ прости. Даже и этихъ строкъ мнѣ не хотѣлось писать; я сдѣлалъ это только для того, чтобы сдержать слово и положить непостыдный конецъ нашей дружбѣ и краткой любви. И вздохнулъ свободнѣе, сдавъ письмо на почту.

Я понималъ, что Бигъ хотѣлось хоть разъ взглянуть на мою будущую жену; но теперь, Бога ради, пусть же и она пойметъ, что мимолетный сонъ любви разсѣялся, и не становится больше поперекъ дороги мнѣ и Дуглорѣ. Хоть она и страстно меня любитъ, она слишкомъ благородна, чтобы портить мои отношенія съ той, чьи права на мое сердце были болѣе давняго происхожденія и болѣе крѣпки. Но зачѣмъ же она осталась въ Гамбургѣ, зачѣмъ не ѣдетъ въ Мексику, какъ собиралась? Хоть бы она ужъ уѣхала, наконецъ! Она вошла въ мою жизнь, какъ сказка. Я готовъ былъ посвятить ей доброе и чистое воспоминаніе и молить Бога, чтобъ онъ послалъ ей красивую и радостную жизнь—но каждымъ фибромъ своей души я принадлежалъ теперь Дуглорѣ.

Въ Роттердамѣ, старинномъ живописномъ городѣ, меня ждала большая непріятность. Пароходу по телеграфу отданъ былъ приказъ зайти въ нѣсколько попутныхъ городовъ, гдѣ раньше не предполагалось остановокъ. Разумѣется, Дуглору извѣстятъ объ этомъ, Рунгхольтъ не преминетъ сдѣлать это,—но это опять новая проволочка, дней на десять, если не больше. Какъ только пароходъ приставалъ къ пристани, я бѣжалъ на почту, справиться, нѣтъ ли вѣсточки отъ моей милой.—Ничего. Ни признака жизни. Тревога совсѣмъ измучила меня; къ морской болѣзни, одолѣвшей меня, присоединилась лихорадка; я слегъ и на обратномъ пути не въ состояніи былъ исполнять свои обязанности кочегара; море и корабль представлялись мнѣ теперь какимъ-то страшнымъ кошмаромъ. Мнѣ казалось, я никогда ужъ больше не увижу Гамбурга и Дуглоры. Наконецъ, пароходъ нашъ вошелъ въ устье Эльбы; вдали виднѣлся низкій берегъ; еще два—три томительныхъ часа, и мы были въ Гамбургѣ.

Спускаясь по сходнямъ на берегъ, я шатался отъ слабости и лихорадки. На набережной мнѣ повстрѣчался Рунгхольтъ. Его голубые глаза оглядѣли меня сострадательно. Но я сразу накинулся на него съ разспросами:—Ну, какъ моя невѣста? Здорова она?

Съ какимъ-то страннымъ сожалѣніемъ онъ покачалъ огромной головой.

— Развѣ вы еще не знаете?—выговорилъ онъ, запинаясь. Я впился въ него напряженнымъ взглядомъ.—Развѣ у васъ не вышло ссоры съ фрейлейнъ Имоберштегъ въ тотъ вечеръ, какъ я

приходилъ звать васъ на новый рейсъ? Моя сестра убѣждена была, что вы разссорились.—Его спокойствіе возмутило меня.—Да говорите же, въ чемъ дѣло!—крикнулъ я.—Моя невѣста захворала?—Онъ уперся руками въ бока и кивнулъ головой.—Да, что-то въ этомъ родѣ. Затосковала. Пришлось свезти ее въ больницу. Такъ что она не живетъ ужъ больше у моей сестры и зятя.—Въ какую больницу?—допытывался я съ возрастающей тревогой.—Да ея и тамъ ужъ больше нѣтъ теперь... Погодите—этому ужъ девять дней...—Да что же? Умерла она, что ли?—Онъ покачалъ головой.—Нѣтъ. Когда моя сестра пошла навѣстить ее, оказалось, что она уѣхала на родину. Тоска по родинѣ. Въ этомъ была и вся ея болѣзнь. Не всѣ приживаются на чужбинѣ. За ней пріѣзжалъ какой-то родственникъ и увезъ ее—три дня тому назадъ.

Какъ истый сѣверянинъ, Рунгхольтъ хранилъ невозмутимое спокойствіе, но въ голосѣ его звучало глубокое сочувствіе. Я не въ силахъ былъ выговорить ни слова, и лишь тупо прислушивался къ звуку его голоса; слова его казались мнѣ совсѣмъ безсмысленными. Помню только холодный потъ на лбу и сильную руку Рунгхольта, поддерживавшую меня...

Въ себя я пришелъ уже въ больницѣ.

ГЛАВА XVIII.

Вѣтра нѣтъ, но снѣгъ идетъ, не переставая, огромными хлопьями. А тамъ внизу, въ Зельматѣ, бушуетъ буря въ сердцахъ. Гансъ Штюнци телеграфируетъ мнѣ: «Готлоба убѣжала отъ отца ко мнѣ въ школу и сейчасъ еще здѣсь. Онъ хотѣлъ насильно обручить ее съ Бенингеромъ. Вся въ слезахъ она пришла ко мнѣ и проситъ тебя, ради ея покойной матери, телеграфировать Хангштейнеру, отговорить его. Она говоритъ, что лучше убѣжитъ изъ дому и изъ Зельмата, но не пойдетъ замужъ за немилаго».

Что же мнѣ отвѣтить? Подумавъ, я, черезъ Ганса, послалъ Хангштейнеру такую телеграмму:

«Къ Рождеству мнѣ, одинокому отшельнику горъ, хотѣлось бы имѣть подарокъ—счастье двухъ дѣтей, которыя мнѣ дороги. Гони ты къ чорту своего скототорговца. Я самъ иду къ тебѣ сватомъ и прошу у тебя руки Готлобы для моего юнаго друга, Ганса Штюнци. Если ты согласишься, я обезпечу его настолько, что ему наплевать будетъ на ваше паршивое учительское мѣсто. Пусть годика два поживетъ безъ всякихъ обязательствъ и поучится, а затѣмъ пусть пристроится къ какому-нибудь крупному инженерному предпріятію. Денегъ у него на это хватитъ; и приданое Готлобы я также беру на себя. Справься въ банкѣ въ Санктъ-Якобѣ, гдѣ хранятся мои капиталы; тамъ тебѣ подтвердятъ, что денегъ у меня достаточно, чтобы осуществить мои обѣщанія. Я выполню ихъ, какъ только стаетъ снѣгъ и возстановится почтовое сообщеніе съ Фейерштейномъ. Пока, прошу твоего отвѣта и согласія».

Какъ горяча была признательность бѣдныхъ дѣтей! Какъ они ликовали! О, я знаю, они сумѣютъ сломить сопротивленіе стараго упрямца.

Но мнѣ не нужно благодарности. Я дѣлаю это въ память Дуглоры, которой я мечталъ усыпать розами жизненный путь— и надѣлъ ей на голову мученическій вѣнецъ. Богу извѣстно, сколько самъ я выстрадалъ изъ-за этого. Если мнѣ теперь удастся сгладить путь двумъ любящимъ сердцамъ—о, я желалъ бы, чтобъ была вѣчная жизнь тамъ, надъ звѣздами, и чтобъ Дуглора могла порадоваться на счастье нашего ребенка!

Нашего ребенка. Въ своей исповѣди я еще не дошелъ до этого. Но это вырвалось у меня подъ наплывомъ боли воспоминаній о томъ, какъ измученная дѣвушка, съ растерзанной душой, убѣдившись въ неисправимой дрянности своего Іоста, нося подъ сердцемъ залогъ любви, уѣхала изъ Гамбурга. Бѣдная, бѣдная!

. . . . . .

Ну, вотъ извольте радоваться! Сообщеніе прервано—какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ я съ напряженной тревогой ждалъ отвѣтной депеши отъ Хапгштейнера. Я отрѣзанъ отъ Зельмата и отъ міра.

Сегодня зимній солнцеповоротъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, одинъ изъ самыхъ унылыхъ дней, какіе я когда-либо переживалъ на Фейерштейнѣ. Съ самаго утра я напрасно пытаюсь вызвать искорку на аппаратѣ, напрасно дрожащими пальцами стучу по клавишамъ. Словно умершую любовь пытаешься воскресить и стучишься въ сердце безъ отвѣта, и безотрадно повторяешь самому себѣ: «Мертво, мертво». Я готовъ заплакать съ досады. И цѣлый часъ я обдумывалъ громовое письмо, которое я пошлю господамъ метеорологамъ, съ бюрократической тупостью упорно отказывающимъ мнѣ въ проведеніи подземнаго кабеля... Но кто же доставитъ это письмо по назначенію?.. Ну, погодите же. Только бы дождаться весны. Весной я ставлю ультиматумъ: либо давайте кабель, либо я бросаю мѣсто. Теперь ужъ выяснено, что проволока обрывается какъ разъ тамъ, гдѣ не ожидаешь, и обезпечить отъ неожиданностей можетъ только подземный телеграфный кабель. Въ третій разъ уже я переживаю эту отрѣзанность отъ міра, но такъ рано никогда еще не прерывалось сообщеніе. Захотѣлось одиночества—такъ вотъ, получай. Грызи себя, сколько хочешь.

Вчерашняя тишина въ воздухѣ смѣнилась страшной бурей. Снѣгъ залѣпилъ окна, темнитъ комнату... сквозь замерзшія стекла ничего не видно. Я нѣсколько часовъ подрядъ возился, очищая мои инструменты отъ снѣжной пыли, которую нанесло черезъ окошко. Напрасный трудъ; завтра придется дѣлать то же самое. Буря такъ завываетъ, словно цѣлая рать адскихъ силъ носится вокругъ моей хижины. Крики, вопли, стоны. Словно кто-то грозный и страшный стучится въ окна и въ дверь и требуетъ, чтобъ его впустили. Я знаю, кто это. Это смерть. Сидя у огня, который я жгу съ утра до ночи, я философствую и съ

болью въ сердцѣ думаю объ одинокой смерти, которая ждетъ меня. Думаю и о бѣдномъ послѣднемъ человѣкѣ, который когда-нибудь будетъ ходить по остывшей, погасшей землѣ... можетъ быть, въ такую же мятель... падать, подниматься и снова падать— до послѣдняго вздоха... И тогда всему конецъ. Надеждамъ, ожиданіямъ, горю и радости, славѣ и стыду человѣчества. Къ чему же тогда все?...

Я, заживо погребенный метеорологъ горной обсерваторіи, все же счастливѣй послѣдняго человѣка. Я могу отогрѣть свою душу хоть возлѣ звѣриной души. Когда я сегодня печально сидѣлъ надъ мертвымъ аппаратомъ, ко мнѣ подошелъ мой шпицъ Снѣжокъ, виляя хвостомъ, положилъ голову мнѣ на колѣни и посмотрѣлъ на меня своими умными глазами, словно говоря: «Я знаю, господинъ, что тебѣ плохо. И меня такъ огорчаетъ, что ты тоскуешь». А галка, Пюкъ, несмотря на свое сломанное крыло, вскарабкалась на мое плечо и, ласкаясь, терлась головкой объ мою щеку. Я тихонько свиснулъ, и мышенокъ Ми прыгнулъ ко мнѣ на ладонь и сталъ грызть орѣхъ. Разговаривая съ моимъ трилистникомъ, я понималъ того узника, который убилъ своего тюремщика, когда тотъ раздавилъ прирученнаго имъ паука.

Какъ-то рѣшитъ Хангштейнеръ? Послѣднія вѣсти отъ Ганса были такія. Старикъ не ожидалъ моего сватовства и страшно обозлился на меня. Гансу онъ велѣлъ убираться къ чорту, объявивъ, что отвѣта не будетъ. Напрасно Готлоба на колѣняхъ молила его со слезами лучше отпустить ее въ Санктъ-Якобъ, въ услуженіе—онъ и слышать не хочетъ...

Это была послѣдняя вѣсточка отъ Ганса Штюнци. Когда жя я узнаю дальнѣйшее? Боюсь, что моему юному герою не удастсэ и на новый годъ добраться до меня. Слишкомъ снѣжная эта зима. А Хангштейнеръ радуется перерыву сообщеній—это ослабляетъ его суевѣрный страхъ передо мной; онъ, навѣрное, говоритъ себѣ, что, разъ я не подаю признаковъ жизни, значитъ, я не могу налетѣть на него орломъ со своего горнаго гнѣзда.

Если я узнаю весной, что онъ злоупотребилъ своимъ отцовскимъ правомъ и насильно выдалъ замужъ Готлобу, я не знаю, что я сдѣлаю. Нѣтъ, на это онъ не рѣшится, несмотря на всю свою ненависть ко мнѣ. Онъ изъ тѣхъ людей, для которыхъ дороже всего на свѣтѣ деньги. И потому онъ не можетъ не питать ко мнѣ почтенія. Притомъ онъ живетъ все время въ тайномъ страхѣ, что я нарушу обѣщаніе, данное Дуглорѣ, и обнаружу передъ всѣми подлогъ, который онъ учинилъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Его узурпаторскія права должны отступить на задній планъ передъ моимъ естественнымъ правомъ. *Должны.*

Я замечтался, положивъ перо, и мнѣ представилось: Готлоба съ Гансомъ, рука объ руку, идутъ по усѣянному цвѣтами лугу, въ ясный майскій день. И вдругъ, буря завыла бѣшенѣе прежняго. Стѣны обсерваторіи дрожали и тряслись, словно вотъ-вотъ ее снесетъ, какъ карточный домикъ. И въ завываньяхъ бури мнѣ явственно слышался женскій плачъ и жалобный голосъ: «Іостъ,

пусти меня, только на четверть часа. Мнѣ холодно, Іостъ».— Абигаиль?—Я былъ такъ возбужденъ, что мнѣ мерещилось: это она стоитъ, босая, едва одѣтая, съ распущенными волосами, и молитъ впустить ее. Дрожа всѣмъ тѣломъ, я распахнулъ дверь.— Никого. Только темень и буря... А я все-таки не могу отдѣлаться отъ мысли, что она, плача, прошла мимо моей хижины.

Милая Абигаиль, войди и сядь у моего огня. Я не хочу вспоминать о томъ, что лучшій алмазъ изъ вѣнца твоей любви уже выпалъ, когда ты подошла къ ложу покинутаго и больного и сказала ему: «Я люблю тебя—живи». Буду думать только о томъ, какъ ты выходила меня, какъ милосердная самаритянка.

Послѣ необъяснимаго бѣгства Дуглоры я, впервые въ жизни, тяжко заболѣлъ. Въ мозгу моемъ словно кипѣла расплавленная сѣра, и я непомню многаго, что со мной въ это время было; но одинъ моментъ помню ясно.

Мнѣ снился страшный сонъ. Снилось, будто я блуждаю по роднымъ горамъ, въ родныхъ долинахъ; но всѣ, кто бы ни встрѣтился со мной, кричатъ мнѣ: «Это Іостъ Вильди, убійца Дуглоры Имоберштегъ». Изъ долины я, задыхаясь, съ неимовѣрными усиліями карабкаюсь на Фейерштейнъ; но на вершинѣ его стоятъ люди и кричатъ мнѣ: «Прочь, прочь! Ступай въ Гауенбургъ. Тамъ тебя повѣсятъ передъ ратушей. У тебя на совѣсти Дуглора Имоберштегъ». И всюду, куда бы я ни шелъ, я встрѣчалъ зельматцевъ, которые кричали мнѣ: «Убійца»! и гнали меня въ Гауенбургъ. А я хотѣлъ бѣжать отъ казни и противъ воли подходилъ все ближе, ближе...

Въ этотъ страшный кошмаръ ворвался мужской, мягкій голосъ: «Увѣряю же васъ, фрейлейнъ, что паціентъ нашъ выздоравливаетъ. Я разрѣшу вамъ посидѣть возлѣ него, но разговаривать съ нимъ нельзя». Тутъ у меня впервые мелькнула сознательная мысль, что я лежу больной и что это, должно быть, голосъ доктора. Я хотѣлъ открыть глаза—и не могъ; но все же слышалъ, какъ докторъ ушелъ изъ комнаты, и мягкая, прохладная женская рука коснулась моего горячаго лба, и чьи-то слезы—не мои—падали на мои разгоряченныя щеки. Спасительная мысль: «Дуглора жива. Она со мною». Радость дала мнѣ силу разомкнуть тяжелыя вѣки.

Увы! возлѣ меня была Бигъ, а не Дуглора. Я разочарованно вновь закрылъ глаза и почувствовалъ на губахъ своихъ нѣжный поцѣлуй. Но такъ какъ поцѣлуй этотъ исходилъ не отъ Дуглоры, я остался равнодушнымъ. Мнѣ хотѣлось сообразить: откуда же взялась Бигъ? Но мозгъ мой слишкомъ слабъ, чтобы соображать. Я снова задремалъ и проспалъ, должно быть, до слѣдующаго дня, такъ какъ, пробудившись, самъ уже почувствовалъ, что болѣзнь уступаетъ мѣсто выздоровленію. Слабость и усталость все же были такъ велики, что, полежавъ минутку съ открытыми

глазами, я скоро опять захотѣлъ спать. У моей постели сидѣла Бигъ; но это была уже не веселая свѣтская дѣвушка, а серьезная, скорбная женщина съ незнакомымъ мнѣ скорбнымъ лицомъ, съ темными кругами подъ глазами—слѣдами горя, заботы и безсонныхъ ночей.—Какъ ты нашла меня? Откуда ты узнала, что я боленъ?- спросилъ я, но въ голосѣ моемъ не было радости.

Кровь прилила къ ея блѣднымъ щекамъ.—Прости мнѣ, Іостъ,—прошептала она,—я не могла дольше вынести неизвѣстности, разузнала, гдѣ ты поселился, побывала въ садоводствѣ, и мнѣ сказали, что ты, бѣдненькій, принужденъ былъ взять мѣсто кочегара, что невѣста твоя стосковалась по роднымъ горамъ и уѣхала домой, а ты лежишь больной въ госпиталѣ. Я пошла навѣстить тебя, нашла тебя въ отвратительной общей палатѣ и попросила перевести тебя сюда, такъ какъ одному лучше лежать и уходъ здѣсь лучше. Ты былъ очень серьезно боленъ, Іостъ; въ теченіе нѣсколькихъ дней врачи боялись за твою жизнь. Но какъ ты мраченъ! какъ угрюмъ и печаленъ твой взглядъ!

— Зачѣмъ они не дали мнѣ умереть?—вырвалось у меня со стономъ.

— Тебѣ непріятно, что я здѣсь, съ тобой?—грустно спросила Бигъ. Я не отвѣтилъ. Она растерялась, огорчилась, хотѣла уйти—и не ушла. Тѣмъ временемъ глаза мои снова закрылись; сквозь сонъ я чувствовалъ ея слезы на своихъ щекахъ и робкіе поцѣлуи на рукѣ и на лбу. Затѣмъ она ушла.

Бигъ въ эти минуты была для меня совершенно безразлична Какъ только я приходилъ въ сознаніе, мысли мои стремились къ Дуглорѣ. Мнѣ было непонятно ея бѣгство. Я скорѣе понялъ бы, еслибъ Дуглора, рѣшивъ, что она ошиблась во мнѣ, утопилась бы въ Эльбѣ, чѣмъ то, что она вернулась въ Зельматъ. Дѣвушка, почувствовавшая себя матерью, не уходитъ отъ отца своего будущаго ребенка, не несетъ свой позоръ съ чужбины на родину. Дуглора не хуже меня знаетъ, какъ сурово и жестоко относятся наши крестьяне къ дѣвушкѣ, которая прижеветъ ребенка до замужества. Нѣтъ, такъ безразсудно она поступить не могла. Ея бѣгство, при данныхъ обстоятельствахъ, имѣло въ себѣ что-то невѣроятное, необъяснимое. Правда ли, что она уѣхала домой! Тогда, значитъ, она убѣдилась, что предчувствіе материнства обмануло ее? Кто можетъ сказать! И какой же это родственникъ пріѣзжалъ за нею? Мельхи? Я терзался, проклиналъ судьбу, зачѣмъ она вырвала меня изъ когтей смерти, и выздоровленіе мое подвигалось очень туго.

Въ одно изъ воскресеній меня навѣстили Рунгхольтъ со своей сестрой, садовницей. Они застали у меня Бигъ и немало дивились, что за мною ухаживаетъ такая «аристократка». Когда она ушла, я вкратцѣ разсказалъ моимъ друзьямъ, кто она и какъ мы съ нею подружились. «Эге, вотъ оно, значитъ, въ чемъ дѣло», замѣтилъ Рунгхольтъ, съ лукавствомъ, котораго я не предполагалъ въ немъ. «Двѣ медвѣдицы въ одной берлогѣ не уживутся. Значитъ, оттого и уѣхала фрейлейнъ Имоберштегъ: изъ-за фрейлейнъ

Даръ». Садовница заспорила, доказывая, что имъ и встрѣтиться-то было негдѣ, такъ какъ Дуглора выходила только въ церковь по воскресеньямъ, а въ прочіе дни безвыходно сидѣла дома; писемъ, кромѣ моихъ, она не получала; фрейлейнъ Даръ впервые пришла купить цвѣтовъ, когда я уже лежалъ въ госпиталѣ. Слѣдовательно, предположеніе Рунгхольта совершенно неосновательно. Тутъ я впервые узналъ подробности объ отъѣздѣ Дуглоры. Въ первую субботу послѣ моего отъѣзда она получила первое мое письмо и очень обрадовалась ему; въ воскресенье пошла къ обѣднѣ и вернулась, вся дрожа отъ озноба, хотя день былъ жаркій. Садовница позвала доктора. На другой день докторъ велѣлъ перевезти Дуглору въ больницу. Она уже тогда говорила, что хочетъ ѣхать домой и потомъ, когда ей полегчаетъ, напишетъ мнѣ и объяснитъ причины. На недѣлѣ у садовницы не нашлось свободнаго времени, чтобъ навѣстить свою жиличку; а въ слѣдующую субботу къ нимъ пріѣхалъ какой-то незнакомый, который отрекомендовался родственникомъ Дуглоры и сказалъ, что онъ пріѣхалъ за ея вещами.

— По-нѣмецки онъ говорилъ такъ странно и почти такъ же непонятно, какъ и сама фрейлейнъ Имоберштегъ; и самъ былъ такой грубоватый, неуклюжій—сейчасъ видно, что крестьянинъ,— разсказывала садовница.

— А лицо въ веснушкахъ?—освѣдомился я.—Все въ веснушкахъ; брови бѣлесыя, а волосы, какъ ленъ.—Какъ ни казалось мнѣ это страннымъ, теперь я ужъ не могъ сомнѣваться, что Дуглору увезъ Мельхи Хангштейнеръ. Садовница предупредила незнакомца, что въ воскресенье хочетъ навѣстить Дуглору, но тотъ, должно быть, ея не понялъ, и когда она на слѣдующій день пошла въ больницу, Дуглоры она уже не застала: она уѣхала съ незнакомцемъ.

Но почему же, за что Дуглора такъ обидѣла меня? Я просилъ Рунгхольта написать ей, что я лежу больной и умоляю ее, ради самого Господа, объяснить мнѣ, почему она такъ поступила. Нѣсколько дней спустя, когда мнѣ самому разрѣшили писать, я написалъ старику пастору въ Цвейбрюкенъ, прося увѣдомить меня, гдѣ находится подруга моего дѣтства и какъ ей живется. О томъ, что она была въ Гамбургѣ, я не упомянулъ.

Бигъ приходила ко мнѣ каждый день, клала на одѣяло зеленую вѣтку и ставила свѣжія розы въ вазочку на окнѣ. Что было бы со мной, одинокимъ, всѣми покинутымъ, на чужбинѣ, безъ ея любви и заботы! Ей я былъ обязанъ тѣмъ, что не лежу въ общей палатѣ, пользуюсь исключительно заботливымъ уходомъ врача и сидѣлки. Быть можетъ, ей я обязанъ и жизнью. Но я не чувствовалъ къ ней благодарности—скорѣй сердился на нее за то, что выздоравливаю и принужденъ начать жизнь сначала. Я замыкался въ упорномъ и мрачномъ молчаніи, считая себя неудачникомъ, котораго навсегда покинуло счастье; необъяснимое бѣгство Дуглоры было явнымъ подтвержденіемъ этого.

Но въ глубинѣ души мнѣ было жалко Бигъ. Она была слишкомъ горда, чтобы вымаливать у меня благодарность или нѣжныя слова; но я зналъ что она страдаетъ, возмущается моимъ отношеніемъ къ ней, готова уйти и не уходитъ лишь потому, что сердце ей не позволяетъ. Насъ раздѣляла пропасть, и я не умѣлъ перекинуть черезъ нее мостикъ. Наоборотъ, иной разъ мной овладѣвало злое желаніе—теперь, когда Дуглора покинула меня, порвать и съ Бигъ. Но постепенно упорство мое смягчалось. Я позволялъ ей сидѣть возлѣ меня и съ удовольствіемъ слѣдилъ за ея высокой, гибкой, какъ тростинка, фигурой, изящной и красивой. Я невольно любовался умнымъ и гордымъ, теперь поблѣднѣвшимъ лицомъ, смѣлымъ очеркомъ лба и носа, роскошными свѣтло-каштановыми волосами, мягко завивавшимися на вискахъ и ниспадавшими тяжелымъ узломъ на затылокъ, какъ любуются хорошо написанной картиной. Настоящей сердечной симпатіи къ ней я не чувствовалъ, и глухіе проблески ея негодованія, дрожь униженія, пробѣгавшая по ея лицу, когда я на милый, дружескій вопросъ угрюмо ворчалъ что-то невнятное, мало меня трогали. Я, пожалуй, даже не взволновался бы, еслибъ Бигъ въ одинъ прекрасный день перестала ходить ко мнѣ: она была для меня, какъ небесная лазурь и зелень деревьевъ. Когда мнѣ разрѣшили ежедневно на часокъ вставать, и я впервые подошелъ къ окну, небо и деревья показались мнѣ безцвѣтными: у меня почти не было желанія выйти на воздухъ.

— Хочешь, я почитаю тебѣ, Іостъ?—почти съ отчаяніемъ спросила меня однажды Бигъ.

Она стала читать, и «Ночная пѣснь странника» нашла откликъ въ моей душѣ:

Точно кто-то коснулся меня волшебнымъ жезломъ. Я попросилъ Бигъ прочесть еще что-нибудь. Лицо ея просвѣтлѣло. Она читала мнѣ вслухъ почти цѣлый часъ и на другой день опять. И съ тѣхъ поръ ужъ каждое утро приходила съ книгой. И имена поэтовъ, и произведенія ихъ были для меня новы. Цѣлый невѣдомый міръ красивыхъ звуковъ и красивыхъ мыслей раскрылся предо мною. Тонкое чутье помогало Бигъ выбирать для меня именно такія книги, отъ которыхъ мнѣ становилось легче на душѣ. Читала она превосходно, какъ будто изливая собственныя чувства. Голубые глаза и поблѣднѣвшее личико преображались, загораясь огнемъ вдохновенія; гибкій голосъ умѣлъ найти соотвѣтствующій оттѣнокъ для каждаго оттѣнка мысли. Я слушалъ задумчиво—и въ сердцѣ, которое казалось мнѣ окаменѣвшимъ, просыпалась и расцвѣтала весна.

Съ тихой радостью Бигъ застѣнчиво шептала:—Какъ я рада, что я могу хоть что-нибудь сдѣлать для тебя, Іостъ!

И я съ благодарной улыбкой, протянулъ ей руку.

Какъ разъ въ это время, когда я началъ уже оживать, съ родины пришли два письма. Цвейбрюкенскій пасторъ, не спѣшившій съ отвѣтомъ, сообщалъ, что «Дуглора Имоберштегъ живетъ въ Цвейбрюкенѣ и недавно обручилась съ Мельхіоромъ

Хангштейнеромъ изъ Зельмата; вчера женихъ съ невѣстой были у меня и просили поскорѣй обвѣнчать ихъ. По всей вѣроятности, Дуглора Имоберштегъ сама отвѣтила бы вамъ на вашъ запросъ, но Мельхіоръ Хангштейнеръ рѣшительно былъ противъ этого. Къ великому и сердечному моему огорченію, вы своимъ легкомысленнымъ поведеніемъ, слухи о которомъ дошли и сюда, оттолкнули отъ себя всѣхъ на родинѣ, даже своихъ товарищей дѣтства. Шлю вамъ поклонъ и пожеланіе, чтобы Господь, пославшій вамъ болѣзнь во искупленіе, послалъ вамъ и силы для новой, лучшей жизни».—Другое письмо было отъ Мельхи.—«Такъ какъ пасторъ упрашивалъ меня отвѣтить тебѣ, я дѣлаю это, хотя мы съ Дуглорой рѣшили впредь не отвѣчать на твои письма—самъ ли ты ихъ будешь писать, или поручать это другимъ. Дуглора, которая умерла бы въ Гамбургѣ изъ-за твоего гнуснаго отношенія къ ней, еслибъ я, не пожалѣвъ расходовъ, не привезъ ее сюда, отнынѣ не имѣетъ съ тобой ничего общаго. Если ты вздумаешь еще писать, письма твои мы будемъ сжигать нераспечатанными. Ясно тебѣ сказано: оставь насъ въ покоѣ. У тебя вѣдь есть другая. Смотри, чтобъ у тебя хватило денегъ содержать дѣтей этой другой». Письмо заканчивалось грубой бранью.

«Дѣтей этой другой». Меня поразила эта фраза, но я не умѣлъ найти въ ней смыслъ. Мельхи написалъ ее, должно быть, просто для того, чтобы побольнѣе уязвить меня. Я долго горько плакалъ, уткнувшись въ подушку, переживая мысленно всю исторію моей любви къ Дуглорѣ—наше радостное, невинное дѣтство, и первыя вспышки болѣе пылкаго чувства, и всю нашу борьбу ради того, чтобы соединиться, и все до того момента, какъ она проводила меня на пристань. Я мучился и терзался, силясь понять и осмыслить—и не могъ понять. Никогда Дуглора не заговаривала со мной о разлукѣ; всегда рѣчь шла лишь о совмѣстной жизни.И вдругъ—это почти предательское бѣгство дѣвушки, насквозь пропитанной вѣрностью, эта неожиданная помолвка съ Мельхи... Я ломалъ себѣ голову и ничего не могъ понять.

Но человѣческой природѣ свойственно силою воображенія перебрасывать мостики даже туда, куда, казалось бы, немыслимо попасть, и придумывать объясненія даже необъяснимому. Мнѣ казалось, что я начинаю понимать Дуглору. Она ошиблась въ своихъ предположеніяхъ относительно своего материнства и, убѣдившись, что ошиблась, убоялась Америки и туманнаго, неопредѣленнаго будущаго. Вѣдь въ глубинѣ души ей ненавистна была мысль о переселеніи; она всѣми корнями своей души была связана съ родиной. Она согласилась ѣхать со мною только изъ любви ко мнѣ. Но любовь ея была подорвана открытіемъ, что въ Гамбургѣ я все же былъ до извѣстной степени невѣренъ ей. Я уѣхалъ надолго; она затосковала, растерялась, излила свое настроеніе въ письмѣ къ Хангштейнеру, которому она вѣрила и котораго почти любила за то, что онъ первый сталъ насаждать новую жизнь на мѣстахъ, дорогихъ ей по воспоминаніямъ дѣт-

ства. И подъ впечатлѣніемъ этого письма, въ груди человѣка, который безнадежно любилъ Дуглору и терзался ревностью къ ненавистному Іосту Вильди, всколыхнулась жалость, проснулось мужество, мало ему свойственное. Онъ сдѣлалъ то, чего врядъ ли кто могъ бы отъ него ожидать—раскошелился, поѣхалъ въ Гамбургъ и предсталъ передъ больной Дуглорой, въ качествѣ героя, жертвующаго всѣмъ, чтобы освободить несчастную изъ рукъ дрянного человѣка, на котораго невозможно положиться. Въ борьбѣ, которая произошла въ душѣ Дуглоры, побѣдилъ тотъ, кто могъ предложить ей семейный очагъ на родинѣ, и остался побѣжденнымъ легкомысленный мальчишка, для котораго не была святою даже его первая любовь.

Я жестоко упрекалъ себя за то, что не сумѣлъ сберечь моего чистаго, благоуханнаго горнаго цвѣтка и, по собственной винѣ и волѣ злой судьбы, принужденъ былъ уступить его тому самому Мельхи Хангштейнеру, котораго я всегда считалъ далеко ниже себя. И это было больно, больно. Но въ самомъ самоуниженіи я не винилъ Дуглору, не винилъ даже Хангштейнера. Я желалъ звѣздочкѣ моей юности только одного—чтобъ она и дальше продолжала свѣтиться чистымъ, нѣжнымъ свѣтомъ, чтобы въ родной долинѣ зажили сердечныя раны, нанесенныя ей далекимъ, чуждымъ городомъ, и, благоговѣйно прощался съ Дуглорой, прощаясь вмѣстѣ съ тѣмъ и съ родиной, которую, казалось мнѣ, я никогда больше не увижу.

Быть можетъ, Бигъ, изъ ревности, какъ-нибудь обидѣла Дуглору? Вопросъ этотъ, впервые поставленный простодушнымъ Рунгхольтомъ, несмотря на возраженія его сестры, продолжалъ терзать меня, мѣшалъ мнѣ по настоящему полюбить Абигаиль; но у меня не хватало духу заговорить съ ней откровенно о своемъ смутномъ подозрѣніи. Она была такъ самоотверженно добра ко мнѣ, что я не рѣшался оскорбить ее вопросомъ, въ которомъ, въ какую бы осторожную форму я ни облекъ его, все же звучало бы недовѣріе къ ней.

Наконецъ, докторъ разрѣшилъ мнѣ выписаться изъ больницы.

Какъ же быть теперь, когда я, хоть и противъ воли, все-таки остался жить и принужденъ опять бороться съ жизнью? Съ чего начать?

Бигъ полулежала въ креслѣ, уронивъ на колѣни книгу, которую она мнѣ передъ тѣмъ читала вслухъ; въ лицѣ ея была гордость, печаль, безнадежность; тонкіе пальчики, нервно барабанившіе по ручкѣ кресла, выдавали ея волненіе. Голубые глаза смотрѣли на меня, настойчиво требуя отвѣта. И послѣ долгой паузы, я заговорилъ:—Милая Бигъ! Бываютъ еще чудеса на свѣтѣ. Такое чудо доброты свершилось надо мною. Чудо твоего милосердія. Ты, избалованная, свѣтская дѣвушка, покинула тотъ кругъ, гдѣ ты жила, чтобы ухаживать за мной, бездомнымъ бѣднякомъ, почти загубленнымъ, всѣми покинутымъ. Какъ мнѣ благодарить тебя?

Прекрасное лицо ея зардѣлось краской жаркаго ожиданія. Въ голубыхъ глазахъ свѣтилось глубокое чувство; словно два солн-

ца, благостно, любовно и въ то же время пламенно, смотрѣли на меня.

Но я медлилъ выговорить слово, котораго она ждала.

Она прижала руки къ раскраснѣвшемуся личику; между пальцевъ ея потекли слезы.—Бигъ!—шепнулъ я, ласково пытаясь отвести ея руки отъ лица; но она только крѣпче прижала ихъ къ пылающему лбу, щекамъ и глазамъ. И съ гнѣвомъ вскрикнула:—Неужели тебѣ больше нечего сказать мнѣ? Почему ты прежде, тогда, утромъ, говорилъ иначе?—Горькимъ стономъ измученной души вырвались у нея эти слова.

Они всколыхнули мою душу. Я снова любилъ эту дѣвушку. Скрестивъ руки на груди, послѣ тягостнаго молчанія, я выговорилъ мягко и серьезно:

— Бигъ, скажи мнѣ только одно: «да» или «нѣтъ». Можешь ли ты забыть, что у меня была другая нареченная, Дуглора Имоберштегъ? Не будетъ ли это воспоминаніе стоять, какъ врагъ, между твоею и моей любовью?

Она не сразу отняла руки отъ лица, словно раздумывала; потомъ посмотрѣла на меня серьезно, кротко, почти набожно, и тихо, но отчетливо выговорила: «Нѣтъ, Іостъ». Взоры наши встрѣтились и на мигъ потонули одинъ въ другомъ. Смутное подозрѣніе и неизвѣстность, какъ бремя, свалились съ моей души.— Тогда не будемъ больше говорить о Дуглорѣ Имоберштегъ. А теперь, Бигъ, если ты готова избрать меня своимъ спутникомъ жизни, это—единственное, что мнѣ кажется еще желаннымъ.— И, подавленный своимъ волненіемъ и властью минуты, я опустился передъ ней на колѣни.

Наступило молчаніе. Руки ея тянулись ко мнѣ и искали моихъ; губы шептали:—Ты не знаешь, какъ безумно я люблю тебя.—Бигъ привлекла меня къ себѣ; я не противился, и губы наши слились въ горячемъ поцѣлуѣ. Едва слышно я шепталъ:— Бигъ—моя единственная отрада.

Внезапно руки ея упали безжизненно вдоль тѣла. Съ тоской уставившись въ одну точку, она тяжело вздохнула и вдругъ зарыдала, словно эта минута принесла ей не счастье, а горе. Я могъ объяснить эти слезы только тѣмъ, что ей жаль отдать мнѣ свою цвѣтущую, яркую жизнь.—На что мнѣ эта жизнь?—рыдала она.—Если бы ты ничего не сказалъ, я отбросила бы ее отъ себя, какъ ненужную ветошь. Но теперь я, пока жива, буду тебѣ вѣрной женой.

Она судорожно сжимала мои руки... И сейчасъ, на старости лѣтъ вспоминая все, я не сумѣю сказать, кто меня больше любилъ—Дуглора или Абигаиль...

Еще немного дней, и пришло время, когда голубое небо ужъ не казалось мнѣ давящимъ и низкимъ, и деревья, уже расцвѣтившіяся яркими красками осени, казались прекраснѣй, чѣмъ весной, и міръ былъ вновь полонъ сіянія и блеска. Порой, сквозь яркій свѣтъ, доносилось до меня словно тихій вздохъ, словно звонъ колокольчиковъ, который меня баюкалъ въ дѣтствѣ, словно легенда, скользящая вдоль ограды кладбища: «Была нѣкогда

деревня, которая звалась Зельматомъ. Въ этой деревнѣ жила дѣвушка, которая звалась Дуглерли»... Но стоило зазвенѣть серебристому смѣху Бигъ, и колокольчики, легенда и вздохи стихали.

ГЛАВА XIX.

Я сегодня весь день не могъ думать ни о чемъ другомъ, какъ только о Гансѣ, Готлобѣ и Мельхи Хангштейнерѣ. И больше всего объ этомъ послѣднемъ. Мы съ дѣтства ненавидѣли другъ друга, но презирать не могли. Онъ, въ своемъ кругу, пожималъ плечами, упоминая обо мнѣ, но все же зналъ, что я—человѣкъ не дюжинный. Я, со своей стороны, тоже не склоненъ былъ умалять Мельхи Хангштейнера, хоть онъ и былъ не дубомъ, а лишь карикатурою на дубъ; нѣкоторая сила все же въ немъ была. Для меня навсегда останется одною изъ загадокъ человѣческой натуры, какъ этотъ скупой, кряжистый мужикъ изъ Зельмата не задумался продать пару быковъ,—быть можетъ, половину своего имущества,—и пуститься въ невѣдомый, далекій, чуждый ему міръ спасать бѣдную дѣвушку, которую онъ считалъ обманутой и брошенной. Я совершенно не могу себѣ представить, какъ этотъ человѣкъ съ любовью могъ повести къ алтарю женщину, которая—онъ зналъ—носила подъ сердцемъ залогъ любви другого. Меня бы на это не хватило.

Если однажды въ этомъ черствомъ и деспотическомъ сердцѣ могъ расцвѣсть такой дивный цвѣтокъ, почему же не допустить, что онъ можетъ расцвѣсть и вторично—что Мельхи сжалится надъ любовью Готлобы, преодолѣетъ свою ненависть ко мнѣ и Гансу Штюнци и, спокойно все обдумавъ, скажетъ ей: «Возьми его»...

Когда я выписался изъ больницы, лѣто, ставшее въ моей жизни роковымъ, переходило уже въ мягкую, теплую, солнечную осень. Даже вѣтеръ съ моря былъ теплый и мягкій. Бигъ убѣдила меня пожить на Гельголандѣ. Она была убѣждена, что тамъ, у моря, на утесахъ и тропинкахъ, гдѣ мы встрѣтились впервые, я окончательно оправлюсь и окрѣпну.

Мы цѣлые дни проводили на открытомъ воздухѣ, рѣзвясь, какъ дѣти, что было тѣмъ удобнѣе, что пріѣзжихъ на островѣ оставалось очень немного. Бигъ совсѣмъ преобразилась: никому бы и въ голову не пришло, что еще такъ недавно ей довелось узнать столько горя и слезъ. Въ матросскомъ платьицѣ, въ бѣлой вязаной шапочкѣ, веселая, улыбающаяся, она снова была балованнымъ, милымъ ребенкомъ. Мы часами грѣлись на солнышкѣ, на низкой, жесткой, какъ щетина, травѣ, которая растетъ на утесахъ и вокругъ древнихъ кургановъ; любовались игрою волнъ, которыя, какъ бѣшеные кони съ бѣлыми гривами, наскакивали на пребрежныя скалы, и чаекъ, рѣявшихъ надъ скалами въ золотомъ сіяніи солнца, словно яркія лампады. Я жилъ въ какомъ-то мечтательномъ полуснѣ, чувствуя, какъ во мнѣ неслышно

растетъ сила, отметавшая все, что угнетало и давило мою душу. Внутренній голосъ шепталъ мнѣ:—Достаточно ты страдалъ. Сбрось съ себя прошлое, изжитое. Отдайся цѣликомъ прекрасному настоящему». И, внимая этому голосу, я постепенно забывалъ. Когда въ душѣ вставало воспоминаніе о Дуглорѣ, я спѣшилъ къ Бигъ и заглядывалъ въ ея сіяющіе счастьемъ глаза.

Лежа на травѣ, она шаловливо постукивала розовыми пальчиками по концамъ моихъ пальцевъ, повторяя: «Ты-ты-ты! теперь ты мой». И слова ея звучали чарующей нѣжностью. Она позволила мнѣ распустить ея пышныя косы.—«Теперь ты опять такая, Бигъ, какой я видѣлъ тебя въ первый разъ—моя сказка!»—шепталъ я; она заглядывала мнѣ въ глаза, а маленькій алый, какъ вишня, ротикъ улыбался просительно. Я зналъ, о чемъ онъ проситъ и, отъ души смѣясь, повторилъ:—Я бы хотѣлъ всю жизнь прожить съ тобой.—Ничѣмъ я не могъ такъ ее порадовать, какъ повторивъ эти слова: сказанныя тогда, во время памятной нашей прогулки, подъ бурнымъ наплывомъ страсти, они стали какъ бы лозунгомъ нашей любви. Радостно покраснѣвъ, она отвѣтила мнѣ нѣжнымъ поцѣлуемъ.

Рука съ рукой и щека къ щекѣ, сидѣли мы, безмятежно счастливые, на высокомъ утесѣ. Вдали, тамъ, гдѣ долженъ былъ находиться материкъ, надъ свѣтлой, блестящей поверхностью моря, плыло темное облако дыма, пробираясь межъ искрящихся парусовъ и постепенно теряясь въ безконечности горизонта.

— Переселенческій корабль,—замѣтилъ я.

Взоръ Бигъ приковался къ этому черному облаку, затемнявшему ясный свѣтъ полудня.

— И нашъ путь лежитъ туда,—замѣтила она, помолчавъ, съ серьезной улыбкой.—Я уже разсказывала тебѣ какъ-то, Іостъ, что мой повѣренный и управляющій, донъ Гарсіа Лео де-Квифортъ, вызываетъ меня въ Мексику. Послѣ того онъ еще нѣсколько разъ писалъ мнѣ и настоятельно проситъ меня, чтобъ я пріѣхала; онъ старѣется, и отвѣтственность начинаетъ тяготить его. Вѣдь, ты поѣдешь со мной—переложишь это мое бремя на свои плечи?

Она весело захлопала въ ладоши.

— Конечно, Бигъ. Намъ давно пора поговорить о нашемъ будущемъ,—задумчиво отвѣтилъ я.—Только я одно тебѣ скажу: не такой я человѣкъ, чтобъ жить всю жизнь на средства своей жены.

— О-о-о!—Бигъ надула губки.

Но я, не смущаясь ея разочарованнымъ видомъ, продолжалъ:

— До сихъ поръ задачей моей жизни было самостоятельно пробить себѣ дорогу и выдвинуться, насколько это для меня возможно. Бѣдна ли ты, или богата—все равно, я долженъ работать. Это необходимо для моего счастья.

На минуту она разсердилась, но тотчасъ же радостно вскричала:

— Ахъ—богатырь ты мой!—И кинулась мнѣ на шею. Но тотчасъ же опять сдѣлала капризную гримаску.—Знаешь ли ты, что ты со своей работой разбиваешь самые мои завѣтные планы?

— Планы, Бигъ? Какіе же?

Она на мигъ смутилась, помолчала, потомъ начала, съ лукавой и очаровательной застѣнчивостью:

— Ты знаешь мое дѣтство, Іостъ, знаешь, какую цыганскую жизнь я все время вела и какъ страдала отъ этого. Ну такъ вотъ—съ тѣхъ поръ, какъ я тебя полюбила, я начинаю тосковать по этой бродячей жизни. Сначала намъ необходимо съѣздить въ Мексику, но потомъ, милый, мнѣ хотѣлось бы побывать съ тобою всюду, гдѣ я была со своими родителями: во всѣхъ тѣхъ городахъ, во всѣхъ тѣхъ странахъ. Увидать все это снова одной—мнѣ не доставило бы никакого удовольствія, наоборотъ, было бы непріятно; но съ тобой! Меня такъ манитъ мысль побывать съ тобой въ Неаполѣ, Римѣ, Венеціи, въ глухихъ прелестныхъ уголкахъ Италіи. Прошу тебя, милый Іостъ, обѣщай мнѣ, что ты поѣдешь путешествовать со мною. А работать можно и послѣ.

Глаза ея свѣтились тоской и призывомъ; она начала вполголоса декламировать какіе-то стихи.

— Это пѣсня Миньоны. Ты знаешь ее, Іостъ? Не краснѣй. Это хорошо, что не знаешь. Это-то и привлекло меня къ тебѣ, что ты такой даровитый, и въ то же время нѣтъ въ тебѣ никакой унаслѣдованной культуры, и ты все воспринимаешь такъ свѣжо и непосредственно. Поэтому мнѣ такъ и хочется путешествовать съ тобой и показать тебѣ все, что есть на свѣтѣ высокаго и прекраснаго, повести тебя въ сокровищницы искусства, въ уголки, обвѣянные поэзіей творчества великихъ писателей.

Лицо ея дышало энтузіазмомъ; рѣчь ея была полна неотразимой силы убѣжденія.

Полушутя. полусерьезно, я перевелъ разговоръ на другую тему.

— Ты говоришь о путешествіяхъ, а вѣдь есть дѣло болѣе очередное. Когда же наша свадьба?

Она задумалась на мигъ.

— Свадьба?—переспросила она, весело улыбаясь и краснѣя.—Я вѣдь говорила тебѣ, что меня растили, какъ язычницу. И отношеніе мое къ свадебнымъ обрядамъ самое языческое. Зачѣмъ выносить на торжище самое святое, то, о чемъ должны знать только двое любящихъ—зачѣмъ итти съ этимъ къ чужому человѣку, къ священнику, котораго мы не знаемъ? Если бъ была охота, можно обвѣнчаться и тутъ, на Гельголандѣ. Но, по правдѣ говоря, у меня нѣтъ никакого желанія вѣнчаться; я предпочитаю пойти за тобой, безъ всякихъ законовъ и поповъ, по доброй волѣ, какъ твоя вѣрная жена. Вѣдь, у меня въ цѣломъ мірѣ нѣтъ никого, кромѣ тебя.—Ея глаза, не отрываясь, смотрѣли на меня, полные нѣжности и страсти.

— Цыганка!—усмѣхнулся я.—Я уважаю твои чувства, но, изъ практическихъ соображеній, все же намъ, пожалуй, лучше было бы повѣнчаться.

Она нѣсколько удивилась.

— Хорошо. Если ты такъ думаешь, я готова пойти съ тобою къ алтарю. Пожалуй—тамъ, въ Мексикѣ. А, теперь, угадай, какъ я представляла себѣ нашу свадьбу, здѣсь въ Германіи.

Мечтательная улыбка играла на ея устахъ.

Ну, какъ же?

— Еще ни одна королева не праздновала такъ своей свадьбы,—отвѣтила она, радостно улыбаясь мнѣ.—Іостъ, мнѣ хотѣлось бы закончить свою дѣвичью жизнь большимъ полетомъ, о которомъ мы тогда мечтали въ Гамбургѣ и который намъ помѣшали осуществить. Ты согласенъ, Іостъ?

— Вѣдь я обѣщалъ тебѣ, еще въ Гамбургѣ. Но если ты позволишь мнѣ маленькое вмѣшательство въ твои дѣла—не находишь ли ты, Бигъ, что ты мотовка?

— Ну, позволь мнѣ одинъ денекъ быть мотовкой! —засмѣялась она.—Развѣ тебя самого не радуетъ мысль о новомъ полетѣ?

— Радуетъ. Что можетъ быть прекраснѣе полета съ тобою, Бигъ, въ лазури воздушнаго океана.

— А ты достаточно окрѣпъ для этого? Какъ тебѣ кажется?— допытывалась она съ безконечной любовью.

— Я совершенно здоровъ и силенъ,—отъ души завѣрилъ я ее.

Вечеромъ, когда лучи заката золотили даль и вспыхивали огоньками на гребняхъ валовъ, мы бродили, крѣпко обнявшись, по острову. Тамъ, гдѣ глаза наши впервые встрѣтились съ жгучимъ и нѣмымъ вопросомъ, Бигъ остановилась, и мы безмолвно обмѣнялись взглядомъ. Немного подальше, на берегу, намъ загородила путь толпа дѣтей, пѣвшихъ на нижне-нѣмецкомъ нарѣчіи пѣсенку: «Slimm, min Moderken, slimm!» Завидя Бигъ, они тотчасъ же включили ее въ хороводъ и принялись плясать вокругъ нея. И, когда Бигъ подняла на руки малютку Аннхенъ, бѣловолосую дочку нашего хозяина, и поцѣловала ее, дѣтишки всѣ хоромъ закричали: «И меня! и меня!» Появленіе Бигъ среди дѣтей всегда вызывало восторгъ: дѣти обожали ее. Я смотрѣлъ на эту милую картину и радовался отъ души. Пусть она цыганка, пусть язычница—разъ человѣка любятъ дѣти, значитъ, у него благородная душа.

Одно лишь темное воспоминаніе вплелось въ эти солнечные дни.

На запросъ Бигъ, капитанъ Зоммерфельдъ, сердечно поздравивъ насъ съ нашей помолвкой, отвѣтилъ, что онъ будетъ ждать насъ съ первымъ поѣздомъ въ маленькомъ сѣверномъ городкѣ, и шаръ будетъ уже готовъ къ полету. Мы сѣли на пароходъ и двинулись вверхъ по Эльбѣ. На Зюльбергѣ, утопая въ яркоцвѣтной осенней зелени, высилась вилла Бальмера. Видъ этой виллы и нахлынувшія въ связи съ ней воспоминанія настроили меня грустно. А въ Гамбургѣ я почувствовалъ себя совсѣмъ несчастнымъ. Мнѣ чудилось: душа моей бѣдной Дуглоры, плача, блуждаетъ по шумнымъ улицамъ города, разыскивая свою умершую любовь. Мнѣ захотѣлось повидаться съ моимъ добрымъ Рунгхольтомъ, но, когда я сказалъ объ этомъ Бигъ, она вся содрогнулась и беззвучно выговорила:

— Нѣтъ, нѣтъ, Іостъ. Теперь не оставляй меня одну.

Сами не зная, почему, мы оба загрустили: блаженное настрое-

ніе послѣднихъ дней смѣнилось печальнымъ. Мы сдѣлали кое-какія покупки, устроили всѣ дѣла и, въ ожиданіи вечерняго поѣзда, который долженъ былъ отвезти насъ къ Зоммерфельду, нѣсколько часовъ просидѣли, крѣпко прижавшись другъ къ другу, въ самомъ темномъ уголкѣ вокзала, словно боясь чего-то чужого, что стремилось разъединить насъ. Лишь изрѣдка кто-нибудь изъ насъ прерывалъ молчаніе принужденнымъ, равнодушнымъ словомъ. Бигъ неожиданно вздрогнула.

— Что съ тобой, голубка?—спросилъ я.

— Іостъ!—вырвалось у нея съ тоскою:—что это я все думаю о твоей прежней невѣстѣ?

Значитъ, мы думали объ одномъ и томъ же.

— Іостъ! ты очень любилъ эту дѣвушку?

Я, въ свою очередь, вздрогнулъ. И почти гнѣвно отвѣтилъ:

— Вѣдь мы же условились никогда больше не говорить о Дуглорѣ Имоберштегъ. Зачѣмъ ты меня мучишь, Бигъ.—Я почти разсердился на нее.—Разъ ужъ ты сама нарушила условіе, позволь и мнѣ спросить тебя, Бигъ: какъ ты тогда рѣшилась пойти въ садоводство? Вѣдь ты рисковала встрѣтиться съ Дуглорой Имоберштегъ. Развѣ ты не боялась этой встрѣчи? Я не разъ задавалъ себѣ этотъ вопросъ.

Смертельно блѣдная, не отвѣчая, она глядѣла мнѣ въ лицо, недвижная и спокойная, какъ мраморная статуя. Межъ красиво изогнутыхъ бровей залегла складка, придававшая ея лицу что-то страдальческое и вмѣстѣ съ тѣмъ значительное; глаза сверкали тѣмъ особеннымъ огонькомъ, который напоминалъ о ея южной крови. У меня было такое ощущеніе, какъ будто черный паукъ проползъ по моей душѣ.

— Ты оскорблена, Бигъ?—спросилъ я.

— Да!—горячо отвѣтила она, метнувъ мнѣ искрящійся взглядъ.—Человѣкъ, сколько-нибудь понимающій женскую душу, не станетъ унижать ее требованіемъ оправданій въ томъ, что касается любви. Въ тѣ дни я дѣйствовала и жила не какъ разумное существо, а какъ сумасшедшая. Если ты меня любишь, не напоминай мнѣ объ этомъ.

Я невольно оглянулся—не слышитъ ли насъ кто-нибудь. Столько душевной боли было въ этихъ словахъ, что мнѣ вдругъ стало несказанно жаль моей цыганочки. И я тихо отвѣтилъ:

— Хорошо. Я никогда больше не буду спрашивать тебя, какъ ты жила въ разлукѣ со мною въ Гамбургѣ.

— Никогда больше, Іостъ!—уныло повторила она.

Въ эту минуту подошелъ нашъ поѣздъ; кондукторъ крикнулъ: «Садиться»! И разговоръ прекратился... На другое утро мы помирились и ощутительнѣе чѣмъ когда-либо почувствовали, что сердца наши крѣпко связаны любовью.

Раннимъ утромъ, еще при свѣтѣ звѣздъ, мы прибыли въ тотъ городъ, гдѣ насъ ждалъ капитанъ. Его помощникъ встрѣтилъ насъ на вокзалѣ и повелъ на лужокъ, прилегавшій къ газовому заводу, совершенно пустынный. Здѣсь, безъ непрошен-

ныхъ свидѣтелей, согласно желанію Бигъ, Зоммерфельдъ уже приготовилъ все необходимое для полета.

Онъ почтительно поздоровался съ нами.

— Вотъ ужъ мнѣ и во снѣ не снилось, фрейлейнъ Даръ, что мнѣ еще разъ доведется прокатить васъ обоихъ на своей машинѣ. Впрочемъ, я знаю по опыту, что люди, разъ побывавшіе на высотѣ, всегда мечтаютъ о повтореніи полета.

— Только теперь это будетъ ужъ не прогулка,—пояснила Бигъ.—Мы хотимъ полетѣть высоко и далеко, г. капитанъ, потому что—лицо ея озарилось полу-лукавой, полу-серьезной усмѣшкой,—потому что это—наше свадебное путешествіе.

Вскорѣ послѣ того, Зоммерфельдъ окликнулъ насъ:

— Фрейлейнъ Даръ, г. Вильди. Садитесь съ Богомъ.

Отягченный ночной росой «Сатурнъ» медленно, но упорно поднимался къ сверкающей темно-краснымъ огонькомъ карбункула утренней звѣздѣ. Печальный вечеръ, проведенный нами наканунѣ въ Гамбургѣ, былъ забытъ; вся фигура Бигъ была обвѣяна сдержаннымъ ликованіемъ, благоуханнымъ счастьемъ.

Этотъ дивный полетъ рѣшилъ и ея, и мою участь.

Внизу, въ долинѣ, нынчѣ весь день звонятъ колокола. Нынче сочельникъ. Хоть я и зналъ, что до меня не донесется колокольный звонъ, все же весь вечеръ мы со Снѣжкомъ провели на воздухѣ, топчась по крѣпко замерзшему снѣгу, доходящему до крыши моей хижины. Бури солнцеворота смѣнились на Фейерштейнѣ ясной погодой и сильными морозами. Въ полдень, когда свѣтитъ солнце, гора смотритъ настоящей зимней сказкой. Даже слѣдъ птичьяго крыла не нарушаетъ дѣвственной чистоты снѣговъ.

Солнце сѣло рано, большое и кровавое, и небо стало изсиня-чернымъ. Горы стоятъ мертвенно блѣдныя неприступныя и безжалостныя, и на нихъ играютъ призрачные, зеленоватые отсвѣты; а надъ ними сіяютъ серпъ молодого мѣсяца, Венера и Юпитеръ. Вотъ онѣ ужъ совсѣмъ было расплылись въ туманные призраки, но вдругъ снѣга, нависшіе на нихъ фестонами, засвѣтились золотисто-алымъ свѣтомъ, словно огнемъ, исходящимъ изъ нѣдръ самой вершины. Трижды загорались и гасли сполохи, лизавшіе огненными языками темныя глуби долинъ.

Но я бы отдалъ и серпъ мѣсяца, и Венеру, и Юпитера, и альпійское сіяніе за то, чтобъ увидать въ свою подзорную трубу хотя бы блескъ свѣчей на самой бѣдной елкѣ, хоть одинъ огонекъ въ окошкѣ зельматскаго дома. Весь живой міръ скрытъ отъ меня густыми клубами морознаго пара; земля кажется вымершей и пустынной; только въ высотѣ пламенѣютъ вершины, и мнится—мнѣ только приснилось, что подъ этимъ моремъ тумана бьются горячія живыя сердца.

О, какъ мнѣ хотѣлось бы теперь бродить по улицамъ большого города, какъ мы раза два это продѣлывали съ Бигъ въ рождественскіе вечера, и слушать веселый перезвонъ церковныхъ

колоколовъ, и радоваться на радостныхъ матерей и отцовъ, спѣшащихъ домой съ подарками, и прислушиваться къ вздохамъ бѣдноты, которой не на что купить елки, и которая несетъ домой единственную вѣточку, чтобы зажечь на ней въ чердачной комнаткѣ одну единственную свѣчку.

Абигаиль! Какъ мнѣ хотѣлось бы еще разъ провести этотъ вечеръ съ тобой,—ты, язычница, ты, ангелъ рождественской ночи! Мнѣ вспоминается этотъ святой вечеръ на морѣ. Музыка играла религіозные гимны; высоко на мачтѣ сіяла огнями зажженная елка. И ты говорила капитану:—«Говорятъ, тутъ у васъ въ трюмѣ, сидитъ на цѣпи человѣкъ, приговоренный къ смерти за убійство начальника. Миръ на землѣ и въ человѣцѣхъ благоволеніе. Выпустите его хотя на одинъ часъ на палубу. Разрѣшите ему провести сочельникъ со мною и съ моимъ мужемъ». Такъ просила ты. И убійца плакалъ отъ радости, что нашелся человѣкъ, съ участіемъ вспомнившій о немъ въ рождественскій вечеръ, и, ужиная съ нами, разсказывалъ намъ о своей матери.

Здѣсь, на высотѣ, я встрѣчаю праздникъ одинокій, но не печальный. И тѣшу себя мыслью, что если Готлоба и Гансъ повѣнчаются, наперекоръ Хангштейнеру, я, пожалуй, спущусь со своей снѣжной вершины, чтобы дожить остатокъ жизни мирнымъ старикомъ въ мирныхъ долинахъ, зажигая въ сочельникъ елки для внучатъ.

Но стоитъ ли думать о будущемъ! Меня сейчасъ гораздо больше занимаетъ вопросъ: будетъ ли завтра, для праздника, воздухъ на столько прозрачнымъ, чтобы можно было заглянуть и въ глубины ущелій. Изъ Зельмата чуть свѣтъ пойдутъ люди молиться въ Цвейбрюкенъ, а послѣ полудня они будутъ возвращаться обратно горной тропинкой. Быть можетъ, я увижу ихъ въ свою подзорную трубу. Мнѣ очень любопытно будетъ увидать, кто именно пойдетъ. Изъ этого я могу сдѣлать выводъ, какъ обстоитъ дѣло у Хангштейнера... Да и вообще, увидать, хотя бы въ трубу, людей, сопутствовать имъ мысленно—это мое единственное желаніе.

Я тоже праздную Рождество. У меня нѣтъ елки, нѣтъ свѣчей, мнѣ не свѣтятъ дѣтскіе глазки, но я откупорилъ бутылку благороднаго греческаго вина и съ признательностью думаю о щедрыхъ дарителяхъ. Каждый годъ, 1-го августа, одно семейство изъ Санктъ-Якоба присылаетъ мнѣ сюда на гору корзину вина. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ они проводили лѣто здѣсь, въ горахъ. Сынъ ихъ, вмѣстѣ съ двумя другими молодыми людьми, собирался совершить трудное восхожденіе на одну изъ наименѣе доступныхъ альпійскихъ вершинъ. Отецъ, однажды уже посѣтившій меня на Фейерштейнѣ, телеграфировалъ мнѣ: «Надежна ли погода?» Судя по показаніямъ моихъ инструментовъ, ничего угрожающаго не предвидѣлось, и я легко могъ бы отвѣтить: «Погода надежная». Но, вглядываясь въ воздухъ, я замѣтилъ какое-то мерцаніе, какой-то неопредѣленный, искрящійся свѣтъ. Это явленіе было мнѣ давно знакомо изъ моихъ воздушныхъ полетовъ. И я телеграфировалъ: «Не позже, какъ черезъ двад-

цать-четыре часа ждите страшной грозы». Трое юношей, въ томъ числѣ и сынъ той семьи, о которой я говорю, повѣрили моему предсказанію и отложили рискованную экскурсію; трое другихъ пренебрегли имъ, совершили подъемъ и на слѣдующій же день погибли въ горахъ жертвами бури. Съ тѣхъ поръ въ этотъ самый день, 1-го августа, семья эта ежегодно присылаетъ мнѣ вино и пару ласковыхъ строкъ, въ благодарность за спасеніе сына.

И я, за стаканомъ вина, утѣшаюсь мыслью, что мое присутствіе на Фейерштейнѣ нужно не для однихъ только отвлеченныхъ метеорологическихъ вычисленій; что я могу иной разъ оказывать услуги людямъ. Это радуетъ меня и помогаетъ нести трудную службу на снѣжной вершинѣ, требующую высокаго самоотверженія.

Я поднимаю свой стаканъ и говорю: «Слава въ Вышнихъ Богу! Земля, и небо, и звѣзды славятъ дѣла Его. Любовь, толкающая человѣка къ человѣку, рокъ, предопредѣленіе, проявляющіеся въ судьбахъ отдѣльныхъ людей — неизвѣданныя Его чудеса. Слава Іисусу Христу! Благодареніе Ему, что Онъ далъ намъ, людямъ, этотъ великій отдыхъ — установленный въ честь Его праздникъ Рождества. Исполни великое упованіе нашихъ сердецъ. Сдѣлай, чтобы мы перестали жить на землѣ, какъ дикари. Миръ на землѣ, миръ! Онъ необходимъ народамъ, какъ хлѣбъ насущный. Преступенъ тотъ, кто подстрекаетъ людей къ войнѣ. Въ человѣцѣхъ благоволеніе. Привѣтствую васъ, искатели путей къ лучшему, имена которыхъ угасли безслѣдно. А вы, люди настоящаго, тките далѣе свѣтлую нить, открывайте, изобрѣтайте. Но не обманывайте себя. Вы можете подсмотрѣть жизнь, мельчайшихъ мозговыхъ клѣтокъ, разложить на составные элементы отдаленнѣйшія солнца; вы — сосуды, черезъ край полные знаніемъ. Но сумѣли ли вы прибавить что-нибудь къ внутреннему смыслу жизни, къ счастью души?.. И мнѣ хочется крикнуть человѣчеству: «Немножко больше вниманія къ нуждамъ ближняго, къ его стремленію погрѣться на солнышкѣ, къ его затаеннымъ страданіямъ»...

ГЛАВА XX.

Въ сочельникъ я замечтался, какъ можетъ замечтаться только отшельникъ, въ своемъ одиночествѣ рисующій себѣ картину міра. Праздники провожу тихо. Погода дивная, но разглядѣть Зельматъ я не могъ. И опять засѣлъ за свою исповѣдь.

«Сатурнъ» плавно несся впередъ. Закутавъ тяжелымъ плащемъ свой стройный станъ, Бигъ стояла рядомъ со мной. Мы смотрѣли на темныя башни, на широко раскинувшійся внизу городъ, изъ котораго мы поднялись въ поднебесье. Ни одинъ любопытный глазъ не слѣдилъ за нашимъ одинокимъ полетомъ. Тамъ и сямъ въ окнахъ загорались огоньки, но огоньки эти съ каждой минутой уходили отъ насъ дальше и дальше.

— Славный норд-остъ! — сказалъ Зоммерфельдъ.—Мы летимъ со скоростью пассажирскаго поѣзда. Вотъ, поднимемся выше — «Сатурнъ» пойдетъ еще быстрѣе.

На темномъ фонѣ небеснаго свода ярче выступали звѣзды. Но вотъ, первый лучъ солнца коснулся нашего воздушнаго корабля. Лучи заиграли на оболочкѣ шара, на кольцѣ, поддерживающемъ гондолу; извнутри, сквозь кольцо, лился такой яркій свѣтъ, какъ будто шелкъ горѣлъ; ярко обрисовывалась каждая линія, каждый шовъ. Вся фигура Бигъ была залита яркимъ свѣтомъ.

Лицо ея было торжественно-спокойно; съ устъ сорвался восторженный возгласъ:

— Да, вотъ это — настоящій большой полетъ, о которомъ я мечтала, мой милый, вмѣстѣ съ тобой! — Она взглянула внизъ, въ глубину и испугалась. — Развѣ мы будемъ летѣть черезъ море?

— Это утренній осенній туманъ,— шепнулъ я ей, и она улыбнулась своему малодушію. Сильнѣе пригрѣвшее солнце высушило росу, осѣвшую на оболочкѣ шара; золотой шелкъ натянулся плотнѣе; со свистомъ вышелъ лишній газъ, и съ силой кондора «Сатурнъ» взвился выше, въ болѣе чистыя сферы.

— Мы теперь на высотѣ Монблана, — сказалъ Зоммерфельдъ, слѣдившій за анероидомъ, и стальные глаза его съ вопросомъ и восхищеніемъ остановились на Бигъ. Она небрежно отвѣтила на невысказанный вопросъ:

— Еще выше, капитанъ, все выше, пока г. Вильди не скажетъ вамъ: довольно.

Мы безмолвно наслаждались впечатлѣніемъ простора, необозримаго и безконечнаго, безмолвія, какого не знаютъ и развалины давно угасшихъ городовъ. Небо казалось твердымъ, точно стальнымъ. И, несмотря на то, что свѣтило солнце, звѣздочки опять повыходили изъ своихъ домиковъ—точно хотѣли посмотрѣть на смѣлую чету людей, разгуливавшихъ передъ ихъ окошечками.

— Ну, развѣ не удивительно думать, Іостъ, что двое людей, которые такъ любятъ другъ друга, связаны съ жизнью только веревками, прикрѣпляющими насъ къ шару? Развѣ не ощущаешь ты нашей близости сильнѣе и чище, чѣмъ тамъ, въ низинахъ?

Я отвѣтилъ ей. Но звукъ моего голоса испугалъ ее.

— Такой глухой и далекій, какъ будто изъ могилы! — вырвалось у нея. Она испуганно оглянулась на беззвучную пустоту, окружавшую насъ; губы ея побѣлѣли, она пошатнулась. Я сдѣлалъ знакъ Зоммерфельду, чтобъ онъ спустился, и поддержалъ Бигъ, готовую лишиться чувствъ. Раскрывъ глаза, она прошептала:

— У меня уже не хватало дыханія. Но ты, мой сильный Іостъ...

Гордость женщины смиренно склонилась передъ большей выносливостью и силой мужчины.

Мы стали спускаться. «Сатурнъ» скользилъ, точно по серебряному полю тумана. Только наклонное, косое положеніе гондолы, да поскрипыванье и посвистыванье шелковой оболочки указывали на то, что мы несемся съ страшной быстротой.

— Прямо на югъ, — объявилъ нашъ капитанъ, взглянувъ на компасъ.—А такъ какъ въ это время года трудно ждать внезапныхъ измѣненій температуры, то весьма возможно, что нашъ шаръ будетъ летѣть до вечера.

— Чудесно! — воскликнулъ Бигъ. — Значитъ, мы пролетимъ надъ всей Германіей. Я такъ и представляла себѣ въ мечтахъ нашъ полетъ.

Зоммерфельдъ съ довольнымъ видомъ погладилъ себя по узкой, длинной, уже посѣдѣвшей бородѣ.

— Мнѣ это было бы не менѣе пріятно, чѣмъ вамъ, фрейлейнъ, — усмѣхнулся онъ. — Тогда я очутился бы прямо у себя на родинѣ, въ Баваріи, вмѣсто того, чтобъ ѣхать на зимнія квартиры по желѣзной дорогѣ, что и долго, и утомительно. Я уже заранѣе радуюсь свиданію съ моей семьей.

— Да развѣ вы женаты, г. Зоммерфельдъ?—съ жаднымъ любопытствомъ вскричала Бигъ.

— Да, у меня семья: жена и двѣ дочери,—отвѣтилъ онъ. — Онѣ живутъ въ небольшомъ загородномъ домикѣ, въ маленькомъ баварскомъ городкѣ.

— Какъ странно! — весело разсмѣялась Бигъ.— Почему мнѣ вообразилось, что воздухоплаватель непремѣнно долженъ быть холостымъ. Но вѣдь ваша жена, навѣрное, все лѣто проводитъ въ постоянномъ страхѣ за васъ?

— Нѣтъ, барышня,—возразилъ Зоммерфельдъ, все время внимательно слѣдившій за движеніями шара, — моя жена знаетъ, что я остороженъ и предусмотрителенъ. Вотъ уже тридцать лѣтъ я занимаюсь моей профессіей и ни разу еще со мной не бывало сколько-нибудь крупнаго несчастья. Только разъ, въ Вѣнѣ, при спускѣ, повредила себѣ ногу одна дама, несмотря на мои предостереженія слишкомъ рано выскочившая изъ корзины.

— Пожалуйста, г. капитанъ, разскажите намъ о вашихъ полетахъ, — взмолилась Бигъ. — Вы навѣрное, видѣли и пережили безконечно много прекраснаго.

И, правя своимъ кораблемъ, нашъ аэронавтъ принялся разсказывать о своихъ воздушныхъ путешествіяхъ, о своихъ пассажирахъ и т. д. и т. д. И мы вдвойнѣ наслаждались чудеснымъ полетомъ.

Подъ серебряной глубью, на которой скользили отраженіе и тѣнь «Сатурна», мы начинали различать, какъ сквозь затуманенное стекло, лѣса и селенія, извивы рѣкъ, паутину дорогъ. Окутанныя голубоватой дымкой, онѣ лежали, словно на поверхности моря. Но вотъ, серебряная пелена прорвалась, и въ смутную неземную грезу ворвались жизнь и движеніе. Земля открыла намъ свой ласковой материнскій ликъ.

— Все же, мы — дѣти земли! — радостно воскликнула Бигъ,

при видѣ этой солнечной, яркой картины.—Іостъ, ну, развѣ это была не чудесная мысль—этотъ полетъ?

Любуясь смѣной картинъ въ глубинѣ, я прислушивался къ словамъ Зоммерфельда. Онъ разсказывалъ о своей скромной юности, о томъ, какъ онъ въ Мюнхенѣ былъ помощникомъ французской воздухоплавательницы, какъ восхищала его красивая, беззаботная жизнь, которую вела его патронесса, какъ постепенно онъ дошелъ до мысли сдѣлаться воздухоплавателемъ, и послѣ долгой борьбы достигъ своей цѣли.

— И нашли въ этомъ удовлетвореніе?—спросилъ я.

— Разумѣется, — отвѣтилъ онъ спокойно. — Я люблю свою профессію. Мнѣ и моей семьѣ она даетъ возможность жить безбѣдно и сулитъ намъ спокойную старость. Мнѣ только досадно, что легкомысленное поведеніе нѣкоторыхъ изъ моихъ коллегъ компрометтируетъ нашу профессію въ глазахъ большой публики, выставляя ее въ ложномъ свѣтѣ. Въ глазахъ многихъ воздухоплаватель — то же самое, что вертопрахъ или авантюристъ. А между тѣмъ, воздухоплаваніе вполнѣ совмѣстимо съ основными принципами бюргерской порядочности. Я, по крайней мѣрѣ, считаю, что мнѣ удалось совмѣстить то и другое. Я никогда особенно не рисковалъ и, несмотря на насмѣшки другихъ аэронавтовъ, болѣе меня прославившихся и говорившихъ, что я устраиваю только воздушныя прогулки, не позволялъ увлечь себя въ какія-либо авантюры. И хорошо сдѣлалъ. Гдѣ они теперь, эти международные корифеи воздухоплаванія? Одинъ за другимъ погибли во время рискованныхъ полетовъ надъ морями и горными хребтами. Они приписывали себѣ Богъ вѣсть какія научныя заслуги,—а на самомъ дѣлѣ своими неудачными полетами добились только возрастающаго недовѣрія къ аэронавтикѣ и преувеличеннаго страха обывателей передъ участіемъ въ полетахъ. Я никогда не старался пускать пыль въ глаза, хвастаясь своими заслугами передъ наукой, зато наглядно доказалъ, за тридцать лѣтъ полетовъ безъ единаго паденія, что, подъ руководствомъ опытнаго и добросовѣстнаго человѣка, полеты на воздушномъ шарѣ даютъ почти безопасный случай увидать міръ съ новой и чрезвычайно интересной точки зрѣнія. Въ широкихъ образованныхъ кругахъ мнѣ удалось снова навербовать немало друзей воздухоплаванія, какъ интереснаго и полезнаго спорта. И я горжусь этимъ.

Это разумное, сдержанное отношеніе Зоммерфельда къ самому себѣ и своей профессіи произвело на меня сильное впечатлѣніе. Я весь превратился въ слухъ. Бигъ замѣтила это и звонко расхохоталась.

— Іостъ! Тебѣ бы самому слѣдовало сдѣлаться воздухоплавателемъ.

Зоммерфельдъ испытующе смотрѣлъ на меня. Я, смѣясь, отвѣтилъ обоимъ:

— Во всякомъ случаѣ, изъ многихъ занятій это, по моему, не самое худшее.

Передъ нами была дивная картина. Словно гигантскія легко-

крылыя птицы, словно бѣлые корабли и островки, всплывающіе надъ поверхностью морей, поднимались кверху остатки серебряной пелены, покрывавшей землю, и «Сатурнъ» плылъ теперь въ сказочной странѣ облаковъ. Они окружали насъ, словно хороводъ танцующихъ ангеловъ въ длинныхъ одеждахъ съ золотыми каймами. Внезапно среди облаковъ, какъ въ горахъ, разверзались бездны и пропасти, въ которыя лавинами и водопадами лились потоки свѣта, и изъ волшебныхъ безднъ глядѣли на насъ кусочки живой дѣйствительности—земли. Тамъ, гдѣ облака, сгрудившись, темнѣли, въ нихъ отражалось солнце; съ одного облака къ другому перекидывались радужные мосты.

Вотъ онѣ, чары полета. По глубокимъ трещинамъ въ сѣнѣ тумана стремительно неслась тѣнь «Сатурна»—словно гонимый враждебною силой волшебный корабль. Надъ этимъ кораблемъ, въ радужныхъ ореолахъ, скользили тѣни нашихъ головъ и фигуръ. Мы неслись съ безумною быстротою.—«Іостъ!»—восторженно вскричала Бигъ. И словно хоръ ангеловъ откликнулся ей: «Іостъ!» «Бигъ!»—крикнулъ я въ отвѣтъ. И снова изъ воздушныхъ безднъ невидимые голоса откликнулись: «Бигъ!» Я запѣлъ альпійскія пѣсенки, которыми мы, бывало, перекликались съ Дуглорой на скалахъ Фейерштейна. И со всѣхъ сторонъ облака зазвучали радостными веселыми звуками. Но въ моей душѣ зашевелилась старая боль.

— Еще! Еще, Іостъ!—ликовала Бигъ. Лицо ея раскраснѣлось отъ радости.

Улыбаясь мнѣ чарующею улыбкой, она нагнулась къ самому моему уху и шепнула:—Іостъ! еслибъ ты только могъ рѣшиться! Я охотно стала бы женой воздухоплавателя. Мой храбрый Іостъ.

Эта была уже не шутка. Бигъ серьезно хотѣла этого. И воздушные миражи, отражаясь въ ея глазахъ, манили меня вдвое болѣе опасными чарами.

Слышалъ ли Зоммерфельдъ эти шепотомъ сказанныя слова? Онъ молча, пристально поглядѣлъ на меня, потомъ сказалъ:

— Я далеко не каждому посовѣтовалъ бы избрать мою профессію. Но вамъ, г. Вильди—о, да. Вы обладаете тайной успѣха, магнетической силой взгляда и духа. Я съ гордостью взялся бы посвятить васъ въ тайны моей профессіи.

Я далъ уклончивый отвѣтъ; но воздушная стихія уже ткала надо мной чары. Молча я озирался вокругъ. Облака лежали позади насъ расплывающимися бѣлыми островками; «Сатурнъ» постепенно понижалъ уровень своего полета, и земля, оживая передъ нами въ болѣе яркихъ краскахъ, привѣтливо улыбалась намъ ласковой материнской улыбкой. Блестѣли крыши замковъ и церквей; мы летѣли надъ серебряной лентой рѣки, по которой плыли суда. Вдали, какъ тѣни на болѣе свѣтломъ фонѣ, смутно маячили лѣса.

До насъ доносились уже голоса земной жизни: свистъ локомотива, колокольный звонъ: Ребятишки, бѣжавшіе изъ школы, замѣтили надъ своими головами шаръ и, бросая шапки въ воздухъ, кричали: «У насъ спуститесь. Пожалуйста! Проснмъ! Про-

симъ!» На улицахъ стало оживленно и людно, какъ въ муравейникѣ, развороченномъ палкой. Но мигъ—и городокъ остался позади. Крестьяне, цѣлой семьей работавшіе въ полѣ, завидя шаръ, торопливо устремились домой, вмѣстѣ съ лошадьми и тэлѣгами, словно по небу катилъ самъ дьяволъ въ своей колесницѣ

Такъ какъ же? Быть мнѣ или не быть воздухоплавателемъ? Я задумался, мечтательно глядя передъ собой. Тѣмъ временемъ, Зоммерфельдъ, на кускѣ негашеной извести, политой водой, приготовилъ чай,—безцѣнный, бодрящій напитокъ на воздухѣ.

— Какъ вы изволили приказывать, фрейлейнъ,—сказалъ онъ, почтительно поворачиваясь къ моей нареченной. Изъ корзины съ провизіей были извлечены закуски и бутылка шампанскаго.

— Ну, развѣ я не хорошая хозяйка? обо всемъ позаботилась,—съ гордостью говорила Бигъ.—Чокайтесь со мной,—она лукаво взглянула на меня и молвила:—Іостъ, за твое рѣшеніе!

Сдѣлаться воздухоплавателемъ—какая странная мысль, достойная ея свободной орлиной души. Мужества во мнѣ для этого достаточно. Вѣдь, и я былъ сыномъ солнца, воздуха, свѣта, и я съ дѣтства стремился къ шири, къ простору, въ высь, ближе къ небу. Пася стада на скалахъ Фейерштейна и приглядываясь къ малѣйшимъ измѣненіямъ на вершинѣ, я выработалъ себѣ зоркость глазъ хищной птицы. Въ жилахъ моихъ текла вольная кровь моихъ предковъ, дикихъ людей, ютившихся на горныхъ высотахъ. Эта мятежная кровь уже заставила меня покинуть родину и, толкая на приключенія въ Гамбургѣ, довела меня до утраты доброй бюргерской репутаціи. Опасности не страшили меня; въ душѣ моей была глубокая рана, и я нуждался въ забвеніи.

А сверкающіе глаза Бигъ впивались въ мои мысли и торопили, и подстрекали меня. Моя цыганка не хотѣла отказаться отъ своей кочевой жизни. Да и самъ я жаждалъ увидѣть свѣтъ; мнѣ только не хотѣлось очутиться на содержаніи у собственной жены. Воздухоплаваніе какъ разъ примиряло ея и мое стремленія, давало возможность совмѣстить трудъ и скитанія.

Солнце пригрѣвало сильнѣе. Былъ уже полдень. Воздухъ и земля развертывали свои красоты во всей полнотѣ; передъ нами скользили горные ландшафты, словно окутанные голубоватой дымкой. Зоммерфельдъ, все время слѣдившій по картѣ, за направленіемъ нашего полета, отъ времени до времени называлъ имя: «Тюрингенскій лѣсъ», «Кронахъ», «Верховья Майна». Я посмотрѣлъ на эту рѣку и тутъ только сообразилъ, что «Сатурнъ» несетъ меня къ моей старой родинѣ.—О, только бы однимъ глазкомъ взглянуть въ долину Зельмата, посмотрѣть, какъ живется тамъ Дуглорѣ!

Нѣтъ, не могу я стать воздухоплавателемъ. Въ душѣ моей вдругъ зазвучали голоса традиціи моей юности, проведенной въ узко-мѣщанской средѣ. «Не дѣлай этого. Не соглашайся!»—изъ могилы взывалъ отецъ.—«Іостъ! Іостъ! Неужто и побоями не удалось мнѣ смирить твоей мятежной крови?» Честное лицо учи-

теля Каспара стояло передо мной, и его добрый голосъ говорилъ мнѣ: «Іостъ, безумный Іостъ, котораго я любилъ, какъ сына, можно ли быть такимъ безбожнымъ и самонадѣяннымъ? Неужто тебѣ мало, что ты разрушилъ счастье Дуглерли? Теперь ты хочешь летать по воздуху на французскомъ чертовомъ мѣшкѣ, на монгольфьерѣ!» Всѣ засыпанные обваломъ зельматцы скрежетали зубами въ своихъ могилахъ: «Іостъ Вильди! что же это? Мы тутъ, несчастные, лежимъ подъ обломками скалъ, а ты будешь штурмомъ брать небо?»

Странно и жутко было у меня на душѣ.

А наша воздушная колесница все скользила въ яркомъ блескѣ прекраснаго осенняго дня. Съ высоты птичьяго полета мы любовались селеніями и городами, которые внезапно выростали передъ нами, потомъ съеживались и оставались позади; вздымались и стушевывались горы съ позлащенными солнцемъ вершинами. Оттянутый книзу сыростью огромныхъ густыхъ лѣсовъ, «Сатурнъ» плылъ надъ золотисто-зеленымъ моремъ вершинъ, почти касаясь верхушекъ рослыхъ елей, шумѣвшихъ, точно въ бурю, подъ нашими ногами. Спугнутыя бѣлки, мирно гнѣздившіяся въ вѣткахъ, стремительно скатывались внизъ по стволамъ. Но вотъ, на горизонтѣ передъ нами вновь выступили одѣтыя зеленью горы съ высокими вершинами: «Сатурнъ» снова расправилъ крылья и понесся, могучій, въ тепломъ ласковомъ свѣтѣ надвигающагося вечера.

И вотъ, о чудо! За самыми дальними вершинами встали на горизонтѣ другія, еще болѣе далекія, свѣтлыми призраками. Что это? Мечта или фата-моргана? Въ золотой дымкѣ передо мною сіяли Альпы. Поднимаясь къ алому зареву заката, они словно шли намъ навстрѣчу, протягивая руки, какъ престарѣлые родители, раскрывающіе объятія вернувшемуся на родину блудному сыну.

То не были, разумѣется, Зельматскія горы, но все же то были покрытые снѣгомъ зубцы и вершины. Напряженно, не отрываясь, впивались мои глаза въ ихъ далекія золотистыя очертанія. «Родина! Горы!»—въ безграничной радости ликовала душа моя. Мнѣ чудились обнимающія меня ласковыя материнскія руки. И безумная тоска по родинѣ сжимала мнѣ сердце, ластилась, какъ пѣсня, слышанная въ дѣтствѣ, и жаловалась, какъ стоны органа:—«Іостъ!—Іостъ!—Іостъ!»

Я стоялъ, судорожно цѣпляясь руками за веревки корзины, стиснувъ зубы и дрожа всѣмъ тѣломъ.

«Ты не можешь, не смѣешь вернуться на родину. Вѣдь ты же самъ отрекся отъ родины, потому что она презираетъ тебя. Ты не долженъ возвращаться, чтобы не нарушить душевнаго покоя Дуглоры, который она, можетъ быть, обрѣла возлѣ Мельхи Хангштейнера. Ради Бигъ, которая будетъ твоею женой. Она—не дитя тихихъ горъ; она принадлежитъ свѣту и жизни. Вѣдь ты, Іостъ Вильди, выброшенный за бортъ человѣкъ. У тебя нѣтъ родины. Не все ли равно тебѣ, чѣмъ заняться? Что за бѣда, если ты и станешь авантюристомъ? Въ царствѣ воздуха, свѣта, обла-

ковъ, въ скитаньяхъ по волшебнымъ садамъ міра ты обрѣтешь забвеніе».

Бигъ ласково коснулась щекой моей щеки; ея озабоченный взглядъ искалъ моего взгляда.

— Милый,—испуганно шепнула она.—Напрасно мы поторопились съ полетомъ. Ты еще не вполнѣ оправился отъ болѣзни. Ты блѣденъ, какъ смерть.

— Я выдержалъ трудную борьбу,—выговорилъ я съ трудомъ.—Бигъ, я согласенъ: мы станемъ съ тобой буревѣстниками.

Далекія, призрачныя горы, облитыя яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, скрылись за ближними зелеными вершинами. И радостный блескъ ихъ потухъ. Что пользы сіять блудному сыну, который не хочетъ вернуться.

Взоръ Бигъ свѣтился радостью и воодушевленіемъ.

— Іостъ! Мой храбрецъ, мой герой!—шептала она.—Я всегда знала, что у тебя не мелкая душа. Мы пронесемся съ тобою по свѣту, какъ орелъ съ орлицей.

— Осторожнѣе. Сейчасъ мы спустимся,—прервалъ наши изліянія Зоммерфельдъ.

— Г. капитанъ, вы разрѣшите мнѣ весной, когда мы возвратимся изъ Мексики, стать вашимъ ученикомъ?—спросилъ я Зоммерфельда. Онъ радостно и гордо усмѣхнулся себѣ въ бороду, но не могъ скрыть радостнаго блеска своихъ сѣро-стальныхъ глазъ. И крѣпко сжалъ мнѣ руку.

— Добро пожаловать, г. Вильди. Привѣтствую въ васъ будущаго мастера.

Въ мягкомъ голубоватомъ свѣтѣ сумерекъ мы тихо спустились на землю возлѣ мирной деревушки на границѣ Баваріи и Австріи, окаймленной горами. Зоммерфельдъ остался съ нами на одинъ день, и мы совсѣмъ сдружились. Не заключая формальнаго договора, мы условились съ нимъ, что будущей весной, по возвращеніи изъ Мексики, я поступлю къ нему въ ученье и въ теченіе лѣта буду сопровождать его въ полетахъ.

Іостъ Вильди, который переставалъ былъ горцемъ и не смогъ сдѣлаться купцомъ, съ согласія и восторженнаго одобренія своей будущей жены, избралъ себѣ призваніе, далеко выходящее за предѣлы обычныхъ буржуазныхъ профессій. Въ этомъ тихомъ уголкѣ орлица ввѣрилась орлу: Бигъ стала моей милой, любимой женой. Какъ дѣти, мы мечтали о нашей будущей кочевой жизни.

— А, если я упаду, Бигъ?—шутилъ я.

— О, тогда пусть я погибну вмѣстѣ съ тобой! Пожалуй, это самый завидный жребій, какой я только могу себѣ представить,—отвѣтила она и задумалась. На лбу ея залегла глубокая складка.

Тогда я не понялъ этихъ загадочныхъ словъ счастливой женщины. Только позже, много позже, они встали въ моей памяти, живыми и пророческими. И, съ ними вмѣстѣ, ея нежданныя слезы въ день моего выхода изъ госпиталя, и мучительный вечеръ, проведенный нами въ Гамбургѣ. Со стороны можно было

подумать, что въ воздухоплаваніи мы ищемъ только радостей и новизны; на самомъ же дѣлѣ, мы оба искали забвенія.

Нашъ медовый мѣсяцъ былъ не дологъ. Волей-неволей, приходилось думать о путешествіи въ Мексику. Но тамъ, за моремъ, измѣнилось нѣсколько наше рѣшеніе, принятое во время нашего полета. И Мексика виной тому, что міръ такъ и не слыхалъ о воздухоплавателѣ Іостѣ Вильди.

ГЛАВА XXI.

Удивительно красивая въ этомъ году зима. Ночью, правда, температура падаетъ до 22° ниже нуля, но по утрамъ, часовъ въ одиннадцать, солнце, маленькое, но горячее, такъ сильно пригрѣваетъ, что на крышѣ моей обсерваторіи снѣгъ начинаетъ таять. Я въ легкомъ пальто разгуливаю по своей вершинѣ; необходимы только очки для защиты глазъ въ этомъ морѣ ослѣпительнаго свѣта.

Воздухъ такъ мягокъ, что вокругъ меня начинаетъ просыпаться жизнь. Цѣлая стая птицъ, клестовокъ, выпорхнувшихъ изъ глубины горнаго лѣса, взлетѣла на Фейерштейнъ, а на замерзшемъ снѣгу я нашелъ окоченѣвшаго, но еще живого желтенькаго мотылька. Откуда взялся бѣдняжка, заблудившійся вѣстникъ весны? Я отнесъ его въ обсерваторію. Пусть тамъ отогрѣется его миніатюрная солнечная душа.

Сегодня мнѣ ясно виденъ Зельматъ. Я не видѣлъ въ свою подзорную трубу ни единаго изъ его обитателей—ни Ганса, ни Готлобы; но зато неожиданно увидалъ, около двухъ часовъ, какъ незнакомый человѣкъ вошелъ въ домъ Хангштейнера и въ три часа вышелъ обратно. Первой моей мыслью было, что это молодой скототорговецъ, который сватается за Готлобу; но тотъ—молодой, а этотъ старый. Я долго ломалъ себѣ голову надъ вопросомъ, кто бы это могъ быть, и пришелъ къ убѣжденію, что это, вѣроятно, докторъ изъ Цвейбрюкена, и что Хангштейнеръ снова боленъ.

Забота въ долинѣ—забота и на вершинѣ. Меня мучитъ неизвѣстность, сможетъ ли Гансъ на новый годъ прійти ко мнѣ, какъ обѣщалъ. Все было бы хорошо, еслибъ не этотъ проклятый восточный вѣтеръ. Онъ налетаетъ ураганомъ, крутитъ снѣжные вихри, вздымаетъ цѣлыя горы мелкой снѣжной пыли и гонитъ ихъ на утесы вершинъ, къ которымъ онѣ прилипаютъ, какъ гигантскія распростертыя крылья. И день ото дня эти сугробы и горы растутъ. Я смотрю на нихъ съ тревогой, съ волненіемъ, съ замираніемъ сердца. Обходить ихъ немыслимо, прорваться сквозь нихъ—тѣмъ болѣе; Гансу невозможно будетъ пробраться ко мнѣ; пусть онъ и не пытается—такая попытка могла бы стоить ему жизни.

Іостъ Вильди, будь готовъ встрѣтить и Новый годъ въ одиночествѣ, какъ Рождество. А какъ охотно бы отдалъ я весь этотъ блескъ и великолѣпіе за одинъ часокъ дружеской бесѣды

съ Гансомъ. Сажусь опять за свои записки; послѣдней главой въ этомъ году будетъ: «Путешествіе въ Мексику».

Я собирался ѣхать за море въ качествѣ палубнаго пассажира, который мелкими услугами расплачивается за проѣздъ и содержаніе на кораблѣ,—ѣхать за море вмѣстѣ съ Дуглорой, чтобы трудомъ своихъ рукъ создать себѣ тамъ новую родину. А теперь ѣхалъ съ Абигаилью не какъ бѣднякъ-переселенецъ, поставившій судьбу свою и своей молодой жены на послѣднюю невѣрную карту, а какъ богатый человѣкъ, окруженный самымъ утонченнымъ комфортомъ,—ѣхалъ въ дальнія страны, чтобы увеличить состояніе, которое, по закону, должно было стать моимъ, хотя самъ я не наживалъ его и даже не зналъ тѣхъ, кто добылъ его для меня изъ нѣдръ земли. И со мною рядомъ была моя гордая, прекрасная молодая жена. И каждое слово ея, каждый взглядъ, обращенный на меня, были ликованіемъ и пѣснью любви.

Мнѣ было почти жутко отъ такого нежданнаго поворота въ моей судьбѣ—отъ этого слишкомъ большого счастья. И временами со мной творились что то странное. Когда, напримѣръ, кто-нибудь изъ пассажировъ передней палубы съ завистью и любопытствомъ заглядывалъ въ окошко каюты перваго класса, гдѣ развлекались бесѣдой и флиртомъ богатые пассажиры, мнѣ мерещилось, будто это угрюмое лицо говоритъ мнѣ: «Іостъ Вильди изъ Зельмата! Напрасно ты втерся въ эту компанію. Ты тамъ чужой. Не забудь, что твое мѣсто среди насъ». Когда закоптѣлый кочегаръ высовывалъ свою черную голову изъ люка, чтобъ напиться, или втянуть въ себя глотокъ свѣжаго воздуха, я пугался. «А вдругъ меня опять утащутъ туда внизъ, къ этой ужасной, грязной работѣ?..»

Постепенно, однако, я привыкъ чувствовать себя своимъ среди тѣхъ, кто, какъ дома, располагался въ уютныхъ комфортабельныхъ каютахъ, роскошныхъ салонахъ и подъ изящными парусиновыми навѣсами на палубѣ. Нѣсколько сотъ пассажировъ, ѣхавшихъ вмѣстѣ съ нами, были такъ веселы и беззаботны, словно они сидѣли въ полной безопасности у себя дома въ имѣніи, или въ роскошномъ отелѣ. Они, разговаривая между собой, переходили изъ одного пышнаго салона въ другой, глядѣлись въ высокія зеркала, шутили, смѣялись, читали, писали, вкусно ѣли и пили, а, когда начинала играть музыка, пускались въ плясъ. Они безпечно танцовали надъ таинственными безднами моря, и лишь легкое поскрипыванье снастей и гудѣнье винта напоминали о томъ, что судно несется по волнамъ съ силой многихъ тысячъ лошадей.

Съ нѣкоторыми изъ пассажировъ мы довольно скоро познакомились. Худенькій, тщедушный, но удивительно красивый бѣлокурый мальчикъ, съ няней-негритянкой игравшій на палубѣ, сразу привлекъ наше вниманіе. Одного взгляда, одной улыбки Бигъ было достаточно, чтобъ онъ подбѣжалъ къ намъ, снялъ шапочку, подалъ руку Бигъ и началъ ей разсказывать о томъ, какъ онъ съ родителями—семьей плантатора съ острова Кубы – ѣздилъ

на родину, въ Германію. За первымъ же завтракомъ противъ насъ за столомъ усѣлся молодой художникъ изъ Берлина, съ женой, тоже художницей; онъ былъ голландецъ, она—австріячка; настоящая влюбленная парочка. Разговорившись, они разсказали намъ, что давно уже хотятъ повѣнчаться, но никакъ не могутъ достать всѣхъ необходимыхъ документовъ, которые приходится выписывать съ родины. Наконецъ, у нихъ лопнуло всякое терпѣніе, и они ѣдутъ въ Дуврь, чтобы тамъ обвѣнчаться по англійскому закону, не требующему такихъ формальностей и позволяющему въ теченіе нѣсколькихъ часовъ заключить счастливый бракъ.

Я замѣтилъ, что Бигъ очень заинтересовалась этимъ разсказомъ. Когда показались первыя сѣровато-бѣлыя верхушки мѣловыхъ холмовъ англійскаго берега, она спросила меня:

— Сколько стоитъ пароходъ въ Дуврѣ?

— Часа четыре—пять,—отвѣтилъ я.

— Іостъ, а что если мы за это время повѣнчаемся? Ты знаешь, какъ я смотрю на эти вещи, но можетъ статься, мой опекунъ въ Мексикѣ судитъ совсѣмъ иначе.

Въ это время пароходъ причалилъ къ берегу. Передъ нами раскинулся старинный, темный городъ.

На пристани намъ поклонился почтительно почтенный пожилой господинъ.

— Register of marriage?—освѣдомился я. Онъ поклонился еще почтительнѣе и любезно улыбнулся.

— Могу служить вамъ. Мнѣ уже доводилось оказывать ту же услугу сотнямъ другихъ влюбленныхъ парочекъ.—Онъ сообщилъ намъ, что въ городской ратушѣ вѣнчаютъ обыкновенно въ половинѣ пятаго, но нужны свидѣтели. Онъ готовъ быть однимъ изъ нихъ. Мы зашли въ гостиницу, взяли номеръ и попросили хозяина гостиницы быть вторымъ свидѣтелемъ. Онъ согласился. Съ этими двумя свидѣтелями мы явились въ ратушу и передъ зеленымъ столомъ, за которымъ возсѣдали торжественно двое чиновниковъ, принесли обѣтъ въ супружеской вѣрности. Я надѣлъ Бигъ кольцо на лѣвую руку; намъ выдали свидѣтельство о бракосочетаніи—и обрядъ былъ оконченъ. Въ дверяхъ мы повстрѣчали нашу знакомую парочку изъ Берлина, пришедшую за тѣмъ же. Велико было ихъ удивленіе, когда выяснилось, что мы успѣли опередить ихъ. Взаимно поздравляя другъ друга, мы всѣ вмѣстѣ вернулись на пароходъ.

Теперь Бигъ и въ глазахъ закона была моей женой.

— Фрау Абигаиль Вильди,—шепнулъ я ей. Отвѣтомъ былъ гордый, сіяющій взглядъ и тихія слова:—О! какъ я рада.—

Небо и вода. Нерѣдко, впрочемъ, туманъ ложился на море и застилалъ небо, но потомъ намъ снова улыбалась ясная лазурь. Время шло быстро—тѣмъ быстрѣе, что мы съ Бигъ заполняли большую часть его полезными занятіями. Утромъ жена моя учила меня испанскому языку, которымъ она владѣла довольно хорошо, научившись у отца; послѣ обѣда мы читали классическія описанія Мексики Гумбольдта, изучая родину Бигъ, которую намъ

предстояло увидать. Бигъ читала мнѣ вслухъ нѣмецкихъ авторовъ: ей хотѣлось, чтобъ я такъ же хорошо изучилъ и полюбилъ ихъ, какъ она сама. Она больше всего любила Гейне, но, такъ какъ я не зналъ классиковъ, то читала она мнѣ по большей части Шиллера или Гете. Читала она превосходно, и нерѣдко вокругъ насъ собирался цѣлый кружокъ слушателей и слушательницъ, изъ которыхъ иные, быть можетъ, просто пользовались случаемъ лишній разъ полюбоваться ея хорошенькимъ личикомъ.

Но самымъ горячимъ поклонникомъ моей жены былъ Фритцхенъ, маленькій нѣмецкій мальчикъ, сынъ плантатора съ Кубы. Нервный, живой мальчикъ, съ огромными лучистыми глазами, все время гонялся за Бигъ и успокаивался только тогда, когда ему удавалось поймать ее за руку или за платье. «Разскажите мнѣ сказочку, пожалуйста, пожалуйста!»—просилъ онъ тоненькимъ жалобнымъ голоскомъ такъ трогательно, что не было силъ отказать ему. Мало-по-малу его горячая привязанность къ Бигъ стала вызывать неудовольствіе его родителей. Однажды отецъ, послѣ строгаго выговора, насильно оторвалъ его отъ Бигъ. Взволнованный, разнервничавшійся мальчикъ вырывался и, наконецъ, съ пѣной у рта, забился въ истерикѣ, требуя Бигъ.

Я видѣлъ въ глазахъ моей жены знакомый гнѣвный огонекъ: она вся дрожала отъ гнѣва, страдая за ребенка.

Я началъ успокаивать ее и утѣшать. Она, чуть не плача, говорила:

— Іостъ, ты не знаешь, какъ я люблю дѣтей—особенно вотъ этого мальчика, въ которомъ больше души, чѣмъ тѣла. Почему? Да потому, что у меня самой не было дѣтства. Вѣдь я тебѣ разсказывала, какъ я жила ребенкомъ,—всегда окруженная взрослыми, безъ сестеръ, безъ подругъ, не зная лучшаго счастья, доступнаго всѣмъ. Въ вѣчныхъ скитаніяхъ я незамѣтно подросла, и меня стали выдавать замужъ. Самая мысль о бракѣ отталкивала меня. Да и не мудрено. Какихъ я тогда знала мужчинъ? Золотую молодежь: туполобыхъ аристократиковъ, или льстецовъ, авантюристовъ. Тебя вѣдь я не знала. Но, всячески открещиваясь отъ замужества, я все же иной разъ говорила себѣ: вѣдь если ты не выйдешь замужъ, у тебя не будетъ собственныхъ дѣтей И, ради дѣтей, въ надеждѣ ихъ имѣть, почти готова была рѣшиться протянуть руку нелюбимому человѣку. Вотъ теперь и суди, какъ я ихъ люблю.

Негритянка укачала на рукахъ бѣднаго, обиженнаго мальчугана, но Бигъ не могла такъ скоро успокоиться. И столько сдержанной страсти звучало въ ея словахъ, когда она говорила:

— Іостъ, теперь, когда ты сталъ мнѣ мужемъ, я только объ одномъ молю судьбу—чтобъ она дала намъ дѣтокъ. Твои дѣти! мои дѣти! Высшее счастье для женщины—имѣть дѣтей отъ сильнаго, благороднаго мужчины, съ высокой душой, и растить ихъ такими же сильными, благородными. Какъ я жажду узнать это счастье!

Она такъ мило краснѣла, шепча мнѣ эти признанія. Такъ

солнечно сіяли ея глаза. И, когда она умолкла, обвѣянная какъ бы предчувствіемъ близкаго материнства, я смотрѣлъ на нее и думалъ: «я не знаю женщины, болѣе достойной обожанія»... И вдругъ невольно улыбнулся и шутливо спросилъ ее:

— Бигъ, вѣдь мы же рѣшили сдѣлаться воздухоплавателями. Гдѣ же мы будемъ растить нашихъ дѣтей? Въ гондолѣ воздушнаго шара?

Она тоже разсмѣялась, но, подумавъ, отвѣтила ласково и серьезно:

— Нѣтъ, если у насъ будутъ дѣти мы не возьмемся за воздухоплаваніе. Мы будемъ воспитывать ихъ гдѣ-нибудь въ тихомъ уголкѣ, чтобъ и у нихъ, какъ у всѣхъ счастливыхъ дѣтей, была родина.

Вся ея душа вылилась въ этихъ словахъ.

— Я согласенъ, Бигъ,—отвѣтилъ я.—Я не такъ уже стою за воздухоплаваніе. Я готовъ заняться и чѣмъ-нибудь другимъ—только бы не вести жизнь, лишенную смысла и цѣли.

Мы долго еще говорили въ тотъ день о нашемъ будущемъ, любуясь необычайно яркимъ и красивымъ закатомъ. На другое утро новыя впечатлѣнія вызвали и новыя мысли. Маленькій пріятель Бигъ одержалъ побѣду надъ своими родителями и снова былъ неразлученъ съ нею, все время держась за ея руку или платье. Прошла уже недѣля отъ начала нашего пути; дулъ ледяной, рѣзкій вѣтеръ съ Ньюфаундленда. Показался мысъ Санди Гукъ, возвѣщая близость Новаго Свѣта. Отъ берега къ намъ быстро мчалась лодка съ лоцманомъ, газетами и письмами. Въ числѣ ихъ было письмо и намъ. Отъ дона Гарсіа Лео Квифорта, который поздравлялъ насъ, выражая свою радость по поводу нашего прибытія въ Мексику.

Въ Нью-Іоркѣ намъ пришлось простоять цѣлыхъ пять дней. Я видѣлъ озабоченныхъ, торопливыхъ, блѣдныхъ янки, видѣлъ, какъ они вѣчно волнуются и лихорадочно спѣшатъ, наблюдалъ американскую жизнь, лозунги которой: «Время—деньги» и «Самъ себѣ помогай»—и начиналъ мириться съ судьбою Дуглерли. Среди этой дѣловой лихорадки и равнодушія къ участи ближняго она чувствовала бы себя страшно несчастной. На родинѣ ей, во всякомъ случаѣ, было лучше.

Въ отелѣ, гдѣ мы остановились съ Бигъ, наканунѣ отъѣзда въ Гаванну, мы въ первый разъ поссорились. Сколько я помню, это была и единственная наша ссора. Я укладывалъ свои вещи; Бигъ ушла за покупками на Бродъ-вэй и вернулась свѣжая, сіяющая, радостная.

— Только на четверть часа ушла отъ тебя—и уже соскучилась!—восклицала она, мелькомъ оглядывая мои вещи.—Что это у тебя тамъ за книжечка такая растрепанная, маленькая? Дай-ка поглядѣть. А, молитвенникъ!—Держа въ рукахъ молитвенникъ, подаренный мнѣ Дуглерли передъ моимъ отъѣздомъ изъ Зельмата, она съ любопытствомъ, торопливо перелистывала его. И вдругъ, измѣнившись въ лицѣ, воскликнула:—Да вѣдь это книжечка твоей бывшей возлюбленной. Здѣсь написано ея имя. Іостъ,

позволь мнѣ бросить этотъ молитвенникъ въ печку. Онъ къ тому же не совсѣмъ чистъ—на немъ слѣды земли и воды.

— Оставь, дитя—сказалъ я. Она презрительно пожала плечами и положила книгу на столъ. Я разсказалъ ей исторію этой книжечки, чудеснымъ образомъ пережившей обвалъ въ Зельматѣ.—Она была найдена на самомъ мѣстѣ катастрофы, и Дуглора подарила мнѣ ее. Это было единственное, что у нея осталось на память о родномъ домѣ и семьѣ. Она просила меня каждую ночь класть этотъ молитвенникъ подъ подушку, чтобы онъ былъ мнѣ защитой отъ всѣхъ опасностей и искушеній.

— Амулетъ!—гнѣвно и съ горечью воскликнула Бигъ.—Я ненавижу эту книгу. Позволь мнѣ бросить ее въ огонь.—Она тянулась рукой къ молитвеннику. Но я рѣшительно запротестовалъ.

— Нѣтъ, Бигъ, оставь мнѣ эту книжечку. Не будь мелочной—тебѣ это такъ мало свойственно.

— Неужели ты не можешь принести для меня даже и такой маленькой жертвы?

— Ни въ какомъ случаѣ, Бигъ. Твоя просьба неразумна. Та, которая подарила мнѣ этотъ молитвенникъ, не сдѣлала зла ни мнѣ, ни тебѣ. И то, что эта книга у меня, не можетъ быть для тебя оскорбительно; я же пересталъ бы уважать себя, если бы пожертвовалъ твоей прихоти такимъ воспоминаніемъ. И я сохраню этотъ маленькій памятникъ моей первой юношеской любви.

Увидя мою твердость, Бигъ смирилась; слезы обиды выступили на ея глазахъ; она бросила мнѣ взглядъ, полный горькой укоризны, и, гордо закинувъ голову, вышла, какъ разгнѣванная королева. Но, хоть и вспыльчивая, Бигъ не умѣла долго сердиться. Немного погодя, она пришла сердечно пожелать мнѣ доброй ночи, и отъ этой ссоры въ ней не осталось никакихъ слѣдовъ, кромѣ легкой грусти и серьезности, которая необычайно шла къ ней. Въ ея любви ко мнѣ было теперь, какъ будто, еще больше нѣжности; ея натура требовала человѣка, который имѣлъ бы мужество иной разъ и перечить ея желаніямъ и капризамъ. Мы никогда больше не упоминали объ этой книжечкѣ. Только много времени спустя, незадолго до внезапной кончины Бигъ, въ одинъ изъ самыхъ тяжкихъ часовъ ея и моей жизни, я пришелъ къ сознанію, что для насъ обоихъ было бы много лучше, еслибъ я тогда уступилъ ей и пожертвовалъ невиннымъ залогомъ любви Дуглоры.

ГЛАВА XXII.

«Вашингтонъ»—такъ звался пароходъ, несшій насъ изъ Нью-Іорка черезъ Гаванну на Вера-Круцъ. Завидя берегъ Флориды, мы съ Бигъ, которая къ этому времени развеселилась, вышли на палубу и просидѣли тамъ до глубокой ночи, не чувствуя усталости. Красота южныхъ морей не поддается описанію. Темныя воды были глубоки, недвижны, какъ погребальный покровъ. Выплывшій на небо мѣсяцъ лилъ свой кроткій свѣтъ, словно

изъ опрокинутой серебряной чаши. Звѣзды, болѣе крупныя и яркія, чѣмъ у насъ на родинѣ, отражались въ волнахъ, зажигая воду фосфорическими отсвѣтами; все море порой сверкало какими-то волшебными огоньками, а на горизонтѣ оранжевая полоса дивной красоты отдѣляла небо отъ моря. Мимо пронеслось какое-то судно съ распущенными бѣлыми парусами. Чуть вѣялъ тихій, теплый вѣтерокъ. Я шепнулъ Бигъ:

— Сколько еще прекраснаго на свѣтѣ и помимо воздухоплаванія!

Она, слегка вздохнувъ, отвѣтила:

— А все-таки не будемъ забывать нашего уговора съ Зоммерфельдомъ.

День спустя мы увидали впереди высокія вершины кубанскихъ горъ. Въ Гаваннѣ мы простились съ Фрицхеномъ, маленькимъ другомъ Бигъ. И, наконецъ, передъ нами открылась желанная цѣль нашего пути—гавань Вера-круцъ. Восходящее солнце заливало алымъ блескомъ снѣжную вершину пика Оризабы и кратеръ Кофръ де Перотъ; на далекомъ горизонтѣ призрачно синѣли Кордильеры.

Пріятная неожиданность: донъ Гарсіа Лео де Квифортъ выслалъ намъ навстрѣчу одного изъ юныхъ родственниковъ Бигъ, дона Іоакина Рибейра, въ сопровожденіи слуги; они проводили насъ до столицы...

Нотаріусъ и адвокатъ донъ Гарсіа Лео де Квифортъ, жившій на главной площади города, принялъ насъ съ рыцарской любезностью, свойственной знатнымъ испанцамъ. Еще бодрый старикъ, съ живописной головой Зевса олимпійскаго, онъ вышелъ навстрѣчу Бигъ съ раскрытыми объятіями и безъ конца обнималъ и цѣловалъ ее.

— Мое солнышко! Дѣтка моя милая!—восклицалъ онъ.— Вѣдь я васъ на рукахъ носилъ. Красавицей-то какою выросла. Впрочемъ, я всегда былъ въ этомъ увѣренъ. Она и въ дѣтствѣ была красавицей. Какъ я радъ, что мнѣ еще разъ довелось увидѣть васъ, счастье моей старости!—И снова, и снова объятія. Видя, что я не обижаюсь этой нѣсколько театральной нѣжностью, Бигъ съ милымъ лукавствомъ принимала изліянія своего стараго опекуна. Наконецъ, донъ Гарсіа обернулся ко мнѣ, похвалилъ выборъ Абигаили и принялся велерѣчиво восхвалять достоинства и совершенства моей жены, уснащая свою рѣчь всѣми цвѣтами краснорѣчія, свойственными южанамъ.

Надъ этимъ его полу-отеческимъ, полу-влюбленнымъ отношеніемъ къ Бигъ мы нерѣдко подтрунивали наединѣ; но все же, нотаріусъ былъ превосходный, вполнѣ достойный человѣкъ, дѣлавшій все возможное, чтобы скрасить наше пребываніе въ Мексикѣ. Нѣсколько недѣль прошло, какъ сплошной праздникъ. Мы то ѣздили смотрѣть бой быковъ, то въ театръ, то къ родственникамъ Бигъ, которые, по обычаю страны, наперерывъ приглашали насъ къ себѣ, радушно принимали, дарили намъ лошадей, на которыхъ мы учились ѣздить верхомъ,—но о главномъ, о томъ, для чего мы пріѣхали сюда, даже и не заговаривали. По

всей вѣроятности потому, что споръ о наслѣдствѣ еще не былъ разрѣшенъ, и въ сердцахъ у всѣхъ у нихъ тлѣла глухая вражда. Наконецъ, мнѣ удалось узнать, что серебряный рудникъ, изъза котораго шелъ споръ, находится въ Марсилѣ, вблизи горнозаводскаго города Гванахуато, на склонѣ Кордильеръ. Въ этомъ рудникѣ всего одна шестнадцатая часть принадлежала Бигъ; онъ былъ сданъ въ аренду, эксплуатировался очень плохо, и наиболѣе благоразумные изъ его владѣльцевъ единодушно находили, что самое выгодное было бы продать его горнопромышленному обществу съ солидными капиталами, которое давало за него большія деньги. Но дѣло тормозилось недовѣріемъ другихъ. Я, наконецъ, стосковался въ этой вынужденной праздности и рѣшилъ лично осмотрѣть рудникъ. И, такъ какъ жена моя не хотѣла оставаться одна у донъ Лео Квифорта, мы поѣхали вмѣстѣ съ нею въ сопровожденіи двухъ слугъ. Въ два дня мы добрались до города Гванахуато, живописно расположеннаго надъ глубокимъ ущельемъ, и до Марсильскихъ рудниковъ, изъ которыхъ нашъ слылъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ.

По рекомендаціи Квифорта, намъ дали разрѣшеніе спуститься въ рудникъ, напомнившій мнѣ наши шиферныя копи въ Зельматѣ. Мимо статуи Мадонны смуглокожій, рослый проводникъ съ факеломъ въ рукахъ повелъ насъ по огромнымъ каменнымъ плитамъ въ широкіе подземные корридоры, безмолвіе которыхъ порою нарушалось хлюпающими шагами маленькихъ фигурокъ, напоминающихъ гномовъ. Все дальше и дальше въ глубь уходили эти безконечные корридоры; воздухъ становился теплымъ, сырымъ, удушливымъ, пропитаннымъ вредными газами.

— Мы, кажется, спускаемся въ адъ?—полу-шутя, полу-испуганно спрашивала меня Бигъ. Почти часъ мы шли, пока добрались до главной шахты, гдѣ производились работы. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь было страшно, какъ въ аду. Озаренные невѣрнымъ, жуткимъ свѣтомъ факеловъ, до сотни совершенно обнаженныхъ людей вонзали свои кирки въ твердыя стѣны шахты. Поистинѣ, адская работа! Не успѣли мы какъ слѣдуетъ приглядѣться къ этой картинѣ, какъ услыхали сигналъ — отступать. Раздался взрывъ. Блескъ молніи, оглушительный ударъ, послѣ котораго все дно шахты оказалось усѣяннымъ блестящими кусками руды. Подъ надзоромъ надсмотрщика, рабочіе взвѣшивали эти куски, и счетомъ накладывали ихъ въ корзины, которыя носильщики уносили по тѣмъ же безконечнымъ корридорамъ наверхъ, гдѣ совершалась промывка и очистка руды отъ постороннихъ примѣсей. Но эти носильщики—тѣ самые, которые раньше попадались намъ навстрѣчу, тѣ самые, чьи хлюпающіе шаги мы слышали раньше, были дѣти: индѣйскіе мальчики и дѣвочки, начиная отъ семи лѣтъ—одни съ искривленными, другіе съ израненными и гноящимися спинами. Подъ присмотромъ нѣсколькихъ стариковъ, они взваливали себѣ на плечи корзины и мѣшки съ рудой, покорно выстраивались гуськомъ—и исчезали въ темныхъ корридорахъ

До боли тяжело было смотрѣть на этихъ несчастныхъ измученныхъ непосильной работой дѣтей. Бигъ со стономъ упала мнѣ на руки, почти безъ чувствъ.

— Такъ вотъ какъ наживаются тѣ деньги, которыя до сихъ поръ я тратила такъ легкомысленно! — тихонько стонала она. — Къ нимъ прилипаетъ кровь замученныхъ, невыразимо несчастныхъ дѣтей.

— Вѣдь это всегда такъ было,—пояснилъ нашъ проводникъ, не понимавшій болѣзненнаго раздраженія моей жены.

— Но это измѣнится, какъ только рудникъ попадетъ въ руки людей, которые примѣнятъ къ его эксплуатаціи всѣ новѣйшія усовершенствованія горнозаводской техники,—возразилъ я, самъ глубоко потрясенный. — Тогда трудъ дѣтей будетъ замѣненъ машинами.

Изумленный и радостный взглядъ моей жены былъ мнѣ наградой: для нея эти слова прозвучали, какъ избавленіе.

— Іостъ,—выговорила она дрожащимъ голосомъ, — употреби всѣ усилія для того, чтобы продать рудникъ. Я уговорю дона Квифорта. Иначе меня день и ночь будутъ преслѣдовать эти измученныя дѣтскія личики.

Въ нашей жизни была теперь высокая, благородная цѣль. Я написалъ Зоммерфельду, что врядъ ли вернусь весной; онъ отвѣтилъ, что жалѣетъ объ этомъ, но понимаетъ меня. Я энергично принялся за дѣло, убѣждая медлительныхъ и придирчивыхъ мексиканцевъ поспѣшить съ продажей рудника горнопромышленному обществу, о которомъ я говорилъ раньше. Мексиканцы, прозвавшіе меня «Гамбургскимъ купцомъ», подъ вліяніемъ Лео Квифорта, склонны были довѣрять мнѣ больше, чѣмъ своимъ братьямъ и дядямъ; горнопромышленная компанія была довольна, что нашла человѣка, на слово котораго можно положиться — и въ маѣ договоръ былъ заключенъ. Бигъ ликовала.

— И тамъ оговорено, чтобы дѣти не работали, а были замѣнены машинами? — допытывалась она. Но этого утѣшенія я не могъ ей доставить.

— Нѣтъ, Бигъ, въ контрактъ мнѣ этого не удалось включить. Но я надѣюсь, что впослѣдствіи мнѣ удастся положить конецъ этой жестокой эксплуатаціи туземной молодежи. Придется намъ отказаться отъ нашихъ плановъ стать воздухоплавателями—мнѣ предлагаютъ взять на себя представительство интересовъ всей твоей родни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прекрасное мѣсто въ горнопромышленномъ обществѣ.

На глазахъ Бигъ выступили слезы.

— О, я не люблю Мексики! Теперь я знаю, что такое тоска по родинѣ—я тоскую по Европѣ. Я такъ мечтала о скоромъ нашемъ возвращеніи въ Европу, такъ радовалась ему!...—Нѣсколько дней она, видимо, боролась съ собой и, наконецъ, рѣшилась. — Хорошо, Іостъ. Мы остаемся здѣсь. Я знаю, что тебѣ предлагаютъ мѣсто, достойное тебя, и было бы жаль не взять его. По всей вѣроятности, въ этомъ положеніи тебѣ удастся облегчить и участь бѣдныхъ индѣйскихъ ребятишекъ. А затѣмъ, Іостъ—

можетъ быть, судьба пошлетъ и намъ ребеночка. — Глаза моей жены сіяли такой безконечной вѣрой...

Получить это мѣсто было для меня теперь очень важно. Оно вознаграждало меня за мой разрывъ съ Конрадомъ Бальмеромъ, давало мнѣ твердую почву подъ ногами и избавляло отъ необходимости жить на средства моей жены—хотя она съ радостью и безпечностью любящаго ребенка и перевела на мое имя все свое состояніе. Горнопромышленное общество, видимо, питало ко мнѣ полное довѣріе. Въ душѣ моей зашевелились честолюбивыя мечты. Но въ послѣднюю минуту, когда успѣхъ, казалось, былъ ужъ обезпеченъ, на пути моемъ всталъ соперникъ, донъ Рибейра — тотъ самый родственникъ моей жены, котораго донъ Гарсіа выслалъ намъ навстрѣчу. Онъ тоже выставилъ свою кандидатуру на представительство отъ родственниковъ. И большинство ихъ оказалось на его сторонѣ. «Зачѣмъ отдавать чужому? Почему не Рибейрѣ, который плоть отъ плоти и кровь отъ крови нашей?» Борьба между нами разгоралась, и теперь видный постъ въ Марсилѣ казался мнѣ еще болѣе желаннымъ.

— Собственно говоря, этотъ споръ съ домомъ Рибейра можно разрѣшить очень просто, — сказалъ однажды мнѣ донъ Гарсіа. Онъ былъ искренно расположенъ ко мнѣ, въ силу своего отеческаго участія къ Бигъ, и все время поддерживалъ меня совѣтами и указаніями, очень цѣнными, такъ какъ онъ былъ человѣкъ большого опыта. — Сдѣлайтесь мексиканскимъ гражданиномъ. Оставьте имя Вильди, которое звучитъ не очень пріятно. Возьмите другое — ну хоть бы мое: оно хоть и французскаго происхожденія, но давно уже привилось къ Мексикѣ и принадлежитъ одному изъ самыхъ уважаемыхъ родовъ въ странѣ. Я отъ души предлагаю вамъ свое имя; оно незапятнано,—и, повернувшись къ Бигъ, онъ прибавилъ: — Если вы, мое солнышко, примете мою фамилію, для меня это будетъ большою радостью, быть можетъ,—послѣднею въ жизни.

Она поспѣшно возразила:

— Въ сущности, въ переносномъ значеніи этихъ словъ, Вильди и Квифортъ—почти одно и то же, а для меня—она весело улыбнулась мнѣ—наединѣ со мной ты всегда останешься моимъ милымъ Іостомъ Вильди. Итакъ, прими имя Квифортъ, и ты получишь это мѣсто.

Бигъ отнеслась къ этому легко, но мнѣ это предложеніе стоило многихъ безсонныхъ ночей. Я былъ страшно удрученъ. Я жаждалъ получить это мѣсто, но отречься отъ родины, натурализоваться въ Мексикѣ?—Собственно, почему бы и нѣтъ? Что мнѣ эта убогая долина въ горахъ за океаномъ, этотъ засыпанный обваломъ домъ, въ которомъ прошло мое дѣтство? Все равно, мнѣ ужъ не бывать тамъ никогда—изъ-за Дуглоры, душевный покой которой я обязанъ оберегать. Родина?—Я вытащилъ клочки жестокаго оффиціальнаго письма и перечиталъ его, заглушая ласковые голоса, которыми старая родина молила меня: «Не измѣняй мнѣ. Не покидай меня». Я умышленно растравлялъ старую рану, разжигалъ въ себѣ негодованіе и злобу и съ зло-

радостнымъ удовольствіемъ представлялъ себѣ, какъ обидятся ландаммань и весь гауенбургскій совѣтъ, когда тотъ, кого они такъ несправедливо обидѣли, самъ отречется отъ родины. Но отказаться отъ честнаго отцовскаго имени? Это было всего труднѣе. Слишкомъ трудно для меня. Я всегда съ гордостью и любовью носилъ это имя: «Іостъ Вильди», напоминавшее мнѣ о моихъ сказочныхъ предкахъ. Хоть молодость моя и была бурной, честь этого имени осталась незапятнанной. Я чувствовалъ, что это имя—часть меня самого, что я уже не буду прежнимъ человѣкомъ, когда перестану носить его. И не стану лучшимъ. Мнѣ до конца жизни будетъ стыдно передъ своимъ отцомъ и предками за свою измѣну. Мнѣ мерещилось, что отецъ переворачивается въ могилѣ, а на Фейерштейнѣ духи прежнихъ его обитателей, дикихъ людей, жалобно стонутъ: «Горе намъ! Стыдъ и позоръ на голову выродка, отрекшагося отъ насъ!»

Въ это время меня посѣтилъ предсѣдатель горнопромышленнаго общества, донъ Морено, бельгіецъ, натурализовавшійся въ Мексикѣ. Видя мои колебанія, онъ пустилъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить меня.

— Вы — именно такой человѣкъ, какого намъ нужно, — говорилъ онъ.—Для насъ чрезвычайно важно использовать ваши выдающіяся дарованія; мы предлагаемъ вамъ блестящее положеніе и вовсе не хотимъ, чтобы къ намъ вошелъ представитель старой, прогнившей Мексики. Знаемъ мы эту породу. Ну, сдѣлайте имъ эту уступку, разъ ужъ у нихъ такъ преувеличенно развито чувство національной гордости. Вѣдь вы въ Новомъ Свѣтѣ; здѣсь многое легко, что было бы трудно въ Старомъ. Что такое фамилія, подданство? Знаете поговорку умныхъ римлянъ — они были практичный народъ: «Родина—тамъ, гдѣ тебѣ хорошо». А о томъ, чтобы вамъ и вашей супругѣ было хорошо у насъ, мы ужъ сумѣемъ позаботиться. Люди привыкаютъ, пускаютъ корни. Да вотъ вамъ примѣръ: я самъ. Я сдѣлалъ именно то, что теперь слѣдуетъ сдѣлать вамъ. И посмотрите на меня—развѣ я каюсь въ этомъ? Имя? Имя—шелуха; самъ человѣкъ — ядро. Проявите свою энергію подъ именемъ Квифорта, добейтесь успѣха — и вы полюбите это имя.

— Принимаете ли вы мѣры къ тому, чтобъ упразднить дѣтскій трудъ въ томъ рудникѣ, который раньше намъ принадлежалъ?—спросила Бигъ, присутствовавшая при этомъ разговорѣ.

Донъ Морено почтительно поклонился.

— Сударыня, первымъ и завиднымъ долгомъ вашего супруга будетъ обсудить, вмѣстѣ съ нами, какъ, при помощи техническихъ приспособленій, упразднить эту жестокую эксплуатацію дѣтей.

Бигъ смотрѣла на меня; въ глазахъ ея я читалъ нѣмую, горячую мольбу.

Главнымъ образомъ изъ-за этого я началъ колебаться, а затѣмъ и палъ. Съ глубокимъ стыдомъ сознаюсь: ради блестящаго положенія я отрекся отъ имени и родины. Смущенный нѣжной мольбой любимыхъ глазъ, я сдѣлалъ величайшую глупость. Какъ

только донъ Морено ушелъ, наступило раскаяніе. Но было уже поздно. У «сильнаго» Іоста Вильди полились слезы изъ глазъ при мысли объ измѣнѣ родинѣ, и самыя ласковыя слова его жены, и даже перспектива облегчить участь бѣдныхъ эксплуатируемыхъ дѣтей были для меня въ эти минуты слабымъ утѣшеніемъ. Я зналъ только, что я поступилъ, какъ Исавъ, промѣнявшій право первородства на чечевичную похлебку. Я утратилъ нѣчто такое, что для человѣка такъ же дорого, какъ воздухъ и свѣтъ.

Прежде чѣмъ я успѣлъ одуматься, я уже получилъ мѣсто, котораго добивался, а донъ Гарсіа Лео Квифортъ, съ тщеславіемъ влюбленнаго старика радовавшійся, что Бигъ будетъ носить его фамилію, самъ, безъ моего содѣйствія, устроилъ все и добылъ мнѣ мексиканскій паспортъ.

Но, когда нѣкоторое время спустя изъ Гауенбурга пришло оффиціальное извѣщеніе о томъ, что я формально исключенъ изъ союза моего народа, этотъ день былъ для меня однимъ изъ самыхъ тяжкихъ въ жизни. Тамъ еще разъ, въ послѣдній разъ, стояло имя: «Іостъ Вильди». Буря бушевала въ душѣ моей. Я самъ себѣ казался отверженцемъ, ударившимъ рукою по лицу родную мать. Теперь я сталъ совсѣмъ чужимъ родинѣ; но и тогда я уже зналъ, что настанетъ день, когда я, стоя у порога родной страны, буду на колѣняхъ молить ее: «Прости невѣрному сыну»...

И, много лѣтъ спустя, день этотъ насталъ.

Когда судьба снова забросила насъ въ Старый Свѣтъ, и мы вернулись къ тѣмъ планамъ жизни, отъ которыхъ уже совсѣмъ отказались-было, я продолжалъ называться тѣмъ же мексиканскимъ именемъ. На это у меня были вѣскія причины. Но никому я не посовѣтовалъ бы слѣдовать моему примѣру. Чувствуется какая-то разорванность въ душѣ, когда вы носите одно имя, а зоветесь другимъ.

Опять сочельникъ—канунъ Новаго Года. Въ полночь, когда внизу, въ долинѣ, звонили колокола, звонъ которыхъ не доносился до меня, я освѣтилъ бенгальскимъ огнемъ обсерваторію и пустилъ съ вершины шесть ракетъ къ безмолвнымъ звѣздамъ: три на прощанье старому, три—въ честь Новаго года. Внизу, очевидно, замѣтили эти знаки. Изъ селеній, расположенныхъ у подножія Фейерштейна, мнѣ отвѣтили такъ же: братья-люди поздравили съ новымъ годомъ одинокаго отшельника снѣжной вершины. Больше всего я радовался огнямъ, которые зажигались въ Зельматскомъ ущельѣ. Всѣ мои мысли были съ вами, мой Гансъ и моя Голтлоба. Дай Богъ, чтобъ этотъ годъ привелъ насъ къ желанной цѣли. Я спрашиваю себя, милый Гансъ, удастся ли намъ завтра пожать другъ другу руку, и сердце мое тревожно бьется...

Не удалось. Приступъ отбитъ. Уже въ десятомъ часу я разглядѣлъ въ мою подзорную трубку, какъ Гансъ и еще нѣсколько человѣкъ пытались вскарабкаться на вершину. Мы видѣли другъ друга, посылали другъ другу привѣты: но, за дальностью разстоянія, разслышать ничего нельзя было. Я видѣлъ только, какъ люди тащили канаты, колья и лѣстницы для борьбы съ нависшими снѣжными глыбами. Но не могъ видѣть ихъ геройской борьбы, такъ какъ скалы вершины слишкомъ круто обрывисты. Часы ожиданія были мучительны. Ни признака жизни... Наконецъ, я не выдержалъ и забывъ о своей хромой ногѣ, заковылялъ имъ навстрѣчу...

Нѣтъ, не стану описывать этотъ день, со всѣми его переходами отъ надежды къ унынію.

Въ три часа у скалы, которая зовется Опаснымъ Шагомъ, опять появились люди; походка ихъ обличала усталость и уныніе. Помахавъ мнѣ платками, они повернули и поспѣшно стали спускаться обратно въ долину. Гансъ, утромъ шедшій впереди всѣхъ, теперь шелъ послѣднимъ. Время отъ времени онъ оборачивался и поглядывалъ на Фейерштейнъ. Вплоть до наступленія сумерекъ, мнѣ видно было это унылое шествіе. Когда послѣдній скрылся изъ виду, я страшно затосковалъ въ своемъ одиночествѣ.

Да, Гансъ, хотѣлось бы поговорить съ тобой — о тебѣ, о Готлобѣ; это такъ подбодрило бы меня...

Что же теперь? Скрѣпиться, терпѣливо перенести это тяжкое разочарованіе, пережить какъ-нибудь этотъ грустный день — и писать, писать...

Измѣна родинѣ не принесла счастья ни мнѣ, ни Бигъ. Не мало времени понадобилось мнѣ, чтобы освоиться съ мыслью, что теперь я—Лео Квифортъ младшій. Когда я, съ кѣмъ-нибудь знакомясь, называлъ себя этимъ именемъ, я со стыдомъ мысленно говорилъ себѣ: «Какъ ты лжешь, Іостъ Вильди». Но постепенно я пріучилъ себя къ новой кличкѣ, и, когда буря въ душѣ моей, вызванная перемѣной фамиліи и національности, немного улеглась, жизнь въ Марсилѣ стала мнѣ очень нравиться. Обязанности, связанныя съ моимъ новымъ мѣстомъ, были для меня не трудны; дѣло привычное, торговое, а жизнь была обставлена очень красиво. Съ высоты, на которой стояла наша маленькая вилла, открывался живописный видъ на долину, прорѣзанную свѣтлой рѣкой. Несмотря на прохладный горный климатъ, всѣ дома нашихъ служащихъ были окружены прелестными садами; надъ нами, какъ въ Зельматѣ, высылись крутыя высокія горы, на вершинахъ которыхъ утромъ и вечеромъ горѣла заря, и снѣга на нихъ отливали розовымъ блескомъ.

Бывали мгновенія, часы, цѣлые дни, когда я говорилъ себѣ, что мое теперешнее положеніе куплено не слишкомъ дорогою цѣной, вздыхалъ свободнѣе и сердцемъ вѣрилъ, что постепенно мы приживемся здѣсь, привыкнемъ и пустимъ корни въ этой странѣ. Въ одномъ изъ такихъ счастливыхъ настроеній я не

устоялъ противъ желанія написать Конраду Бальмеру, какой переворотъ произошелъ въ судьбѣ бывшаго Іоста Вильди, и какъ онъ хотя и тяжелою, дорогой цѣной, но все же достигъ высокаго и завиднаго положенія. На это письмо я получилъ неожиданно любезный отвѣтъ. «Я увѣренъ, — писалъ Бальмеръ, — что и въ Новомъ свѣтѣ вы сумѣете создать себѣ богатый и прекрасный міръ; что же касается жертвъ, нечего жалѣть о нихъ, ибо всякій, кто пробиваетъ себѣ дорогу, платитъ за успѣхъ кровью своего сердца». Письмо это, въ которомъ была и учтивая просьба «передать поклонъ супругѣ», окончательно залечило старую рану и было мнѣ какъ бы порукой, что мы дѣйствительно начинаемъ пускать корни въ Марсилѣ.

Почему бы и нѣтъ? Даже Бигъ примирилась съ мыслью, что страна, гдѣ она родилась, стала родиной для насъ обоихъ. Она углубилась въ изученіе исторіи Мексики, исторіи ея открытія и завоеванія, и тѣмъ болѣе увлеклась этимъ, что во время нашихъ экскурсій и поѣздокъ мы видѣли немало интереснѣйшихъ развалинъ и памятниковъ, свидѣтельствовавшихъ о высокомъ уровнѣ культуры первобытнаго населенія страны.

— Мой отецъ ничего не говорилъ мнѣ объ этомъ, — жаловалась она;—но теперь я сама вѣрю, что могу полюбить эту страну. Она обвѣяна ароматомъ искусства и поэзіи.

Къ сожалѣнію, такіе моменты у жены моей были не часты. Она вскорѣ стала любимицей марсильской аристократіи, но нерѣдко задѣвала сравненіями Мексики съ Италіей, всегда въ ущербъ первой. Изъ этого я заключалъ, что втайнѣ она все еще тоскуетъ по Европѣ. И порой я видѣлъ ее серьезной, слишкомъ серьезной.

— Ну, будь же снова веселымъ, шаловливымъ, балованнымъ ребенкомъ, въ котораго я влюбился въ Гамбургѣ,—просилъ я.— Она отвѣчала только нѣжнымъ: «Іостъ!» — и, когда я, усталый, послѣ работы, возвращался въ нашъ прелестный домикъ, она бросалась мнѣ навстрѣчу съ ликующимъ крикомъ: «Іостъ Вильди! Іостъ Вильди!» чтобы порадовать меня звукомъ стараго, привычнаго имени. Но на щекахъ ея я видѣлъ слѣды тайныхъ слезъ.

Моей женѣ недоставало ребенка. Я самъ мечталъ объ этомъ; мнѣ самому хотѣлось, чтобы сынъ или дочь связали меня еще крѣпче съ моей новой родиной, но печалиться, какъ Бигъ, о несбывшейся надеждѣ я не могъ. Ея горе было глубоко и безмолвно; только разъ у нея вырвалось съ тоской и завистью: «Какъ я завидую этой нищенкѣ! у нея есть ребенокъ».

Нѣсколько недѣль спустя, незадолго до второго Рождества, которое мы проводили въ Мексикѣ, въ одномъ изъ рудниковъ нашего общества произошелъ несчастный случай. Ирландецъ-инженеръ, изъ низшихъ служащихъ, былъ убитъ преждевременнымъ взрывомъ мины. Рабочіе вокругъ сокрушались: — «Послѣ него осталась двухъ-лѣтняя дочка. Бѣдная сиротка! У нея вѣдь нѣтъ и матери — мать недавно умерла». Я разыскалъ малютку, намѣреваясь передать ее на попеченіе моей жены, но въ первый

моментъ даже не рѣшался это сдѣлать. Бѣдный ребенокъ былъ безобразенъ, тщедушенъ до нельзя — кожа да кости — и при этомъ явно болѣзненъ. И я, робѣя, протянулъ Бигъ это хилое созданьице, со словами:

— Вотъ тебѣ рождественскій подарокъ.—При видѣ безобразія ребенка ротъ ея невольно искривился въ гримаску; но скоро жалость побѣдила и, когда нѣсколько тупой взглядъ ребенка оживился радостью при видѣ елки, стоявшей на нашемъ столѣ, она уже завоевала сердце Бигъ. Она берегла и лелѣяла Модъ—такъ звали дѣвочку—какъ свое родное дитя, но ребенокъ продолжалъ хирѣть, а къ осени и совсѣмъ расхворался. «Не приспособленный для жизни организмъ»,—пожимая плечами, говорилъ докторъ.—Всѣ мысли Бигъ теперь сосредоточены на томъ, чтобы вырвать у смерти малютку; она трогательно и самоотверженно заботилась объ этомъ чужомъ ребенкѣ. Тѣмъ не менѣе подъ Рождество Модъ лежала подъ елкой въ маленькомъ бѣломъ гробикѣ.

Мы давно знали, что этого слѣдовало ждать, но, тѣмъ не менѣе, смерть малютки потрясла Бигъ гораздо сильнѣе, чѣмъ я могъ предполагать. Блѣдная, уставившись въ пространство, она сидѣла, недвижная, какъ изваяніе. Я утѣшалъ ее тѣмъ, что у насъ, можетъ быть, скоро будетъ свое дитя, которое съ избыткомъ замѣнитъ намъ Модъ. Но она только подняла ко мнѣ искаженное мукой лицо.

— Что ты такое говоришь, Іостъ? Свое дитя—когда и чужія, лишь только я коснусь ихъ, погибаютъ. Я знаю: каждый ребенокъ, который мнѣ станетъ дорогъ, долженъ умереть. — Вся ея неестественно выпрямленная фигура выражала ужасъ и отчаяніе.

— Ты сама больна, голубка. Откуда у тебя такія ужасныя мысли?

Подъ моими ласками горе ея вылилось въ слезахъ.

— Да, Іостъ, я очень больна!—рыдала она, сжимая мою руку въ своихъ дрожащихъ рукахъ.

Испуганный, я вызвалъ лучшаго мѣстнаго врача. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль онъ наблюдалъ за Бигъ и, наконецъ, сказалъ мнѣ:

— Если вамъ дорога ваша жена, увезите ее обратно въ Европу—здѣсь ей не поправиться. У нея тяжелая форма душевнаго разстройства.

Это былъ ударъ грома среди яснаго неба, разрушившій всѣ мои планы, всѣ надежды. Я не сразу рѣшился. Затѣмъ ли я принесъ такую тяжелую жертву, отрекся отъ имени и родины, чтобы такъ скоро снова покинуть страну, гдѣ только началъ приживаться, и промѣнять ее на неизвѣстность? Затѣмъ ли я сдѣлалъ доброе дѣло, принесши моей женѣ осиротѣвшаго ребенка, чтобъ этотъ ребенокъ унесъ послѣднюю крупицу душевнаго покоя, добытую съ такимъ трудомъ? Правда, два обстоятельства нѣсколько примиряли меня съ коварствомъ судьбы: человѣкъ, великодушно уступившій мнѣ свое имя, и во всемъ

поддерживавшій меня, лежалъ въ постели, разбитый параличемъ, и многіе изъ родственниковъ моей жены, раньше дружившіе со мной, теперь отшатнулись отъ меня, подъ предлогомъ, будто бы я недостаточно охраняю ихъ интересы въ нашемъ горнозаводскомъ предпріятіи и добиваюсь лишь собственныхъ выгодъ.

Прошло нѣсколько дней — и случилось нѣчто, положившее конецъ моимъ колебаніямъ. Я засталъ Бигъ надъ книжкою стихотвореній Гете, въ безграничномъ отчаяніи: она сидѣла, вся застывшая, держа пальцы на раскрытой страницѣ, и испуганно вскрикнула при видѣ меня.

— Что съ тобой, моя бѣдняжка? О чемъ ты все тоскуешь?— ласково допытывался я. Она страшно смутилась, растерялась, взмолилась:

— Іостъ! дай мнѣ немного побыть одной!—Но, почувствовавъ, что я пристально смотрю на нее, пролепетала едва слышно, но внятно:—Всякой винѣ на землѣ бываетъ возмездіе.

Я съ тревогой, пытливо смотрѣлъ на нее: во мнѣ снова шевельнулось мучительное подозрѣніе, какъ тогда въ больницѣ, въ Гамбургѣ. Подъ этимъ моимъ пытливымъ взоромъ она утратила всякую власть надъ собою. Почти со стономъ у нея вырвалось:

— Іостъ, подумай о бѣдныхъ, замученныхъ дѣтяхъ въ рудникѣ. Почему мой отецъ принужденъ былъ покинуть родину и скитаться по свѣту, какъ Вѣчный Жидъ? Почему у меня нѣтъ дѣтей? Не потому ли, что на насъ лежитъ проклятіе, что наше богатство было нажито чужими страданіями? Человѣку не подъ силу уловить причинную связь явленій. Пути судьбы неисповѣдимы. Но я чувствую, что это такъ. Директора говорятъ, что теперь участь дѣтей облегчена. Кто знаетъ, правда ли это? Ваши машины привезутъ еще только черезъ три года. А, можетъ быть, и черезъ пять лѣтъ ихъ не привезутъ...

Мучительная тоска звенѣла въ ея голосѣ; все тѣло ея содрогалось, глаза горѣли...

Я молча, въ душѣ, просилъ прощенья у моей благородной жены за то, что смѣлъ подозрѣвать ее.

— Бигъ, хотѣлось бы тебѣ вернуться со мной въ Европу?

Она вся насторожилась. На ея блѣдномъ, исхудаломъ личикѣ заиграла мечтательная улыбка.

— Да, Іостъ! — вздохнула она и склонила голову мнѣ на плечо.

— Зоммерфельдъ мнѣ пишетъ,—продолжалъ я,—что онъ въ послѣдній разъ предпринимаетъ турнэ въ качествѣ воздухоплавателя. Что же, поступимъ къ нему въ ученики?

— Да, Іостъ,—прошептала она, блаженно упиваясь моими словами, какъ волшебной сказкой.—Я никогда не была такъ счастлива, какъ съ тобою на аэростатѣ.

— И ты станешь опять здоровой и веселой, какъ въ Гамбургѣ?

— Я постараюсь забыть, что на свѣтѣ есть такія ужасныя вещи, какъ рудники и замученныя маленькія дѣти, я буду думать

только о томъ, какъ ты безконечно добръ ко мнѣ, мой Іостъ. Я знаю—ты предпочелъ бы остаться въ Марсилѣ, но въ Европѣ я опять стану веселой и радостной... Обѣщаю тебѣ это...—Глаза ея сіяли, какъ два голубыхъ солнца.

Тяжко было для меня это рѣшеніе. Но въ цѣломъ мірѣ у меня не было никого, кромѣ моей жены, и любилъ я ее больше всего на свѣтѣ.

Апрѣль былъ въ началѣ, когда мы покинули Гванахуато и сѣли на корабль, который долженъ былъ доставить насъ въ Европу. Я очень тосковалъ, хотя и старался не показывать этого Бигъ. Отказъ отъ мѣста, которое я занималъ въ Марсилѣ, былъ окончательнымъ разрывомъ съ мирной жизнью, которая, въ концѣ-концовъ, всего больше мнѣ была по вкусу. Самъ гнѣвно издѣваясь надъ собой и крушеніемъ всѣхъ моихъ плановъ, отчасти по влеченію, отчасти изъ любви къ моей женѣ, я избралъ своей профессіей воздухоплаваніе.

Милый мой Гансъ! Никто не знаетъ воздухоплавателя Іоста Вильди; но о Лео Квифортѣ слышали многіе. Поразспроси людей. Свѣтъ скоро забываетъ, но все же еще во многихъ городахъ и странахъ найдутся люди, которые помнятъ это имя, въ свое время гремѣвшее по свѣту. Они скажутъ тебѣ: «Онъ былъ смѣлъ и мужественъ, но осторожепъ. У него была красавица жена. Такую парочку рѣдко встрѣтишь—настоящая чета артистовъ; и оба съ незапятнанною репутаціей. Немало женщинъ пытались соблазнить своими страстными взглядами гордаго аэронавта Лео Квифорта; не одинъ мужчина отдалъ бы все свое состояніе и честь въ придачу за одну улыбку Бигъ Квифортъ. Но капитанъ умѣлъ шутливо отклонять улыбки и мольбы своихъ поклонницъ, а жена его однимъ надменнымъ взглядомъ умѣла такъ уничтожить дерзкаго поклонника, что у того ужъ больше не хватало мужества надоѣдать ей своимъ ухаживаніемъ. Никогда третій или третья не становились между этими супругами, изумлявшими міръ своей вѣрностью... И все же, однажды лѣтомъ, воздухоплаватель появился одинъ, безъ жены... О причинахъ говорили разно. Самъ капитанъ не опровергалъ ни одной изъ версій, пытавшихся объяснить исчезновеніе Бигъ Квифортъ, и чѣмъ дольше жилъ, тѣмъ болѣе становился философомъ».

Такъ, мой Гансъ, отвѣтятъ тебѣ, если ты въ какомъ-нибудь большомъ городѣ вздумаешь навести справки о воздухоплавателѣ Лео Квифортѣ. Почему я оставилъ за собой это имя, котораго я, въ сущности, всегда терпѣть не могъ, а не вернулся къ прежнему милому имени Іоста Вильди?—спросишь ты.—Мнѣ стыдно было, что на родинѣ могутъ узнать, что я, сынъ почтенныхъ родителей, честнаго крестьянина и торговца Клауса Вильди изъ Зельмата сталъ искателемъ приключеній, богемой и «артистомъ». И потомъ,—этого хотѣла Бигъ.

На аэростатѣ забывается многое. Вольная жизнь перелетныхъ птицъ разрушила мрачныя чары, владѣвшія въ Марсилѣ душою Бигъ. Она сдержала свое обѣщаніе: она вновь стала моей веселой, шаловливой, радостной женой, которая всюду, гдѣ она ни

появлялась, вызывала восхищеніе, пріязнь и сочувствіе. Веселой?— Вправду ли она была веселой?..

Теперь я навѣрное знаю, что незнакомецъ, котораго я раза два видѣлъ въ Зельматской долинѣ, входящимъ въ домъ Хангштейнера, былъ докторъ изъ Цвейбрюкена, и еще третьяго дня заподозрилъ, что Хангштейнеръ, давно уже хворавшій, умеръ, такъ какъ изъ дому и въ домъ все время сновали темныя фигуры. А вчера вечеромъ мои подозрѣнія подтвердились. Возлѣ скромной церковки, выстроенной на мѣстѣ прежняго величаваго Божьяго дома, двое людей долго возились въ сугробѣ, видимо, роя могилу.

Въ моей душѣ бушевала такая буря чувствъ, что я не могъ дотронуться до моей рукописи. Мнѣ жутко было думать о бренности человѣческой природы; я поспѣшилъ сдѣлать всѣ нужныя распоряженія на случай моей собственной кончины, написалъ письма, завѣщаніе и уничтожилъ все, что напоминало только о моихъ человѣческихъ слабостяхъ — письма и портреты всѣхъ женщинъ, которыя звались не Дуглорой и не Абигаилью.

Хотя Хангштейнеръ и не былъ мнѣ другомъ, все же мнѣ жаль, что онъ такъ рано умеръ. Смерть все примиряетъ. Я сегодня присутствовалъ на его похоронахъ. Въ темномъ праздничномъ костюмѣ я стоялъ на вершинѣ и, когда кучка одѣтыхъ въ черное людей, зельматцевъ и нѣсколькихъ цвейбрюкенцевъ, опустила гробъ въ могилу, я снялъ шляпу и мысленно послалъ умершему послѣдній, прощальный привѣтъ. Онъ, навѣрное, былъ трогательнѣй надгробной рѣчи, сказанной цвейбрюкенскимъ священникомъ, который иногда отправляетъ требы въ маленькой зельматской церкви, въ немъ была сердечная признательность за единственный красивый и безкорыстный поступокъ, совершенный покойникомъ за всю его долгую и по мужицки узкую жизнь — за спасеніе Дуглоры въ самый тяжкій часъ ея жизни. Объ этомъ лучшемъ дѣлѣ его жизни на родинѣ такъ и не узнали. Да и какъ могли узнать? Новобрачные никогда не поминали о Гамбургѣ, а, когда у нихъ родился ребенокъ, они жили совсѣмъ одни въ пустынѣ, въ которую превратился Зельматъ послѣ катастрофы. Никто и не пытался проникнуть въ ихъ тайны. Хангштейнеръ не отдалъ на поруганіе женщину, обладаніе которой стоило ему такихъ жертвъ и такой тяжелой борьбы. Когда у Дуглоры родилось дитя, онъ пошелъ въ Цвейбрюкенъ въ канцелярію Совѣта, и заявилъ: «У меня родился ребенокъ. Запишите его въ метрическую книгу. Отецъ—я, Мельхи Хангштейнеръ, мать—Дуглора Хангштейнеръ, урожденная Имоберштегъ».

Это былъ подлогъ въ глазахъ закона. Сама Дуглора была не способна на такой обманъ, но, измученная и ослабѣвшая, она допустила своего мужа довершить подвигъ любви, начатый имъ въ Гамбургѣ. Этотъ подлогъ спасалъ ея доброе имя, возвращалъ ей душевный покой, безъ котораго она не въ состояніи была жить. Рана понемногу зажила и, благодарная небу, спасшему ее

изъ бездны, куда она упала по моей винѣ, она назвала свое дитя Готлобой.

Я не могу осуждать за это ни Дуглору, ни Хангштейнера. Безъ самопожертвованія этого зельматскаго мужичка она, вѣрнѣй всего, утопилась бы въ Эльбѣ, раньше чѣмъ я вернулся бы изъ своего подневольнаго пути и разорвалъ бы сѣти лжи, которыми опутала ее другая женщина, обезумѣвшая отъ любви. Жертва Хангштейнера представляется мнѣ милосердіемъ судьбы по отношенію не только къ Дуглорѣ, но и ко мнѣ.

Хангштейнеръ воспитывалъ Готлобу, какъ свою родную дочь, и никому и въ голову не приходило усумниться, что она—не его дитя. Свѣтъ, вѣдь, слѣпъ: онъ повѣритъ чему угодно, только покажите ему оффиціальныя бумаги, подтверждающія это. Вѣдь, онъ повѣрилъ и тому, что я—Лео Квифортъ, мексиканецъ. Положимъ, что я, потомокъ дикихъ людей, со своимъ смуглымъ цвѣтомъ лица, могъ сойти за южанина. Но какъ могли они повѣрить, что Готлоба—дочь Хангштейнера? Развѣ растутъ розы на боярышникѣ? Достаточно было взглянуть на ея огненные темные глаза—и на остальныхъ дѣтей Дуглоры, младшихъ братьевъ и сестеръ Готлобы. Одинъ только обратилъ на это вниманіе—Гансъ, и послѣ этого онъ сталъ мнѣ еще дороже.

Мельхи Хангштейнеръ! Я не брошу камня на твою могилу Что ты меня ненавидѣлъ — это понятно. Но по отношенію къ Дуглорѣ ты былъ до непонятности благороденъ; ты былъ добрымъ отцомъ Готлобѣ, и я готовъ простить тебѣ ,что ты, соблазнившись богатствомъ, хотѣлъ насильно выдать ее замужъ. Вѣдь ты былъ необразованнымъ землепашцемъ изъ Зельматской долины. Да будетъ тебѣ легка земля, да свѣтитъ тебѣ вѣчный свѣтъ.

Такова была моя безмолвная надгробная рѣчь. Когда кучка людей, засыпавъ могилу, разошлась съ кладбища, я вернулся въ обсерваторію, и тутъ только разрѣшилъ себѣ подумать о томъ, какія послѣдствія можетъ имѣть смерть Хангштейнера для Готлобы, для Ганса и для меня самого.

Ничего не могу подѣлать съ собой: все же какъ будто солнечный лучъ проникъ въ мою одинокую келью на вершинѣ. Моя юная парочка можетъ теперь открыто, передъ цѣлымъ свѣтомъ, признать свою любовь, а я свободенъ отъ труднаго обѣта, даннаго мной у смертнаго одра Дуглоры. Я въ правѣ говорить, въ правѣ писать, открыть тайну и, безъ всякихъ опасеній, отдать эту рукопись тебѣ, мой милый Гансъ. Теперь я спокоенъ и найду въ себѣ силу описать бурные и трудные дни, которые мнѣ пришлось пережить.

ГЛАВА XXII.

Въ половинѣ мая я поступилъ въ ученики къ Зоммерфельду. Воздухъ, солнце, радость—все это излѣчиваетъ больное сердце. Бигъ всей душой ликовала, радуясь, что я выбралъ такое призваніе. Пока смерть не закроетъ мнѣ усталыхъ очей, до послѣдней минуты я буду помнить тотъ восторгъ въ лицѣ, ту радостную

гордость, съ какой она стояла со мною рядомъ въ корзинѣ, когда я предпринялъ первый самостоятельный полетъ на «Сатурнѣ».

Когда Зоммерфельдъ осенью удалился на покой, въ свою родную Баварію, чтобы отдыхать тамъ, занимаясь охотой и рыбной ловлей, мы изъ благодарности къ нему и особаго довѣрія, питаемаго нами къ его шару, пріобрѣли въ собственность его «Сатурнъ». Но, прежде, чѣмъ самимъ на немъ пуститься въ свѣтъ, прожили очень пріятную зиму въ Парижѣ. Насколько возможно изучить воздухоплаваніе теоретически, я изучилъ его въ городѣ, который уже столѣтіе тому назадъ видѣлъ надъ своими крышами первый воздушный шаръ и съ тѣхъ поръ сохранилъ за собой первенствующее положеніе въ аэронавтикѣ. Несчетныя надежды были связаны съ этимъ первымъ воздушнымъ кораблемъ, съ этимъ крылатымъ младенцемъ, воплотившимъ въ себѣ мечту Икара. Уже въ годы моего ученичества я убѣдился, насколько воздушный шаръ, за цѣлое столѣтіе не обучившійся повиновенію, остается и понынѣ, несмотря на всѣ правила и формулы, причудливымъ созданіемъ, игрушкой воздуха и вѣтровъ; но, поскольку существуютъ наука и техника воздухоплаванія, я постигъ ихъ и сдалъ экзаменъ на аэронавта передъ французскими учителями.

Воздухоплаваніе вопросъ не столько знанія, сколько таланта. У меня былъ этотъ талантъ: я инстинктивно чувствовалъ, въ чемъ тайна удачныхъ полетовъ; взоръ Бигъ, полный горячаго сочувствія, согрѣвалъ и бодрилъ меня.

— Это наше дитя!—ликовала она, любуясь «Сатурномъ». Впервые я самостоятельно выступилъ на поприщѣ аэронавтики въ Марсели, совсѣмъ мнѣ незнакомой и очень мало знакомой моей женѣ. Затѣмъ, мы двинулись въ Италію, гдѣ прошла вся скитальческая юность Бигъ, дорогую ей, почти какъ родина, и рѣшили осень провести въ Тріестѣ, чтобы разыскать, если возможно, ея бывшую служанку, Гериту, и попробовать снова взять въ горничныя эту милую ей по воспоминаніямъ дѣвушку.

Не имѣя надобности жить исключительно заработкомъ, со дня на день, мы не гнались за рекламой, избѣгали всякихъ рискованныхъ приключеній и никого настойчиво не зазывали къ себѣ въ пассажиры. Поэтому вначалѣ, въ особенности, при первомъ полетѣ въ какомъ-нибудь новомъ городѣ, мнѣ нерѣдко случалось подниматься на «Сатурнѣ» безъ постороннихъ пассажировъ. Ну такъ что-жъ? Я спокойно дѣлалъ свое дѣло, наполняя газомъ шаръ въ кругу любопытныхъ зрителей, близость которыхъ всегда была для меня самымъ непріятнымъ въ моемъ ремеслѣ и дѣйствовала мнѣ на нервы, но сочувствія которыхъ я не хотѣлъ бы лишиться, такъ какъ оно оплачивало часть издержекъ на полеты, весьма крупныхъ. Бигъ, которой пребываніе въ толпѣ было еще непріятнѣе, чѣмъ мнѣ, слѣдила, гдѣ это было возможно, за приготовленіями изъ окна какого-нибудь сосѣдняго домика и лишь въ послѣднюю минуту, застѣнчиво краснѣя, но въ качествѣ дамы изъ общества, входила въ кругъ зрителей. Это неиз-

мѣнно вызывало сенсацію. — «Кто эта красивая незнакомка? Неужели и она полетитъ съ нимъ?» Она же, не обращая вниманія на изумленіе зрителей, граціознымъ движеніемъ, какъ тогда, въ Гамбургѣ, при первомъ нашемъ полетѣ, позволяла мнѣ приподнять себя и ужъ изъ корзины, небрежно помахивая зонтикомъ, кивала головкой зрителямъ, въ то время какъ «Сатурнъ», словно нетерпѣливый конь, рвался впередъ, становясь на дыбы.

— Кто это отважная молодая дама, которая такъ спокойно садится въ гондолу, словно въ обыкновенную лодку?—Весь городъ ломалъ себѣ надъ этимъ голову, и, на ряду съ моей спокойною силой, главнымъ образомъ, красота, отважность и грація Бигъ вызывали сочувствіе и довѣріе къ нашимъ полетамъ и вербовали намъ первыхъ пассажировъ.

Самые дивные полеты были тѣ, когда мы съ Бигъ вдвоемъ купались въ лазури. Она слѣпо вѣрила въ меня, во время полетовъ была весела, какъ птичка, и не пугалась, если мы наталкивались на какое-нибудь непредвидѣнное приключеніе.

Первое такое приключеніе — нежданную грозу мы пережили во Флоренціи. Внезапно поднявшійся вѣтеръ погналъ насъ на Апеннины. То почти касаясь земли, то взвиваясь къ прорѣзаннымъ молніями облакамъ, мы неслись съ невѣроятной быстротой, гонимые свистомъ бури. О спускѣ нечего было и думать. Мы рисковали либо поломкой якоря, либо разрывомъ оболочки шара. Стемнѣло; изъ фантастическихъ призрачныхъ тучъ вышла луна—и снова исчезла, и мракъ, окутавшій насъ, сталъ еще гуще. Высунувъ голову изъ-за края корзины, я напряженно вглядывался въ темноту, пытаясь разглядѣть очертанія мѣстности; а Бигъ, возбужденная бурей и опасностью, ликовала: «Іостъ! мой буревѣстникъ!» Около полуночи я выкинулъ гайдропъ, слегка замедлившій ходъ «Сатурна». Наконецъ, намъ удалось спуститься; но напрасно трубилъ я въ рожокъ, силясь привлечь пастуховъ, чтобъ они указали намъ дорогу и кровъ. Пришлось провести ночь подъ открытымъ небомъ, рядомъ съ «Сатурномъ»; только на разсвѣтѣ къ намъ, крадучись, подошли пастухи и объяснили, что ночью, при лунномъ свѣтѣ, они нѣсколько разъ видѣли шаръ, но принимали его за сказочнаго быка изъ Апокалипсиса, который подниметъ на рога свои землю. Какъ искренно хохотала надъ этимъ моя жена, ни на минуту не утратившая хорошаго настроенія духа!..

Три дня во Флоренціи только и было рѣчей, что объ юной мексиканской четѣ воздухоплавателей и ихъ рискованномъ ночномъ полетѣ.

Въ отель, гдѣ мы остановились, поминутно являлись мужчины и дамы изъ мѣстнаго общества и пріѣзжіе—освѣдомиться о нашемъ здоровьѣ и подробностяхъ нашей воздушной экскурсіи. Всѣ они были очарованы милой непосредственностью и блестящимъ умомъ моей Бигъ, и многіе, вначалѣ глядѣвшіе на насъ свысока, уходя уносили о насъ иное и болѣе лестное мнѣніе. Отнюдь не стараясь о томъ, мы получили доступъ въ луч-

шее общество; приглашенія сыпались градомъ; оказались у насъ и друзья, и пассажиры, и, когда мы уѣзжали изъ Флоренціи, рукопожатіямъ, пожеланіямъ встрѣтиться снова и цвѣтамъ, подносимымъ Бигъ, не было счета.

Это придавало намъ мужества. Почти играя, мы привыкали къ нашей новой работѣ и къ широкой интернаціональной общественной жизни. Никто не узналъ бы въ Лео Квифортѣ, владѣвшемъ нѣсколькими языками и всѣми формами общежитія, какъ прирожденный туристъ, Іоста Вильди изъ Зельмата, и это наше инкогнито чрезвычайно забавляло Бигъ. Какъ только мы возвращались откуда-нибудь къ себѣ домой, въ свою тихую комнатку, плутовка шаловливо кричала: «Іостъ — Іостъ — Іостъ Вильди!» и, впиваясь сіяющимъ взоромъ въ мои глаза, допытывалась:—«Іостъ, правда, тебѣ со мною лучше всего?»

Ну, разумѣется, лучше. Что мнѣ были всѣ эти красивыя женщины и дѣвушки — итальянки и чужеземки, съ которыми насъ приводила въ соприкосновеніе кочевая жизнь воздухоплавателей, и всѣ ихъ совершенства? Моей зѣницей ока оставалась Бигъ, мой дорогой товарищъ, къ которому я былъ привязанъ всѣми фибрами своего сердца, очаровательная, прелестная женщина, ласковой рукой сгонявшая съ моего чела всякій слѣдъ заботы, гордая, свободная душа, съ которой я цѣликомъ сливался мыслью.

Но и среди забавъ, и несмотря на мою безграничную привязанность къ Бигъ, въ памяти моей порою вставалъ образъ Дуглерли. Даже во время полетовъ.

Помню одну дивную сентябрьскую ночь. «Сатурнъ» висѣлъ недвижно, какъ лампада, надъ Неаполемъ, въ мягкой синевѣ, окутывавшей землю и море, островъ Капри, мысъ, бѣлыя виллы, далекую горную цѣпь и огонь, извергаемый Везувіемъ, сливая все въ мягкой гармоніи красокъ. Бигъ покоилась на медвѣжьей шкурѣ, постланной поверхъ мѣшковъ съ балластомъ. Разговоръ у насъ что-то не клеился и понемногу затихъ. Немного погодя, я замѣтилъ, что жена моя спитъ. Я глядѣлъ на нее и радовался, что «Сатурнъ» кажется ей такимъ же надежнымъ, какъ колыбель ребенку, и, задумчиво глядя въ пространство, стерегъ ея сонъ. И вдругъ, увидѣлъ передъ собою пару большихъ, темныхъ, задумчивыхъ глазъ. И такая безконечная грусть охватила меня въ этомъ звѣздномъ просторѣ. Съ устъ спящей сорвался стонъ, словно она почувствовала, какъ поглощенъ я теперь мыслью о своей первой любви. Когда она, наконецъ, раскрыла глаза, я сказалъ ей: «Дитя, тебѣ, должно быть, снился тяжелый сонъ»? Заставивъ себя улыбнуться, она отвѣтила: «Да, индійскія дѣти въ Марсильскихъ копяхъ».

Въ Неаполѣ мы, впервые за этотъ первый годъ нашихъ скитаній, имѣли крупный успѣхъ. Молодая неаполитанка изъ мѣстной аристократіи, пылкое существо, горячо привязавшееся къ Бигъ, была первой нашей пассажиркой. Полетъ закончился не совсѣмъ такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось,—на вершинѣ пиніи, среди Кампаньи Камальдоли; но молодая женщина была въ восторгѣ,

и дня два спустя явилась къ намъ опять, въ сопровожденіи своего мужа и еще одной парочки, также желавшей принять участіе въ полетѣ. Я предупредилъ это маленькое общество, что «Сатурну» придется летѣть надъ заливомъ, и нанялъ пароходикъ, «Флоренцію», который долженъ былъ сопровождать насъ въ полетѣ. Подъ направленными на него сотнями подзорныхъ трубъ и бинокле́й, «Сатурнъ» взвился ввысь и понесся надъ зеркальными водами залива, покрытыми множествомъ лодокъ, и парусныхъ, и гребныхъ, къ Соррентскому мысу. Воздухъ былъ почти недвиженъ, и постепенно шаръ нашъ замедлилъ полетъ. Вечерѣло: Сорренто бѣлѣло вдали, но, если летѣть туда, мы рисковали, что ночь насъ застанетъ въ пути, и я предпочелъ спуститься на море. Матросы «Флоренціи» поймали канатъ брошеннаго мной якоря, крѣпко привязали его, и пароходикъ поплылъ обратно къ неаполитанской гавани, таща за собою «Сатурнъ». Море искрилось, словно алмазное; городъ вдали сверкалъ міріадами свѣтлыхъ точекъ, огоньковъ. Когда «Флоренція» и «Сатурнъ» одновременно причалили къ набережной, несмѣтная толпа, дожидавшаяся насъ на берегу, подняла радостный крикъ. Въ первый разъ эти люди видѣли спускъ воздушнаго шара надъ моремъ. Они бросали шапки въ воздухъ и со свойственнымъ неаполитанцамъ энтузіазмомъ, кричали: «Evviva Leo Quiford». Я остался къ этому равнодушенъ, но весь городъ былъ въ восторгѣ отъ «Сатурна», и одинъ удачный полетъ смѣнялся другимъ.

Уже въ концѣ октября мы перебрались въ Тріестъ, чтобы разыскать Гериту. Это оказалось не такъ-то легко. Наконецъ, мы нашли ее уже замужней женщиной, счастливой и живущей въ очаровательномъ уголкѣ, въ какой-нибудь четверти часа ѣзды отъ города. Разумѣется, о томъ, чтобы Герита, бросивъ мужа и дѣтей, отправилась съ нами дѣлить наши скитанія, не могло быть и рѣчи; но обѣ молодыя женщины трогательно радовались встрѣчѣ, и мнѣ понравились и Герита, разсказывавшая множество милыхъ черточекъ и анекдотовъ изъ эпохи дѣтства моей Бигъ, и ея домикъ, окруженный пиніями, лаврами и оливковыми деревьями.

— Еслибъ у насъ были дѣти, какъ у Гериты, Іостъ, — говорила Бигъ, радуясь счастью своей старой пріятельницы, — мы тоже поселились бы здѣсь, построили бы себѣ дачу. Не то, чтобы Тріестъ особенно нравился мнѣ, какъ городъ, но я люблю Гериту, мнѣ нравитея ея мужъ и ея темнокудрыя ребятишки, а мѣсто дивное: мягкій климатъ юга, яркое море съ бѣлыми парусами и почти безпредѣльною ширью, въ которой мысли и мечты могутъ купаться, какъ лебеди.

Она каждый день навѣщала Гериту, баловала ея дѣтей, которыя были отъ нея въ восторгѣ, и общеніе съ милой, веселой итальянкой какъ бы возвращало ей юность, создавало иллюзію, въ которой отдыхала ея душа. Во время послѣдняго полета съ тремя пассажирами изъ Тріеста, мы съ Бигъ заговорили объ отъѣздѣ и о томъ, что зиму мы намѣрены провести въ Венеціи, Флоренціи и Римѣ.

— Какъ, г. Квифортъ, — возмутились они, — вы хотите покинуть насъ, не увидавъ Миррамаре съ его волшебными садами, и дворца, который такъ тѣсно и такъ печально связанъ съ судьбою вашей родины, Мексики?» — Въ благодарность за дивный полетъ, они организовали прелестную экскурсію во дворцы Миррамаре и Дуино, въ которой приняли участіе много мужчинъ и дамъ.

Разукрашенный гирляндами южныхъ фруктовъ каботажный пароходъ едва успѣлъ выбраться изъ путаницы судовъ, которыми кишитъ гавань Тріеста, какъ передъ нами уже загорѣлись на фонѣ горъ, облитые заревомъ осенняго заката дворцы Адріатики. Нѣжные звуки скрипокъ и мандолинъ услаждали нашъ путь. Бигъ была въ полномъ восторгѣ.

Но Бигъ была захвачена другою картиной—сосѣдними развалинами—Альтъ-Тибейнъ.

— Ахъ, зачѣмъ я не художница! — восклицала она. — Вотъ готовая картина: изъ лазурнаго моря поднимается дикій отвѣсный утесъ, лишь искрошеннымъ волнами, рифомъ соединенный съ твердой землей. На вершинѣ его видны арки, башни, ворота, сквозь которыя льются потоки небесной лазури. Тутъ недостаетъ только женской фигуры. Вообразите себѣ женщину, которая стоитъ, облокотясь рукой на стѣну, подпирая подбородокъ ладонью, и задумчиво смотритъ въ морскую даль. И назовите картину: «Пріютъ легенды».

Пожилой господинъ изъ Тріеста, сочувственно прислушивавшійся къ словамъ моей жены, кивнулъ головой:

— Да, она, вѣдь, бродитъ въ развалинахъ Альтъ-Тибейна.

Мы уже подплывали къ берегу. Подъ развѣсистыми скипидарными деревьями, расположившись живописнымъ бивакомъ, все общество провело восхитительный часокъ за ужиномъ и болтовней, и всѣ были огорчены, когда стоявшій въ нѣкоторомъ отдаленіи пароходъ пронзительными свистками напомнилъ намъ, что пора возвращаться. Когда лодка наша вновь проплывала мимо руины на высокомъ утесѣ, зарево заката залило, словно пролившейся кровью, башни и арки. Бигъ глазъ не могла оторвать отъ этой мрачно-красивой картины.

— Вы удачно назвали эти развалины «Пріютомъ Легенды»,— обратился къ намъ тотъ же господинъ изъ Тріеста. Въ этотъ часъ ни одинъ рыбакъ не рѣшился бы подъѣхать къ этой скалѣ. Говорятъ, что при лунномъ свѣтѣ волны у подножья шумятъ такъ тоскливо, что рыбакъ, которому доводится услыхать этотъ шумъ, не позже, какъ черезъ три дня послѣ того, заболѣваетъ и послѣ того уже на всю жизнь остается хилымъ и слабымъ. Народъ зоветъ это «il sospir' del' mar»—вздохами моря. На этомъ утесѣ, въ этомъ рыцарскомъ замкѣ, жилъ рыцарь Ульрихъ фонъ Тибейнъ. Едва успѣлъ обвѣнчаться со своей молодою женою, Югундой, онъ былъ призванъ воевать противъ турокъ. На балконѣ, нависшемъ надъ моремъ, цѣлыми днями сидѣла Югунда и подъ акомпаниментъ арфы пѣла грустныя пѣсни разлуки. Юный рыбакъ, смуглый красавецъ, заслушавшись ея пѣсенъ,

пригналъ свой челнокъ къ самому подножью утеса, сложилъ весла, забылъ о сѣтяхъ и только смотрѣлъ вверхъ, любуясь Югундой. И столько страсти было въ его черныхъ глазахъ, что грѣховныя мысли проснулись въ душѣ молодой женщины. Быть можетъ, господинъ ея, Ульрихъ, давно уже умеръ и погребенъ, а она сидитъ тутъ и ждетъ, тратитъ даромъ свои юные годы. И она спустила въ море съ утеса веревочную лѣстницу. Тутъ юноша, совершенно потерявъ голову, подплылъ ближе, поднялся по лѣстницѣ и поцѣловалъ край бархатнаго платья Югунды. Вѣрный фогтъ, бдившій надъ замкомъ, съ сердечнымъ сокрушеніемъ предостерегалъ фрау Югунду. А она только смѣялась: «Неужели ты думаешь, что я изъ-за смуглаго рыбака измѣню своему господину и супругу?» И въ то же время манила къ себѣ мальчика и говорила: «Почему ты цѣлуешь только розовые пальчики мои? Поцѣлуй меня лучше въ алыя губы».

Бигъ сдѣлала движеніе, словно хотѣла убѣжать отъ этой сказки, но и она, какъ я, была подъ обаяніемъ искуснаго разсказчика; вдобавокъ, уже изъ одной вѣжливости, мы обязаны были выслушать разсказъ до конца.

«Рыцарь Ульрихъ неожиданно вернулся изъ дальнихъ краевъ. И, когда у воротъ его встрѣтилъ фогтъ, первый вопросъ рыцаря былъ: «Какъ здоровье моей милой жены, по которой я тосковалъ все это время?» «Господинъ»... — началъ таинственно фогтъ. Но рыцарь прервалъ его: «Только не говори дурного о моей женѣ, которая будетъ моимъ утѣшеніемъ послѣ трудовъ и лишеній войны». Любовь и сомнѣніе боролись въ его сердцѣ. Бурно устремился онъ въ спальню жены. Когда онъ вошелъ въ ея горницу, онъ, правда, засталъ Югунду одну, но въ глубинѣ комнаты шевелилась занавѣска, скрывавшая альковъ. Взоръ рыцаря приковался къ этой занавѣскѣ. Югунда поблѣднѣла, но улыбалась.— «О, дорогой господинъ мой, это вѣтеръ изъ трубы играетъ суконъ, прикрывающимъ нишу». Рыцарь Ульрихъ отвѣтилъ, подчеркивая каждое слово: «Если это только вѣтеръ, я не стану приподнимать этой занавѣски. Пусть то, что скрыто за нею, будетъ погребено навсегда. Если ты согласна на это, ты будешь моей милой женой, радостью и блаженствомъ моего сердца». Югунда отвѣтила:—«Почему же мнѣ не желать, чтобы была замурована ниша, въ которой такъ удобно таиться сквозному вѣтру». Съ мрачной усмѣшкой, рыцарь, довольный, крикнулъ во дворъ: «Фогтъ, пришли сюда каменьщиковъ!» Пришли каменьщики и работали день и ночь, пока, наконецъ, ниша и сводъ, вмѣстѣ съ занавѣсью, не были заложены камнями до самаго верху. А Югунда дивилась вѣрности юноши, который умиралъ за нее, ни звукомъ не выдавъ себя, и думала, что она сможетъ снести эту тайну.

— Ужасно! Ужасно!—простонала Бигъ.

— Я сейчасъ кончу,—молвилъ разсказчикъ.

«Три дня за стѣной было тихо. Потомъ вдругъ изъ-за свода раздался стонъ: «Возлюбленная!» Девять ночей подрядъ слышна была эта жалоба, все тише и тише, потомъ раздался почти без-

звучный крикъ, словно разбилось юное сердце, и затѣмъ, легкій, какъ дыханіе вѣтерка, вздохъ отлетающей души. Югунда вскочила съ постели, бросилась топоромъ рубить стѣну, но камни не поддавались. Снова вздохъ — и несчастная взмахнула топоръ надъ спящимъ мужемъ... снова вздохъ и черезъ голову убитаго она швырнула зажженный факелъ внутрь замка... снова вздохъ— и она сама кинулась въ море, и вмѣстѣ съ пылающимъ замкомъ вздохи потонули въ морѣ.—Il sospir' del' mar... И вотъ, уже много столѣтій, изъ вѣка въ вѣкъ плачутъ здѣсь волны и стонутъ, предвѣщая гибель рыбакамъ — это вздыхаетъ и стонетъ тайна, которой такъ и не довелось выйти на свѣтъ».

Бигъ даже не поблагодарила разсказчика. Словно раздавленная жестокою сказкой, она сидѣла, молчаливая, блѣдная. Добрый старикъ самъ испугался ея блѣдности и, какъ бы извиняясь, сказалъ:

— Сударыня, не принимайте такъ ужъ въ серьезъ этой сказки. Il sospir' del mar—это лишь поэтическій пересказъ старой истины, что тайна гнететъ и убиваетъ женскую душу.

Не отвѣчая, Бигъ содрогнулась всѣмъ тѣломъ, словно и она услыхала призрачный стонъ...

Тутъ зазвучали скрипки и мандолины, нѣжно и пылко, на палубѣ судна, изукрашеннаго цвѣтными фонариками. Нѣсколько юныхъ парочекъ пустились въ плясъ. И жена моя вдругъ оживилась. «Іостъ!»—вскричала она, забывъ всякую осторожность.— Давай танцовать!» Нѣсколько тактовъ—и высокая гибкая фигура уже прильнула ко мнѣ, обливая меня огнемъ и пронизывая словно электрическимъ токомъ, исходившимъ отъ нея. И въ глазахъ ея засверкали алмазныя искры. Я пытался сдержать ее, но то чужое и дикое, что иногда поднималось изъ сокровенныхъ тайниковъ ея души, увлекло и меня. «Что за дьявольскія чары въ этой мексиканкѣ!»—шептались вокругъ насъ голоса, которыхъ я не хотѣлъ слышать и все-таки слышалъ. Мнѣ мучительно жаль было Бигъ, которая плясала, какъ вакханка, словно жгучій ядъ кипѣлъ въ ея жилахъ. Лицо ея горѣло, какъ въ лихорадкѣ, волосы полураспустились и, какъ змѣи, вились на спинѣ. Наэлектризованная публика чокалась и пила за наше здоровье, желая намъ счастливаго пути и благополучнаго возвращенія. Бигъ схватила бокалъ и ликуя, вскричала: «Да здравствуютъ жизнь и любовь!» и звонко чокнулась со мной. Но отъ порывистаго жеста ея бокалъ отломился отъ ножки и черезъ бортъ полетѣлъ въ море. Тутъ только она опомнилась и сама испугалась своей необузданности.

Къ утру ее уже колотила лихорадка. Докторъ говорилъ о сильной простудѣ. Дрожащія губы ея лепетали обрывки вчерашнихъ разсказовъ: «Ее, какъ сумасшедшую, заперли въ монастырь, изъ котораго она уже не выйдетъ никогда»... Il sospir' del mar'... «Изъ вѣка въ вѣкъ плачутъ и стонутъ здѣсь волны, предвѣщая гибель рыбакамъ»... Что за повышенная впечатлительность! Захворать отъ легенды, которую всѣ остальные выслушали спокойно...

Но Бигъ была изъ тѣхъ сильныхъ натуръ, которыя могутъ много побороть. Благодаря самоотверженному уходу вѣрной Гериты, которая за время ея болѣзни почти забросила домъ и дѣтей, жена моя начала оправляться, и однажды утромъ, когда я подошелъ къ ея постели, она встрѣтила меня съ улыбкой:

— Я должна выздоровѣть ради тебя, милый Іостъ,—шепнула она.—Вѣдь я тебѣ обѣщала на Гельголандѣ, что я покажу тебѣ все, что есть на свѣтѣ высокаго и прекраснаго, и поведу тебя въ святилища искусства.

Вслѣдствіе болѣзни Бигъ, встревожившей меня и вызвавшей во мнѣ мрачныя мысли, первое лѣто нашего воздухоплавательнаго сезона закончилось не такъ пріятно, какъ мы ожидали; но посвященная искусству зима, которую мы провели въ осмотрѣ сокровищницъ искусства въ Венеціи, Флоренціи и Римѣ, прошла, какъ прекрасный сонъ, какъ дивная пѣсня радостныхъ дней, о которой я всегда вспоминаю съ глубокою грустью. Мы прожили свою жизнь красивѣе и ярче, чѣмъ многіе. Я, по крайней мѣрѣ. Бигъ—не вполнѣ. Въ душѣ она носила все время мучительную грызущую скорбь, отравлявшую ей всякую радость. И я былъ потрясенъ до глубины души, когда нежданно до насъ дошли вѣсти изъ Зельмата, о Дуглорѣ, но все же не такъ потрясенъ и испуганъ, какъ моя жена.

ГЛАВА XXIV.

Погода перемѣнилась. Въ горахъ царитъ южный вѣтеръ. Сторожевыя будки опрокинуты; вокругъ Фейерштейна грохочутъ лавины. Словно бѣлые водопады, несутся онѣ сквозь горные лѣса, уже отряхнувшіе снѣгъ со своихъ черныхъ вѣтвей. Въ глубинѣ, на поляхъ, видны зеленоватыя пятна тающихъ снѣговъ; надъ озеромъ воздухъ голубоватый, уже по весеннему, и городъ, который глядится въ него, кажется такимъ близкимъ, что я въ подзорную трубу могу пересчитать всѣ его трубы.

Но я не радуюсь этой обманчивой марѣ весны: вѣдь на дворѣ всего только половина января; пройдетъ еще восемь, даже, можетъ быть, девять или десять недѣль, пока человѣкъ можетъ взобраться на Фейерштейнъ. Человѣкъ—т.-е. Гансъ.

Со времени смерти Хангштейнера меня мучаетъ одна мысль. Что, если онъ въ смертный свой часъ вырвалъ у потрясенной Готлобы клятву разстаться съ Гансомъ? Многіе умирающіе, уже глядя въ очи вѣчности, стремятся и за могилой тираническ господствовать надъ маленькимъ міркомъ, въ которомъ они жили, связавъ его клятвами и обѣтами.

Если Хангштейнеръ сдѣлалъ это, мнѣ придется раскрыть передъ Готлобой тайну моей жизни. Пусть рѣшаетъ сама.

Развѣ каждый человѣкъ не имѣетъ священнаго права знать, какого онъ роду и племени?—спрашиваю я себя. И тутъ же говорю себѣ: «Къ чему поднимать такую бурю чувствъ въ груди молоденькой дѣвушки? До сихъ поръ она жила спокойно въ

своей тихой, родной долинѣ, и не подозрѣвала, какъ расшвыряла по свѣту жизнь ея настоящихъ родителей; во мнѣ она видитъ только стараго друга, отечески расположеннаго къ ней... Но нѣтъ, Готлоба не узкая, простая натура, которой опасенъ наплывъ новыхъ чувствъ и представленій. Въ ней слишкомъ много моего. Одно слово—и голосъ крови станетъ ей внятенъ...

О, только бы разъ, одинъ разъ услышать изъ устъ Готлобы слово: «отецъ». Это мое послѣднее желаніе на землѣ.

«Сатурну» былъ данъ отдыхъ на зиму. Передъ хозяиномъ же его раскрылся новый міръ красоты. Вмѣстѣ съ женой моей, страстной поклонницей красоты, я бродилъ по церквямъ и музеямъ Флоренціи и Венеціи, впивая съ жадностью еще не насыщеннаго ароматъ вѣчныхъ произведеній искусства, звуки именъ, неизгладимо начертанныхъ въ священныхъ книгахъ человѣчества и окруженныхъ нетлѣнными почестями. Бигъ, получившая превосходное художественное образованіе, удѣляла мнѣ отъ богатствъ своихъ щедрой рукой. Я отвѣчалъ ей горячей признательностью... Что это было за дивное созданіе!..

Въ половинѣ декабря мы переѣхали въ Римъ и поселились вблизи Пьяцца-дель-Пополо, взяли служанку и стали жить своимъ хозяйствомъ. Въ нашемъ уютномъ гнѣздышкѣ я внимательно изучалъ научныя сочиненія, имѣвшія связь съ воздухоплаваніемъ, вмѣстѣ съ Бигъ читалъ произведенія изящной литературы; ежедневно мы предпринимали прогулки или дальнія экскурсіи; а вечера посвящали музыкѣ, театру и обществу. Искать знакомствъ намъ не было надобности—люди сами искали насъ, отчасти изъ-за меня, но главнымъ образомъ изъ-за моей красавицы и умницы жены и того романтическаго ореола, которымъ было окружено наше призваніе. Во многихъ салонахъ мы были желанными гостями. Тѣхъ, кому любопытно было взглянуть вблизи на богему, мы, впрочемъ, разочаровывали своими свѣтскими манерами и корректнымъ соблюденіемъ всѣхъ формъ общежитія; слишкомъ близко мы ни съ кѣмъ не сходились и тѣмъ, кто интересовался нашей юностью и родиной, улыбаясь, разсказывали разныя сказки о Мексикѣ. На выставкѣ произведеній молодыхъ художниковъ Бигъ пріобрѣла для украшеній нашей квартирки нѣсколько картинъ и этюдовъ и, въ качествѣ покупательницы, обратила на себя вниманіе всѣхъ художниковъ, такъ какъ она не считалась съ похвалами и порицаніями профессіональной критики и выбирала лишь то, что отвѣчало ея собственному безошибочному чутью красоты. На насъ посыпались приглашенія посѣтить мастерскія, и нигдѣ мы не чувствовали себя такъ хорошо, какъ среди художниковъ, этихъ удивительныхъ людей, которые не всегда имѣютъ даже стаканъ вина, чтобы смочить свой черствый кусокъ хлѣба, но беззаботно, какъ дѣти, вѣрятъ, что настанетъ великій день, когда имъ улыбнется слава и имя ихъ будетъ переходить изъ устъ въ уста. Въ этой средѣ Бигъ порхала, какъ солнечный лучъ, радуя себя и другихъ. Художники цѣнили ея

всегда осмысленныя сужденія и чтили въ ней заступницу, которая однимъ кстати сказаннымъ словомъ умѣла обратить вниманіе друзей искусства на ихъ произведенія. Одинъ юный шведъ убѣдилъ ее даже позировать ему для поясного портрета, предназначавшагося для весенней выставки.

Однажды, въ серединѣ дня, когда она сидѣла у художника, я пошелъ пройтись. День былъ пасмурный, морозный; я шелъ мимо мрачнаго замка Св. Ангела, потомъ черезъ мостъ надъ сѣрымъ, скучнымъ Тибромъ, и не то тосковалъ по настоящей бѣлой зимѣ, полной свѣта и блеска, съ увѣшанными снѣгомъ мохнатыми елями, не то радовался предстоящему свиданію съ Бигъ въ нашей уютной квартиркѣ, у пылающаго камелька. И вдругъ—что такое?—не ошибся ли я?—Родная рѣчь. Знакомые звуки... Двое молодыхъ людей, шедшихъ впереди меня, толковали между собой, какъ выгоднѣе ставить модель. Ага! Значитъ, тоже художники. Не содержаніе ихъ разговора, но самый звукъ рѣчи волновалъ меня до сердцебіенія. Младшій, съ папкой подъ развѣвающимся плащемъ, говорилъ совсѣмъ такъ, какъ говорятъ крестьяне въ окрестностяхъ Гауенбурга; да и по говору его спутника слышно было, что онъ изъ нашихъ краевъ. О, какъ сладки были моему сердцу эти грубые звуки діалекта, на которомъ говорятъ наши альпійскіе горцы! Очарованный, какъ мальчикъ, который, все позабывъ, бѣжитъ вслѣдъ за незнакомымъ ему скрипачемъ, я, самъ того не замѣчая, по пятамъ шелъ за ними. Они свернули въ старинную узкую уличку, и я за ними. Оба скрылись въ невзрачной остеріи. «Еще! Еще!»—кричало мятежное сердце. И, пройдясь раза два мимо «Cavallo nero», какъ звалась эта остерія, я самъ вошелъ туда.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ простенькихъ римскихъ кабачковъ, вся прелесть которыхъ въ хорошемъ и дешевомъ красномъ винѣ, но, повидимому, для моихъ земляковъ это былъ сборный пунктъ. Здѣсь ихъ сошлось цѣлыхъ десять; они сидѣли за круглымъ столомъ, передъ узкогорлыми *„фіаски“*, и между ними маленькая мѣдная статуэтка рыцаря—какого-нибудь героя древнихъ временъ—съ маленькимъ отечественнымъ флагомъ въ рукѣ. Сидѣвшіе всѣ, видимо, были близкіе друзья, и отъ нихъ вѣяло на меня чѣмъ-то роднымъ. Они говорили о своихъ работахъ и учителяхъ; но, когда въ остерію вошелъ почтальонъ, и «пикколо» положилъ на столъ пачку газетъ, разговоръ оборвался; всѣ углубились въ чтеніе вѣстей съ далекой родины. Перекидывались вопросами:

— Кто хочетъ взять «Вѣстникъ Сантъ-Якоба?»

— Кому нуженъ «Гауенбургскій Указатель?»

— Мнѣ!—чуть было не крикнулъ я.

Грустно опершись подбородкомъ на руку, я прислушивался къ вновь завязавшемуся разговору о послѣднихъ новостяхъ дня и маленькихъ политическихъ событіяхъ по ту сторону Альпъ. При этомъ я узналъ, что молодой человѣкъ, говорившій на гауенбургскомъ нарѣчіи, былъ племянникомъ нашего ландмана. Голосъ его будилъ въ моей душѣ ту же тоску, какъ звукъ

альпійскаго рога въ душѣ юноши, который, не выдержавъ, прыгнулъ въ Рейнъ съ страсбургскаго редута. Куда дѣвался мой гнѣвъ, моя злоба противъ родины? Какъ мнѣ хотѣлось подсѣсть къ этому маленькому интимному кружку и самому заговорить на родномъ языкѣ. «Іостъ Вильди — вспомни: ты вѣдь Лео Квифортъ, мексиканецъ»,—предостерегалъ меня голосъ разсудка. Когда молодые люди стали расходиться, я тоже подозвалъ «пикколо», чтобъ онъ подсчиталъ количество стаканчиковъ, выпитыхъ мною изъ длинногорлой бутылки, и вернулся, взволнованный, къ Бигъ, которая уже ждала меня съ ужиномъ.

— Мнѣ тоже хотѣлось бы взглянуть на твоихъ земляковъ,— пошутила она,—и послушать діалектъ, который тебя такъ плѣняетъ. Скажи: въ этой «Черной Лошади» можно поужинать съ дамой.

— Ну, чистую скатерть мы сумѣемъ добыть,—отвѣчалъ я,— ужинъ захватимъ съ собой, по римскому обычаю, и будемъ пить только вино, а вино тамъ отличное.

Это понравилось Бигъ. Но сама остерія, хозяинъ и гости показались ей ужъ слишкомъ простонародными, и она послѣ того была тамъ со мной всего два—три раза, предоставляя мнѣ одному искать тамъ воспоминаній о родинѣ. Не выдавая себя и своей національности, я сталъ еженедѣльно посѣщать этотъ кабачекъ и скоро подружился съ молодыми людьми. Въ этомъ кружкѣ юныхъ нѣмцевъ, веселыхъ и въ то же время серьезно работающихъ, словно на потайномъ островкѣ, гдѣ думали и жили жизнью родной страны, я провелъ немало чудныхъ часовъ. Только грустныя мысли о томъ, какъ стыдно мнѣ будетъ передъ всей этой молодежью сознаться, что я отрекся отъ родины, помѣшали мнѣ объявить себя ихъ соотечественникомъ.

Они сами почти догадались. Уроженецъ Гауенбурга, юноша съ удивительнымъ чутьемъ и наблюдательностью, какъ-то замѣтилъ:

— Не правда ли, господа, въ рѣчи г. Лео Квифорта слышны иной разъ такіе звуки, какъ будто онъ родился гдѣ-нибудь у насъ въ горахъ?

Другіе поддержали его, но я, не растерявшись, отвѣтилъ:

— Я самъ не въ первый разъ ловлю себя на томъ, что я невольно перенимаю выговоръ и произношеніе отъ людей, среди которыхъ я вращаюсь, въ особенности, отъ людей, которые мнѣ симпатичны. При моемъ интернаціональномъ образѣ жизни это понятно и только доказываетъ, какъ хорошо я чувствую себя въ вашемъ кругу.

Слова мои произвели пріятное впечатлѣніе; бесѣда продолжалась, и тайна моего происхожденія осталась не раскрытой. Съ тѣхъ поръ я тщательнѣе слѣдилъ за собой и сумѣлъ найти предлогъ, чтобы, не вызывая подозрѣній, просматривать газеты моего отечества. Я напряженно искалъ въ нихъ одно лишь слово: «Зельматъ». Напрасно. Въ далекой горной долинѣ, очевидно, не происходило ничего замѣчательнаго, а, если бы и произошло, кто сталъ бы объ этомъ сообщать въ газеты?

Солнце уже свѣтило по весеннему надъ куполами вѣчнаго города, уже зеленѣла Кампанья и манила къ дальнимъ экскурсіямъ, и во время прогулокъ мы съ Бигъ обсуждали планы нашихъ лѣтнихъ полетовъ. Однажды, послѣ жаркаго дня, посвященнаго осмотру коллекцій и садовъ Виллы Боргезе, я вечеромъ зашелъ въ «Cavallo Nero» и испугался: первое слово, услышанное мною, было: «Фейерштейнъ». Поводомъ къ этому было открытіе обсерваторіи на вершинѣ Фейерштейна. Когда очередь дошла до меня, я съ жадностью накинулся на газеты.

«Учрежденіе метеорологической станціи въ Сантъ-Якобѣ,—говорилось въ статьѣ,—положило начало болѣе внимательнымъ наблюденіямъ надъ атмосферическими явленіями въ нашей странѣ. При этомъ выяснилось, что для научно-практическихъ занятій метеорологіей, было бы большимъ подспорьемъ учрежденіе дозорнаго пункта, или дополнительной небольшой обсерваторіи на вершинѣ Фейерштейна. Преимущества такого рода обсерваторіи на высокой горной вершинѣ сами собой очевидны. Всѣ воздушныя теченія улавливаются раньше и отчетливѣе, чѣмъ въ долинѣ, и наблюденія надъ состояніемъ погоды точнѣе и вѣрнѣй, чѣмъ въ ущельяхъ и горныхъ проходахъ, гдѣ на ней отражаются всякія мѣстныя вліянія, трудно поддающіяся учету. Такимъ образомъ возникъ планъ учредить метеорологическую обсерваторію на Фейерштейнѣ, главной вершинѣ нашей горной цѣпи, но тотчасъ же возникло и сомнѣніе: найдется ли человѣкъ, который бы, съ научными знаніями, необходимыми для метеоролога, соединилъ бы и готовность проводить четыре мѣсяца въ году, можетъ быть, даже полгода, въ полномъ одиночествѣ на горной вершинѣ.

«Такой мужественный человѣкъ нашелся. Это Габріэль Лецбергеръ изъ Гауенбурга. Ему всего двадцать пять лѣтъ, но онъ съ ранней юности жестоко изуродованъ болѣзнью, заставившей его жить отшельникомъ, вдали отъ людей, въ своемъ родномъ городкѣ. Узнавъ о постройкѣ обсерваторіи, онъ самъ предложилъ себя въ завѣдующіе ею, говоря, что ему не трудно будетъ жить нѣсколько болѣе одинокимъ, чѣмъ донынѣ, если только въ его распоряженіе предоставятъ достаточное количество книгъ. Молодой человѣкъ этотъ, повидимому, обладаетъ серьезными познаніями въ естественныхъ наукахъ.

«Благодаря самоотверженной готовности Габріэля Лецбергера, открытіе обсерваторіи обѣщаетъ осуществиться въ ближайшемъ будущемъ. Одновременно съ этимъ разрѣшенъ вопросъ и о метеорологической станціи въ долинѣ. Этой чести добивались Туфвальдъ и Новый Зельматъ, расположенный на южномъ склонѣ горы. Гауенбургскій Совѣтъ высказался въ пользу послѣдняго. Этой постепенно вновь заселяющейся долинѣ нужна школа, но дѣтей тамъ еще слишкомъ мало, чтобъ оправдать расходы на постройку зданія школы и плату учителю, если онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не будетъ выполнять и дополнительныхъ обязанностей метеоролога на мѣстномъ наблюдательномъ пунктѣ. И Туфвальду пришлось стушеваться передъ Новымъ Зельматомъ. Тамъ,

гдѣ новая жизнь расцвѣла на мѣстѣ обвала, съ наступленіемъ теплыхъ дней будетъ построена обсерваторія, затѣмъ разобрана на части и по частямъ перенесена на Фейерштейнъ; а въ октябрѣ въ ней поселится Габріэль Лецбергеръ. Желаемъ полнаго успѣха постройкѣ и мужественному метеорологу».

Такъ заканчивалась статья.

Значитъ, моя старая родина ожила къ новой жизни. Таинственному Фейерштейну, въ пещерахъ котораго обитали нѣкогда мои предки, оказанъ новый почетъ. Какъ-то живется тамъ Дуглерли?..

Я просилъ моихъ земляковъ сохранить для меня до осени тѣ № № газетъ, гдѣ будетъ говориться о новой обсерваторіи на Фейерштейнѣ. Будущую зиму я и моя жена, по всей вѣроятности, проведемъ также въ Римѣ, а метеорологія слишкомъ связана съ воздухоплаваніемъ, чтобы я могъ не интересоваться каждой новой обсерваторіей.

Бигъ радовалась шумному успѣху своего портрета на весенней выставкѣ, впослѣдствіи перешедшаго въ нашу собственность, и первая зима наша въ Римѣ закончилась очень пріятно.

Нашъ второй воздухоплавательный лѣтній сезонъ на «Сатурнѣ» былъ посвященъ, главнымъ образомъ, большимъ городамъ въ Придунайскихъ странахъ и закончился въ Константинополѣ дивнымъ полетомъ надъ сказкой Золотого Рога, садами Босфора и дворцами Мраморнаго моря. Не всегда, конечно, намъ свѣтило солнце и улыбалась Фортуна. Поэзіи полетовъ нерѣдко сопутствовали весьма тягостныя земныя переживанія. Въ одномъ городѣ мы страшно долго возились съ наполненіемъ шара, вслѣдствіе слабаго давленія газа; въ другомъ газъ оказался такъ плохъ, что полетъ и вовсе не состоялся; въ третьемъ, двое пассажировъ, давшихъ намъ передъ полетомъ небольшой задатокъ, скрылись послѣ полета съ остальными деньгами; но всего труднѣй оказывалось выполнять многочисленныя условія, которыми власти обставляютъ свое разрѣшеніе на полетъ. Тутъ мнѣ очень помогала мой добрый товарищъ, Бигъ. Одна улыбка, ласковая просьба изъ устъ ея—и передъ нами распахивались закрытыя двери; на чиновниковъ, до тѣхъ поръ не желавшихъ понимать, вдругъ находило просвѣтлѣніе, и невозможное становилось возможнымъ. Она говорила о *моемъ* обаяніи, *моей* власти надъ людьми—на самомъ дѣлѣ, это *ея* чары въ городахъ Востока раскрывали намъ двери самыхъ замкнутыхъ аристократическихъ домовъ. Мы легко могли бы провести зиму въ кругу богатыхъ купцовъ и банкировъ, турецкихъ сановниковъ, пашей и беевъ въ Константинополѣ, но оба мы находили, что всего пріятнѣе и лучше живется въ Римѣ, и, когда намъ предложили взять опять на зиму нашу квартирку на Пьяццадель-Пополо, мы снова двинулись черезъ Аѳины, гдѣ я заранѣе условился съ моими будущими пассажирами относительно весеннихъ полетовъ, въ нашe зимнее гнѣздышко.

Въ одинъ холодный непривѣтливый вечеръ, вскорѣ послѣ

нашего прибытія въ Римъ, мнѣ пришла охота еще разъ повидаться съ моими земляками.

— Мнѣ слишкомъ скучно, — шутливо сказала Бигъ. — Давай вмѣстѣ поужинаемъ въ этомъ кабачкѣ.

За столомъ нѣмецкихъ художниковъ никого не было.

— Господа сегодня вечеромъ не будутъ,—сообщилъ одинъ изъ кельнеровъ, видимо обрадовавшійся намъ.—Они сегодня на большомъ патріотическомъ праздникѣ, который устраиваютъ ихъ земляки; къ этому празднику они готовились нѣсколько недѣль—писали для него картины и декорацію. Но эти господа оставили мнѣ на сохраненіе для васъ газеты и журналъ. Вотъ они.

За ужиномъ я разсказалъ Бигъ объ обсерваторіи на Фейерштейнѣ и о юномъ піонерѣ науки, который теперь живетъ одиноко на высокомъ утесѣ. Могло ли мнѣ тогда притти въ голову, что я буду его преемникомъ? Мы стали перелистывать газеты, и я весь ушелъ въ описаніе открытія и освященія обсерваторіи, состоявшагося въ послѣднее сентябрьское воскресенье, въ присутствіи метеорологовъ и друзей горнаго спорта.

«Изъ Туфвальда и Зельмата при свѣтѣ звѣздъ и луны мы поднимались на гору, большинство неся какую-нибудь книгу въ подарокъ Габріэлю Лецбергеру. Къ девяти часамъ утра на вершинѣ собралось уже около ста человѣкъ. Зданіе обсерваторіи, частью какъ бы вросшее въ стѣну утеса, всѣми было найдено вполнѣ отвѣчающимъ своему назначенію: это настоящая маленькая твердыня, которая годами можетъ выдерживать натискъ и вѣтровъ, и бурь; на осмотръ дома ушло около часа; затѣмъ, на небольшой площадкѣ передъ зданіемъ обсерваторіи, подъ открытымъ небомъ былъ отслуженъ молебенъ; молодой пасторъ изъ Туфвальда, пламенный ораторъ, сказалъ проповѣдь на текстъ: «Свѣтъ приходитъ къ намъ съ горы», и отдалъ обсерваторію подъ защиту и покровительство неба».

Я съ глубокимъ интересомъ читалъ этотъ безхитростный разсказъ, какъ вдругъ меня испугалъ легкій стонъ. Я взглянулъ на Бигъ. Газета выпала изъ ея рукъ; руки дрожали; лицо было смертельно блѣдно и искажено страданіемъ. Едва внятно она выговорила:

— Вели лакею кликнуть извозчика и отвезти меня домой. Мнѣ нехорошо.

Кому могли понадобиться эти старыя газеты? Я сложилъ ихъ и сунулъ въ карманъ. Вернувшись домой, я послалъ за докторомъ и, когда Бигъ, наконецъ, успокоилась и задремала, до глубокой ночи читалъ и перечитывалъ газетную статью, которая такъ взволновала мою жену. Это былъ разсказъ объ осеннемъ восхожденіи на Фейерштейнъ, одна изъ главокъ котораго носила заглавіе: «*Въ Новомъ Зельматѣ*». Я торопливо пробѣжалъ ее.

«Какъ быстро живутъ люди!»—такъ начиналась замѣтка, «Восемь лѣтъ назадъ, послѣ страшной катастрофы, связанной съ горнымъ обваломъ, имя *Зельматъ* облетѣло весь міръ. Но скоро не только имя, а и долина, гдѣ погибло столько народу, были забыты. Теперь, когда на вершинѣ Фейерштейна открыта горная

обсерваторія, въ долину снова заглядываютъ туристы, взбирающіеся на гору. Къ сожалѣнію, въ крохотномъ поселкѣ, постепенно выросшемъ до пяти домовъ, нѣтъ гостиницы; но нѣкоторые путники находятъ пріютъ и радушный пріемъ въ семействѣ Хангштейнера, которому принадлежитъ честь иниціативы заселенія вновь этой заброшенной и пустынной долины».

Вотъ оно. Сердце мое стучало, готовое выскочить. Нѣтъ, дальше шло пространное описаніе прогулки по мѣсту обвала, превращенному нынѣ, неусыпными трудами обитателей Новаго Зельмата въ зеленое поле, гдѣ лишь отдѣльные торчащіе обломки напоминаютъ о катастрофѣ. Но вотъ, дальше... «Мы провели пріятный вечеръ въ домѣ Хангштейнера и познакомились съ хозяйкой, благочестивой и достойной всякаго уваженія женщиной, необыкновенно кроткой и привлекательной, дочерью бывшаго зельматскаго учителя, посвятившей насъ въ жизнь этого маленькаго поселка. Она сердечно радуется тому, что въ Зельматѣ снова будетъ школа и учитель. «Я ужъ сокрушалась о своей старшей дочуркѣ—ей въ мартѣ минетъ шесть лѣтъ —что ее придется посылать въ школу въ Цвейбрюкенъ. А теперь она можетъ учиться дома. А къ тому времени, какъ она подростетъ, можетъ быть, у насъ будетъ и церковь, хоть маленькая, и свой проповѣдникъ. Школа для насъ большое благодѣяніе, и мы должны быть благодарны правительству за его старанія снова сдѣлать Зельматъ самостоятельной маленькой общиной».

— *Ей въ мартѣ минетъ шесть лѣтъ.* — Все внутри меня всколыхнулось. Мнѣ бросилось въ глаза еще одно мѣсто въ статьѣ: «Намъ удалось упросить фрау Хангштейнеръ сыграть два—три хорала нагармоніумѣ, украшающемъ ея гостиную. Свѣжая, какъ альпійская розочка, маленькая Готлоба, старшая изъ двухъ дѣтей Хангштейнеровъ, съ темными плутовскими глазенками, стала возлѣ матери, и торжественные звуки церковной пѣсни: «Хвалите Господа» огласили простенькую крестьянскую горницу. Тихимъ счастьемъ озарилось суровое лицо Хангштейнера; все въ этомъ домикѣ дышало миромъ и душевнымъ покоемъ, и мы невольно спрашивали себя: «Гдѣ больше солнечнаго свѣта, больше счастья—въ этой тихой долинѣ, или въ шумномъ городѣ?»

Нѣтъ, я дальше не могъ читать... Уронивъ голову на руки, я почти забылся, подавленный мыслью: «Это *мое* дитя—*моя* дочь!» И невыразимая боль сжала мнѣ сердце... какъ живыя, встали воспоминанія... Внезапно я почувствовалъ прикосновеніе нѣжной руки.

— Іостъ, мой милый!..—шептала Бигъ, неслышно подойдя ко мнѣ, босая и въ длинной сорочкѣ.

— Неосторожная!—пожурилъ я ее.—Вѣдь ты нездорова. Иди ложись. Оставь меня.

— Нѣтъ, — отвѣтила она серьезно и печально, — я потрясена извѣстіемъ, что у твоей бывшей невѣсты, тамъ въ горахъ, есть дѣти, а мнѣ не суждено подарить тебѣ хоть бы одно дитя. Но, Іостъ, я рада за нее и желаю ей счастья больше, чѣмъ кому-либо на свѣтѣ.

Мнѣ были отрадны эти слова; они облегчили мою душевную скорбь. Но куда дѣвались всѣ наши мечты о веселой зимѣ? Теперь мы лишь изрѣдка бывали въ обществѣ, но и театры, и общеніе съ художниками, и осмотръ сокровищницъ Вѣчнаго города,—все утратило для меня интересъ. Земляки мои не узнавали меня. Меня безумно тянуло написать Дуглорѣ, но я гналъ прочь эту мысль. Я любилъ мое дитя, не зная его, но понималъ, что ничѣмъ для него быть не могу. Неопредѣленныя подозрѣнія противъ Бигъ, замедлившія въ Гамбургѣ мое выздоровленіе, и всѣ мучительные вопросы, связанные съ этимъ, зашевелились въ въ моей душѣ, но я помнилъ ея слова: «Человѣкъ, который сколько-нибудь понимаетъ душу женщины, не станетъ унижать ея, принуждая ее оправдываться въ томъ, что она сдѣлала во имя любви». Эти тяжелыя мысли я пряталъ въ глубокихъ тайникахъ души, понимая, что Бигъ сама теперь нуждается въ томъ, чтобы ее щадили, и что однимъ неосторожнымъ, или жестокимъ словомъ можно снова подвергнуть ее въ то состояніе безнадежнаго уныпія, которое уже однажды разбило всѣ мои планы въ Марсилѣ.

О Дуглорѣ и ея ребенкѣ мы съ Бигъ не разговаривали. Она видѣла, что я страдаю, и сама страдала съ того дня, какъ до насъ дошла первая вѣсть изъ Зельмата. Между нами была словно невидимая стѣна: мы любовно тянулись другъ къ другу, но руки наши ударялись объ эту стѣну и безпомощно опускались. Ни единаго упрека по поводу моей холодности и неровности настроеній не срывалось съ устъ моей жены, но въ глазахъ ея я читалъ безмолвный испугъ и въ нѣжности ея была мучительная тоска. Чѣмъ дальше, тѣмъ чаще уходила она изъ дому, не позволяя мнѣ сопровождать ее, и на мои вопросительные взгляды отвѣчала: «Иду навѣщать бѣдныхъ». Это было правдоподобно: Бигъ всегда щедрой рукой помогала бѣднымъ художникамъ и всякаго рода нуждающимся. Но потомъ она начала пропадать изъ дому съ разсвѣтомъ, даже до разсвѣта, говоря:

— Я плохо сплю. Я люблю темноту, вѣтеръ, пустынныя улицы...

Въ этомъ загадочномъ поведеніи Бигъ я чуялъ недоброе и боялся за нее.

Однажды, когда она такъ, холоднымъ, пасмурнымъ утромъ, въ самомъ простенькомъ, скромномъ платьицѣ, крадучись, словно воровка, вышла изъ дому, мнѣ стало такъ жаль ея, такъ страшно за нее, что я въ свою очередь, одѣлся и пошелъ за ней, какъ ревнивецъ за женой, которую онъ подозрѣваетъ въ измѣнѣ.

Быстро шагавшая впереди меня въ сумеркахъ стройная женская фигура скрылась въ дверяхъ церкви Св. Игнатія. Въ полумракѣ, пронизанномъ красноватымъ дымнымъ свѣтомъ восковыхъ свѣчей, на колѣняхъ, она горячо молилась, до того поглощенная молитвой, что даже не замѣтила, какъ я подошелъ къ ней вплотную. Видя, что душу ея томитъ тяжелое горе, что она ищетъ утѣшенія, я былъ глубоко потрясенъ; но когда послѣ ранней обѣдни жена моя вошла въ исповѣдальню и прижалась лицомъ къ деревянной рѣшеткѣ, грудь моя всколыхнулась и мукой, и

гнѣвомъ. Въ эти минуты я былъ вполнѣ убѣжденъ, что у Бигъ на совѣсти какое-нибудь темное дѣло и тяжелая тайна.

Я ждалъ ее въ притворѣ. Мнѣ было такъ тяжко, что, казалось, сердце мое вотъ-вотъ перестанетъ биться. Моя Бигъ, моя маленькая язычница—въ позѣ набожной, кающейся грѣшницы! Моя красавица-жена съ ея развитымъ и свободнымъ умомъ, благодаря которой и я перешелъ отъ узкихъ религіозныхъ взглядовъ моей юности къ болѣе высокому и широкому пониманію міровыхъ загадокъ и великихъ вопросовъ бытія,—покорена мистикой горящихъ свѣчей, кадильнаго дыма, поющихъ мальчиковъ и молящихся священниковъ. Моя Бигъ—въ исповѣдальнѣ! Это не трогательная дѣтская набожность Дуглоры; это—страхъ затравленной, раненой на смерть души. Что за страшныя бездны кроются въ душѣ моей ласковой, доброй жены.

Выйдя изъ церкви, она проскользнула бы мимо, не замѣтивъ меня, если бъ я тихонько не окликнулъ ея. Она страшно испугалась, вся задрожала:

— Зачѣмъ ты пошелъ за мной, Іостъ?

Ей, видимо, было стыдно, какъ человѣку, пойманному на мѣстѣ преступленія. Я, не менѣе ея взволнованный, пролепеталъ:

— Я боялся, что ты когда-нибудь и совсѣмъ не вернешься. Мнѣ было жутко за тебя.

Она промолчала. И только на обратномъ пути со вздохомъ сказала:

— Я молилась о ребенкѣ.

Но я рѣшилъ, что намъ пора объясниться на чистоту.

— Бигъ, у тебя есть какая-то тайна отъ меня,—началъ я, ласково, но серьезно, когда мы вернулись домой.—Тебя гнететъ какое-то горе, неизвѣстное мнѣ. Душа твоя жаждетъ освобожденья. Ты несешь свое горо, свои безмолвныя ночныя слезы въ церковь, къ священникамъ, которые тебѣ всегда были чужды. Какъ это непохоже на тебя... Ну, хорошо, молись, если это облегчаетъ тебя; но, Бигъ, моя милая, бѣдная Бигъ, не забывай одного—что душа женщины можетъ найти успокоеніе только на груди мужчины, котораго она любитъ. Чѣмъ бы ни томилась твоя душа, я больше всѣхъ имѣю право на твое довѣріе. Будь же искренней. Я пойму тебя во всемъ, постараюсь понять—и простить, если тутъ есть что прощать.

Она безсильно упала на кушетку и молча слушала меня, закрывая руками жалкое, измученное лицо. Я чувствовалъ, какъ сильно дѣйствуютъ на нее мои слова, и, поборовъ себя, продолжалъ:

— Я самъ пойду тебѣ навстрѣчу съ признаніемъ, Бигъ: та Готлоба, которой въ мартѣ будетъ шесть лѣтъ—моя дочь.

Ни изумленія, ни возмущенія, которыхъ я ожидалъ... только дрожь прошла по всему ея тѣлу, и изъ-подъ пальцевъ, прикрывавшихъ лицо ея, вырвался тихій стонъ:

— Іостъ! Я это знаю.

— Бигъ, откуда ты это знаешь?—взмолился я.

Она вскочила, пошатнулась, дрожащія губы ея пытались что-

то выговорить и не смогли... блѣдная, какъ воскъ, безъ кровинки въ лицѣ повалилась она опять на кушетку и съ рыданіями, которыя тронули бы даже камень, безсвязно лепетала:

— Іостъ! Милый Іостъ! Не отталкивай меня. Почему я не могла догадаться, что это—твое дитя? И тѣмъ ужаснѣе, что у насъ пѣтъ дѣтей. Этотъ контрастъ можетъ погнать въ церковь и самую свободомыслящую женщину.

Она рыдала и оправдывалась безъ конца. Но сознаться въ своей винѣ не могла. Она даже сумѣла пошатнуть мою увѣренность. Мнѣ было безумно жаль этой орлицы, у которой обломали ея гордыя, вольныя крылья. Благодарная, она окружала меня трепетной любовью рабыни, а я съ безумной тоской рвался къ прежней, свободной и гордой Бигъ, сказочной принцессѣ, баловню счастья и весны.

И вотъ, опять пришла весна—седьмая съ тѣхъ поръ, какъ я, полный ликованія и тоски, сознался ей, что «съ нею мнѣ лучше всего».

На родинѣ моей, въ Зельматѣ, люди не говорили о томъ, что когда-нибудь гора можетъ обрушиться на деревню, но духи горы все же время отъ времени подавали знаки, что они не спятъ и дѣлаютъ свое дѣло. Духи горы, невидимые, но вѣчно присущіе, не спящіе ночью и не отдыхающіе въ воскресенье... Какъ эти духи въ нѣдрахъ скалъ, такъ совѣсть въ душѣ человѣческой подтачиваетъ ея оплоты и выноситъ наружу тайны...

Часъ насталъ. И Бигъ заговорила.

Въ то время какъ я, вчера вечеромъ, удрученный скорбью, разсказывалъ о предсмертной борьбѣ моей бѣдной жены, вокругъ домика моего бушевала буря. Южный вѣтеръ, ликуя, свисталъ: «Вотъ сейчасъ на этихъ зубцахъ взовьется знамя весны!» Сѣверный вѣтеръ злобно завывалъ: «А я сорву его!» На подмогу имъ слетѣлись всѣ прочіе вѣтры. Кажется, нѣтъ такого, который бы въ эту ночь не бушевалъ около моего дома. Они завывали, какъ стая дикихъ звѣрей, сталкивались, боролись и съ пронзительнымъ свистомъ носились вокругъ горы, силясь одолѣть другъ друга. Анемометръ описывалъ самыя причудливыя линіи и опредѣлялъ силу вѣтра въ 160 километровъ въ часъ. Но теперь всѣ вѣтры улеглись, кромѣ сѣвернаго, который остался побѣдителемъ и господиномъ.

Пострадали отъ этой бури я и моя обсерваторія. Не такъ ужъ она прочно построена, какъ думали тѣ, кто пятнадцать лѣтъ назадъ присутствовали при ея освященіи, если порывъ вѣтра могъ сорвать съ нея крышу. Мнѣ снился дивный сонъ—пирамиды и гробницы фараоновъ въ Египтѣ. Меня разбудили, какъ будто, звуки пушечныхъ выстрѣловъ. Но скоро я понялъ, что это желѣзо съ грохотомъ ударяется о стѣну дома. Я всталъ и одѣлся, чтобы тотчасъ же изслѣдовать поврежденія. Но о томъ, чтобы выйти, нечего было и думать—вѣтеръ сбросилъ бы меня въ Туфвальдъ. Рано утромъ, когда буря нѣсколько улеглась, я

обошелъ свои владѣнія. Они сильно пострадали. Желѣзный листъ, соединявшій крышу дома со стѣною утеса, былъ сорванъ и торчалъ въ снѣгу, въ двухстахъ шагахъ отъ вершины, возлѣ него валялись тяжелыя толстыя доски обшивки. Одинъ изъ брусьевъ, положенныхъ поперекъ крыши и поддерживающихъ отягчающіе ее камни, также былъ сломанъ, и въ крышѣ образовалась дыра, обнажающая часть потолка обсерваторіи. Я цѣлый день работалъ, силясь какъ-нибудь заложить эту дыру, и отъ натуги у меня болитъ моя хромая нога.

Видитъ Богъ, положеніе мое не изъ завидныхъ. Телеграфное сообщеніе прекращено, крыша сорвана; домъ—игрушка вѣтровъ. Отъ моей заплаты пользы мало. Если бъ хоть Гансу было извѣстно о состояніи моего дома.

Сѣверный вѣтеръ все тянетъ свою унылую пѣсню. Передо мной снова раскрыты страницы моей жизни. Перехожу къ послѣдней—къ озарившему ее обманчивому лучу счастья.

ГЛАВА XXV.

Приближеніе южной весны оттѣснило на задній планъ наши заботы. Насъ снова потянуло къ нашей прекрасной, вольной, кочевой жизни. Изъ Рима мы переѣхали въ Аѳины. Синее небо смѣялось, цвѣтущій миндаль розовѣлъ на склонахъ горъ; «Сатурнъ» готовился къ полету надъ мечтой красоты—надъ Акрополемъ.

Но въ Аѳинахъ намъ рѣшительно не повезло. Компанія молодыхъ негоціантовъ, еще осенью сговорившихся съ нами относительно полета, теперь отказалась участвовать въ немъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что торговля въ Аѳинахъ переживаетъ опасный кризисъ, и они сами слишкомъ стѣснены въ деньгахъ, чтобы думать о такихъ дорогихъ развлеченіяхъ. Въ надеждѣ, что въ послѣднюю минуту пассажиры все-таки сыщутся, я все же началъ наполнять шаръ газомъ. Но притокъ газа былъ слабый, и дѣло затянулось до вечера. Когда мы съ Бигъ въ шарѣ, наполненномъ лишь на три четверти, поднялись на воздухъ, солнце уже почти опустилось въ море. Легкій вѣтеръ погналъ насъ къ горамъ; едва наступившія сумерки уже озарились свѣтомъ полной луны. Я оглядывался, ища удобнаго мѣстечка для спуска—ровнаго мѣста вблизи желѣзнодорожной станціи, или, по крайней мѣрѣ, большого селенія. Но ничего подобнаго не было видно. Луна озаряла только пустынныя дикія скалы. Отъ ночной прохлады оболочка «Сатурна» сразу съежилась; чтобъ удержать на высотѣ недостаточно наполненный шаръ, мы выбросили балластъ и, часа черезъ два, за неимѣніемъ лучшаго, рѣшили спуститься близъ маленькой деревушки, пріютившейся въ горномъ ущельи. Пастухи, расположившіеся на ночлегъ подъ открытымъ небомъ, на вершинѣ горы, уже замѣтили насъ; мы были такъ низко, что слышали ихъ изумленные возгласы.

И вдругъ, что-то просвистѣло мимо нашихъ ушей. Вы-

стрѣлъ. —Несчастные стрѣляли въ «Сатурна». Еще и еще выстрѣлы... Испуганные, мы поспѣшили выкинуть бѣлые платки и кричали имъ, что шаръ не угрожаетъ никакими опасностями. Напрасно. Пули пролетали надъ нашими головами, впиваясь въ шелковую оболочку «Сатурна».

— Спрячься поглубже въ корзину!—упрашивалъ я Бигъ. Но она только сверкнула глазами.

— Нѣтъ! я хочу дѣлить съ тобою опасность.

Хоть бы подняться повыше, чтобы уйти отъ этихъ пуль!.. Балласта у насъ больше не было. Съ быстротою молніи я перерѣзалъ канатъ, на которомъ держался якорь—якорь упалъ, еще веревку—упалъ мѣшокъ съ запаснымъ канатомъ, прикрѣпленный къ корзинѣ. Вялый «Сатурнъ» все же поднялся нѣсколько выше, куда уже не хватали пули. Но тотчасъ же началъ балансировать и снова медленно опускаться. Опять засвистали пули.

— Бигъ! Полѣзай наверхъ. Я пожертвую и корзиной.

Я подставилъ руку женѣ, чтобы она оперлась на нее ногой, и смотрѣлъ, какъ она, цѣпляясь за веревки, стала на кольцо, державшее шаръ. И при невѣрномъ свѣтѣ луны прочелъ въ ея лицѣ какую-то безумную рѣшимость. Мнѣ стало жутко...

— Іостъ!—воскликнула она,—не перерѣзывай веревки—я спасу тебя.

Я вскочилъ, сталъ на колѣни на краю корзины, цѣпляясь локтемъ и лѣвой рукой за канаты. Глубокій вздохъ... Лишь слегка придерживаясь правой рукой за сѣтку, тонкая фигура Бигъ какъ бы парила въ воздухѣ. Вотъ она отпустила сѣтку, скользнула—но я желѣзной рукой поймалъ ее, схватилъ и привлекъ къ себѣ и въ корзину..,

Туго натянутый шаръ лопнулъ бы отъ такого толчка. Спокойный человѣкъ въ какія-нибудь полсекунды не могъ бы такъ все обдумать и сообразить, какъ надо дѣйствовать. У другого не хватило бы силы, чтобъ удержать на лету падающую женщину. Но самое замѣчательное—то, что мы ни на минуту не потеряли сознаніе... «Сатурнъ», силясь возстановить утраченное равновѣсіе, метался то вверхъ, то внизъ; въ корзинѣ ничкомъ лежала Бигъ. Но вотъ, она приподнялась, прижалась грудью къ моей груди и пролепетала:

— Итакъ, Іостъ! Мы умремъ вмѣстѣ.

Я былъ слишкомъ обезсиленъ, чтобы стряхнуть ее... Не знаю, сколько это длилось—три минуты или четверть часа—намъ показалось это вѣчностью. Мы уже даже не пытались избѣжать гибели. Крѣпко прижавшись другъ къ другу, мы ждали, когда шальная пуля убьетъ насъ обоихъ... Но вотъ выстрѣлы стали рѣже. Ружейная трескотня прекратилась, и прежде, чѣмъ я успѣлъ открыть вентиляторы, «Сатурнъ» уже лежалъ на землѣ.

Ни души. Впрочемъ, нѣтъ. Старый горбунъ робко приблизился и сталъ просить сжалиться надъ его родною деревней. Пастухи не знали, что на свѣтѣ бываютъ такія необычайныя вещи, какъ воздушный шаръ, и перепугались—отъ страха и стрѣляли. Вско-

рѣ къ намъ подбѣжалъ еще молодой парень и началъ хвастаться, что онъ одинъ сообразилъ, что свѣтящійся шарикъ въ воздухѣ можетъ быть воздушнымъ шаромъ—онъ слыхалъ, что такіе шары на войнѣ примѣняются для развѣдочныхъ цѣлей. Онъ же и убѣдилъ товарищей прекратить стрѣльбу. Неужели мы не наградимъ его?.. Пастухи, тѣ самые, которые раньше стрѣляли въ насъ, робко подошли и, повидимому, сами испугались, что своими выстрѣлами рисковали убить женщину. Они были грязные, заскорузлые, покрытые овечьими шкурами. Съ полной готовностью услужить, они помогли намъ выпустить газъ и сложить «Сатурна» и собрали при яркомъ свѣтѣ луны всѣ вещи, выброшенныя нами изъ корзины. Къ утру все было найдено; ничего не пропало—только два—три инструмента испортились.

Нервы наши были такъ возбуждены, что о снѣ нечего было и думать. Лишь черезъ нѣсколько часовъ мы могли вполнѣ сознать все пережитое—и ужаснулись, сообразивъ, какой опасности мы подвергались. Бигъ рыдала у меня на груди:

— Іостъ, почему ты не далъ мнѣ умереть за тебя?

— Глупенькая!—да неужели ты думаешь, что я могъ бы жить съ такимъ ужаснымъ воспоминаніемъ? Чтобы я стрѣлой взвился кверху, а ты—разбилась на смерть? Да въ тотъ же моментъ, какъ я спустился бы на землю, я пошелъ бы искать то мѣсто, гдѣ земля пропиталась твоей кровью. И умеръ бы рядомъ съ тобой.

Лишь постепенно возбужденіе наше улеглось, и рыданія Бигъ перешли въ тихія всхлипыванья, въ которыхъ можно было разобрать только слова:

— Съ какой радостью я бы умерла за тебя!

Когда я на другой день осмотрѣлъ оболочку шара, она оказалась въ девятнадцати мѣстахъ пробитой пулями, да и корзина пострадала отъ выстрѣловъ. Я вырѣзывалъ изъ запаснаго куска матеріи круглыя заплаты и наклеивалъ и нашивалъ ихъ на дырочки. Тѣмъ временемъ пріѣхалъ слѣдователь. Но что можно было взять съ бѣдныхъ невѣжественныхъ пастуховъ, которые все время кидались къ нашимъ ногамъ и, воздѣвая руки, молили умилосердиться надъ ними... Уложивъ разстрѣляннаго «Сатурна», мы покинули Грецію, гдѣ намъ такъ страшно не повезло, и поплыли по Средиземному морю.

Но, все же я уносилъ съ собой память о безумной любви ко мнѣ моей жены, которая безстрашно готова была пожертвовать своею жизнью, чтобы спасти мою, и въ тотъ моментъ, когда я рисковалъ потерять Бигъ, я созналъ, какъ несказанно я ее люблю...

Однако, прислонившись къ периламъ, она задумчиво глядѣла вдаль. Я подошелъ къ ней и нѣжно, какъ впервые влюбленный, обнялъ рукой ея станъ, прижался щекой къ ея щекѣ, и такъ мы вмѣстѣ слѣдили за рѣзвящимися дельфинами и любовались блескомъ лазурнаго моря... Но вотъ, на югѣ, изъ волнъ выдвинулась ярко-зеленая полоса—берегъ.

— Страна фараоновъ. Что-то принесетъ она намъ?—словно про себя, задумчиво молвила Бигъ.

Египетъ принесъ намъ рядъ полетовъ, лучшихъ въ моей карьерѣ воздухоплавателя, а женѣ моей— посланное съ небесъ откровеніе, что она призвана къ болѣе высокому, чѣмъ нелѣпый прыжокъ съ воздушнаго шара, ради спасенія жизни своего мужа.

Вѣсти о нашемъ приключеніи въ Греціи опередили насъ за моремъ, и печать Каира и Александріи подготовила намъ восторженный пріемъ.

Но Египетъ остался у меня въ памяти такимъ солнечнымъ и радостнымъ не только потому, что тамъ наши полеты всегда были удачными. Нѣтъ. Я радовался главнымъ образомъ тому, что въ эти прекрасные дни жена моя словно ожила, и безнадежное уныніе, туманившее ея взглядъ всѣ послѣдніе мѣсяцы, исчезло безслѣдно. Порою я ловилъ ее на томъ, что она, задумавшись, словно къ чему-то прислушивалась въ самой себѣ, мечтательно и радостно, и голубые глаза ея снова свѣтились тѣмъ задорнымъ блескомъ, который такъ плѣнялъ меня въ былое время. Наконецъ-то она стала прежнею Бигъ. Чѣмъ была вызвана эта счастливая перемѣна?—Письмомъ ли Зоммерфельда, который выражалъ свою радость по поводу нашего спасенія отъ пуль греческихъ пастуховъ и поздравлялъ насъ съ крупнымъ успѣхомъ въ Египтѣ, или же полученнымъ нами изъ Марсиля извѣстіемъ, что позорная работа дѣтей въ рудникахъ, наконецъ, замѣнена машинами. Разумѣется, Бигъ искренно радовалась тому и другому. Но все же причина перемѣны въ ея настроеніи лежала глубже...

Послѣ цѣлаго ряда удачныхъ полетовъ въ одно прекрасное утро Бигъ вдругъ оробѣла и отказалась сѣсть въ гондолу «Сатурна». Меня это тѣмъ болѣе изумило, что вѣтеръ былъ благопріятный и сулилъ чудесный полетъ надъ пирамидами; вдобавокъ, одна изъ нашихъ пассажирокъ, молодая дама объявила, что она полетитъ лишь въ томъ случаѣ, если моя жена обѣщаетъ ей ночевать съ нею въ одномъ шатрѣ, когда мы спустимся на ночь въ пустынѣ. Это было очаровательное созданіе съ прелестной головкой, закутанной баскскимъ вуалемъ, и огромными черными глазами; ей страшно хотѣлось летѣть, и она разсердилась, и даже ножкой топнула, когда Бигъ безъ всякой уважительной причины вдругъ отказалась принять участіе въ полетѣ. Мнѣ самому это казалось капризомъ. А Бигъ только лукаво смѣялась... Наконецъ, мы упросили ее сѣсть въ корзину. Легкій вѣтерокъ подгонялъ нашъ шаръ, летѣвшій надъ Геліополисомъ; внизу разстилался пышный зеленый коверъ... При ликующихъ возгласахъ нашихъ гостей «Сатурнъ» въ лучахъ заходящаго солнца пролетѣлъ надъ сфинксомъ и пирамидами и все дальше, дальше надъ желтой пустыней, надъ песчаными холмами и долинами, надъ дюнами, которымъ вѣтеръ, играя, придаетъ причудливѣйшія формы. У самыхъ пирамидъ—этихъ памятниковъ, пережившихъ четыре тысячелѣтія,—мы спустились и долго болтали,

наслаждаясь тихою ночью передъ шатрами, заранѣе, по нашему заказу, разбитыми бедуинами. Издали доносился жуткій вой шакаловъ; Бигъ, помѣстившаяся въ одной палаткѣ съ молоденькой пассажиркой, улучила минутку и отвела меня въ сторону. Съ невыразимой нѣжностью, крѣпко прижавшись ко мнѣ, она робко, но вся сіяя счастьемъ, шепнула.

— Іостъ, мнѣ ужъ и сегодня не слѣдовало летѣть. Это былъ мой послѣдній полетъ. Моя завѣтная мечта сбылась; мои молитвы услышаны. Теперь я окончательно убѣдилась... Я ношу подъ сердцемъ дитя, и отнынѣ я принадлежу только ему.

Въ ея лицѣ было столько трогательнаго, довѣрчиваго, смиреннаго счастья... Я былъ потрясенъ, взволнованъ, обрадованъ. Въ эту ночь я чувствовалъ себя въ полномъ единеніи съ жизнью и міромъ. Эта ночь, проведенная безъ сна подъ звѣзднымъ небомъ пустыри, была самая счастливая въ моей жизни... Когда же взошло солнце, мы радостные и гордые, какъ царь и царица, вернулись въ Каиръ.

Теперь мы только и думали, только и говорили, что о нашемъ ребенкѣ. Египетъ сталъ для насъ сказочной, обѣтованной страной. Уже въ самомъ началѣ осени я прекратилъ полеты, чтобы всецѣло посвятить себя своей женѣ. Я предложилъ ей провести зиму въ Парижѣ и тамъ дождаться родовъ, а я тѣмъ временемъ построю вмѣсто разстрѣляннаго «Сатурна» новый и лучшій аэростатъ, который въ честь ея будетъ называться «Бигъ Квифортъ».

— Нѣтъ, Іостъ, теперь намъ надо думать не о новомъ шарѣ,—возразила она съ застѣнчивой улыбкой и мольбой во взорѣ,—а лишь о тихомъ уголкѣ, гдѣ могъ бы играть нашъ ребенокъ, гдѣ бы онъ чувствовалъ себя дома. Я такъ хочу, чтобъ у него была родина!.. Ради ребенка оставимъ наши честолюбивые планы... И не хочу я пережить это трудное время въ Парижѣ, среди чужихъ людей—я лучше поѣду къ моему вѣрному, старому другу Геритѣ. Ужъ навѣрно тамъ найдется какая-нибудь свободная вилла, хоть самая маленькая, которую мы можемъ нанять.

Вилла нашлась, и добрая итальянка пришла въ восторгъ отъ перспективы снова ухаживать за своею любимою госпожей. Незадолго до Рождества мы выѣхали изъ Неаполя на австрійскомъ пароходѣ въ Тріестъ—Бигъ уже замѣтно пополнѣвшая, такая веселая, радостная, полная надеждъ. Эти надежды и радости были, какъ вечерняя заря послѣ роскошнаго майскаго дня, подъ теплой лаской котораго въ цвѣткѣ создается завязь плода... Но вотъ, настала холодная ночь, завернулъ утренній заморозокъ—и цвѣтъ, и завязь погибли...

ГЛАВА XXVI.

Я пишу, а вокругъ меня все время свирѣпствуетъ буря; вѣтеръ рветъ крышу, срываетъ доску за доской. Моя заплата продержалась недолго; сегодня мнѣ опять пришлось работать съ

утра до ночи надъ починкой. Я былъ весь въ поту, а вѣтеръ дулъ съ Востока, холодный, пронизывающій; я жестоко простудился и вообще чувствую, что силы мои ужъ не тѣ. А тутъ еще непепріятное открытіе.—Вечеромъ я началъ растапливать печь и замѣтилъ, что дровъ у меня осталось очень немного; съ осени ихъ было запасено не меньше, чѣмъ въ прежніе годы; но увлеченный своими воспоминаніями, я нерѣдко засиживался далеко за полночь, а то и съ утра, усаживаясь писать, растапливалъ каминъ и такимъ манеромъ сжегъ больше дровъ, чѣмъ въ прежнія зимы. Если теперь опять пойдутъ холода, мнѣ придется плохо. Экономить на дровахъ сейчасъ трудно, потому что у меня изрядно колетъ въ груди—когда выйдутъ дрова, придется пожертвовать кой-какой мебелью изъ обсерваторіи... Нечего сказать, веселая перспектива! Буря грызетъ крышу, завѣдующій обсерваторіей топитъ печи столами и стульями... остается только поднять на вершинѣ красный флагъ бѣдствія.

Мнѣ не хочется думать объ этомъ. Да и могутъ ли мнѣ помочь? Разумѣется, мой вѣрный Гансъ дѣлалъ бы нечеловѣческія усилія, чтобы пробраться ко мнѣ, но возможно и то, что мнѣ придется погибать одному медленной смертью въ полуразрушенномъ домѣ... Я огорченъ и озабоченъ. И тѣмъ труднѣе мнѣ внести въ эту правдивую исповѣдь признаніе моей бѣдняжки Бигъ.

Вѣдь половина ея вины лежитъ на мнѣ.

* * *

Когда мы выбирали городъ, въ которомъ я и жена моя надѣялись увидѣть первую улыбку нашего ребенка, не слѣдовало намъ останавливаться на Тріестѣ. Правда, здѣсь жила вѣрная преданная Герита, готовая забыть и мужа, и дѣтей ради своей любимой госпожи. Правда, наша маленькая вилла была очаровательнымъ гнѣздышкомъ на южномъ вѣчно зеленомъ склонѣ, укрытомъ отъ бурь и вѣтровъ; но съ другого берега лазурнаго залива, смывавшаго край нашего сада, въ наши окна глядѣлъ живописный, мрачный замокъ Дуино, и когда наши бывшіе пассажиры пріѣзжали навѣстить насъ, у нихъ только и было рѣчи, что о нашей тогдашней прогулкѣ и о томъ, какъ хороша была Бигъ, когда она на обратномъ пути танцовала на пароходѣ, въ полномъ блескѣ своей южной пламенной красоты. Я видѣлъ, какъ эта веселая болтовня сразу омрачила душу моей бѣдной жены и спугнула радость ея материнства. Послѣ этого она долго сидѣла у окна и глядѣла на море, видѣвшее печальную участь бельгійской принцессы, слушая il sospir' del mar'. И прелестная головка ея клонилась все ниже и ниже, и на лицѣ ея гасла радость, какъ гаснетъ солнечный лучь. Я подошелъ къ ней съ веселымъ привѣтомъ; она точно очнулась отъ тяжелаго забытья и отвѣтила мнѣ съ такою печальною нѣжностью въ голосѣ, что мнѣ вспомнилась моя покойная мать, когда она просила меня: «Іость, мой мальчикъ, скажи же мнѣ хоть одно словечко на нашемъ рейнскомъ нарѣчіи!..»

Должно быть, именно въ эти дни тягостнаго ожиданія, подъ впечатлѣніемъ воспоминаній о Мирамаре и Дуино, она и написала мнѣ письмо, въ которомъ признавалась, какъ она виновата передъ Дуглорой—моей бывшей невѣстой. Письмо это начиналось такъ:

«Какъ бельгійка Шарлотта хотѣла возвести своего мужа на императорскій тронъ, такъ я бы хотѣла вознести тебя, мой несказанно любимый, на озаренныя солнцемъ вершины жизни. Но теперь, когда я жду рожденія нашего ребенка, тайна моего злого дѣла жжетъ меня, какъ огнемъ, и я не хочу уподобиться этой ужасной Югундѣ. Боюсь, что я не переживу рожденія нашего дитяти. Тогда ты прочтешь это письмо и узнаешь о моей винѣ. Даже мысль, что проклянешь меня на моей могилѣ, не такъ страшна для меня, какъ мысль уйти изъ этого міра, не покаявшись передъ тобой въ своемъ грѣхѣ».

Я прочелъ это признаніе Бигъ еще при жизни ея, и вся душа моя изошла слезами надъ этимъ письмомъ. Она сама попросила меня прочесть его...

Роды длились цѣлый день и ночь. Мучительно долгая ночь наполовину уже миновала. Я страдалъ вмѣстѣ съ моей бѣдной женой... Двѣ горячихъ слезы скатились по ея пылающимъ щекамъ.

— Іостъ, силы меня покидаютъ, помоги мнѣ!—стонала она.— Не пугайся моей просьбы. Вспомни Нью-Іоркъ. Я знаю, у тебя въ чемоданѣ лежитъ маленькая книжечка—молитвенникъ Дуглоры Имоберштегъ—амулетъ, который она тебѣ подарила. Ты тогда не хотѣлъ разстаться съ нимъ. А я боюсь этой книжечки, пропыленной и запачканной, которую ты всюду возишь съ собой. Іостъ, этотъ амулетъ не даетъ мнѣ выполнить самое трудное, что пало на долю женщины. Онъ точно парализуетъ меня. Ради моей любви, ради моихъ мученій, Іостъ, унеси его изъ дому—и я рожу тебѣ наше дитя».

Я попросилъ Гериту взять эту книжечку къ себѣ домой. Какъ странна была эта настоятельная просьба Абигаили! У меня невольно явилось подозрѣніе, что эта ни въ чемъ неповинная книжечка, парализующая ея силы—только внѣшній признакъ вины, которая гнететъ ея душу, и завѣса упала съ глазъ моихъ.

На минуту бѣдняжка вздохнула свободнѣе. Но тотчасъ же лицо ея омрачилось.

— Что ты такой блѣдный? Почему ты такъ нехорошо смотришь на меня, Іостъ?

Со стономъ она вцѣпилась себѣ дрожащими пальцами въ роскошные волосы, покрывавшіе ее словно плащемъ, и вдругъ выпрямилась. Въ голубыхъ глазахъ ея блестѣлъ испугъ, словно она увидѣла передъ собой привидѣніе; нѣжныя черты исказились страхомъ и болью; руки свела судорга.

— О какія муки я терплю! Но это не изъ-за маленькой книжечки, Іостъ. Теперь я знаю, почему я такъ мучаюсь. Я изъ-за

Дуглоры Имоберштегъ не могу произвести на свѣтъ наше дитя. Іостъ, бѣдный мой Іостъ!—выкрикнула она задыхаясь,—Я грѣшна передъ Дуглорой Имоберштегъ, я обманула ее, назвавъ себя матерью...

Словно земля дрогнула и раступилась передъ моими ногами, и меня обожгло адскимъ огнемъ. Бигъ безсильно упала опять на подушки и стонала и, плакала, и рыдала такъ же горько, какъ въ больницѣ въ Гамбургѣ послѣ нашего обрученія. Но теперь это были слезы освобожденной души. Когда я, весь дрожа, уничтоженный, безъ словъ, приникъ къ ея страдальческому ложу, она протянула мнѣ дрожащую руку, покрытую холоднымъ потомъ и сквозь слезы сказала:

— Іостъ, я написала тебѣ письмо. Вотъ ключикъ отъ моей маленькой шкатулочки; она въ сосѣдней комнатѣ. Ступай, прочти это письмо, но только не у меня на глазахъ. Иди, Іостъ. Прости, если можешь простить. Прочти!..—На мигъ, обезсиленная, она закрыла глаза, но тотчасъ заметалась отъ приступа болей.—Иди же,—молила она,—прочитай.

Я, шатаясь, прошелъ въ сосѣднюю комнату и дрожащими пальцами отперъ шкатулочку изъ слоновой кости съ рѣзьбою старинной мексиканской работы. Тамъ лежало нѣсколько листковъ, исписанныхъ ея милымъ изящнымъ почеркомъ, но строки были неровныя, говорившія о волненіи и страхѣ писавшей. Буквы расплывались передъ моими глазами; послѣднимъ усиліемъ воли я овладѣлъ собой и прочелъ признаніе моей жены.

«Мой несказанно любимый,—писала Бигъ,—съ первой нашей встѣрчи на Гельголландѣ я была захвачена чарами твоихъ темныхъ очей, твоей гордой молодости, силы и мужества. Сердце мое ликовало, когда я снова увидала тебя возлѣ шара Зоммерфельда. Со слезами вспоминаю я этотъ дивный полетъ и первые чудные вечера, проведенные вмѣстѣ съ тобою; одно только омрачало ихъ—мысль, что у тебя на родинѣ есть уже дѣвушка, которую ты любишь. Я сознавала, что мнѣ надо уйти отъ тебя, но не было силъ это сдѣлать,—словно магнитомъ меня снова и снова тянуло къ тебѣ.

«Чтобы понять мое преступленіе, вспомни, какъ мы плакали вмѣстѣ, обнявшись тогда утромъ въ лѣсу. Вспомни наши безумные поцѣлуи. Вспомни, какъ неожиданно пришлось намъ разстаться. О, мой несказанно любимый. Я ушла отъ тебя, какъ безумная. Въ головѣ у меня была одна только мысль: теперь мой Іостъ потерянъ для меня навсегда. Меня нимало не огорчило, когда меня исключили изъ пансіона, гдѣ мнѣ и раньше уже доставалось за свиданія и прогулки съ тобой. Я переѣзжала въ отель, не смѣя ни словомъ, ни взглядомъ выдать кому бы то ни было, какой огонь сжигаетъ мою душу. Мнѣ давно пора было уѣхать въ Мексику, и я сама хотѣла уѣхать, но не было силы оторваться отъ той земли, по которой ступали твои ноги, отъ воздуха, которымъ ты дышишь. Безумная тоска по тебѣ съ утра гнала меня изъ дому, и я, сама себя не помня, бродила по улицамъ, въ надеждѣ столкнуться съ тобой. Только бы увидать хоть

край твоего платья, хоть слѣдъ твоей ноги на тротуарѣ!—Напрасно. Я спросила совѣта у полицейскаго, какъ мнѣ разыскать тебя. Черезъ нѣсколько дней онъ принесъ мнѣ изъ адреснаго стола справку о твоемъ мѣстѣ жительства. А случай свелъ меня со служащимъ изъ садоводства, гдѣ ты поселился съ Дуглорой Имоберштегъ, продувнымъ малымъ, ежедневно привозившимъ въ городъ полную телѣжку цвѣтовъ.

«Отъ него я узнала многое о тебѣ и твоей тогдашней невѣстѣ. Іостъ, мой Іостъ, котораго я боготворила, принужденъ былъ стать кочегаромъ! Человѣкъ, сказавшій мнѣ въ моментъ высокаго подъема, что онъ хотѣлъ бы прожить со мной всю свою жизнь, унизился до такого грязнаго ремесла, которое и въ портовомъ городѣ считается самымъ послѣднимъ... И вотъ, наконецъ, мы встрѣтились; ты велъ подъ руку свою нареченную и изъ-за нея едва рѣшился глазами прислать мнѣ привѣтъ.

«Послѣ этого я точно съ ума сошла. Цѣлыми днями я носилась съ мыслью покончить съ собой и завѣщать тебѣ все свое состояніе, чтобы ты со своей невѣстой могъ жить счастливо, не занимаясь черной работой. Но жажда жизни и любви была во мнѣ сильнѣе готовности къ самопожертвованію. Въ ушахъ моихъ звенѣли твои слова:—«я хотѣлъ бы всю жизнь прожить вмѣстѣ съ тобой». Безумная жалость къ тебѣ шептала мнѣ, что ты только изъ чувства долга не отказываешься отъ той другой дѣвушки, которая пріѣхала въ Гамбургъ, чтобы навсегда приковать тебя къ низкимъ условіямъ жизни, что ты—жертва своего честнаго слова, которое ты необдуманно далъ ей еще совсѣмъ мальчикомъ въ далекихъ горахъ, а теперь въ глубинѣ души безконечно каешься въ этомъ. И меня томила безумная неотвязная мысль, что я должна помимо твоего вѣдома вернуть тебѣ свободу, и тогда ты съ радостью бросишься въ объятія той, которая вознесетъ тебя на вершины счастья. Я была тогда совсѣмъ, какъ безумная, неотвѣтственная за свои поступки—и вотъ, какъ я стала преступницей передъ ни въ чемъ неповинной Дуглорою Имоберштегъ.

«Это было въ субботу. Мальчишка изъ садоводства сказалъ мнѣ, что ты пріѣдешь не раньше, какъ черезъ двѣ недѣли. Изъ пансіона мнѣ переслали твое прощальное письмо и карточку, присланные изъ Роттердама. Письмо это, въ которомъ выражалась только признательность, но не желаніе встрѣчи, должно было бы образумить меня. Но карточка опять свела меня съ ума: я безъ счету цѣловала ее и, вглядываясь въ твои милыя черты, ночью приняла жестокое рѣшеніе. Слѣдующій день былъ воскресный. Я знала, что Дуглора Имоберштегъ пойдетъ въ церковь къ обѣднѣ и знала въ какую. Я тоже пошла туда, замѣшалась въ толпу молящихся и видѣла, какъ страшно твоя нареченная испугалась при видѣ меня, словно окаменѣла отъ страха. Изъ всѣхъ молитвъ священника я разслышала только слова: «Не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго». Но что мнѣ было до этого? Я, вѣдь, была язычницей. Въ моей

пылающей крови кричалъ твой голосъ: «я хотѣлъ бы всю жизнь прожить вмѣстѣ съ тобой».

Служба кончилась. Праздничная толпа хлынула къ выходу: я видѣла, какъ твоя невѣста хотѣла проскользнуть мимо меня, но я была уже возлѣ нея.—«Фрейлейнъ,—сказала я,—у меня къ вамъ серьезное дѣло. Разрѣшите мнѣ переговорить съ вами». Она замедлила шагъ. Молча, обѣ терзаясь внутренно, мы пропустили мимо себя толпу. «Чего вы хотите отъ меня?»—со страхомъ спросила дѣвушка.—«Свободы Іоста Вильди,—отвѣтила я, блѣднѣя, но рѣшительнымъ голосомъ,—потому что онъ любитъ меня больше, чѣмъ васъ, и съ вами будетъ несчастенъ».—«Нѣтъ, это неправда, мой Іостъ не можетъ быть несчастливъ со мной».—«Вотъ письмо изъ Роттердама. Вамъ знакомъ его почеркъ?»—Она взглянула и вскрикнула:—«Ахъ, злодѣй!.. Но, фрейлейнъ,—взмолилась она,—я не могу уступить вамъ Іоста—я беременна отъ него».—Тутъ у меня вырвался сатанинскій отвѣтъ:—«А я такъ давно уже!»—Она вся съежилась, какъ отъ удара, и уставилась на меня растерянными глазами, выраженія которыхъ я никогда не забуду. Потомъ, съ жалобнымъ крикомъ бросилась бѣжать отъ меня и исчезла».

Письмо съ этимъ ужаснымъ признаніемъ Бигъ выпало изъ моихъ рукъ. Я былъ совершенно уничтоженъ... Потомъ нахлынули волны ярости, гнѣва. Первымъ моимъ побужденіемъ было убить эту пантеру изъ американскихъ лѣсовъ, которая растерзала душу моей Дуглерли. Я шагнулъ было къ ея спальнѣ, но сквозь дверь до меня донесся ея жалобный стонъ: «Дитя, дитя мое, сжалься надо мною!»—и громко молящійся голосъ Гериты. Нѣтъ, теперь не время сводить счеты. Я опомнился, поднялъ письмо и дочиталъ его до конца.

«Ты спросишь меня,—писала Бигъ,—какъ у меня хватило духу такъ жестоко обмануть твою Дуглору. Я была въ такомъ страшномъ возбужденіи, что не способна была въ тотъ моментъ ни жалѣть кого-нибудь, ни осознать, что я дѣлаю. Я была, какъ сомнамбула, которая во снѣ увѣренной поступью ходитъ по крышѣ... притомъ же, я была глубоко убѣждена, что борюсь за твое счастье, мой горячо любимый.

«Меня нисколько не удивило, что мое злое дѣло съ внѣшней стороны какъ будто бы удалось, и мнѣ уже не было надобности выбирать между бѣгствомъ въ Мексику и прыжкомъ въ воду. Мальчикъ изъ садоводства сообщилъ мнѣ, что Дуглора Имоберштегъ уѣхала на родину, что ты уже не засталъ ея и лежишь больной нервной горячкой въ госпиталѣ. Теперь ничто уже не стояло между мною и тобой. Оба письма, полученныя тобою изъ горъ, ничего не объясняли; путь для нашей любви былъ свободенъ, и въ своемъ ослѣпленіи я была даже благодарна судьбѣ за то, что она мнѣ покровительствовала.

«Повторяю, я все время была, какъ безумная, не въ состояніи разобрать, что хорошо и что дурно, и мнѣ даже представлялось, что я поступила по отношенію къ тебѣ возвышенно и благородно. Пробужденіе наступило не сразу. Но въ больницѣ уже я замѣ-

тила, что ты привязанъ къ Дуглорѣ гораздо сильнѣе и крѣпче, чѣмъ я воображала. Отсюда жгучая боль и слезы мои во время нашей помолвки. Душа моя плакала: «ты купила возможность жить вмѣстѣ съ Іостомъ цѣною такой жертвы, которая больше счастья». Я заглушила въ себѣ этотъ голосъ. Но на Гамбургскомъ вокзалѣ—ты помнишь этотъ унылый вечеръ—мнѣ вдругъ представилась эта дѣвушка, какъ она, убитая, съ растерзанной душой, сидѣла въ этой самой залѣ, дожидаясь поѣзда, который долженъ былъ отвезти ее на родину. Какъ живые, стояли передо мной ея глаза, полные ужаса, ея поблѣднѣвшее лицо, и жгучая жалость къ этой несчастной томила меня, и безутѣшная тоска гнела мою душу. Мнѣ хотѣлось въ ту минуту уйти отъ тебя, Іостъ, разстаться съ тобой. Но это было только начало... Всего страшнѣе мнѣ было, когда я убѣждала себя, что у насъ дѣтей быть не можетъ. Мнѣ такъ безумно хотѣлось имѣть отъ тебя ребенка. Но я чувствовала, что эта сладостная надежда для меня неосуществима. Внутренній голосъ сурово говорилъ мнѣ: «Какъ можешь ты ждать ребенка, когда ты погрѣшила противъ святая святыхъ природы—противъ тайны материнства? Проклято и на безплодіе обречено чрево женщины, способной преступно солгать, что она носитъ подъ сердцемъ дитя»... И, хотя меня воспитывали, какъ язычницу, во мнѣ пробудилась совѣсть, религіозное чувство и паническій страхъ, что отъ тебя, мой любимый, у меня не будетъ и не можетъ быть ребенка.

«Ты помнишь маленькую книжечку Дуглоры Имоберштегъ, которую я нашла у тебя въ Нью-Іоркѣ. Я понимала, что тебѣ не хотѣлось бы разставаться съ этимъ невиннымъ залогомъ любви твоей юности, но, стоило мнѣ только вспомнить объ этой книжечкѣ, какъ меня охватывалъ безумный страхъ. Для меня она была живымъ укоромъ. Правда, милый Іостъ, были часы, цѣлыя блаженныя ночи, когда мое тайное горе, моя грызущая тоска затихали у тебя на груди; во время нашихъ скитаній по свѣту было много дней и недѣль, когда я забывала и была счастлива своимъ краденымъ счастьемъ; но всякій разъ передо мной снова и снова вставала судьба съ жестокимъ напоминаніемъ, что вина не забыта. Раскрою я своего Гете и читаю: «за всякую вину на землѣ бываетъ отмщеніе»; раскрою Шиллера — тамъ стоитъ: «жизнь—не высшее изъ благъ, но вина всѣхъ золъ страшнѣе». Вся моя жизнь была непрерывной мукой. Вспомни о смерти бѣдной малютки Модъ. Даже чужія дѣти гибли, когда я начинала любить ихъ. Вспомни объ этомъ старикѣ изъ Тріеста съ его уничтожающей фразой: «Тайна терзаетъ и убиваетъ душу женщины». Вспомни Римъ... Я все пыталась утѣшить себя надеждой, что Дуглора Имоберштегъ тоже сказала неправду, говоря, что она беременна отъ тебя. Но вотъ мнѣ попалась ваша альпійская газета. Правда, тамъ въ далекой долинѣ она нашла свое скромное счастье, но что значило это маленькое утѣшеніе на ряду съ ужаснымъ сознаніемъ, что она тогда сказала правду, что я отняла у тебя твоего ребенка и у ребенка отняла отца. Эта мысль была ужасна»...

Чѣмъ больше я думалъ, тѣмъ больше убѣждался, что главная вина лежитъ на мнѣ. Вѣдь въ сущности корень зла и всѣхъ страданій, которые такъ измучили мою бѣдную Бигъ, былъ мой ликующій возгласъ: «Я хотѣлъ бы всю жизнь прожить вмѣстѣ съ тобой!» Я, самъ, увлекшись, измѣнилъ Дуглорѣ, а преступленіе Бигъ было лишь слѣдствіемъ этой измѣны, и сознаніе вины, отравившее всю ея жизнь, угнетало теперь и меня. Я такъ живо чувствовалъ эту вину. Сердце мое плакало: «моя бѣдная, бѣдная Дуглерли!» И въ этомъ сознаніи собственной вины потонулъ мой гнѣвъ противъ Бигъ; но все-таки я не могъ заставить себя въ ту минуту подойти къ страждущей и сказать ей: «Я прощаю тебя отъ души». Нѣтъ, этого я не могъ. Слишкомъ взволновало меня разоблаченіе ея ужасной тайны, слишкомъ сильная буря бушевала въ моей душѣ. Я мучился и боролся съ собой, но все-таки заставилъ себя дочитать письмо до конца. Оно заканчивалось потрясающими словами:

«Я думала, что наше дитя — знаменіе небесъ, возвѣщающее, что грѣхъ мой прощенъ мнѣ; но чѣмъ ближе къ часу рожденія, тѣмъ больше я убѣждаюсь, что и я, и ребенокъ мой должны умереть подъ бременемъ лжи, раздавившимъ мою жизнь. О, какъ я безумно боюсь этого!.. Я уже сейчасъ умираю отъ страха. Прости мнѣ всѣ мои обманы, Іостъ, и помоги мнѣ снести эту муку ради моей нечеловѣческой любви къ тебѣ, Іостъ! Я бы съ такой радостью умерла за тебя, мой безконечно любимый!»

Въ окна глядѣла уже розовая заря, на деревьяхъ чирикали просыпающіяся птички. Я хотѣлъ подойти къ постели моей жены и сказать ей, если не слово прощенія, то хоть слово милосердія. И вдругъ—крикъ, отчаянный, нечеловѣческій крикъ... Измученная и взволнованная, мнѣ шла навстрѣчу Герита.

— Кончилось, наконецъ, она жива, но ребенокъ... его уже нельзя было спасти, господинъ Квифортъ...

Когда я впервые увидалъ свою жену послѣ этого страшнаго признанія, она, обезсиленная, мирно спала. Рядомъ съ нею лежалъ рослый и вполнѣ развитой мертвый ребенокъ.

Съ тяжелой тоской въ душѣ и безконечною жалостью смотрѣлъ я на Бигъ и, ради нея, желалъ, чтобы она не проснулась. Вѣдь все равно послѣ этого она ужъ не сможетъ жить.

Перо выпало изъ дрожащей руки. Всю эту долгую ночь я метался въ жару. Мнѣ мерещилось, будто я снова иду объ руку съ Бигъ по улицамъ тѣхъ городовъ, гдѣ мы живали съ ней, и все время думаю о томъ, какой бы свѣтлой и радостной была наша жизнь, еслибъ она могла стать моей женой безъ этой вѣчно ноющей раны въ душѣ. Я страстно призывалъ ея образъ въ лучшую пору нашей любви — прекрасный, благородный образъ женщины, призванной, казалось бы, только разливать вокругъ себя безоблачное, чистое счастье. Но рядомъ съ образомъ моей красавицы жены вставало заплаканное грустное личико Дуглерли—моей бѣдной, ни въ чемъ неповинной Дуглерли съ

ея разбитымъ, растоптаннымъ сердцемъ... Но зачѣмъ описывать эти мучительные ночные кошмары? Сегодня я чувствую себя серьезно больнымъ и едва дотащился до своихъ инструментовъ... Почему намъ не суждено было счастье, моя бѣдная Бигъ?.. Почему?..

Сквозь это безотрадное уныніе пробился ослѣпительно яркій лучъ радости. Подъ вечеръ аппаратъ мой затикалъ и застучалъ. Въ первый моментъ я испугался — мнѣ показалось, что кровь стучитъ у меня въ вискахъ. Но нѣтъ—это телеграфъ, это волшебная музыка жизни. Вотъ сверкнула искорка, вотъ подъ карандашикомъ на узкой полоскѣ бумаги уже возникаютъ буквы и слова. Незачѣмъ и разбирать ихъ—я трепетной душой слышу ихъ всѣ. Это телеграфируетъ мнѣ вѣрный Гансъ. Южный вѣтеръ растопилъ снѣгъ на горѣ; когда вода сбѣжала, ему удалось обнаружить мѣсто разрыва проволоки; онъ тотчасъ же вызвалъ рабочихъ изъ Гауенбурга и не успокоился, пока сообщеніе не было возстановлено. Благодарю тебя, милый мой Гансъ.

Цѣлый часъ мы бесѣдовали по телеграфу. И онъ, и моя Готлоба здоровы. Словомъ, вѣсти самыя радостныя, теперь я совершенно примирился съ Хангштейнеромъ. Я даже не ждалъ отъ него, чтобы онъ такъ поступилъ. Передъ смертью онъ призвалъ къ себѣ Готлобу и Ганса и благословилъ ихъ любовь. Больше того. Уже задыхаясь, онъ вкратцѣ разсказалъ Гансу, что я на самомъ дѣлѣ—Іостъ Вильди изъ Зельмата и отецъ Готлобы. Я понимаю, почему онъ это сдѣлалъ: въ немъ заговорила не только совѣсть, но и трезвый мужицкій расчетъ, не покинувшій его и на смертномъ одрѣ. Ему не хотѣлось обдѣлить своихъ собственныхъ дѣтей ради Готлобы, поэтому онъ сказалъ Гансу, что ничего не оставляетъ ей, но что современемъ она получитъ отъ меня болѣе крупное наслѣдство, чѣмъ онъ можетъ оставить ей. Вотъ почему онъ раскрылъ нашу тайну. Послѣ его поѣздки въ Гамбургъ ради спасенія Дуглоры, благороднѣйшаго поступка его жизни, это было самое разумное, что могъ придумать и осуществить недалекій умъ Хангштейнера. Юная парочка рѣшила обвѣнчаться въ маѣ. Гансъ самъ скажетъ Готлобѣ, самъ осторожно приподниметъ передъ нею завѣсу надъ прошлымъ. Я душевно радуюсь этому; всѣми фибрами сердца я рвусь къ моей дѣвочкѣ и чувствую, что мы съ ней, какъ отецъ и дочь, будемъ нѣжно любить другъ друга. Да благословитъ небо ихъ совмѣстный жизненный путь; пусть озаряютъ его солнце и душевный покой. Къ вашей свадьбѣ я тоже сойду въ долину и буду радоваться нашей великой радостью.

Готлоба сама телеграфировала мнѣ свой привѣтъ. Она такъ сердечно спрашиваетъ, какъ я себя чувствую, не очень ли мнѣ тяжело такое долгое одиночество. Они съ Гансомъ такъ тревожились за меня. На радостяхъ, что мы снова можетъ обмѣниваться мыслями, я отвѣтилъ, что чувствую себя превосходно. На самомъ дѣлѣ надо было бы сказать совсѣмъ другое. Но капитану корабля непріятно же говорить, что его судно идетъ ко дну, и капитулировать я еще успѣю. Я только радуюсь, что описалъ

уже почти всю свою жизнь. Надо торопиться кончать, хотя теперь уже мнѣ остается досказать тебѣ немногое.

Моя бѣдная Бигъ пришла въ себя, но это была уже не жизнь, а медленное умираніе. Я никогда, ни словомъ, ни намекомъ не попрекнулъ ее. Что пользы упрекать? Когда человѣкъ самъ раздавленъ темными силами грѣха и вины, у кого хватитъ духу винить его?.. Полный глубокой жалости сидѣлъ я у постели моей жены и дожидался ея пробужденія. Съ жалобнымъ вздохомъ она раскрыла свои голубые глаза и едва слышно прошептала:

— Ты не ушелъ отъ меня, мой Іостъ? Не улетѣлъ за океанъ? Ты не отталкиваешь меня?

Я поцѣловалъ ее въ лобъ и отвѣтилъ, потрясенный:

— Вѣдь и я виноватъ не меньше тебя. Я помогу тебѣ снести это, моя бѣдная, милая Бигъ.

Ея дрожащіе пальцы искали моихъ; она слабо прижалась губами къ моей рукѣ и пролепетала:

— Благодарю тебя, Іостъ.

И ротъ ея искривился, какъ у ребенка, который вотъ, вотъ заплачетъ.

Весна была въ полномъ цвѣту. Въ каждой трещинѣ камня на склонѣ горы смѣялась и ликовала новая жизнь; жаворонокъ щебеталъ свою пѣсенку надъ скалами и моремъ; скоро раскрылись и почки розъ. Выздоровленіе Бигъ подвигалось медленно и было только внѣшнимъ. Даже когда ей уже разрѣшили гулять въ саду, я не рѣшался заговорить съ ней о томъ ужасномъ, о чемъ все-таки надо было заговорить, хоть и бережно, хоть и щадя ея больную душу. Ее все время лихорадило, она и на солнышкѣ зябла; яркая пышность южной весны не радовала ее, а навѣвала грусть; хуже того: когда я подходилъ къ ней, она испуганно вздрагивала. Я чувствовалъ, какъ мучаетъ ее мысль, что мнѣ извѣстна ея вина, какъ это подтачиваетъ ея волю къ жизни, какъ тѣни надъ нею сгущаются все мрачнѣй и мрачнѣй...

Какъ утѣшить ее, чѣмъ облегчить ея муки? Мнѣ пришла мысль написать Дуглорѣ и попросить у ней прощенія для насъ обоихъ; я былъ убѣжденъ, что Дуглора, отъ богатства своей глубокой благочестивой души, дастъ намъ отвѣтъ, который облегчитъ душевныя страданія Бигъ и дастъ намъ обоимъ возможность болѣе чистаго счастья, чѣмъ мы знали донынѣ. Трудно мнѣ было писать это письмо... Я старался ограничиться самымъ существеннымъ — сознаніемъ, что мы передъ ней виноваты и разсказомъ о покаянномъ признаніи моей жены въ самый трудный часъ ея жизни. О томъ, какъ мы устроились, какою жизнью живемъ, я ничего не сообщалъ ей и просилъ только прислать отвѣтъ до востребованія: «въ Тріестъ, Іосту Вильди». «Смиренно отдаю въ твои руки жизнь моей жены, тяжко оскорбленная Дуглора» — такъ заканчивалось письмо — «сжалься надъ нею — выведи ее изъ темницы ея нескончаемой муки».

Душевная скорбь обостряетъ чувства людскія. Я хотѣлъ

скрыть отъ Бигъ это письмо, но она догадалась. Вся прозрачная и краше, чѣмъ когда-либо, она сидѣла со мной подъ глициніями садовой бесѣдки нашей маленькой виллы, вглядываясь грустными задумчивыми глазами въ бѣлые паруса на заливѣ. Только для того, чтобы что-нибудь сказать, я заговорилъ о нашихъ будущихъ полетахъ.

— Къ чему скитаться по свѣту?—отвѣтила она.—Я лучше останусь съ Геритой. Отъ себя все равно не уйдешь.—Она склонила голову въ безутѣшной тоскѣ.—Ты написалъ письмо твоей бывшей невѣстѣ,—прошептала она,—я знаю это, хоть и не видѣла, какъ ты писалъ; я чувствую, что ты написалъ это письмо изъ глубокаго состраданія ко мнѣ.—Блѣдной рукой она ласково погладила мою руку.—Благодарю тебя, мой Іостъ. Но не посылай этого письма. Оно только растревожитъ ея затихшую душу, а мнѣ и самый добрый отвѣтъ не поможетъ.

Она со стономъ поникла головкою.

Слова ея удивили и огорчили меня.

— Что же это будетъ, моя бѣдняжка? Надо же намъ какъ-нибудь жить.

Она изумленно уставилась на меня.

— Іостъ,—выговорила она тихо,—ты никогда не заглядывалъ въ тайники женской души, если думаешь, что женщина можетъ простить другой женщинѣ то, въ чемъ я грѣшна передъ Дуглорою Имоберштегъ. Тебѣ, возлюбленному ея юности, она, конечно, проститъ, но не мнѣ; даже если скажетъ, что прощаетъ, то сердцемъ не проститъ никогда—никогда!—Въ голосѣ ея звучала глубокая безнадежность.

— Въ томъ мірѣ, который ты знаешь, — возразилъ я настойчиво и серьезно, — быть можетъ, и нѣтъ женщинъ, способныхъ простить оскорбившему ихъ, но тамъ, въ горахъ, женщины умѣютъ любить, и моя бывшая невѣста найдетъ въ себѣ силы это сдѣлать. Я знаю Дуглору. Это такая чистая, глубокая, набожная душа, что мою просьбу она исполнитъ и вернетъ тебѣ душевный покой.

Бигъ вздрогнула.

— Если и Дуглора Имоберштегъ проститъ мнѣ — Богъ не проститъ!—испуганно вырвалось у нея. Но я съ краснорѣчіемъ отчаянія такъ настойчиво уговаривалъ и убѣждалъ ее, что она, наконецъ, подняла голову.—О, мой добрый!—Какой ты добрый!—прошептала она, тихонько пожала мнѣ руку, и лицо ея, какъ будто, озарилось лучемъ надежды.—Да, пошли ей письмо. Скажи ей, что я смиренно, на колѣняхъ, прошу у нея прощенія, что если она отъ души проститъ мнѣ, я стану доброй и набожной, какъ она, передъ Богомъ и людьми.—Бигъ умолкла и прижалась головкой къ моей груди; потомъ, прошептала такъ нѣжно, съ такой мольбой:—Іостъ, мнѣ такъ хотѣлось бы еще немножко пожить съ тобой!..

Подъ вліяніемъ моей твердой увѣренности въ томъ, что мы получимъ желанный отвѣтъ, надломленная душа моей жены, какъ будто, начала выпрямляться. Она теперь позволяла мнѣ

говорить, что мы еще увидимъ лучшіе дни и съ трепетной нѣжностью вынвала въ себя слова надежды. Но прошла недѣля, а страстно ожидаемаго отвѣта все не было, и Бигъ снова впала въ глубокое уныніе. Ко всему безучастная, серьезная и задумчивая, сидѣла она въ уголкѣ и только головою качала, когда я пытался утѣшить ее. Я угадывалъ, о чемъ она думаетъ, и просилъ Гериту неотступно слѣдить за ней...

Грустный вернулся я изъ города съ пустыми руками. Бигъ, какъ безумная, кинулась мнѣ навстрѣчу.

— Она молчитъ? Вотъ видишь, видишь, Іостъ, ни она, ни Богъ не могутъ простить.

Настало утро слѣдующаго дня, а отвѣта все не было. Я не рѣшался отойти ни на шагъ отъ моей бѣдной жены, поглощенной мыслью о самоубійствѣ. И только пошелъ на минутку на почту попросить, чтобы, если мнѣ будетъ письмо, мнѣ прислали бы его на квартиру. Я не сомнѣвался въ Дуглорѣ, но страшно тревожился за Бигъ... На обратномъ пути меня встрѣтилъ маленькій сынъ Гериты, который, запыхавшись, бѣжалъ ко мнѣ.

— Госпожа Квифортъ куда-то ушла, а куда—никто не знаетъ.

Я страшно перепугался. Я зналъ, куда она ушла, только не зналъ, какою дорогой. Скоро я нашелъ ея слѣдъ,—но было ужъ поздно. Ее видѣли на вокзалѣ, въ свѣтломъ лѣтнемъ платьѣ, съ зонтикомъ въ рукѣ. Она брала билетъ въ Венецію... Все мнѣ стало ясно: Дуино, замокъ на утесѣ, легенда... Вотъ на какой путь толкнулъ мою бѣдную Бигъ ея омраченный разсудокъ. Я бросился къ телеграфу. Было уже поздно. Никто не видалъ, какъ Бигъ бросилась въ море съ утеса, но, когда я, наконецъ, добрался до него, рыбаки указали мнѣ на камнѣ у самой воды изящный зонтикъ и легонькую, какъ паутинка, знакомую шляпку. Они свели меня къ самой водѣ. На лазурныхъ волнахъ мирно колыхалась морская крапива... Но вотъ что-то забѣлѣло среди нихъ—тонкая, безкровная рука... блѣдное личико.. .Бигъ—Бигъ!..

Былъ тихій, теплый вечеръ. Съ помощью рыбаковъ я извлекъ изъ моря тѣло жены моей и положилъ его въ лодку. Эти загорѣлые мужественные люди были взволнованы. Они обнажили головы, преклонили колѣна и пугливо разглядывали усопшую.

— Боже ты мой, какая красавица! И молоденькая совсѣмъ... Изъ-за чего она руки на себя наложила? Должно быть, мужу измѣнила,—шептались между собой рыбаки.

Нѣтъ, Бигъ не измѣнила своей любви. Вся ея вина въ томъ, что она слишкомъ много любила. Да простится ей ея грѣхъ!.. Утопленница лежала, прикрытая рыбачьимъ плащемъ. Отблескъ вечерней зари падалъ на ея милое личико, и оно казалось живымъ; на лицѣ этомъ лежало выраженіе глубокаго успокоенія; волны свѣтло-каштановыхъ волосъ словно мантіей красоты закрыли тоненькій, какъ тростинка, станъ. Стоя на колѣняхъ передъ нею, я держалъ ея холодную руку и плакалъ: «Бигъ, моя сказка, Бигъ, дорогая жена моя, мой добрый товарищъ, зачѣмъ ты ушла отъ меня?».

Отвѣтомъ была записочка, которую я нашелъ у нея на груди:

«Такъ надо было. Я должна была это сдѣлать. Цѣлую и ласкаю тебя, мой несказанно любимый».

Взошла луна. Ночь была теплая, тихая; пахло цвѣтами; земля, море и небо слились въ одномъ благоуханномъ, полномъ нѣгѣ гимнѣ веснѣ. Лодка съ тѣломъ моей жены тихо плыла по направленію къ городу...

Въ тяжеломъ раздумьѣ, убитый горемъ, сидѣлъ я на нашей маленькой виллѣ надъ мертвою Бигъ и, какъ нѣкогда, на «Сатурнѣ», стерегъ ея сонъ. Настало утро. Кто-то позвонилъ. Это былъ почтальонъ.

— Господинъ Квифортъ, я принесъ вамъ письмо съ надписью: «Іосту Вильди», о которомъ вы нѣсколько разъ справлялись на почтѣ.

Отвѣтъ Дуглоры. Это было именно такое письмо, какого я ожидалъ—письмо разумной, кроткой, истинно набожной женщины.

«Дорогой Іостъ»,—писала она,—«твое письмо очень испугало меня и моего мужа. Я запоздала съ отвѣтомъ, потому что Хангштейнеръ вначалѣ ни за что не позволялъ мнѣ отвѣтить тебѣ. Но я такъ долго доказывала ему, что это нашъ долгъ, какъ христіанъ, что онъ, наконецъ, согласился. Сегодня онъ самъ свезетъ это письмо въ Цвейбрюкенъ.

«Итакъ, милый Іостъ, я прощаю тебѣ твое юношеское легкомысліе, прощаю охотно, ибо для меня все-таки было большимъ утѣшеніемъ убѣдиться изъ твоего письма, что ты гораздо меньше виноватъ, чѣмъ мы съ Хангштейнеромъ думали. Я все время искала тебѣ оправданія и теперь рада, что мое чутье не обмануло меня. А теперь прошу тебя объ одномъ: Забудь, что было въ Гамбургѣ и думай, какъ мы сами думаемъ, что наша старшая дѣвочка—дочка Хангштейнера. Пока онъ живъ, не вноси въ нашъ домъ смятенія и тревоги. Только подъ этимъ условіемъ Хангштейнеръ позволилъ мнѣ написать тебѣ. Прилагаемое письмецо передай твоей женѣ. Послѣ долгой борьбы я, наконецъ, примирилась съ тѣмъ, что считаю Божьимъ велѣньемъ. Да будетъ миръ надъ всѣми вами. Аминь и привѣтъ.

Дуглора Хангштейнеръ».

Письмецо, адресованное Бигъ гласило:

«Госпожѣ Іостъ Вильди. — Ради Того, Кто умеръ за насъ на крестѣ, я Вамъ прощаю. Прощаю отъ глубины души и отъ чистаго сердца. Я изслѣдовала и провѣрила себя, какъ надлежитъ христіанкѣ. Ни единой капли злобы и обиды на Васъ больше во мнѣ не осталось. Желаю, чтобъ эти правдивыя строки вернули Вамъ счастье и душевный покой. Тогда и для меня онѣ станутъ источникомъ радости. Благослови Богъ Васъ и Іоста».

— Ты слышишь, ты слышишь, моя бѣдная Бигъ? — Припавъ головой къ блѣдному личику, утопающему въ цвѣтахъ, я рыдалъ, какъ ребенокъ. Но моя бѣдная Бигъ не слышала.

Эту маленькую записочку Дуглоры я положилъ на грудь покойницѣ и похоронилъ вмѣстѣ съ нею. Пусть она найдетъ

ее въ день воскресенія. Она похоронена недалеко отъ Тріеста, надъ самымъ моремъ, въ тѣни кипарисовъ. Послѣ ея смерти я не могъ больше оставаться въ Тріестѣ. На ея могилѣ я былъ всего два-три раза, и мнѣ все казалось, что ее зарыли живую, что мнѣ нужно освободить ее... Поздно вечеромъ я пришелъ къ ней проститься. Море и земля до самыхъ лагунъ свѣтились какимъ-то страннымъ призрачнымъ свѣтомъ. Я молился: «Господи! Если правду говорили пророки, что настанетъ день, когда твои ангелы отъ Восхода до Заката возвѣстятъ міру Судъ и Воскресеніе, когда раскроются гробы и море выброситъ своихъ мертвецовъ, день, когда всѣ мы предстанемъ предъ Страшнымъ Судомъ Твоимъ—тогда, Господи, молю Тебя, умилосердись надъ бѣдной Абигаилью. Вспомни, что половина вины ея лежитъ на мнѣ и не разлучай насъ»...

Я отломилъ зеленую вѣточку отъ кипариса, шелестѣвшаго вѣтвями надъ могилой моей милой жены, и пошелъ съ ней въ далекій міръ. Я остался воздухоплавателемъ Лео Квифортомъ изъ Мексики, но избѣгалъ городовъ, въ которомъ мы вмѣстѣ съ Бигъ поднимались на «Сатурнѣ». Мой новый шаръ звался «Кондоромъ». Съ нимъ я побывалъ и въ Тифлисѣ, и въ Тегеранѣ. Безостановочно, какъ Агасферъ, я одиноко скитался по тремъ частямъ свѣта и въ полетахъ своихъ становился все смѣлѣй и отважнѣй, полный какой-то суевѣрной увѣренности, что я все равно не упаду.

Аэронавтъ Лео Квифортъ и не падалъ ни разу—упалъ только Іостъ Вильди, задумавшій вернуться на родину.

Объ этомъ возвращеніи на родину я еще разскажу тебѣ, Гансъ. Тогда моя исповѣдь будетъ закончена.

Милосердіе Дуглоры очистило тебя отъ грѣха твоего, моя кроткая Абигаиль. Спи же спокойно у моря подъ кипарисами, отдыхай отъ великой тоски, всю жизнь терзавшей тебя. Быть можетъ, и мужъ твой скоро уйдетъ на покой. Холодный восточный вѣтеръ врывается въ комнату сквозь пробитую крышу; стужа все возрастаетъ, и колотье въ груди усиливается...

ГЛАВА XXVII.

Странствуя по свѣту, я все внимательнѣе приглядывался къ игрѣ человѣческихъ страстей, къ людскимъ заблужденіямъ, грѣхамъ и страданіямъ. Развѣ ужъ такъ неслыханно согрѣшила Бигъ? Нѣтъ, человѣкъ тысячью способовъ можетъ убить душу другого, и это повторяется сплошь и рядомъ. Но большинство, если только имъ удалось сохранить обликъ честныхъ людей, шутя и съ легкимъ сердцемъ уходятъ, не удостоивъ и взглядомъ раздавленную жертву, которая остается лежать на дорогѣ.

Абигаиль же, на мигъ отуманенная, утратившая мѣру вещей, совершивъ злое дѣло, сама истерзала себя за свой грѣхъ, терпѣла несказанныя муки. Только благородная женщина можетъ такъ страдать изъ-за другой женщины, у которой она отняла

счастье. Это постепенно примирило меня и съ ея проступкомъ, и съ ея добровольной преждевременной смертью.

Я думалъ, что я въ жизнь свою больше не дотронусь ни до одной женщины и твердо рѣшилъ это, но былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы сдержать обѣщаніе. На счастье или на несчастье себѣ, но и послѣ смерти моей жены я оставался любимцемъ. Чѣмъ это обусловливалось?

Красивыхъ, хорошо сложенныхъ, элегантныхъ мужчинъ, находчивыхъ и умѣющихъ держать себя въ свѣтскомъ обществѣ, въ большихъ городахъ и въ тѣхъ кругахъ, гдѣ я вращался— сколько угодно. Быть можетъ, тутъ играла роль моя профессія. Женщины чрезвычайно воспріимчивы ко всему необычайному и готовы отдать свое сердце храброму, даже когда мужество его чисто физическое. Даже когда я не обращалъ вниманія на нихъ, онѣ никогда не оставляли меня безъ вниманія, краснѣли и блѣднѣли при видѣ меня, дарили меня ласковыми взглядами и улыбками, льстили мнѣ, увѣряя, будто онѣ никогда не встрѣчали болѣе привлекательнаго человѣка; а тѣ, у которыхъ не хватало духу сказать это мнѣ, писали мнѣ очаровательныя раздушенныя письма, называя меня «орломъ». Всего охотнѣе я вѣрилъ тѣмъ, которыя признавались мнѣ, что не мое мужество, не сила воли, не гордый блескъ моихъ глазъ плѣнилъ ихъ, а какая-то задумчивая грусть, которая лежитъ на моемъ челѣ, когда я думаю, что за мной никто не наблюдаетъ. Это ли, или другое, но только женщинъ тянуло ко мнѣ, какъ магнитомъ. По слухамъ всѣ знали, что у меня была красавица жена, но самъ я никогда не говорилъ о ней и вообще никогда не касался моего прошлаго. Женскую любовь я пилъ полной чашей, но своего сердца не отдавалъ уже никогда. Я помнилъ о Дуглорѣ и не позволялъ себѣ воспользоваться мимолетнымъ увлеченіемъ честной женщины; помнилъ, что гдѣ-то тамъ въ горахъ у меня растетъ дочь, и никогда ни жестомъ, ни словомъ не смутилъ священнаго покоя невинности. И вспоминать объ этомъ мнѣ отрадно.

Втайнѣ я надѣялся среди многихъ женщинъ найти хоть одну, которая полюбила бы меня также нѣжно, какъ Абигаиль, и въ то же время могла бы стать мнѣ близкой душевно, ибо одна физическая любовь слишкомъ убога. Но второй Абигаили я не встрѣчалъ и началъ третировать женщинъ, любившихъ меня, свысока, и капризно, самъ иногда жалѣя обманутыхъ... Пресыщенный свѣтскими успѣхами, я началъ серьезно заниматься по зимамъ и носился съ мыслью объ управляемомъ аэростатѣ. Но скоро убѣдился, что это мнѣ не по силамъ и отказался отъ осуществленія своей идеи, затративъ на него значительную часть моего состоянія. Я убѣдился, что дирижабли не важны для человѣчества въ сравненіи съ разрѣшеніемъ болѣе серьезнаго вопроса: въ чемъ наибольшее счастье для человѣка и какъ достигнуть этого счастья и внутренняго усовершенствованія?

Жизнь—суровая школа, и въ своей карьерѣ воздухоплавателя я, наряду съ легкомысленными авантюрами, въ которыхъ потомъ всякій разъ каялся, пережилъ немало тяжелыхъ часовъ. Представь себѣ, Гансъ, какъ бы ты себя чувствовалъ, если бы ты,

поднявшись подъ облака съ пассажиромъ, увидалъ, что пассажиръ этотъ зажигаетъ спичку, чтобы взорвать шаръ, и убѣдился бы, что передъ тобой сумасшедшій — если бы этотъ сумасшедшій цѣлился въ тебя изъ револьвера, а ты, безоружный, принужденъ былъ бы бороться съ нимъ на жизнь и смерть въ шаткой корзинѣ. Правда, я уцѣлѣлъ и ухитрился связать его, но, хоть я и не трусъ, этого ужаса я не забуду. Мнѣ почти ежедневно приходилось смотрѣть смерти въ глаза, но умереть отъ руки безумнаго мнѣ совсѣмъ не хотѣлось. Въ день этой вынужденной борьбы подъ облаками я впервые вспомнилъ, что въ сущности я посвятилъ себя воздухоплаванію не столько по внутреннему влеченію, сколько изъ любви къ Бигъ и потребности заглушить въ себѣ воспоминаніе о Дуглорѣ. А затѣмъ пришли и другія мысли—о томъ, что достойнѣе и полезнѣе для людей:— карьера ли воздухоплавателя, или же скромная доля безвѣстнаго пахаря вродѣ Хангштейнера, который воздѣлываетъ и призываетъ къ жизни дикій заброшенный участокъ земли? Я начиналъ тосковать по спокойной, простой обыкновенной жизни, по безвѣстности, и Габріель Лецбергеръ, въ полномъ одиночествѣ живущій тамъ гдѣ-то на снѣжной вершинѣ въ обсерваторіи, уже не казался мнѣ такимъ глупымъ, какъ прежде.

Постепенно я пресытился и женскою нѣжностью, но зато полюбилъ глядѣть въ любопытные и сочувственные дѣтскіе глазки, и каждый разъ при этомъ меня хватала за душу щемящая соска и потребность увидѣть свое дитя тамъ въ горахъ. На кого она больше похожа—на меня или на Дуглору? Есть ли въ глазахъ ея тотъ гордый блескъ, какъ у меня? Льется ли въ жилахъ ея дикая кровь? Вѣдь я же люблю ее, я отецъ ея, неужели же я ничего не могу для нея сдѣлать?.. Такъ раздумывалъ я иногда, готовясь къ полету на глазахъ у любопытной толпы и женщинъ, флиртовавшихъ вокругъ меня.

На тридцать шестомъ году у меня пропалъ всякій вкусъ къ скитаніямъ по свѣту. Надъ Парижемъ, гдѣ я проводилъ зиму, уже снова плыли легкія бѣлыя облака, предвѣстники весны. И меня потянуло вдаль. Я рѣшилъ совершить турнэ по Нидерландамъ и городамъ, лежащимъ вдоль нѣмецкаго Рейна, вплоть до тѣхъ краевъ, гдѣ протекло мое дѣтство. А осенью, какъ чужой, какъ случайный туристъ, посѣтить родную деревню и подстеречь возможность повидать свое дитя, а, можетъ быть, издали и Дуглору. А затѣмъ аэронавтъ Лео Квифортъ перестанетъ существовать. На родину мнѣ возврата нѣтъ изъ-за Дуглоры — пусть такъ. Я уѣду за море, вернусь въ Марсиль—тамъ, можетъ быть, еще кое-кто меня помнитъ — и закончу жизнь, какъ простой обыватель.

Все это было еще не рѣшено, только намѣчено.

Какъ вдругъ пришло письмо изъ Сантъ-Якоба. Одинъ изъ тѣхъ земляковъ, съ которыми я познакомился въ Римѣ отъ имени комиссіи по устройству большой промышленной выставки, спрашивалъ меня, на какихъ условіяхъ я бы согласился провести со своимъ шаромъ лѣто въ Сантъ-Якобѣ, поднимаясь на немъ ежедневно несвободнымъ полетомъ. Какъ и всѣ аэронавты, я не

любитель несвободныхъ полетовъ, и мнѣ не хотѣлось бы приковывать моего вольнаго «Кондора» веревкой къ землѣ: но меня потянуло на родину и, съузивъ всѣ свои прочіе планы, я заключилъ контрактъ съ Сантъ-Якобомъ и въ маѣ прибылъ туда, въ качествѣ воздухоплавателя Лео Квифорта.

Всѣмъ чужой здѣсь, я тѣмъ не менѣе съ замираніемъ сердца прислушивался къ родному говору, присматривался къ знакомой мнѣ съ дѣтства жизни. Люди здѣсь простые, и говоръ ихъ не изъ красивыхъ, но для меня ихъ грубая рѣчь звучала нѣжной, давно желанной пѣснью далекихъ дней юности. Іостъ Вильди ожилъ во мнѣ и блаженствовалъ. А между тѣмъ Сантъ-Якобъ вѣдь не былъ мнѣ родиной—я родился въ долинѣ Зельмата. Я часами стоялъ на берегу озера, вглядываясь поверхъ его свѣтлолазурныхъ водъ въ другой южный берегъ и посылая привѣтъ горѣ моихъ предковъ, гордой зубчатой вершинѣ Фейерштейна, увѣнчанной короной вѣчныхъ снѣговъ. Мнѣ чудилось, что вершина эта свѣтится какимъ-то неземнымъ свѣтомъ. И въ груди моей звучали ласковые родные напѣвы...

Всего сильнѣй охватила меня тоска на третій вечеръ послѣ моего пріѣзда, еще до открытія выставки. Городъ и озеро уже окутали голубоватые сумерки, но Фейерштейнъ весь пылалъ, точно въ огнѣ. И въ заревѣ заката какъ-то особенно свѣтилась одна яркая точка—огонекъ въ окнахъ обсерваторіи... Это подѣйствовало на меня, какъ звукъ альпійскаго рога на того швейцарскаго юношу въ Страсбургѣ... Зачѣмъ мнѣ ждать осени?

Нѣтъ, я еще до открытія выставки долженъ подняться на Фейерштейнъ,—завтра же... Захваченный этой мыслью, я цѣлую ночь не сомкнулъ глазъ и уже за часъ до отхода перваго парохода стоялъ на берегу озера, отливавшаго перламутромъ. Родина, родина!.. Сейчасъ я переѣду черезъ озеро въ Туфвальдъ, тамъ позавтракаю, поднимусь на Фейерштейнъ, отдохну часокъ въ обсерваторіи, а къ вечеру еще до сумерекъ буду въ Зельматѣ. Подкрадусь неслышно къ дому Хангштейнера, загляну въ освѣщенныя окна, увижу личико и глаза моей дѣвочки и запечатлѣю ихъ въ своей душѣ, услышу, какъ Дуглора съ Готлобой набожно пропоютъ вечернюю молитву. Благословлю ихъ и тихонько уйду. За ночь доберусь до Цвейбрюкена, а утромъ сяду на поѣздъ и вернусь въ Сантъ-Якобъ, какъ разъ во время, къ началу моей работы.

Утро было тихое и теплое.

— Горы вчера были слишкомъ красивы, — толковали между собой пассажиры на пароходѣ,—надо ждать перемѣны погоды.

Какъ воздухоплаватель, я тоже зналъ это, но темный вечеръ и гроза были мнѣ какъ разъ на руку, благопріятствуя моимъ планамъ относительно Зельмата. А бояться?—мало ли я видѣлъ въ воздухѣ молній и грозъ!.. Меня неудержимо тянуло впередъ. Кровь стучала въ виски. «Вечеромъ! Вечеромъ!»—кричало неугомонное сердце. Къ полудню я добрался уже до половины горы, миновалъ уже полосу горныхъ лѣсовъ и горныя пастбища. Наверху воздухъ былъ тяжелый, удушливый; трудно было дышать. Я оглянулся. Чортъ возьми! дѣло обстоитъ хуже, чѣмъ я ожи-

далъ. Горы стояли, словно свинцовыя, облитыя страннымъ, неестественнымъ свѣтомъ; но я такъ рвался сердцемъ на родину, что забылъ всякую предосторожность. Вдали уже маячила будка обсерваторіи. Я продолжалъ подниматься.

— Вы выбрали для восхожденія на гору очень опасный день,—изумленно привѣтствовалъ меня завѣдующій обсерваторіей.—Не пройдетъ и часу, какъ разразится такая буря съ грозою, какой уже много лѣтъ не видано въ этихъ мѣстахъ. Инструменты бьются, какъ птицы въ воздухѣ и указываютъ на землетрясеніе.

Завѣдующій былъ, дѣйствительно, очень безобразенъ лицомъ, какъ предупреждали газеты, но умный, образованный человѣкъ, и, когда я сказалъ ему, что я—воздухоплаватель Лео Квифортъ, мы сразу разговорились.

— Ну, въ такомъ случаѣ, вамъ извѣстны всѣ тайны атмосферы, — засмѣялся онъ. — Я всегда охотно читалъ про ваши полеты.

— А я про васъ...—улыбнулся я.—А вѣдь я думаю сегодня еще спуститься къ Зельмату. Что вы на это скажете?

Я отдохнулъ немного, но разговаривать уже было некогда. Гроза разразилась съ ужасающей быстротой; весь западъ обложили густыя, черныя тучи; только на востокѣ вдали было еще свѣтло. Все наше вниманіе было сосредоточено на инструментахъ. Они трепетали точно отъ испуга. Электричество потоками лилось черезъ обсерваторію, трещало на полу и на крышѣ, сверкало искорками на выдавшихся впередъ зубахъ завѣдующаго: у насъ обоихъ словно мурашки бѣгали по тѣлу; телеграфные аппараты хлопали и выбрасывали искры. Блѣднѣя, я спрашивалъ:

— Хорошо ли у васъ дѣйствуютъ громоотводы?

— Хорошо,—отвѣтилъ онъ, также блѣдный, какъ полотно;— но такому испытанію они еще не подвергались. Ради Бога, г. Квифортъ, уходите отсюда—здѣсь всего опаснѣе.

Не успѣлъ онъ выговорить этого, какъ всю обсерваторію словно залило адскимъ огнемъ. Молнія огненнымъ шаромъ прокатилась по комнатѣ; у меня было такое ощущеніе, какъ будто у меня кожу содрали со спины и съ пальцевъ руки, а лицо прижгли горячими щипцами. Но я устоялъ на ногахъ и не потерялъ сознанія. Молнія погасла, даже не зажегши стѣнъ обсерваторіи, лишь оставивъ по себѣ удушливый запахъ сѣры и расплавивъ металлическія части инструментовъ. Лецбергеръ упалъ на колѣни и такъ и остался. Я поспѣшилъ ему на помощь, приподнялъ его; изъ крохотнаго обожженнаго мѣстечка на вискѣ вытекла капелька крови. Онъ еще дышалъ, но все слабѣй и слабѣй, и говорить ужъ не могъ; въ глазахъ его гаснулъ свѣтъ.

Не знаю, хотѣлъ ли я заявить въ Зельматѣ о смерти завѣдующаго, или просто мнѣ захотѣлось поскорѣе уйти съ этой вершины, сверкавшей молніями и заряженной электричествомъ, какъ лейденская банка, но только, оставивъ мертвеца, я поспѣшилъ въ долину. Возлѣ скалы, зовущейся Стопою Дьявола, меня захватила снѣжная мятель; ослѣпленный кружащимся въ воздухѣ снѣгомъ и молніями, я неудачно шагнулъ, поскользнулся на

снѣгу, упалъ, удержался за выступъ скалы, но, не находя опоры ногамъ, принужденъ былъ выпустить его, снова упалъ, долго катился внизъ, ударяясь о камни, потомъ потерялъ сознаніе. Должно быть, я нѣсколько часовъ пролежалъ въ обморокѣ... Когда я очнулся, на тѣлѣ моемъ намело порядочно снѣгу. Все мое тѣло было изранено; лѣвая нога адски болѣла — очевидно, она была вся раздроблена. То безъ сознанія, то приходя въ себя я провелъ мучительнѣйшую ночь... Чего только не передумалъ я за эту ночь!.. Я, грудью встрѣчавшій небесныя бури, упалъ, поскользнувшись на горной тропинкѣ, знакомой мнѣ съ дѣтства, со скалы, которая вовсе и не считалась опасной. Откуда-то, изъ мистическихъ глубинъ сознанія вынырнула мысль: «это духи твоихъ предковъ мстятъ тебѣ за то, что ты въ Мексикѣ отрекся отъ нихъ». Но все же мнѣ было утѣшеніемъ, что я мучаюсь въ родномъ краю.—Прости теперь, воздухоплаваніе! Пусть кто хочетъ летитъ на привязанномъ шарѣ въ Сантъ-Якобѣ.

Къ утру гроза миновала. Забрезжилъ разсвѣтъ. Волоча за собой разбитую ногу, я кое-какъ на рукахъ дотащился до дороги. Найдетъ ли меня здѣсь кто-нибудь?—Навѣрное. Не получая депешъ и отвѣтовъ отъ Лецбергера, долженъ же будетъ завѣдующій Зельматскою станціей послать людей на Фейерштейнъ—узнать, что тамъ случилось... Часы тянулись томительно. Наконецъ, около одиннадцати, до меня донесся собачій лай. Я съ трудомъ подползъ еще немного ближе къ дорогѣ. Подъ предводительствомъ твоего предшественника, милый мой Гансъ, который теперь учителемъ въ Гауенбургѣ, шли четверо крестьянъ. Они увидали меня, такъ какъ я подтвердилъ имъ, что завѣдующій обсерваторіей убитъ на мѣстѣ молніей, они сначала снесли меня полуживого, въ долину. Я умолялъ нести меня прямо въ Цвейбрюкенъ—мнѣ не хотѣлось, чтобъ меня узнала Дуглора. Но они, разумѣется, и вниманія не обратили на мою нелѣпую просьбу.

— Снесемъ его прямо къ Хангштейнеру,—рѣшили они.—Больше, вѣдь, въ Зельматѣ ни у кого и кровати лишней въ домѣ не найдется.

Такъ какъ я совсѣмъ ослабѣлъ и поминутно лишался чувствъ, я не могъ имъ противиться и очнулся уже въ домѣ Хангштейнера.

Пока не потускнѣетъ мой взоръ подъ зловѣщими тѣнями смерти, я всегда съ умиленіемъ буду вспоминать кроткое, умиротворенное женское лицо, появившееся въ дверяхъ простенькой, но уютной горницы съ деревянными, некрашенными стѣнами, скромно одѣтую по-крестьянски женщину, которая осторожно подошла къ моей постели, склонилась надо мной и, силясь выражаться литературнымъ языкомъ, спросила:

— Сударь, могу я предложить вамъ немного бульону?—И вдругъ, ложка дрогнула у нея въ рукѣ. И, пораженная, она тихонько вскрикнула:—Ради самого Бога, ты ли это, Іостъ? мой Іостъ!—И подняла къ небу поблѣднѣвшее лицо и большіе темные отуманенные глаза, словно искала защиты у Бога.

Дуглорѣ снова пришлось пережить изъ-за меня не мало волненій. Хангштейнеръ бѣсился и негодовалъ на мое пребываніе

въ его домѣ. Но я былъ слишкомъ боленъ, чтобы меня можно было вышвырнуть, или хотя бы перенести въ другое мѣсто. Мы свидѣлись съ нимъ, когда я уже ковылялъ по комнатѣ на костыляхъ. А къ этому времени милосердіе и любовь Дуглоры уже выяснили все, что оставалось между нами темнаго и невыясненнаго. Какъ ни былъ Хангштейнеръ недовѣрчивъ и подозрителенъ къ людямъ, женѣ своей онъ вѣрилъ, какъ святой. Да и какой человѣкъ могъ бы не повѣрить Дуглорѣ? Вѣдь ты зналъ ее, Гансъ, ты своими глазами видѣлъ, какимъ уваженіемъ и любовью ее окружали въ Зельматѣ. Когда мы свидѣлись, наконецъ, послѣ долгой разлуки, съ той, которая вынесла изъза меня столько страданій, ея матерински-ласковое лицо озарилось какъ бы нѣжнымъ отсвѣтомъ, послѣднимъ привѣтомъ молодости, но въ ея рыжевато-каштановыхъ волосахъ засеребрились первыя бѣлыя нити. Я съ грустью корилъ себя: это изъза тебя она посѣдѣла. Но въ кроткихъ глазахъ ея былъ отблескъ душевнаго мира—мира Господня, снизошедшаго на душу, которая сумѣла стать выше житейскихъ бурь и волненій. Ея покой былъ мнѣ священенъ. Моя любовь къ Дуглорѣ была чистой и благоговѣйной; ни одна женщина въ мірѣ не внушала мнѣ еще такого чувства, и простенькая крестьяночка, отъ щедротъ своей глубоко-религіозной и чистой души, удѣлила мнѣ много такого, чего не могли дать мнѣ женщины высшаго свѣта. И, разсказывая ей темное и бурное прошлое, я на каждомъ шагу чувствовалъ въ отвѣтахъ Дуглоры побѣждающую и соблазны міра, и смерть силу женской души, съ ранней юности проникшейся живой и дѣйственной вѣрою въ Бога.

Уже на второй день она привела ко мнѣ Готлобу—наше дитя. Сколько огня было въ этомъ живомъ, пылкомъ ребенкѣ, какой блескъ крови дикарки въ темныхъ глазахъ, какая изумительная красота, чуткость и сильная воля къ жизни, которыя бываютъ только въ дѣтяхъ, рожденныхъ отъ союза двухъ искренне любящихъ! Вначалѣ нашъ альпійскій цвѣтокъ былъ робокъ, застѣнчивъ и немного дичился меня, но прошло нѣсколько дней и недѣль, и она уже не отходила отъ чужого больного дяди и съ милымъ лукавствомъ говорила:

— Больше вы не уйдете отсюда, г. Квифортъ. А, если вздумаете уйти изъ Зельмата, я протяну веревку черезъ долину и не пущу васъ.

Подъ ея милую болтовню, глядя въ ея довѣрчивые, милые глазки, я забывалъ свои жестокія боли.

Но Хангштейнера и тревожила эта возрастающая привязанность ко мнѣ дѣвочки, и вызывала въ немъ ревность. Однажды вечеромъ, когда я уже началъ ходить, мы сидѣли съ Дуглорой на скамеечкѣ передъ домомъ, любуясь закатомъ и глядя на зеленѣющія поля моей воскресшей родины, среди которыхъ только высокій могильный крестъ на мѣстѣ обвала напоминалъ о погибшей деревнѣ.

— Іостъ,—улыбнулась мнѣ подруга моей юности,—дай Богъ, чтобы здѣсь, гдѣ прошла твоя юность, миръ снизошелъ и на твою мятежную душу.

И она стала просить меня, пока живъ Хангштейнеръ, не вносить смятенія въ сердце Готлобы и враждебности къ дѣвочкѣ въ душу ея пріемнаго отца. Я былъ глубоко обязанъ Дуглорѣ; глубоко виноватъ передъ ней; ея просьба была для меня Божіей заповѣдью; и я далъ ей обѣтъ молчать. А для того, чтобы имя «Іостъ Вильди» не вызвало въ тѣхъ, кто еще помнилъ его, воспоминаній о нашей юной любви, я остался для всѣхъ горныхъ жителей Лео Квифортомъ изъ Мексики.

Къ мірской суетѣ я вернуться уже не могъ. И, такъ какъ никто не пожелалъ занять мѣсто Габріэля Лецбергера, перваго метеоролога, убитаго молніей на снѣжной вершинѣ, я, хромой калѣка, теперь уже мало на что пригодный, съ согласія и одобренія Дуглоры поселился на горѣ моихъ отцовъ, въ качествѣ метеоролога. Я сдѣлалъ это подъ наплывомъ благодарности Богу за то, что Онъ далъ мнѣ примириться съ возлюбленной моей юности, изъ сердечной привязанности къ моей прелестной дочуркѣ и изъ любви къ странѣ, гражданиномъ которой я такъ легкомыслено отказался быть. Духи родины, навѣрное, уже не гнѣваются на меня, и ты тоже, мой покойный учитель Каспаръ, но для моего народа я остался «мексиканцемъ», загадочнымъ человѣкомъ, окруженнымъ непроницаемой тайной. И теперь, когда я, освобожденный отъ всякихъ обязательствъ, могъ бы открыто назвать себя Іостомъ Вильди у меня уже нѣтъ охоты приподнять покровъ тайны. Да и недолго уже звучать этому имени. Какъ у меня колетъ въ груди!.. Хангштейнеръ самъ уже все сказалъ моему Гансу. Я надѣюсь, что и ты, Готлоба, прочтешь эту исторію моей жизни и простишь мнѣ, какъ простила мнѣ твоя мать. Ты прочтешь ее, когда станешь взрослою женщиной. Только бы мнѣ хоть разъ до того услыхать изъ устъ твоихъ сладостное слово: «отецъ»!

Отшельническая жизнь далась мнѣ не очень трудно. Для того, кто пережилъ много жизненныхъ бурь и превратностей судьбы, въ одиночествѣ есть что-то возвышающее и чистое. Одинъ только день былъ для меня очень тягостнымъ—день похоронъ моей нѣжно любимой Дуглоры, которая три года тому назадъ скончалась послѣ недолгой болѣзни. Я не могъ отдать ей послѣдняго долга... Но зато, въ моемъ воспоминаніи она живетъ, какъ святая. И мнѣ кажется, что земной путь такъ много выстрадавшей Дуглерли былъ все же менѣе тернистымъ, чѣмъ жизнь моей блѣдной Абигаили.

А потому я останусь съ тобой, мой добрый товарищъ, моя любимая жена. Что бы ни ждало насъ тамъ, за гробомъ, я буду съ тобой, моя Абигаиль.

Вотъ исповѣдь моей жизни. Аминь—аминь—аминь!

Нѣтъ, еще одна страница—послѣдняя. Прошло три дня. Крыша надъ моимъ домикомъ стала совсѣмъ дырявая; холодъ ужасный, дрова почти вышли, и къ колотью въ груди присоединилась жестокая лихорадка. Гансъ телеграфировалъ мнѣ, что въ субботу придетъ ко мнѣ и останется до воскресенья. Я въ отвѣтъ сознался ему, какъ мнѣ приходится круто и—капитули-

ровалъ. Сегодня же Гансъ придетъ сюда съ нѣсколькими людьми, чтобы перенести меня въ долину. Я всегда былъ готовъ умереть на своемъ посту, какъ мой предшественникъ. Это было бы и достойнѣе, но прежде, чѣмъ я закрою глаза, мнѣ хотѣлось бы еще разъ взглянуть въ глаза моей Готлобы. Если это пришелъ мой послѣдній часъ, пусть она и Гансъ закроютъ мнѣ глаза. Мои звѣрюшки, вѣрные товарищи моего одиночества, тоже сойдутъ со мною въ долину,—даже моя «Ми», моя бѣлая мышка. Въ моемъ завѣщаніи они не забыты. Я привелъ въ порядокъ всѣ мои дѣла и документы, прибралъ въ обсерваторіи, насколько это было возможно, завелъ всѣ часовые механизмы, автоматически записывающихъ приборовъ — теперь пусть уже Гансъ увѣдомитъ метеорологическую станцію въ Сантъ-Якобѣ, что завѣдующій подалъ въ отставку.

Еще одна мелочь. Не знаю, кто будетъ моимъ преемникомъ. И, чтобъ не огорчать его, на всякій случай, сниму со стѣны изреченіе древняго персидскаго мудреца, висѣвшее надъ моею кроватью. Меня оно не разъ утѣшало, но юное сердце оно можетъ обидѣть.

(Если ты владѣлъ цѣлымъ міромъ и утратилъ его, не огорчайся—обладаніе міромъ—ничто; и, если ты пріобрѣлъ цѣлый міръ, не радуйся—это ничто. Мимо проходятъ и скорби, и радости; пройди и ты мимо міра—онъ ничто»).

Жизнь, поистинѣ, немногимъ болѣе можетъ дать, чѣмъ полетъ на «Сатурнѣ». Но все же я благодарю тебя, милая мать, что ты подарила мнѣ жизнь, и съ нею радость и муки любви. Если когда-нибудь погибнетъ вселенная, въ пустомъ пространствѣ все еще будетъ звучать отзвукъ саги: «Было нѣкогда чудо—женщина. И самое загадочное въ женщинѣ была—любовь. Въ добрѣ и во злѣ она была самой неразрѣшимой загадкой на землѣ и въ звѣздномъ пространствѣ».

Гансъ идетъ. Я безконечно радуюсь свиданью съ Готлобой, но растроганъ до слезъ разлукой съ тобой, моя обсерваторія, мой Фейерштейнъ.

Іостъ Вильди, метеорологъ.

Къ жизнеописанію завѣдующаго обсерваторіей Гансъ Штюнци присоединилъ еще одну страничку:

«Когда мы донесли его до дому онъ былъ уже при смерти. Готлоба, подготовленная мною, склонилась надъ умирающимъ:

— Отецъ!—шепнула она ему.—Отецъ!

Какая-то растерянная улыбка блуждала на его устахъ; онъ раскрылъ все еще прекрасные темные глаза и обнялъ Готлобу.

— Дитя мое!—выговорилъ онъ нѣжно и радостно.

— Отецъ!—повторила Готлоба.

Онъ умеръ счастливымъ и просвѣтленнымъ. Альпійскіе цвѣты Зельмата, цвѣтите, цвѣтите на его могилѣ! Правда, сердце Іоста Вильди на время озлобилось противъ родины, но безконечно сильнѣе его гнѣва была его любовь».

ВЪ НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОМЪ ВРЕМЕНИ ВЫЙДЕТЪ
ИЗЪ ПЕЧАТИ НОВАЯ КНИГА:

Филиппъ Гиббсъ

„ДУША ВОЙНЫ“

ВПЕЧАТЛѢНІЯ КОРРЕСПОНДЕНТА СЪ ЗАПАДНАГО ФРОНТА.

Переводъ съ англійскаго Е. Лохтина.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДѢЛО“

Москва, Трубная ул., д. 33, кв. 5. Телеф. 3-92-85.

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Na sniezhnoi vershinie : roman
833.91 H459N
D902914125